

Институт российской истории РАН

С.В.Тютюкин

Г.В. ПЛЕХАНОВ

Судьба РУССКОГО МАРКСИСТА

Москва РОССПЭН 1997

Издание осуществлено при финансовой поддержке Poccuйcкого гуманитарного научного фонда $(P\Gamma H\Phi)$

проект № 97-01-16192

Тютюкин С.В.

98 Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 376 с.

В книге сделана попытка показать драматические коллизии жизни и общественно-политической деятельности Георгия Валентиновича Плеханова — первого русского марксиста, выдающегося мыслителя, одного из создателей РСДРП, учителя, а затем политического оппонента Ленина. Автором привлечен большой круг документальных источников, в том числе неизвестных прежде широкому читателю.

ББК 66. 62

ISBN 5-86004-111-X

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. © Тютюкин С.В., 1997.

ВВЕДЕНИЕ

Георгий Валентинович Плеханов: жизнь после смерти

В воскресенье 9 июня 1918 г. Петроград прощался с выдающимся революционером и мыслителем, «отцом» русского марксизма Георгием Валентиновичем Плехановым. Похороны состоялись лишь на одиннадцатый день после его смерти: почти неделя ушла на то, чтобы уладить формальности, связанные с перевозкой тела покойного из отделившейся от России Финляндии, где он скончался в санатории Питкеярви близ Териок, в Петроград, а потом еще несколько дней — на организацию самой траурной церемонии. При этом возникли и затруднения идеологического порядка, поскольку Плеханов ушел из жизни, так и не признав большевистский режим и историческую правоту Ленина. Поэтому петроградские коммунисты во главе с их лидером Григорием Зиновьевым демонстративно отказались участвовать в похоронах Георгия Валентиновича, призвав рабочих последовать их примеру, т. к. покойный якобы изменил под конец жизни пролетарскому делу.

Организацию похорон взяла на себя группа «Единство», духовным вождем которой

был Плеханов, а также Собрание уполномоченных от фабрик и заводов Петрограда, где тон задавали меньшевики. В полдень состоялся вынос гроба из здания Вольного экономического общества, откуда траурная процессия начала свой длинный, семикилометровый путь к Волкову кладбищу. Здесь, на знаменитых Литераторских мостках, рядом с могилой своего великого родственника Виссариона Белинского должен был обрести вечный покой Плеханов.

Проводить его в последний путь пришли студенты, служащие, учителя, журналисты, юристы, рабочие некоторых фабрик и заводов, проигнорировавшие директиву большевистских руководителей. По оценкам очевидцев, за гробом Плеханова шло не менее десяти тысяч человек, не считая тех, кто добирался до кладбища окольными путями. В крайне политизированной обстановке того времени похороны Плеханова неизбежно должны были приобрести и некоторый оттенок антибольшевистской фронды: не случайно здесь встретились меньшевики, эсеры, кадеты и ярые сторонники самодержавия, объединенные неприятием большевизма и советской власти и видевшие в тот момент в Плеханове прежде всего непримиримого противника и одновременно жертву нового порядка. Всеобщее внимание привлекал обвитый лиловыми лентами траурный венок с надписью: «Политическому врагу — великому русскому

патриоту-социалисту Плеханову от монархиста В. Пуришкевича». И глядя на него, невольно приходило на память плехановское сравнение истории с великой «комической старухой», способной на такие шутки, которые не смог бы придумать самый талантливый сатирик.

Характерную запись сделала после смерти Плеханова в своем дневнике лично знавшая Георгия Валентиновича поэтесса Зинаида Гиппиус: «Его убила Россия, его убили те, кому он, по мере своего разумения, служил сорок лет. Нельзя русскому революционеру быть 1) честным, 2) культурным, 3) держаться науки и любить ее. Нельзя ему быть европейцем. Задушат. При царе еще туда-сюда, но теперь, при Ленине — конец» ¹. И надо сказать, что так или примерно так думала тогда не только «неистовая Зинаида», но и многие другие представители русской революционной и либеральной демократии, знавшие и об обыске в квартире Плеханова вскоре после октябрьского переворота, и о его вынужденном отъезде из красного Петрограда в Финляндию после разгона Учредительного собрания и зверского убийства анархиствующими матросами видных кадетов А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, находившихся в больнице. Поэтому прийти на похороны Плеханова значило не только отдать дань уважения его блестящему литературному таланту и богатому событиями революционному прошлому, но и продемонстрировать — пусть молча, без антисоветских лозунгов и столкновений с милицией — свое негативное отношение к большевистской диктатуре.

На Невском проспекте, у Казанского собора, где в декабре 1876 г. во время революционной демонстрации состоялось первое публичное выступление молодого Плеханова, процессия сделала короткую остановку. Здесь выступил председатель Собрания уполномоченных от фабрик и заводов Петрограда Е. С. Берг. Траурный митинг на кладбище вел видный меньшевик Б. О. Богданов, а среди ораторов были старые соратники Плеханова по революционной борьбе Л. Г. Дейч и В. И. Засулич, а также горячий почитатель и одновременно многолетний оппонент покойного А. Н. Потресов. С речами выступили и двое питерских рабочих. Церемония прощания закончилась только в семь часов вечера, когда над могилой Г. В. Плеханова вырос холм из живых цветов и многочисленных венков...

В день похорон на улицах Петрограда можно было купить небольшого формата однодневную газету на восьми страницах, которая называлась «Памяти Г. В. Плеханова». В ней были помещены материалы о его детских и юношеских годах, воспоминания А. Н. Потресова, соболезнования вдове покойного — Розалии Марковне Плехановой. Комитет по организации похорон сообщал, что

¹ Гиппиус 3. Стихи. Воспоминания. Документальная проза. М., 1991. С. 194.

5

им собрано около 13 тыс. руб. — сумма по тем временам сравнительно небольшая, поступившая от различных общественных организаций, рабочих коллективов и отдельных лиц. Кроме того, в газете были опубликованы статьи: «Плеханов как экономист», «Плеханов и мировая война», «Плеханов в Интернационале», «Учитель рабочего класса» и др. Их авторами были меньшевики А. Э. Дюбуа, С. Ю. Семковский, участник восстания на броненосце «Потемкин» К. И. Фельдман, бывший секретарь Плеханова П. Дневницкий (Ф. О. Цедербаум) и др.

Все они подчеркивали величие Плеханова как человека и политического деятеля, теоретика марксизма, выдающегося просветителя, патриота России. Говорилось и о том, что Плеханов, к несчастью, остался у себя на родине непризнанным пророком и россияне в массе своей так и не доросли в 1917 г. до понимания его глубоких и трезвых мыслей о революции и социализме. Очень хорошо написал о Плеханове меньшевик С. О. Португейс, выступавший под псевдонимом Ст. Иванович: «Горячий и страстный, порою резко нетерпимый к людям, Плеханов обладал редким терпением к законам исторического развития. Расчищая дорогу, он шел впереди истории, не отрываясь от нее, но и не таща ее за шиворот, не подталкивая ее в спину дубиной, штыком или прикладом. Он был одним из немногих в российском социализме, который умел хорошо ждать результатов исторического развития, оплодотворенного сознанием и волей организованных

масс. Он умел хорошо ждать и ждал возрождения рабочего класса и вместе с ним всей России». При этом ситуация в стране складывалась тогда так, что меньшевики и эсеры, казалось, имели реальный шанс на политический реванш за поражение в октябре 1917 г., поскольку налицо было явное разочарование части рабочих и особенно крестьян в большевистском курсе на введение «военного коммунизма». Однако жизнь вскоре показала, что большевики утвердились в России всерьез и надолго.

До Москвы известие о смерти Плеханова дошло только через пять дней, в ночь с 3 на 4 июня 1918 г. Большевистские лидеры во главе с Лениным высоко ценили заслуги покойного как одного из зачинателей социал-демократического движения в России и его видного теоретика. Знали они и о том, что с мая 1917 г. Плеханов отошел от меньшевизма и не поддерживал контактов ни с правым, ни с левым его крылом, резко критикуя Мартова, Церетели, Дана и других меньшевистских лидеров. Однако большевики не могли простить Плеханову его патриотическую позицию в годы Первой мировой войны, резкую критику Ленина и отказ видеть в октябрьских событиях 1917 г. осуществление идей Маркса в России. Поэтому в Кремле было решено недвусмысленно дистанцироваться от Плеханова-оборонца, воздав вместе с тем в сдержанных тонах должное его былым революционным заслугам перед рабочим классом, российским и международным социалистическим движением.

На состоявшемся 4 июня в Большом театре объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и ряда профсоюзных и рабочих организаций новой советской столицы слово для внеочередного выступления, посвященного памяти Плеханова, было предоставлено наркому по военным делам и председателю Высшего военного совета республики Л. Д. Троцкому — человеку, к которому Георгий Валентинович со времени первого их знакомства в 1902 г. питал глубокую личную неприязнь и который, в свою очередь, платил ему тем же. С учетом этого обстоятельства выступление Троцкого выглядело достаточно бестактным, тем более что Ленин тоже присутствовал в тот день в Большом театре и мог бы сам сказать несколько слов об одном из своих учителей и соратников по «Искре».

Троцкий напомнил присутствующим о заслугах Плеханова как теоретика марксизма, о его борьбе с большевиками и об ответных ударах, которые наносили ему сторонники Ленина. «Перед раскрытой могилой Плеханова, — сказал Троцкий, — мы, разумеется, остаемся верны своему пониманию, своей тактике, не берем назад ни одного из ударов, которые мы наносили, не требуя в то же время, чтобы и нас щадили. Но сейчас, когда в наше сознание вошел новый факт смерти, наряду с непримиримой революционной враждой ко всем, кто стоит поперек пути рабочего класса, мы ощущаем в себе достаточно

идейной широты, чтобы вспомнить сейчас Плеханова не таким, против которого мы боролись со всей решительностью, а таким, у которого мы учились азбуке революционного марксизма». Мы, коммунисты, пользовались и будем пользоваться лучшей частью духовного наследия Плеханова. «Он умер, но идеи, которые он оставил как продукт творчества лучшей поры своей жизни, бессмертны, как идея пролетарской революции», — закончил наркомвоенмор, предложив участникам заседания почтить память покойного вставанием ¹. А затем на трибуну поднялся Ленин, посвятивший свой доклад текущим политическим вопросам.

7 июня в «Правде» был опубликован некролог Плеханова, написанный председателем Петроградского совета Зиновьевым. Он же был первым и главным оратором на состоявшемся в день похорон Плеханова в здании бывшего Дворянского собрания в Петрограде траурном заседании Совета с участием представителей фабзавкомов, профсоюзов и других рабочих организаций. Выступали также А. В. Луначарский, М. И. Калинин, Д. Б. Рязанов и другие большевистские руководители. С теми или иными вариациями они повторили основные идеи кремлевского руководства, высказанные Троцким, но общая тональность их речей была теплее, человечнее и уважительнее по отношению к Плеханову, который, по словам

Луначарского, был самым талантливым из апостолов марксизма и принес в Россию это новое Евангелие революции ¹.

Таким образом, память об этом большом, но очень сложном человеке стала заложницей политики, разменной монетой в борьбе идей и амбиций, которая продолжалась затем на протяжении всего двадцатого столетия. Понятно, что летом 1918 г. хозяевами положения были большевики, диктовавшие России свое отношение к Плеханову. Уже накануне похорон на заседании Петроградского комитета РКП(б) прозвучало предложение собрать и издать лучшие произведения Плеханова по дешевой цене ², а в середине августа 1918 г. заведующий научным отделом Наркомпроса Д. Б. Рязанов подписал с Р. М. Плехановой договор о передаче этому учреждению права на издание сочинений ее покойного мужа сроком на три года (предполагалось издать работы Плеханова объемом, 160 п. л.) ³. С другой стороны, советская цензура запретила в том же 1918 г. публикацию брошюры А. Н. Потресова «Заветы Плеханова», где были плохо завуалированные выпады против большевиков. Автор, в частности, подчеркивал, что высказанная Плехановым идея национального единения всех россиян во имя европеизации и демократизации нашей страны оказалась в данное время невостребованной, но рано или поздно она победит (конечно, уже без большевиков, как легко читалось между строк ⁴).

7

 $^{^{1}}$ Литературный сборник памяти Г. В. Плеханова-революционера. Б. м., 1918. С. 30-31.

Решающее значение в те годы имело отношение к Плеханову Ленина. Оно тоже было достаточно сложным и противоречивым, но главным у Ленина был все же тезис о том, что *«нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» ⁵. В 1918 г., видимо, не без участия Ленина имя Плеханова появилось

на обелиске в Александровском саду у стен Кремля среди 19 имен выдающихся мыслителей и борцов за свободу всех времен и народов. В 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопросы об установке бюста на могиле Плеханова и выдаче его семье единовременного пособия в размере 10 тыс. франков ¹. В 1922 г. старый соратник Плеханова Лев Дейч был командирован за партийный счет в Париж, где жила тогда с дочерьми Р. М. Плеханова, для участия в обработке архива Георгия Валентиновича, перевезенного из Женевы и Сан-Ремо ². На следующий год началось издание сочинений Плеханова в 27 томах под редакцией Д. Б. Рязанова. Параллельно с этим под редакцией Л. Г. Дейча стали выходить в свет сборники «Группа «Освобождение труда». Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча». В 1923-1924 гг. были изданы первые большие аналитические работы о Плеханове и библиография его работ ³.

Именем Плеханова начинают называть улицы, высшие учебные заведения, культурно-просветительные учреждения. Казалось, что в обстановке нэпа, отхода Ленина от активной политической деятельности и усиления борьбы за власть в кремлевском руководстве намечается и определенный перелом в отношении к Плеханову. Так, появилась тенденция к сближению его с Лениным и большевизмом (это была тогда единственная возможность как-то приподнять роль Плеханова в российском революционном движении), стараниями Л. И. Аксельрод и А. М. Деборина всячески подчеркивались заслуги Георгия Валентиновича в области философии. Характерно, что, когда в 1922 г. в одном из документов Коминтерна появилась фраза «...Еще покойный Плеханов, когда он был марксистом... », в журнале «Под знаменем марксизма» было опубликовано письмо Л. И. Аксельрод и Л. Г. Дейча, которые от имени созданного еще в 1918 г. комитета по увеко-

¹ См.: Литературный сборник памяти Г. В. Плеханова-революционера. С. 23-27.

² См.: III Плехановские чтения. Тезисы докладов. СПб., 1993. С. 24.

³ См.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 129. Л. 1 -1 об. В трудных условиях Гражданской войны в 1920 г. был переиздан первый том сочинений Плеханова (работы 1878—1884 гг.), вышедший в свет в Женеве еще в 1905 г., а в 1922 выпущено сразу несколько тематических сборников произведений Плеханова («В защиту революционного марксизма», «Очерки по истории материализма», «Искусство и общественная жизнь» и др.).

⁴ См.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 211 (корректура запрещенной брошюры с авторской правкой). В конце 1918 г., когда отношения между меньшевиками и Советской властью несколько улучшились, Потресову удалось опубликовать две статьи о Плеханове (см.: Былое. 1918. № 12; Дело. 1918. № 11 — 12; в этом же номере были опубликованы статьи о Плеханове, написанные меньшевиками В. О. Левицким, П. Н. Колокольниковым, В. К. Мировым, Л. М. Пумпянским и др.).

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

вечению памяти Г. В. Плеханова выразили самый решительный протест против такой постановки вопроса, поскольку Плеханов «до гробовой доски... остался верен взглядам основателей научного социализма, усвоенным им в юности и неизменно проповедуемым в течение почти сорока лет»⁴.

Конечно, в этом движении за «реабилитацию» Плеханова были и некоторые элементы его идеализации, но в целом оно являлось вполне закономерной ответной реакцией на тот упрощенный и достаточно несправедливый подход к личности и трудам первого русского марксиста, который сложился после победы большевиков.

Впрочем, в те же самые годы главный историк-марксист СССР М. Н. Покровский, мнение которого часто было решающим, со свойственной ему категоричностью утверждал, что в результате постепенного распада марксистского мировоззрения Плеханова он уже к 1914 г. «переставал быть марксистом». По мнению Покровского, в 1905-1907 гг. Плеханов стал применять кадетскую теорию в практике политической борьбы, а затем попытался истолковать с ее помощью историю России и русской общественной мысли, превратившись якобы в идеолога «буржуазной технической интеллигенции»!.

Во второй половине 1920-х годов, по мере того как формировался культ Ленина и ленинизма и росло влияние в партии Сталина, всегда смотревшего на Плеханова с подозрением и неприязнью, наметившаяся было «оттепель» в отношении к «отцу» русского марксизма вновь сменилась резкой критикой его ошибок и идейных шатаний. В партийных верхах стало складываться убеждение, что Плеханова пора «поставить на место». В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) Сталин заявил, что после раскола РСДРП Плеханов вместе с Мартовым и Аксельродом «выпал из тележки» партийного руководства и это имело якобы большое положительное значение для будущей победы революции ². А через три года генсек дал директивную установку: «Плеханова надо разоблачить. Он всегда свысока относился к Ленину» ³. Характерно, однако, что, собирая свою личную библиотеку, Сталин поставил Плеханова в списке наиболее выдающихся марксистских мыслителей на почетное пятое место — после Маркса, Энгельса, Ленина, Каутского, но перед Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Каменевым, Лафаргом, Розой Люксембург и Радеком ⁴.

«Отец народов» вполне отдавал себе отчет в масштабах личности Плеханова и пре-

 $^{^{1}}$ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 177; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1980. Т. 11. С. 41, 460, 644; М, 1982. Т. 12. С. 302; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 229. Л. 3; Д. 232. Л. 1 (решения Политбюро ЦК РКП(б) от И и 18 ноября 1921 г.).

² См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 223; оп. 3. Д. 213. Л. 5; ф. 91. Оп. 1. Д. 176. Л. 10, 11, 18, 24.

³ См.: Вольфсон С. Я. Плеханов. Минск, 1924; Ваганян В. А. Опыт библиографии Г. В. Плеханова. М. - Пг., 1923; его же. Г. В. Плеханов: опыт характеристики социально-политических воззрений. М., 1924. В дальнейшем из-за политической «неблагонадежности» авторов все эти работы оказались в спецхранах.

⁴ Под знаменем марксизма. 1922. № 5 — 6. С. 155. «Криминал» в этом письме обнаружили лишь в 1932 г., в обстановке начатого по инициативе Сталина похода за «чистоту» марксизма-ленинизма.

красно понимал, что вычеркнуть его имя из истории русской революции нельзя. Кроме того, целый ряд эпизодов политической и творческой биографии Плеханова (полемика с народниками, Бернштейном, Богдановым, сотрудничество с Лениным в

«Искре», их совместные выступления на II съезде РСДРП) можно было неплохо использовать в интересах большевиков, включив отдельные плехановские работы в идеологический арсенал ВКП(б). С другой стороны, Плеханов — меньшевик и оборонец — явно не устраивал Сталина и его окружение, и когда издание сочинений Георгия Валентиновича подошло к 25-му тому, куда должны были войти произведения 1914 — 1918 гг., оно было в 1927 г. прекращено, тем более что возглавлявший эту работу Д. Б. Рязанов связал свою судьбу с троцкистами!. А через год на восьмом выпуске оборвалась и документальная серия «Группа «Освобождение труда».

Тем не менее в том же 1928 г. в Ленинграде был открыт Дом Плеханова как филиал Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Сюда из-за границы были перевезены личный архив Георгия Валентиновича и его огромная библиотека, что позволило создать уникальный научно-исследовательский центр в области плехановедения и развернуть большую работу по изучению и пропаганде его литературного наследия. Руководила Домом Плеханова его вдова, Розалия Марковна, которая, прожив несколько лет за границей (где она говорила, что Плеханова убили большевики), решила затем наладить контакт с советским режимом. Соглашение казалось тогда выгодным обеим сторонам: большевики получали право на монопольное распоряжение плехановским архивом и вдобавок отсекали Р. М. Плеханову от антисоветской эмиграции, а она имела теперь не только пристанище и работу, но и уникальную возможность сохранить все, что осталось от покойного мужа, и пропагандировать его труды 2.

Розалия Марковна активно участвовала в подготовке к изданию восьми томов «Литературного наследия Г. В. Плеханова» (1934 — 1940 гг.), отдельных сборников его произведений, вела большую культурно-просветительскую работу. Как могла, она защищала честь и достоинство Плеханова, хотя делать это в обстановке сталинщины становилось с годами все труднее и труднее.

Выход в свет в 1938 г. прошедшего сталинскую редактуру «Краткого курса» истории ВКП(б) на 15 с лишним лет закрепил

¹ См.: Покровский М. Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С. 6, 23; его же. Очерки русского революционного движения XIX — XX вв. М., 1924. С. 98. 2 См.: Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 369.

³ См.: Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 64-65.

⁴ Там же. С. 55.

В конце марта 1930 г. в инструктивном письме Главполитпросвета (председатель Н. К. Крупская) о пересмотре фондов массовых библиотек было дано указание изъять оттуда произведения Каутского, Плеханова, Мартова, Аксельрода и др. оппортунистов, написанные после начала мировой войны и не

переизданные в советский период. См.: Бюллетень Нарком-проса РСФСР. 1930. № И. С. 29.

² Еще 7 мая 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об ассигновании 5 тыс. золотых рублей на покупку архива Г. В. Плеханова. Переговоры с наследниками Плеханова было поручено вести полпреду СССР в Берлине Н. Н. Крестинскому, которому разрешалось увеличить указанную выше сумму по согласованию с ЦК. См.: В. И. Ленин, КПСС и партийные архивы. М., 1988. С. 102.

торит жаждой мщения и решила «усилить борьбу, но вместе с тем усилить осторожность»!

В 1939 г. вдова Плеханова уехала в Париж к дочерям, где ее застала Вторая мировая война, и в Россию больше не вернулась 2 .

Умерла она в 1949 г. Урна с ее прахом захоронена в могиле Γ . В. Плеханова на Волковом кладбище 3 .

Отвечая на обвинения Плеханова в социал-шовинизме, она писала далее: «Плеханов не был шовинистом, а социалистом-патриотом. Это он доказал своей деятельностью начиная с 1914 и кончая 1918 г. Я неоднократно писала об этом моим товарищам по редакции П. Ф. Юдину и М. Т. Иовчуку. Эта мысль, по моему глубокому убеждению, глубоко оскорбительна для памяти Плеханова, и я не могу допустить искажения его чувств и взглядов в предисловии к его произведениям. Место это нужно выкинуть во что бы то ни стало, если мои московские товарищи желают, чтобы я оставалась членом редакции. Иначе я прошу не считать меня редактором сборника, в предисловии к которому явилась вопиющая несправедливость». По поводу утверждения Ярославского, что Плеханов-меньшевик придерживался оппортунистической мелкобуржуазной точки зрения, Р. М. Плеханова возражала: это поклеп! (РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 218. Л. 13-14).

³ Хлопоты, связанные с выполнением последней воли Р. М. Плехановой, взяла на себя ее дочь, Е. Г. Бато-Плеханова, которая получила гуманитарное образование и много сделала для сохранения и пропаганды литературного наследия отца. Она передала в 1951 г. в Дом Плеханова в Ленинграде письма Георгия Валентиновича Р. М. Плехановой, а также ее воспоминания (см.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 219. Л. 26-27).

Правда, в грозном 1941 г., когда враг стоял у ворот Москвы, имя Плеханова как великого представителя русской нации и страстного патриота России было вновь взято на вооружение Сталиным и выполнявшими его волю партийными идеологами. Но этот эпизод, в сущности говоря, мало менял общую картину: в партийно-государственных «верхах» СССР к Плеханову относились примерно так же, как сам он в свое время относил-

¹ См.: III Плехановские чтения. С. 24-25.

² В фондах РЦХИДНИ хранится копия письма Р. М. Плехановой из Парижа в Москву от 27 февраля 1940 г. с возражениями на ряд положений из предисловия Е. М. Ярославского к очередному тому «Литературного наследия Г. В. Плеханова». «При всем моем уважении к тов. Сталину, — писала она, — и разделяя высокую оценку, которую заслуживает «История ВКП(б)», я вынуждена тут сказать, что вышеприведенные слова (об отношении Плеханова к гегемонии пролетариата. — СТ.) проявляют большую несправедливость и непонимание Плеханова. Плеханов не кокетничал с идеей гегемонии пролетариата — марксистским лозунгом, который он **первый** провозгласил в России..., а был ему верен до гроба и вел борьбу за осуществление этой идеи в жизнь до конца своих дней».

ся к Льву Толстому, т. е. признавали его «отсюда и досюда», безжалостно перечеркивая при этом целые страницы его интереснейшей, но совсем не простой биографии. По этому же принципу издавались в 30 — начале 50-х годов и отдельные работы Плеханова.

После развенчания Сталина старая историко-партийная концепция подверглась известному смягчению и корректировке, но не была радикально пересмотрена. Правда, столетие со дня рождения Г. В. Плеханова отмечалось в 1956 г. очень торжественно и даже удостоилось специального постановления ЦК КПСС. Был издан пятитомник «Избранных философских произведений» Плеханова (академического собрания всех его сочинений и писем нет до сих пор), более интенсивно заработал Дом Плеханова ¹, заметно возрос интерес исследователей к его жизни и деятельности.

Мы не ставим своей задачей подробно анализировать здесь достижения и недостатки советского плехановедения, но хотелось бы назвать авторов наиболее крупных исследований о Г. В. Плеханове, вышедших в свет с конца 50-х до середины 80-х годов: историков Ю. З. Полевого, Г. С. Жуйкова, И. Н. Курбатовой, Р. В. Филиппова, философов Б. А. Чагина, М. Т. Иовчука, М. А. Лифшица, И. К. Пантина, Г. Г. Водолазова, экономиста Ф. Я. Полянского, литературоведа Б. И. Бурсова и др.

В 1983—1984 гг. было широко отмечено столетие группы «Освобождение труда» (научные конференции, юбилейные публикации и т. д. 2).

«Перестройка» второй половины 80-х годов принесла с собой новую волну интереса к Плеханову. Лавинообразный процесс разрушения старых идеологических стереотипов и мифов, отказ от идолопоклоннического отношения к Ленину, радикальное изменение взглядов на марксизм, революцию, социализм не могли не сказаться и на оценках Плеханова. Сначала его акции как политического противника Ленина и большевиков резко пошли вверх:

меньшевизм уже не ставился ему в вину, а негативные оценки Октябрьской революции с восторгом повторялись в прессе в качестве аргумента в пользу его мудрости и подлинного патриотизма. Смолкли разговоры о социал-шовинизме и оппортунизме Плеханова, его теоретическом отставании от Ленина и т. д. На рубеже 80 — 90-х годов появились серьезное монографическое исследование А. С. Бережанского о переходе Плеханова от народничества к марксизму ¹, ряд публикаций И. Н. Курбатовой, С. С. Волка, Т. И. Филимоновой, несколько очерков о жизни и деятельности Плеханова, написанных ав-

¹ В 1973 — 1974 гг. при активном участии И. Н. Курбатовой были изданы три тома «Философсколитературного наследия Г. В. Плеханова» с ценнейшими комментариями, в 1965 г. — каталог библиотеки Г. В. Плеханова, в 1983 г. — избранные произведения В. И. Засулич и др.

² См.: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда». 1883—1903 г. Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984; Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984 и др.

тором настоящей книги, работа Ф. С. Коротаева «Плеханов. Человек и политик» (Пермь, 1992) и др.

Что касается постсоветского периода отечественной истории, то он характеризуется полным отрицанием нашего революционного прошлого и очернением марксизма, который, как теперь говорят, и завел Россию в нынешний исторический тупик. Поэтому сегодня на первый план выступил Плеханов-просветитель, Плеханов-патриот, Плехановпровозвестник краха большевизма и критик ленинизма. При этом пиком его политической карьеры объявляется 1917 г., когда Плеханов якобы разочаровался в революции и стал убежденным реформистом 2, хотя сам он до конца жизни считал себя революционером и социалистом, выступая лишь против несвоевременных, неподготовленных и авантюристических псевдосоциалистических переворотов, а не против революций вообще 3. В этой связи интересно мнение крупнейшего на Западе знатока биографии Плеханова и его идейного наследия американского историка С. Бэрона. Он пишет: «... Не существует простого ответа на вопрос: была ли альтернатива Плеханова лучше, чем путь Ленина. На этот вопрос нельзя ответить абстрактно, а только ссылаясь на конкретные исторические обстоятельства. В конечном итоге, т. е. с точки зрения нынешнего дня, альтернатива Плеханова может показаться предпочтительнее. Но путь, предложенный им, не был по-настоящему возможен, не был жизненным в бурной революционной ситуации 1917 г. На политической арене Плеханов был повержен Лениным и Троцким — людьми с исключительной политической интуицией, тонко понимавшими страсти, которые правят людьми, расстановку сил и исключительное значение выбора момента в революционных расчетах. В отличие от Плеханова они поняли, что невозможно запрячь в одну повозку пролетариат, обладающий классовой сознательностью, и буржуазию в «буржуазной» революции западноевро-

пейского типа, характерной для предыдущего периода. Со своей стороны, Плеханов был не менее уверен в том, что объединить пролетариат с «отсталым» крестьянством в истинно социалистической революции будет невозможно. Он считал, что нельзя, нарушая законы истории, игнорируя жизненно важные социоэкономические предпосылки, поступая произвольно, вопреки детерминизму, построить достойное социалистическое общество. Каждая из сторон восприняла лишь часть правды, и никто — всю правду. Это еще раз указывает на необходимость, которую не всегда должным образом понимают, различать как отдельные процессы совершение революции и построение нового желаемого общества. Как неоднократно показывала история, успех в первом случае ни в коей

¹ См.: Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму. Воронеж, 1990.

² См.: Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 1. С. 160-170.

³ См.: Тумаринсон В. Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. М., 1994. С. 54-55.

мере не гарантирует успеха во втором. Похоже, что в России, по иронии судьбы, успешная революция создала непреодолимые препятствия для успешного построения нового общества. Трудно найти другое великое историческое событие, которое несло бы в себе больше противоречий, чем российская революция 1917 г. ¹».

Таким образом, споры о Плеханове продолжаются и поныне, и его «жизнь после смерти» не менее насыщена коллизиями и парадоксами, чем жизнь реальная. Плеханов не сдан в архив, он остается с нами как мыслитель, политик, ученый, просветитель. Не вычеркнуть из истории и Плеханова-революционера. А это значит, что его человеческая и политическая биография по-прежнему представляет значительный интерес. Между тем биографическая литература о Плеханове очень невелика, причем две наиболее значительные работы, написанные в этом жанре, — книги американского профессора С. Бэрона ² и наших соотечественников М. Т. Иовчука и И. Н. Курбатовой ³ увидели свет соответственно более тридцати и двадцати лет тому назад. При этом книга С. Бэрона, единодушно признанная лучшей интеллектуальной биографией Плеханова и во многом ставшая в свое время откровением для советских историков, осталась не переведенной на русский язык и практически неизвестна у нас более или менее широкому читателю, а изданная в 1977 г. в серии «Жизнь замечательных людей» работа Иовчука и Курбатовой, несмотря на многочисленные достоинства (богатейшая фактография, введение в оборот новых, ранее не публиковавшихся плехановских документов, большое внимание к историческому фону, на

котором проходила жизнь героя, а также несомненная живость изложения), страдает заданностью идеологического подхода, отсутствием научного аппарата, недостаточным вниманием к последним годам жизни Плеханова. Большинство этих недостатков нужно списать на то застойное время, когда создавалась эта книга, причем И. Н. Курбатова, которая была тогда заведующей Домом Плеханова в Ленинграде, сделала максимум возможного, чтобы читатель почувствовал, какой поистине выдающейся личностью был «отец» русского марксизма. Тем не менее уже давно назрела потребность в новом, современном прочтении биографии Плеханова, которое и предлагает автор данной работы.

В центре настоящего очерка — Плеханов как человек, революционер, политик. Плеханов-ученый, прежде всего философ, должен стать предметом специального рассмот-

¹ Бэрон С. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. 1995. № 5. С. 127. 2 См.: Baron S. Plekhanov: The Father of Russian Marxism. Stanford, 1963 (второе издание — 1966 г.).

³ Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. Существует также беллетризированная биография Плеханова, охватывающая период до 1903 г. Она была написана писателем В. Д. Осиповым и издана Политиздатом в серии «Пламенные революционеры» (см.: Осипов В. Подснежник. Повесть о Георгии Плеханове. М., 1982, 1985).

рения. Особое внимание уделено нами периоду после раскола РСДРП в 1903 г., который в советской литературе освещался очень бегло и тенденциозно. Вполне естественно, что в настоящую книгу вошли лишь наиболее важные или малоизвестные факты биографии первого русского марксиста. Этот же принцип положен в основу авторского подхода к цитированию его произведений.

Автор глубоко признателен всем, кто помог ему в работе добрым советом и простым человеческим сочувствием.

ГЛАВА І

СТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Детство, отрочество, юность... Эта прекрасная и неповторимая пора, когда человек познает мир и самого себя, во многом дает ключ к пониманию каждого характера, каждой судьбы. Ведь все начинается с генотипа, семьи, окружающей среды, первых детских впечатлений и поступков, школы, товарищей. Это в полной мере относится и к нашему герою.

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября (11 декабря по новому стилю) 1856 г. в деревне Гудаловке Липецкого уезда Тамбовской губернии в семье мелкопоместного потомственного дворянина, отставного штабс-капитана Валентина Петровича Плеханова и его второй жены Марии Федоровны, урожденной Белынской. Отец по складу характера очень напоминал старого князя Болконского из «Войны и мира» Толстого. Валентин Петрович Плеханов был человеком прямым, резким, неуживчивым. По примеру своих предков он служил в армии, участвовал в 1831 г. в подавлении польского антирусского восстания, но уже в 24 года расстался с военной службой, женился (обвенчавшись тайно от родителей невесты) и стал чиновником. Однако и на гражданской службе дела у него, видимо, шли не лучше, чем в армии: Валентин Петрович часто переходил с места на место и в 39 лет вышел в чистую отставку. Последней в его послужном списке была должность старшего заседателя от дворян в Липецком уездном суде.

От первого брака у В. П. Плеханова было пятеро сыновей и три дочери (одна из них, Мария стала матерью известного большевистского наркома Н. А. Семашко). Овдовев, Валентин Петрович вторично женился на дочери скромного тамбовского чиновника М. Ф. Белынской, внучатой племяннице В. Г. Белинского. Мария Федоровна была на целых 22 года моложе своего мужа, значительно превосходила его по культурному уровню (она закончила институт благородных девиц в Тамбове) и была очень доброй и мягкой женщиной. Все ее время поглощали заботы о муже и детях. Кроме Георгия, у В. П. и М. Ф. Плехановых были умершие в раннем детстве Владимир и Евгений, доживший до 19

лет Федор и три дочери — Александра, Варвара и Клавдия. Мать сама учила их русскому и французскому языкам, арифметике, музыке. Она вносила в жизнь семьи атмосферу взаимной заботы и доброжелательности, приучала детей видеть в крестьянах таких же людей, как и их господа, развивала у своих малышей любовь к природе, тягу ко всему прекрасному. Можно смело сказать, что хорошим воспитанием,

тонкостью и несомненным артистизмом своей натуры Георгий во многом был обязан именно матери.

17

От отца он унаследовал твердый, независимый, очень самостоятельный характер, врожденную гордость, трудолюбие, привычку к строгому порядку в делах и мыслях. Георгий часто повторял отцовский завет: работать надо всегда, отдохнем, когда умрем. Даже в старости перед глазами Плеханова-младшего как живые вставали картины привольной и беззаботной жизни в Гудаловке, где отец сам учил его верховой езде и обращению с лошадьми. Отцовская фраза «Возжей не отпускай!» с тех пор крепко врезалась в память Георгия, приобрела для него расширительный, определяющий все поведение человека смысл и стала одним из главных жизненных правил.

Однако Валентин Петрович был довольно сложной натурой: раздражительный, вспыльчивый, болезненно самолюбивый, он оставался типичным помещиком-крепостником, внутренне так и не принявшим крестьянскую реформу 1861 г. Крестьяне боялись и не любили его. Говорят, что почти в каждом русском можно найти черты татарина, напоминающие о далеких временах монголо-татарского нашествия и Золотой орды. Сама фамилия Плехановых говорит об их татарских предках. Воинственность, задиристость и страстность натуры были у них, что называется, в крови: недаром Валентин Петрович и его брат Михаил, совместно владевшие доставшейся им от отца деревенькой, устраивали там настоящие «потешные бои», когда их крепостные шли стенкой на стенку. А потом Плеханов-старший мог погрузиться в «потемкинскую» хандру, становился необщительным, замкнутым, грубым. Не одобрял он и рано проявившуюся у Георгия под влиянием матери страсть к чтению, опасаясь, что книги рано «высушат мозги» мальчика. В дальнейшем некоторые отрицательные черты характера отца, к сожалению, стали проявляться и у сына, хотя благотворное материнское начало заметно смягчало его нрав.

Материальное положение Плехановых было незавидным, тем более что отцу нужно было обеспечить и детей от первого брака. Достаточно сказать, что после смерти Валентина Петровича его второй семье досталось в Гудаловке немногим более 90 десятин земли ¹. В 1867 г. Плехановы купили дом с флигелем в Липецке, причем часть комнат сдавалась внаем, чтобы пополнить скудный семейный бюджет. Таким образом, это была

типичная мелкопоместная дворянская семья, с трудом сводившая концы с концами.

Чтобы лучше представить себе ту обстановку, в которой проходило детство маленького Георгия, стоит перечитать «Записки охотника» Тургенева. Неброская красота среднерусской лесостепной полосы, крестьяне, в которых крепостной строй не убил душевную

 1 См.: Бережанский А. С. Новое о семье, в которой рос Г. В. Плеханов // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 156. 18

чистоту, природную сметку, трудолюбие, юмор, — все это навсегда слилось в памяти мальчика с образом родины. Кстати говоря, именно крестьянские ребятишки стали товарищами детских игр «Жоржи», как они переиначили на свой лад имя Жорж, которым называли Георгия дома.

Его детские годы совпали с огромными переменами в жизни России. Из разговоров взрослых Жорж Плеханов наверняка знал об отмене крепостного права, выборах в земство, появлении суда присяжных. И хотя он еще не мог понять суть и значение этих и многих других важных событий, происходивших в 60-х годах XIX в. и вошедших в историю под именем великих реформ, но зоркий глаз мальчика подмечал озабоченность и дурное настроение отца, дерзкие взгляды осмелевших крестьян, частые наезды станового. Чувствовалось, что начинается ломка всего старого уклада жизни, переоценка ценностей, изменение привычных отношений между людьми.

Георгий быстро взрослел. Он рано научился читать, ездить верхом на лошади и плавать, был смелым и выносливым. Все это очень пригодилось мальчику, когда он стал учеником Воронежской военной гимназии, где учились и его старшие сводные братья. Вначале отец решительно возражал против того, чтобы Жорж по примеру предков избрал военную карьеру. Однако 12-летний мальчик проявил характер, заявив, что не хочет быть «штафиркой», как называли тогда штатских. В 1868 г. его отдали в Михайловскую военную гимназию, открытую за три года до этого на базе кадетского корпуса в Воронеже. Напомним, что в то время в вооруженных силах России проходили важные преобразования, связанные с именем военного министра Д. А. Милютина — одного из крупнейших деятелей эпохи реформ. По его инициативе началась и либерализация системы военного образования, целью которой было улучшение качественного состава офицерского корпуса. Так, воспитанники Воронежской военной гимназии довольно углубленно занимались гуманитарными предметами, много читали, устраивали различные диспуты. Правда, уже в начале 70-х годов, с приходом нового директора, в гимназии вновь почувствовалось холодное дыхание ушедшей николаевской эпохи, что не замедлило сказаться на поведении и успеваемости будущих офицеров. И все же Георгий сумел получить здесь достаточно прочный запас знаний, выработать в себе строгую внутреннюю дисциплину, физически окрепнуть.

Хорошая домашняя подготовка позволила ему поступить сразу во второй класс. Товарищи быстро приняли юного Плеханова в свою среду: он не был тихоней, умел драться, хорошо учился сам и помогал другим. Жизнерадостный, неистощимый на выдумки Георгий предложил издавать в гимназии собственный журнал и стал кем-то вроде его главного редактора. Сначала он был одним из лучших воспитанников и неизменно получал поощрения и награды. За успехи в учебе Георгия Плеханова перевели в разряд «казенно-

коштных» учеников, находившихся на государственном обеспечении ¹. Однако к концу гимназического курса он оказался в классе уже только десятым, а по поведению имел даже оценку 8 баллов по 12-балльной системе. В декабре 1872 г. вместе с двумя товарищами Георгий был подвергнут двухдневному аресту с содержанием в карцере за чтение недозволенной литературы. Кроме того, он быстро встал в гимназии на путь атеизма, хотя дома его воспитывали в строгих христианских традициях.

Большое влияние на молодого Плеханова оказал преподаватель словесности Н. Ф. Бунаков — настоящий просветитель и гуманист, буквально преклонявшийся перед Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Некрасовым. Он привил своему одаренному ученику любовь к родному языку и литературе, научил глубоко анализировать художественные произведения. Круг чтения Георгия в гимназии был достаточно широк: Пушкин, Гоголь, Тургенев, Лермонтов, «Илиада» Гомера, потом Писарев и случайно попавшие в руки юноши произведения Герцена ². Уже в зрелом возрасте Плеханов вспоминал, как в последнем классе гимназии он читал с товарищем «Железную дорогу» Некрасова: «Едва мы кончили..., раздался сигнал, звавший нас на фрунтовое учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильным впечатлением от всего только что прочитанного нами. Когда мы строились, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ». Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память... » ³. Заметим, что Некрасов и Лермонтов на всю жизнь остались любимыми поэтами Плеханова.

В мае 1873 г. в возрасте 63 лет от горловой чахотки умер Валентин Петрович. К лету того же года относится один эпизод, позволяющий судить о характере и взглядах 16-летнего Георгия. Когда мать задумала сдать землю в аренду соседним богатым молоканам, оставив себе лишь 17 дес. и, лишив, таким образом, гудаловских крестьян возможности самим арендовать участки барской запашки, он сказал: «Мне легче сжечь всю усадьбу, чем видеть, что земля в руках чужих, а не наших крестьян». Мария Федоровна

вынуждена была вернуть щедрый задаток, а в памяти гудаловских мужиков младший Плеханов навсегда остался как их заступник ⁴. Это уже был серьезный мужской поступок, заявка на справедливость, твердость, гуманность, которая не могла идти ни в какое

сравнение с сохранившимися в семейных преданиях более ранними «героическими» поступками Γ еоргия 1 , которые свидетельствовали о его смелости, большой выдержке и самостоятельности.

В августе того же 1873 г. Георгий Плеханов поступил в Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. После Гудаловки, Воронежа и Липецка императорская столица казалась ему совершенно другим миром: прямые, как стрела, улицы и проспекты, великолепные дворцы и памятники, театры, нарядная толпа на Невском, военные парады... Однако этот официальный Петербург совсем не торопился распахнуть объятия перед бедным провинциальным искателем офицерских эполет. А рядом был Петербург Достоевского, город униженных и оскорбленных, бедного чиновного люда, фабричных рабочих, но он тоже оставался пока для Георгия Плеханова чужим и непонятным.

Спасало то, что рядом оказался близкий, родной человек — сводный брат Митрофан. Будучи на 8 лет старше Георгия, он одно время жил вместе со второй семьей отца в Гудаловке, затем учился в кадетском корпусе в Воронеже, а потом поступил в военное училище в Петербурге. К тому времени, когда Жорж появился в столице, Митрофан был уже слушателем Академии Генерального штаба. Он не просто покровительствовал младшему брату, поступившему в его родное Константиновское училище, но и искренне привязался к нему. Они жили вместе, были неразлучны в свободное от занятий время, оба увлекались теорией Дарвина. Митрофан был сильной, незаурядной личностью, отличался большими способностями и обещал стать отличным кадровым офицером. Однако летом 1876 г. он погиб при загадочных обстоятельствах в Киеве, куда его направили на службу после окончания Академии. М. В. Плеханов был найден мертвым у памятника князю Владимиру: говорили, что он либо покончил жизнь самоубийством, либо был убит на тайной дуэли из-за женщины. Для Георгия гибель любимого брата стала тяжелой, невосполнимой утратой.

Здесь уместно будет сказать и о его взаимоотношениях с другими родственниками. По детским играм в Гудаловке Георгий помнил еще двух своих сводных братьев — Николая и Григория, поступивших затем в Воронежскую военную гимназию. Бывая проездом в Тамбове, Георгий навещал также сестру Софью, жившую там с мужем-военным. Более тесными оказались его связи с родной сестрой Александрой. Она была на четыре

¹См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

 $^{^{2}}$ Памяти Г. В. Плеханова (однодневная газета). 1918. 9 июня.

³ Плеханов Г. В. Соч. Т. Х. С. 389.

 $^{^4}$ См.: Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 37.

года моложе брата, училась в Петербурге в институте благородных девиц. Жизненные

¹ Маленький Жорж попросил однажды у отца попробовать поданную к обеденному столу горчицу, не зная, что это такое. Он мужественно съел целую ложку, а когда Валентин Петрович в шутку спросил: «Дать еще?», со слезами на глазах утвердительно кивнул головой. Незаурядное самообладание проявил он и во время первой поездки верхом на лошади.

пути Саши и Жоржа еще раз пересеклись в 80-е годы, когда Плеханов был уже в эмиграции, а сестра на средства, вырученные от продажи дома в Липецке, приехала к нему в Швейцарию. Там она вышла замуж на серба Якича и вернулась с ним в Киев. Александра завязала связи с революционными киевскими кружками, была в 1883 г. арестована и, как иностранная подданная, выслана за границу, где вновь встречалась какое-то время с братом. Однако отношения их не сложились, а в конце 80-х годов следы Александры затерялись. Наконец, две самые младшие родные сестры Плеханова, Варвара и Клавдия, установили контакт с ним уже в зрелом возрасте, после революции 1905 — 1907 гг. ¹.

В Константиновском училище, не чувствуя особой склонности к военным занятиям, Плеханов много читал, интересовался литературно-критическими статьями, начал задумываться над социальными вопросами 2 .

Тесное общение с братом Митрофаном и его товарищами позволило Георгию как бы заглянуть в собственное будущее (причем в лучшем его варианте), и он пришел к выводу, что военная карьера не для него. Поэтому, проучившись всего один семестр, Плеханов подал рапорт с просьбой отчислить его из училища по состоянию здоровья. Чтобы уладить дело, от него потребовалась определенная настойчивость и даже обращение к наследнику престола, но Георгий добился своего и вернулся в Гудаловку. Нужно было поддержать мать, жизнь которой после смерти мужа стала еще тяжелее, и одновременно готовиться к поступлению в какое-нибудь гражданское высшее учебное заведение, поскольку «осесть на земле» и превратиться в захудалого провинциального помещика молодой Плеханов отнюдь не собирался.

Зима и лето 1874 г. прошли в упорных занятиях. Их прерывали лишь тяжелая болезнь Георгия (грудная жаба) и обрушившаяся на семью новая беда — пожар дома. В конце августа 1874 г. Плеханов покинул родное гнездо и опять отправился в Петербург. После успешной сдачи вступительных экзаменов по математике, химии и физике он был зачислен на первый курс довольно престижного в то время Горного института. Начиналась новая, очень важная полоса в жизни нашего героя, с головой ушедшего в занятия. Особенно захватила его химия. Кроме того, Георгий стал посещать Императорскую публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека), где с увлечением читал не только учебную литературу, но и книги по философии, истории, политэкономии, все новинки периодики.

¹ Подробнее о семье Плехановых см.: Френчер А. А. Указ. соч.; Бережанский А. С. Годы на родине //

22

Внешний облик Плеханова студенческой поры можно воссоздать по его словесным портретам, нарисованным революционерами-народниками Л. Г. Дейчем и О. В. Аптекманом ¹. Они вспоминали, что Георгий резко отличался своим внешним видом и манерами от основной массы студентов из разночинской среды, любивших демонстрировать полнейшее пренебрежение ко всем житейским «условностям», будь то одежда, походка, разговорный язык или самые элементарные нормы человеческого общения. Плеханов совсем не походил на «нигилистов»: он одевался аккуратно, хотя и без франтовства (кроме личных вкусов, здесь сказывалось и отсутствие свободных денег). Никаких темных очков, пледов внакидку, двусмысленных словечек... У него были каштановые, закинутые назад мягкими прядями волосы, небольшая бородка, смуглая, матовая кожа. Обращали на себя внимание высокий лоб, густые брови, умные, с холодноватым блеском чуть монгольские темно-карие глаза, длинные девичьи ресницы. Не очень высокий, но стройный, подтянутый, широкий в плечах и весь какой-то упругий (здесь, несомненно, сказывалась его военная выучка), Георгий имел весьма привлекательную и оригинальную внешность и не мог не нравиться женщинам.

Не по годам серьезный и сосредоточенный, Плеханов, в отличие от большинства сверстников, не спешил бросаться в водоворот столичной жизни. Главным для него были учебные занятия и чтение. Впрочем, он не был и «букой»-нелюдимом, отличался остроумием, а порой напевал модную в то время мелодию из оперы Обера «Фра-Дьяволо»: «Милые женщины, все вы изменчивы» или что-нибудь из «Прекрасной Елены» Оффенбаха.

На первом курсе Плеханов учился очень хорошо. Об этом свидетельствовали и результаты экзаменов, которые он сдавал весной 1875 г. Средний экзаменационный балл по 10 предметам составлял 4, 6 по 5-балльной системе: высшая математика — 4, 5; ботаника и неорганическая химия — 5 и т. д. Профессор химии Меншуткин, принимавший у Георгия экзамен, был просто поражен глубокими знаниями студентапервокурсника, явно выходившими за рамки институтской программы. Не давалось Плеханову только черчение — здесь у него была неизменно скромная тройка ².

В конце мая 1875 г., преодолев естественную в таких случаях неловкость, усугублявшуюся гордым и независимым характером, Георгий Плеханов обратился к директору Горного института с просьбой о назначении ему казенной стипендии. Вскоре было представ-

¹ См.: Дейч Л. Г. Молодость Г. В. Плеханова // Былое. 1918. № 13. С. 125; Аптекман О. В. Г. В. Плеханов. Л., 1924. С. 10.

² См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 9. Л. 3; Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1926. Сб.

лено и требовавшееся для этого «Свидетельство о бедности», выданное его матери, Марии Федоровне Плехановой, Липецким уездным предводителем дворянства. В итоге ходатайство студента-первокурсника было удовлетворено, и ему назначили Екатерининскую стипендию 1 .

Летом 1875 г. Плеханов приехал на каникулы в Липецк, где жила тогда мать с младшими детьми. Раскинувшийся на холмах городок весь утопал в зелени, в окрестностях было много чудесных хвойных лесов, сочных лугов, прудов и озер. Все располагало к беззаботному отдыху, дальним прогулкам, тихим, неторопливым беседам...

На втором курсе, несколько улучшив свое материальное положение, Плеханов вместе с несколькими другими студентами ² снял трехкомнатную квартиру на Кронверкском проспекте, где нашлось даже место для небольшой, но хорошо оснащенной химической лаборатории. Однако теперь Георгий все чаще отвлекался от занятий. К его товарищу-медику А. И. Успенскому заходили знакомые, связанные с народническими кружками, просили Георгия выполнить то или иное поручение, втягивали его в разговоры на политические темы.

К этому периоду относится и первая встреча Плеханова с Пинхусом (Павлом) Аксельродом, ставшим впоследствии одним из самых близких его друзей. Аксельрод был на шесть лет старше Георгия. Он рос в семье бедного еврея-корчмаря на Черниговщине, окончил гимназию в Могилеве, затем поступил в Нежинский лицей. Однако вскоре юноша забросил занятия и увлекся революционной работой. В 1872 г. Аксельрод уже руководил нелегальным кружком киевских ремесленников, а после его разгрома полицией нелегально уехал сначала в Берлин, а оттуда в Женеву, где познакомился с русскими эмигрантами-бакунистами. По поручению последних он и приехал в Петербург. Однажды Аксельрода устроили на ночевку в квартире какого-то студента Горного института. «Юноша произвел на меня приятное впечатление, — вспоминал позже Аксельрод. — Говорил он хорошо, деловито, просто и вместе с тем весьма литературно. Чувствовалась в нем большая любознательность, привычка читать, думать, работать. Этот студент был Георгий Плеханов. Он мечтал в это время окончить Горный институт и поехать за границу усовершенствоваться в химии. Мне этот план не понравился. «Это роскошь, — говорил я молодому человеку. — Если вы будете так долго совершенствоваться в химии, когда же начнете работать для революции?» ³

¹ Группа «Освобождение труда». М. -Л., 1925. Сб. 3. С. 314-315.

² Среди них были будущая первая жена Плеханова Наталья Смирнова и ее друг, студент Гриценко, которого вскоре арестовали.

³ См.: Аксельрод П. Б. Из пережитого и передуманного. Берлин, 1923. С. 156-157.

Очевидно, эти слова нового знакомого запали в душу Плеханова, который и сам все чаще задумывался над тем, как помочь народу. Реформаторская политика Александра II все больше заходила в тупик. Безжалостное подавление польского восстания 1863 г., ссылка Н. Г. Чернышевского, нежелание правительства пойти навстречу студентам, требовавшим узаконить их корпоративные права, цензурные ограничения в отношении либерально-демократической печати — все это говорило о том, что рассчитывать в ближайшее время на продолжение реформ не приходится. Ни конституции, ни парламента Россия от Александра II так и не получила. А после неудачного покушения Дмитрия Каракозова на царя (1866 г.) тенденция к усилению реакции стала совершенно очевидной. Возникал некий порочный круг: Александр II жаловался на неблагодарность народа и на срывающих реформы революционеров, а те мстили ему за нерешительность и половинчатость, усиление полицейских репрессий, за то разочарование, которое они испытали после отмены крепостного права и последовавших за этим событий.

Петербургское студенчество в те годы буквально бурлило. Весной 1873 г. началось «хождение в народ» — массовый поход радикально настроенной молодежи в деревню, достигший наибольшего размаха в следующем, 1874 г. Импульс этому достаточно широкому по тем временам движению (за участие в нем было арестовано свыше 4 тыс. чел.) дали идеи наиболее популярных тогда в России революционеров-демократов — Петра Лавровича Лаврова и Михаила Александровича Бакунина, ставших основоположниками двух самостоятельных направлений революционной социалистической мысли — лавризма и бакунизма.

Лавров призывал демократическую интеллигенцию отдать свой вековой долг народу, на средства которого она получила образование и доступ к высшим достижениям человеческой культуры. Эта идея была изложена им еще в самом конце 60-х годов в получивших большую известность «Исторических письмах», мимо которых не мог пройти ни один мало-мальски прогрессивно настроенный человек той эпохи. Пассивность народных масе остро ставила вопрос о том, что России обязательно нужны герои, способные пробудить общество от спячки и поднять на борьбу с самодержавием своим личным примером, а может быть, и ценой собственной жизни. «Нужны, — писал Лавров, — энергичные, фанатические люди, рискующие всем и готовые жертвовать всем. Нужны мученики, легенда которых переросла бы далеко их истинное достоинство, их действительную заслугу... Они станут недосягаемым, невозможным идеалом перед толпою. Но зато их легенда воодушевит тысячи тою энергиею, которая нужна для борьбы. Число гибнущих тут не важно» ¹. Сплотить, организовать и политически просветить всех

¹ Лавров П. Л. Исторические письма. СПб., 1906. С. 140-141.

недовольных существующим порядком, по мнению Лаврова, должна была достаточно массовая революционная партия, ядром которой могла бы стать радикальная интеллигенция.

Бакунин видел смысл предстоящей социальной революции в разрушении любых форм государства и замене последнего союзом свободных общин, построенных на принципах равенства и братства. В отличие от Лаврова, подчеркивавшего необходимость длительной и терпеливой пропагандистской работы революционеров, Бакунин был убежден, что народ сам знает, в чем он нуждается, потенциально всегда готов к бунту и ждет от революционной интеллигенции лишь сигнала к началу борьбы. Схема будущей крестьянской революции выглядела у Бакунина предельно просто: стоит только наладить живую бунтовскую связь между разъединенными пока крестьянскими общинами и слить разрозненные мужицкие восстания в общую народную революцию, как идея анархического, безгосударственного социализма будет воплощена в жизнь ¹. Особое значение при этом Бакунин придавал организации молодых людей, всецело посвятивших жизнь делу революции.

Развивая идеи Герцена, Лавров и Бакунин внушали молодежи мысль о том, что сохранение крестьянской общины поможет России избежать пролетаризации, безработицы, нищеты и позволит сразу шагнуть к социализму, минуя капитализм. И хотя жизнь довольно скоро обнаружила всю хрупкость и утопичность подобных надежд, идея бескорыстного служения интеллигенции народу надолго пленила воображение самой лучшей, нравственно чистой части российского студенчества.

Можно предположить, что, если бы Плеханов поступил в Горный институт на пару лет раньше, он уже в 1874 г. ушел бы в деревню. Ведь позже Георгий Валентинович писал о своих студенческих годах: «Как и все студенты-революционеры того времени, я, конечно, был большим народолюбцем и собирался идти в «народ», понятие о котором было у меня, однако, — опять-таки как и у всех студентов-революционеров того времени, — очень смутным и неопределенным. Любя «народ», я знал его очень мало, а лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне» ². Характерно, что даже во второй половине 70-х годов, когда «хождение в народ» захлебнулось и народники столкнулись с апатией, темнотой и непониманием социалистических идеалов со стороны крестьян, Плеханов тем не менее рвался в деревню и дважды пытался осуществить эту свою мечту на практике. Однако судьбе угодно было распорядиться иначе: он подошел к роковой черте, отделяющей верноподданного от революционера, тогда, когда пик «хождения в народ»

¹ См.: Революционное народничество семидесятых годов XIX века. М., 1964. Т. 1. С. 38-55.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 128.

уже миновал и наступило время более спокойно подумать о тактике движения, его задачах и наиболее эффективных методах достижения поставленной цели.

Стоит сказать и о том, что Лавров и Бакунин были далеко не единственными властителями дум студенческой молодежи 70-х годов прошлого века. Если А. И. Герцен уже казался тогда многим человеком вчерашнего дня, то обаяние идей Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева было в то время еще очень велико. Все громче звучал в публицистике и голос Н. К. Михайловского, который, хотя и с большими колебаниями, постепенно склонялся к мысли о возможности достижения народнических идеалов мирным, просветительским путем. С резкой критикой Бакунина и Лаврова выступил П. Н. Ткачев, предлагавший форсировать революцию путем организации заговора с целью захвата государственной власти небольшой группой смелых и инициативных подпольщиков.

Вряд ли нужно говорить здесь подробно об идеях Сергея Нечаева, поддерживавшего тесную связь с находившимся в эмиграции Бакуниным, хотя последний и не разделял многие его взгляды. Отметим лишь, что, несмотря на явный авантюризм и глубокую аморальность, Нечаев тоже находил в России последователей и нечаевщина не может быть автоматически исключена из идеологической панорамы 70-х годов. При этом следует подчеркнуть, что в России не было тогда чисто бакунистских, чисто лавристских или чисто ткачевских организаций, а преобладали те или иные комбинации из идей указанных выше мыслителей, что можно проследить и на примере Плеханова, который готов был и «бунтовать» народ в духе Бакунина, и заниматься пропагандой и просветительством среди рабочих в духе Лаврова.

Наконец, нельзя не сказать и о проникновении в нашу страну идей марксизма. Еще в 40-х годах XIX в. В. Г. Белинский, А. И. Герцен и члены кружка М. В. Петрашевского познакомились с некоторыми работами Маркса и Энгельса. Тогда же в Париже состоялось личное знакомство Маркса с Бакуниным и русскими публицистами Павлом Анненковым и Николаем Сазоновым. В России появились единичные экземпляры работ К. Маркса «Нищета философии» и «К критике политической экономии», «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса, русский перевод устава Международного товарищества рабочих — I Интернационала. В 1870 г. группа эмигрантов из России основала в Женеве русскую секцию Интернационала и попросила Маркса представлять ее в Генеральном совете этой международной организации. В Швейцарии были изданы переводы на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» и «Гражданской войны во Франции». Наконец, в 1872 г. в самой России был опубликован на русском языке в переводе Н. Ф. Даниельсона первый том «Капитала», изучавшийся в ряде народничес-

В определенной мере марксистские идеи оказали влияние и на формирование философско-исторических взглядов Бакунина и Ткачева, которые заявляли о своей приверженности историческому материализму, но трактовали его очень узко — в основном как «экономический материализм». С огромным уважением относился к Марксу и Энгельсу и П. Л. Лавров, который читал многие их труды, переписывался и даже лично общался с ними, хотя безоговорочным сторонником марксизма так и не стал, искренне пытаясь соединить его с народнической доктриной.

Маркс и Энгельс поддерживали связи не только с рядом русских революционеров, но и с такими выдающимися русскими учеными, как социолог М. М. Ковалевский, историк Н. И. Кареев, экономисты Н. И. Зибер и Н. А. Каблуков. Зибер, например, был последователем марксовой теории стоимости и капитала и достаточно корректно излагал основные положения экономического и философского учения Маркса. Он защищал «Капитал» от нападок со стороны русской консервативной прессы и некоторых либеральных публицистов, пропагандировал в России марксистскую диалектику.

Характерно, что уже в 70-е годы представители нарождающегося российского либерализма использовали вывод Маркса о закономерности победы капиталистического способа производства над феодальным для обоснования экономических притязаний молодой русской буржуазии, тогда как народники, наоборот, использовали ссылки на Маркса для доказательства возможности некапиталистического пути развития России. По словам известного русского революционера Г. А. Лопатина, в России нередко делали «смесь» из идей Прудона, Маркса и Дюринга ¹. Народнический публицист П. П. Червинский, выступавший в 70-х годах на страницах петербургской газеты «Неделя», откровенно признавался, например, что в своих теоретических построениях опирался на «экономическое учение немецкого еврея» (т. е. Маркса) и, в частности, на его тезис об экономических причинах смены общественных формаций. Однако Червинский был убежден, что у России всегда был и будет впредь свой, особый путь и поэтому пора прекратить смотреть на русскую жизнь «сквозь европейские очки», поскольку Россия, отставая от Запада по степени прогресса, *превосходила* его благодаря сохранению общины по *типу* социального развития ².

Таким образом, перед молодым Плехановым, который стал проявлять самый живой интерес к вопросам общественной жизни, философии, социологии, истории, открылся достаточно широкий выбор. Он мог читать работы Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Лаврова, Михайловского. Среди эконо-

¹ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М, 1967. С. 346.

мистов его внимание не могли не привлечь А. Смит, Д. С. Милль (с комментариями Н. Г. Чернышевского), книги В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук», статьи Н. И. Зибера. Читал, наверное, студент Плеханов и модного в то время философа-позитивиста О. Конта. Конечно, нам трудно сегодня с полной достоверностью очертить круг плехановского чтения студенческой поры. В какой-то степени это помогают сделать воспоминания Л. Г. Дейча 1, хотя и здесь возможны отдельные временные смещения и недостаточно точные, приблизительные сведения. Ясно одно: читал Плеханов в то время много и целена-правлено, хотя его, несомненно, сдерживало еще незнание немецкого и английского языков (французским он владел достаточно свободно), а также отсутствие многих книг в Публичной библиотеке или те ограничения, которые и в то время существовали в пользовании сочинениями «предосудительного содержания». Несмотря на то, что по темпераменту и складу характера Плеханова идеи Бакунина были ему в середине 70-х годов гораздо ближе, чем лавризм, можно с полным основанием сказать, что готовился он к будущей революционной деятельности на редкость основательно, намного обогнав в этом отношении тех своих товарищей-студентов, которые тоже стали революционерами.

Трудно переоценить и ту роль, которую сыграли в повороте Плеханова к революции его первые контакты с наиболее развитыми и политизированными петербургскими рабочими, заставившие юного студента совершенно иными глазами посмотреть на класс пролетариев. Где-то в конце 1875 г. Георгий познакомился с рабочим-металлистом С. Митрофановым, который произвел на него поистине неизгладимое впечатление. Митрофанов был на 18 лет старше Плеханова. Сын крепостного крестьянина, он с 14 лет работал на столичных заводах, был начитан, держался очень независимо, отличался критическим образом мыслей. Митрофанов знал сочинения Чернышевского, Бакунина, Лаврова и даже считал редактировавшиеся последним журнал и газету «Вперед» недостаточно революционными. Митрофанов участвовал в разных рабочих кружках, увлекался идеей создания пролетарских производственных ассоциаций и организовал в 1872 г. слесарную артель, ставшую одновременно нелегальной общеобразовательной школой, занятия в которой вели знакомые студенты. Характерно, однако, что сам Митрофанов относился к основной массе рабочих достаточно скептически, считая настоящим народом только крестьянство с его прочными моральными устоями.

Когда в начале 1876 г. понадобилась квартира для рабочей сходки, революционеры обратились к Плеханову, и он, не раздумывая, согласился. Вечером в его комнате собрались 5 — 6 революцио-

² См.: Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX —XX веков. М, 1995. С. 27.

неров-интеллигентов и несколько рабочих. Хозяина поразило тогда, как жадно тянутся рабочие к знаниям. Запомнились горячие слова рабочего Патронного завода Волкова: «Каждого из вас, интеллигентов, в пяти школах учили, в семи водах мыли, а ведь иной рабочий не знает, как отворяется дверь школы! Вам не нужно больше учиться: вы и так много знаете, а рабочим без этого нельзя!». После жарких споров сошлись на том, что нужно вести и пропаганду, чтобы постепенно расширять кругозор рабочих и поднимать их культурный уровень, и агитацию, обращаясь к пролетарским массам в связи с их тяжелым экономическим положением и политическим бесправием. Разошлись далеко за полночь, как старые, добрые знакомые ¹. Позже, в начале 90-х годов, Плеханов подробно описал все это в своих воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении», поныне сохраняющих значение как ценнейший исторический источник и своеобразная автобиография молодого студента-семидесятника, идущего в революцию.

От новых знакомых Георгия веяло душевным здоровьем, бодростью, бесстрашием. С ними можно было говорить так же просто, как со своим братом-студентом, а на тех, кто уже успел отсидеть в тюрьме, Плеханов даже смотрел снизу вверх. Поражало и многообразие их интересов: рабочий Городничий, например, трудившийся на Патронном заводе по 10—11 часов в сутки, интересовался политэкономией и химией, теорией Дарвина и социальными вопросами. Видя неподдельный интерес Георгия к «рабочему делу», бакунисты-бунтари приняли его в свои ряды, а занятия с рабочими стали отныне его революционной обязанностью. В марте 1876 г. Плеханов получил и первое боевое крещение: он был задержан, обыскан и допрошен в полиции, но за отсутствием каких бы то ни было улик отпущен на свободу.

Отношение народников к нарождавшемуся в России пролетариату и к так наз. «рабочему вопросу» было довольно своеобразным. Вот что писал об этом позже сам Плеханов: «Проникнутые народническими предрассудками, все мы видели тогда в торжестве капитализма и в развитии пролетариата величайшее зло для России. Благодаря этому, наше отношение к рабочим всегда было двойственным и совершенно непоследовательным. С одной стороны, в своих программах мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты; а с другой стороны — мы все-таки считали нужным «заниматься с рабочими» и не могли отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем наши излюбленные «поселения в народе». Но, идя к рабочим не то чтобы против воли, а, так сказать, против теории, мы, разумеется,

¹ См. Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 130-131.

30

не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл *идеей рабочего сословия*. Мы проповедовали им не социализм и даже не либерализм, а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать «буржуазные» политические права и «буржуазную» политическую свободу и ставил перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария. До этого ему приходилось додумываться собственным умом... » ¹.

Вспоминая о пропаганде народников в рабочих кружках, Плеханов особенно выделял занятия, которые вел Иван Фесенко. Это была по-своему замечательная личность: сын дьякона, он кончил духовную семинарию, потом Нежинский лицей, а в конце 1860-х годов перешел на юридический факультет Петербургского университета, но в 1873 г. бросил учебу и вместе с Д. Лизогубом уехал за границу. Через год Фесенко вернулся на родину и занялся пропагандой сначала среди сектантов, а потом среди рабочих. Он был знаком с Н. И. Зибером и идеями К. Маркса. Под его руководством в рабочих кружках Петербурга шло изучение первого тома «Капитала». Слушателем И. Ф. Фесенко был и Плеханов.

Но беседы эти продолжались лишь несколько месяцев. С отъездом Фесенко из Петербурга политэкономия была заброшена, и на первый план вышла историческая тематика (история крестьянства, бунты Разина, Булавина и Пугачева, деятельность I Интернационала). При этом в интерпретации народников-бакунистов Маркс и Энгельс оказывались злостными реакционерами, а Бакунин — героем ².

Занятия с рабочими настолько захватили Плеханова, что весной 1876 г. экзамены за второй курс он провалил, был лишен стипендии и оставлен на второй год. Летом Георгий в последний раз побывал у матери в Липецке. Приезжала вместе с ним и Наталья Смирнова, о которой уже говорилось выше и в которую Георгий был страстно влюблен. Мария Федоровна заметила огромную перемену во взглядах старшего сына, умоляла его одуматься, но тот обезоружил ее своим ответом, сказав, что она сама пробудила в нем стремление к правде и справедливости.

По возвращении в Петербург Плеханов уже почти не посещал занятия, а 25 октября 1876 г. в церкви Медико-хирургической академии состоялся скромный обряд венчания бывшего юнкера Константиновского училища (именно так было записано в свиде-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 140-141.

² Там же. С. 142.

тельстве о браке) Георгия Плеханова с курсисткой-медичкой Натальей Смирновой. Это была первая большая и, увы, безответная любовь нашего героя. Его избранница была на четыре года старше Плеханова, тоже участвовала в народническом движении и относилась к Георгию несколько покровительственно. Ее сердце было давно отдано студентуреволюционеру М. А. Гриценко, от которого Наталья ждала ребенка. Но он был арестован, и Смирнова с ужасом думала о том, что ждет ее незаконнорожденного сына или дочь, тем более что она сама была внебрачной дочерью орловского учителя А. С. Тарачкова и по собственному опыту знала, как относятся в обществе к бастардам. И когда благородный и без памяти влюбленный Плеханов предложил ей венчаться и вдобавок согласился признать будущего ребенка своим, Смирнова не устояла, хотя никакого серьезного чувства к жениху у нее не было. Родившаяся в январе 1877 г. дочь Смирновой стала Надеждой Георгиевной Плехановой 1.

Между тем в Петербурге назревало событие, которому суждено было круто изменить всю дальнейшую судьбу Плеханова. К концу 1876 г. вокруг бывшего студента Медико-хирургической академии 25-летнего Марка Натансона сложилось ядро новой революционной организации «Земля и воля», хотя окончательно оформилась она позже. Натансон был уже хорошо известен в революционных кругах своим открытым выступлением против Нечаева, участием в народническом кружке «чайковцев», трехлетней ссылкой и смелым побегом. Он соединял поразительную работоспособность с умением покорять людей и вести их за собой. Огромное значение Натансон придавал нравственной стороне революции, считая, что «пока у нас не будет великой книги об этике, мы не будем в состоянии осуществить социалистический строй» 2. Ближайшими товарищами Марка Натансона по «Земле и воле» были Александр Михайлов, Осип Аптекман, Валерьян Осинский. Стал членом этой организации и Плеханов.

«Земля и воля» стояла на платформе бакунизма. Уже само название организации красноречиво говорило об основных ее требованиях: земля — крестьянам, воля — всему народу. В качестве основных методов революционной работы землевольцы избрали устройство постоянных поселений членов организации на Дону, в Поволжье и Поднепровье, установление связей с промышленными рабочими, пропаганду и агитацию в университетских центрах. Планировалось издание собственного печатного органа и распространение прокламаций, а также установление контактов с либерально настроенными слоями общества и враждебными правительству религиозными сектами. Характерно, что землевольцы постепенно на-

¹ Подробнее о судьбе Н. А. Смирновой и Н. Г. Плехановой см.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 201; см. также: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 33.

² Цит. по: Ляшенко Л. М. Революционные народники. М., 1989. С. 44.

чинали отходить от «классического» бакунизма (сам М. А. Бакунин умер за границей в 1876 г.). Так, провозгласив своим идеалом анархию и коллективизм, они вынуждены были признать, что путь к безгосударственному общественному устройству будет достаточно долгим и на первых порах нужно стремиться лишь к максимальному ограничению власти будущего революционного правительства. Признавалось также, что время начала народного восстания будет определяться не желанием революционеров, а степенью готовности к нему самого народа и объективными обстоятельствами.

В последние месяцы 1876 г. деятельность революционеров-народников среди петер-бургских рабочих приняла уже довольно широкие размеры. Рабочие кружки возникли за Невской и Московской заставами, на Петербургской и Выборгской сторонах, в ряде других районов столицы и в ее пригородах. Рабочим страшно хотелось открыто заявить о себе перед лицом всего народа, и они предложили народникам устроить на площади у Казанского собора, т. е. в самом центре Петербурга, на Невском проспекте, политическую демонстрацию. Эта идея получила одобрение. Предполагалось собрать у собора как можно больше фабричных рабочих, прослушать революционную речь, а затем поднять над толпой красное знамя как символ борьбы и грядущей народной революции. При этом все прекрасно понимали, что дело вряд ли обойдется без столкновения с полицией и получит, таким образом, широкий общественный резонанс.

Плеханов, который считался в «Земле и воле» одним из главных специалистов по рабочему вопросу, принял живейшее участие в подготовке демонстрации и стал настоящим ее героем: ведь именно на долю двадцатилетнего студента Горного института, известного пока лишь очень узкому кругу ближайших товарищей и рабочих, выпала честь выступить 6 декабря 1876 г. с речью перед собравшимися у Казанского собора 200—250 рабочими и численно преобладавшей на демонстрации учащейся молодежью, причем речь эта, по всеобщему признанию, оказалась очень удачной.

Ее текст дошел до нас в изложении автора рукописной прокламации «Демонстрация на Казанской площади» и в виде публикации на страницах заграничного революционного журнала «Вперед», редактором которого был Лавров. Плеханов говорил на демонстрации о Н. Г. Чернышевском (на 6 декабря приходился Николин день, и участники демонстрации сначала заказали в соборе молебен за здравие раба Божьего Николая, имея в виду Чернышевского), его революционных идеях, упомянул о декабристах, петрашевцах и других революционерах, пострадавших за народное дело, вспомнил о Разине, Пугачеве и крестьянине Антоне Петрове, расстрелянном во время крестьянского восстания в селе Бездна в апреле 1861 г. «Мы собрались, чтобы заявить здесь перед всем Петербургом,

перед всей Россией нашу полную солидарность с этими людьми; наше знамя — их знамя, на нем написано: земля и воля крестьянину и работнику! Вот оно. Да здравствует земля и воля!» 1

В этот момент над демонстрантами взметнулось красное знамя. Его держал в руках 16-летний рабочий текстильной фабрики Торнтона Яков Потапов, которого товарищи подбрасывали вверх, чтобы всем собравшимся на площади было видно знамя. Речь Плеханова и появление красного знамени с выложенной на нем белой тесьмой надписью «Земля и воля» были встречены рукоплесканиями и криками: «Да здравствует земля и воля!», «Да здравствует народ, смерть царям!». Полицейские и жандармы попытались схватить оратора, но рабочие окружили его плотным кольцом. Началась свалка. Рабочий Митрофанов сдернул с Плеханова шапку, надел на него фуражку и закутал башлыком. Это не позволило полицейским и жандармам опознать Георгия, и он смог благополучно выбраться с Казанской площади.

А там уже началось настоящее побоище. На место беспорядков примчался сам градоначальник Трепов, распорядившийся хватать как можно больше народа. Городовые, передавая друг другу этот приказ, кричали: «Хватайте кого попало! Лови в очках и пледах!» Они избивали первых попавшихся под руку, тащили женщин за волосы, те отчаянно защищались, не уступая мужчинам. Всего полицией было задержано больше 30 человек, в том числе и Яков Потапов. В участке задержанные — и мужчины, и женщины — вновь были подвергнуты избиению и издевательствам. О случившемся доложили самому царю, который распорядился судить арестованных за бунт против верховной власти. Пятеро обвиняемых были осуждены на каторжные работы сроком от 10 до 15 лет, другие приговорены к заточению в крепости, третьи — отправлены в ссылку в Тобольскую губернию.

Что касается «оратора» (так стали называть Плеханова после Казанской демонстрации), то товарищи решили в начале 1877 г. нелегально переправить его на время за границу, чтобы сбить со следа полицию, настойчиво разыскивавшую молодого революционера. Вслед за мужем выехала и Н. А. Смирнова, оставив в Петербурге недавно родившуюся дочь ². Так совершенно неожиданно у супругов Плехановых получилось незапланированное свадебное путешествие, во время которого они побывали в Швейцарии, Германии и Париже.

<u>1 Революционеры 1870-х годов.</u> Л., 1986. С. 418.

² Об этом известно из воспоминаний Л. Г. Дейча и румынского революционера 3. Арборе-Ралли, который пишет, что Плеханов и его жена участвовали в революционной демонстрации в Берне (см.: Гросул В. Я. Невыясненный эпизод из биографии Г. В. Плеханова // Кодры. 1971. № 12. С. 136).

впечатления. Незнание немецкого языка, а также явное предубеждение против слишком умеренных и «законопослушных» немецких социалистов привели к тому, что почти все время в Берлине Плеханов провел в обществе русских студентов и членов крестьянской артели, приехавшей на заработки в Германию. В Париже Георгию повезло гораздо больше: здесь он часто виделся с Лавровым, познакомился с его богатейшей библиотекой. Однако уже летом 1877 г. Плеханов с помощью контрабандистов вновь тайно пересек русскую границу и вернулся на родину.

* * *

После возвращения в Россию Георгий Плеханов перешел на положение революционера-подпольщика. Летом 1877 г. окончательно оборвались и его связи с Горным институтом. 27 июня там был подписан документ, в котором говорилось, что он уволен из института «по малоуспешности. Поведения был очень хорошего». Вероятно, директор института генерал Кошкаров хотел таким образом снять с себя ответственность за оказавшегося политически неблагонадежным студента и представить его просто неуспевающим и ленивым молодым человеком. Интересно отметить, что когда летом 1918 г., уже после смерти Георгия Валентиновича, его бывший секретарь обратился в Горный институт за разрешением просмотреть архивные материалы, касающиеся пребывания Плеханова в стенах института, то ему была выдана копия приведенного выше свидетельства, в которой слово «малоуспешность» было зачеркнуто, а вместо него вписано: «За непосещение лекций» ¹.

Поскольку в столице Плеханова разыскивала полиция, он решил отправиться в провинцию, остановив свой выбор на Поволжье, где у крестьян, как казалось народникам, еще живы были воспоминания о Разине и Пугачеве. Первоначально он рассчитывал устроиться сельским учителем в Саратовской губернии.

Георгий приехал в Саратов с совершенно «чистым» чужим паспортом, но надо же было случиться, что, ожидая приема в канцелярии губернатора, он совершенно неожиданно встретил священника, знавшего в прошлом настоящего владельца документа, за которого выдавал себя Плеханов. Лишь огромное самообладание и находчи-

вость помогли ему избежать разоблачения и кое-как ответить на самые разнообразные вопросы любопытного собеседника о «родителях», «родственниках» и т. п.

35

Отказавшись от планов поездки в деревню, Плеханов несколько месяцев провел в самом Саратове, где начал вести пропаганду среди местных рабочих. Здесь его вторич-

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 315. В дальнейшем выяснилось, что уже в конце сентября 1876 г. Плеханов был исключен из института за невнесение платы за обучение. Тем не менее его фамилия была включена в экзаменационные списки студентов весной 1877 г., но на экзамены он не явился (см.: там же. Сб. 4. С. 409).

но арестовали, но Георгию снова повезло, поскольку обыск не дал никаких результатов. Тем не менее Плеханов решил не испытывать дальше судьбу, тем более что тихий провинциальный Саратов не давал большого простора для пропагандистской работы.

Вернувшись в столицу, он узнал от жены, что скоро у них будет ребенок. Георгий был счастлив, хотя и понимал, что это событие еще более осложнит его бездомную, бродячую жизнь революционера-нелегала, живущего по существу только сегодняшним днем. Сына назвали Николаем — видимо, в честь Чернышевского. Плеханов предложил отправить его в Липецк, к бабушке Марии Федоровне, но жена категорически отказалась это сделать. Вскоре маленький Николенька заболел и умер. Трагическая ситуация еще более обострилась после того, как на горизонте опять появился бывший возлюбленный Натальи Александровны. Старая любовь вспыхнула с новой силой, и Георгий оказался в положении третьего лишнего. Смерть ребенка, обида на ушедшую от него жену!, постоянные скитания, нужда — все это словно нарочно соединилось вместе, чтобы испытать Плеханова на человеческую и мужскую прочность. Он выдержал все, но в сердце надолго осталась глубокая, незаживающая рана.

В самом конце декабря 1877 г. состоялось второе публичное ■ выступление Плеханова — на этот раз на похоронах поэта Н. А. Некрасова. Его глубоко гражданственная, проникнутая любовью к народу поэзия была очень близка и Плеханову, и всем землевольцам. Поэтому, когда в организации возникла идея принять участие в прощании с покойным поэтом, возложить венок на его гроб и поручить одному из революционеров произнести у могилы краткую речь, Георгий одобрил этот план и согласился выступить на петербургском Новодевичьем кладбище. Вместе с другими участниками траурной процессии он пешком прошел весь путь от дома Некрасова до кладбища. Был холодный ветреный день, и все изрядно промерзли. После церемонии церковного отпевания начались речи. Одним из выступавших был Ф. М. Достоевский. Когда он сказал, что Некрасов должен стоять в истории русской литературы прямо

Много лет спустя, за несколько месяцев до смерти, Георгий Валентинович написал воспоминания об этом своем выступлении. «... Я начал свою речь замечанием, что Некрасов не ограничился воспеванием ножек Терпсихоры, а ввел в свою поэзию гражданские мотивы, — писал он. — Намек был совершенно ясен. Я, в свою очередь, имел в виду Пушкина. И само собой разумеется, что я был кругом неправ перед ним... Но тако-

Т Когда падчерица Плеханова Надежда встретилась с ним в 1906 г. в Женеве, он сказал, что ее мать ушла от него сама (РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 201. Л. 13). Наталья Александровна до самой своей смерти в 1922 г. носила фамилию Плеханова и дала ему развод только в 1908 г. От революционного движения Н. А. Плеханова отошла.

вслед за Пушкиным и Лермонтовым, из толпы послышались крики: «Он был выше их». Затем слово попросил неизвестный молодой человек. Это был Плеханов.

во было наше тогдашнее настроение. Все мы в большей или меньшей мере разделяли взгляд Писарева, который «разнес» нашего великого поэта... Я потому здесь привел это место своей речи, что мне захотелось покаяться: лучше поздно, чем никогда» 1.

Но чувство вины, о котором писал в 1917 г. Плеханов, пришло к нему много позже. А пока автор «Размышлений у парадного подъезда» и «Железной дороги» действительно стоял для него выше Пушкина. Речь молодого революционера прозвучала искренне, смело, в ней были и скорбь утраты, и гнев на тех, кто преследовал поэта и отравлял ему жизнь, и вера в то, что народ, за который болело сердце Некрасова, обретет, наконец, желанную свободу.

Пока Плеханов говорил, его окружало плотное кольцо вооруженных товарищей, готовых в любую минуту защитить оратора. Как и год назад у Казанского собора, городовые пытались задержать Плеханова, но он быстро затерялся в толпе, снова ускользнув от стражей порядка.

После возвращения из Саратова получили дальнейшее развитие и контакты Плеханова с петербургскими пролетариями. На рубеже 70 —80-х годов XIX в. в столице было около 150 тыс. рабочих, на долю которых приходилась уже почти шестая часть населения города. В Петербурге преобладали чугунолитейные, машиностроительные и военные заводы, а также текстильные фабрики. Среди них было немало крупных предприятий, где от зари до зари трудились тысячи рабочих. Положение их было несколько лучше, чем в других городах страны, но и в Петербурге условия труда и быта рабочего человека стабильно оставались очень тяжелыми. Достаточно сказать, что рабочий день продолжался здесь в среднем от 10 до 13, а на текстильных фабриках — от 13 до 15 часов. Рабочих буквально душили штрафы. В конце 70-х годов под влиянием экономического кризиса и депрессии свыше 20 тыс. петербургских рабочих потеряли работу. Ситуация усугублялась их полным политическим бесправием.

Но терпение рабочих не было беспредельным. С 1870 по 1880 г. в Петербурге и его пригородах произошло около 90 стачек, что

составляло примерно четверть всех забастовок и волнений в России. Появился целый слой социально активных, грамотных рабочих, из которых вырастали пролетарские вожаки. По сравнению с крестьянством рабочие вели себя гораздо активнее, а неудача «хождения в народ» еще больше подогрела интерес революционеров к городскому пролетариату, жившему в больших городах довольно плотной, компактной массой и сравнительно легко поддававшемуся революционной пропаганде. Поэтому народники решили направить часть своих сил и средств на работу в пролетарских районах Петер-

¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 2. С. 208-209.

бурга, тем более что это не противоречило их доктрине, рассматривавшей рабочих как передовую часть крестьянства, на которое они возлагали все свои надежды.

Плеханов стал бывать теперь непосредственно на предприятиях, беседовал с рабочими и даже принимал участие в организации некоторых забастовок. 7 декабря 1877 г. на казенном Патронном заводе, расположенном на Васильевском острове, по вине начальства из-за несоблюдения элементарных правил хранения пороха произошел взрыв. Шестеро рабочих погибли, несколько человек было изувечено. Завод заволновался, и народники, у которых на Патронном был свой кружок, решили придать предстоящим похоронам погибших характер демонстрации. Первым шагом в этом направлении стал выпуск нелегальной прокламации, которую написал Плеханов.

Выступая год назад у Казанского собора, он впервые попробовал свои силы в качестве агитатора, который обращается уже не к нескольким членам революционного кружка, а к сотням рабочих. Дебют прошел удачно. Теперь предстояло решить не менее сложную задачу: нужно было найти очень простые, ясные и вместе с тем страстные слова, в которых звучали бы боль, гнев, призыв к борьбе. И Плеханов нашел их. В листовке разоблачались истинные виновники взрыва — заводская администрация, говорилось о том, что существующая система штрафов — это настоящий грабеж рабочих. Воззвание заканчивалось призывом: «Рабочие! Пора вам самим взяться за ум: помощи ждать вам не от кого! Не дождетесь вы ее от начальства! Долго ждало помощи от него крестьянство и дождалось кочек да болот, да податей еще тяжелее, еще больше прежнего! Долго терпели и вы и дождались того, что вас жгут живьем и пускают по миру ваши семьи! Долго ли еще будешь терпеть ты, рабочий народ?» 1

Листовка была отпечатана и разбросана на территории Патронного и некоторых других заводов. В день похорон, 9 декабря 1877 г. хорошо вооруженная группа народников-бунтарей, в которой были Плеханов, Осинский и еще несколько революционеров, пришла к заводским воротам, где уже собралась большая толпа.

Однако настроение рабочих, стоявших в каком-то горестном оцепенении, исключало возможность проведения митинга. Жестокий мороз, как вспоминал потом Плеханов, еще больше охлаждал революционный порыв землевольцев. Кто-то даже сказал: «Нет, господа, революцию нужно делать летом, в этакий холод никого не расшевелишь». Вдобавок траурное шествие все время сопровождала полиция. И все же у свежих могил на Смоленском кладбище прозвучала короткая страстная речь, произнесенная одним из рабочих. А когда его попытались арестовать, взволнованная и как будто проснувшаяся толпа буквально отбила своего товарища у полиции.

 $^{^{\}overline{1}}$ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 380-381. 38

В жизни трагическое часто соседствует с комическим. Когда уже после похорон толпа насела на околоточного (у него вырвали свисток и несколько раз сильно толкнули),
полицейский стал кричать, что видел своих обидчиков в прошлом году на площади у
Казанского собора. «Очень приятно встретиться со старым знакомым, — со смехом ответили революционеры, — надеемся, что это не в последний раз». Дружный отпор, данный рабочими Патронного завода полиции, сильно взбодрил как самих рабочих, так и
народническую интеллигенцию. Как писал позже Плеханов в своих воспоминаниях
«Русский рабочий в революционном движении», события на Патронном заводе доказали, что «даже не затронутые пропагандой рабочие вполне способны к решительному и
единодушному действию и в подходящую минуту не испугаются союза с «бунтовщиками Казанской площади», т. е. с революционерами. Нам нужно было только не упускать
таких минут, чтобы обеспечить себе сочувствие рабочей массы» ¹.

Благоприятный случай не замедлил представиться. В марте 1878 г. из-за снижения расценок забастовали рабочие-текстильщики с Новой бумагопрядильни на Обводном канале. По наивности они пытались обратиться за помощью к полиции и даже к наследнику престола, но к делу быстро подключились революционеры. Среди либерально настроенной интеллигенции и студенчества был организован сбор средств в фонд помощи семьям бастующих. Затем решили обратиться за поддержкой к рабочим соседних заводов, и Плеханов написал воззвание с призывом помочь в трудный час братьям по классу с Новой бумагопрядильни. Пока рабочие будут действовать врозь, до тех пор они останутся в кабале, говорилось в листовке. Вместе вы сила, а в одиночку вас обидит каждый городовой. «Ведь и вы не в раю живете, — продолжал автор прокламации, — и вам, может, придется считаться с хозяином... Так и помогай друг дружке, — на людях и смерть красна» ².

Листовка была отпечатана в тайной типографии «Земли и воли» и доставлена на фабрику. В ходе стачки полиция задержала не-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 158-161.

² Литературное наследие Γ . В. Плеханова. Сб. 1. С. 382.

скольких рабочих и революционеров. Арестовали 7 марта **1878 г.** — уже в третий раз! — и Плеханова. И снова ему повезло, т. к. никаких прямых улик против него не было. «Арест мой продолжался всего один день, — писал он в своих воспоминаниях. — В качестве «нелегального» я имел недурной паспорт и носил ничем не запятнанное в глазах полиции имя какого-то почетного гражданина. Меня выпустили, обязав подпиской о невыезде» ¹. Что касается рабочих, то после двухнедельной стачки они вынуждены были приступить к работе. Большую роль сыграли при этом и полицейские репрессии — аресты и обыски. И хотя революционеры, действовавшие в духе учения Бакунина, ниче-

го не говорили рабочим о необходимости борьбы за политическую свободу, те же на собственном горьком опыте приходили к выводу, что власти и хозяева всегда заодно.

Опубликованная без подписи в газете «Новости» заметка Плеханова с информацией о ходе забастовки на Новой бумагопрядильне стала его первым выступлением в легальной печати. В народнических кругах он заслуженно пользовался теперь репутацией опытного специалиста по «рабочему делу», а сами рабочие любовно называли его «орлом». Георгий, несмотря на свою молодость, уже научился находить с ними общий язык, понимал их психологию, да и сам в соответствующей одежде легко мог сойти за мастерового. Однако отношение Плеханова к пролетариату еще вполне укладывалось в то время в традиционную народническую схему: рабочий — это фактически полукрестьянин, и важен он не сам по себе, а прежде всего как союзник главной революционной силы - крестьянства.

Огромное впечатление произвел на Плеханова рабочий Степан Халтурин, с которым он был знаком еще со времен событий на Патронном заводе в декабре 1877 г. Это был настоящий русский талант-самородок, человек редкой душевной красоты и обаяния, соединявший в себе качества блестящего организатора, пропагандиста и агитатора. Ровесник Плеханова, высокий, красивый, сильный, Степан своим внешним видом и манерами напоминал скорее образованного парижского увриера, чем русского мастерового. Вместе с тем было в нем что-то и от крестьянина нашей средней полосы, и от студентаразночинца. Получив образование в вятской земской школе, Халтурин совсем было собрался ехать «за счастьем» в Америку, но застрял в Петербурге и стал столяром. Он быстро свел знакомство с интеллигентами и студентами, начал читать серьезные книги и толстые журналы. Не по годам рассудительный и основательный в суждениях, Степан отличался какой-то особой душевной мягкостью, стеснительностью, всегда заботился о товарищах. В 1878 г. Халтурин стал одним из основателей «Северного союза русских рабочих», ставившего перед рабочими не толь-

ко социальные, но и политические задачи — свержения самодержавия и завоевания демократических свобод. В глазах Плеханова Халтурин стал символом передового русского рабочего, олицетворением всего лучшего, что было в человеке труда.

Совсем другими красками нарисовал Плеханов в своих воспоминаниях образ еще одного рабочего вожака — Петра Моисеенко, ставшего позже руководителем знаменитой Морозовской стачки 1885 г. В конце 70-х годов, когда с ним познакомился Плеханов, Моисеенко был еще совсем молодым, 26-летним парнем. «Прекрасный малый, очень неглупый, деятельный и энергичный», как писал о нем потом Плеханов, Моисеенко

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 168.

(подпольная кличка Иван) «имел страстишку выставиться и порисоваться», что ставило его иногда в довольно смешное положение. Так, однажды Моисеенко вздумалось прочитать бастующим рабочим лекцию о прибавочной стоимости. Естественно, затея эта закончилась полным провалом, но Моисеенко унывал недолго и уже на следующий день устроил очередную «забаву» — боевой смотр забастовщиков, который сильно поднял настроение рабочих и явно пошел на пользу дела ¹.

Между тем народническое движение набирало силу. Большой общественный резонанс получил закончившийся в январе 1878 г. так называемый процесс 193-х, по которому проходили участники «хождения в народ», арестованные еще в 1874 г. (И. Н. Мышкин, П. И. Войнаральский, Ф. В. Волховский, С. Ф. Ковалик, С. С. Синегуб, Д. М. Рогачев и др.). Как вспоминал Плеханов, в Петербургском университете, Медикохирургической академии, Технологическом институте состоялись многолюдные сходки, на которых выступали члены «Земли и воли». Примерно в это же время, 24 января 1878 г. на всю Россию прогремел выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова, ставший ответом революционеров на его распоряжение о наказании розгами политического заключенного, землевольца Боголюбова. Ликованию прогрессивной русской общественности не было конца, когда суд присяжных 31 марта вынес Засулич оправдательный приговор и она прямо в зале суда была освобождена из-под стражи.

В связи с окончанием этого судебного процесса Плеханов написал по поручению руководителей «Земли и воли» обращение «К русскому обществу». Мы приглашаем учащуюся молодежь, говорилось в нем, приглашаем все партии, кроме партии кнута и палок, соединиться в одном общем и дружном натиске для приобретения своих издавна попираемых политических прав, для защиты своих свободомыслящих сограждан от тюрьмы, русского народа — от поголовного разорения, русской науки и мысли — от жалкой и бесславной смерти под рукой цензора-палача ². Прокламация, напи-

санная Плехановым, была отпечатана в апреле 1878 г. в нелегальной типографии землевольцев. Ее текст свидетельствовал о том, что гражданские мотивы начинали все громче звучать в агитационно-пропагандистской литературе русских революционеров, предвещая начало нового, «политического» этапа в развитии народнического движения.

Характерно, что в той же прокламации прозвучал призыв к единению всех противников самодержавного режима, будь то революционеры или либералы. И не случайно через 10 лет, набрасывая тезисы передовой статьи для сборника «Социал-демократ», который готовила к печати марксистская группа «Освобождение труда», Плеханов вспомнил об этой прокламации, предложив объединить усилия всех, кто готов идти под лозунга-

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 162-163.

² Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. С. 384.

ми «Долой абсолютизм! Да здравствует политическая свобода!» ¹.

Кроме того, в нелегальной типографии «Земли и воли» было напечатано, по воспоминаниям Плеханова, множество других воззваний, в том числе написанное им обращение учащейся молодежи к министру юстиции графу К. И. Палену ². В нем приводились факты преследования людей за социалистические убеждения и сочувствие народу, плохого обращения с политическими заключенными. Студенты прямо ставили министру вопрос: признает ли он в отношении социалистов то, что называется неотъемлемыми правами личности, или русское правительство и впредь будет расправляться с ними так, как турецкие башибузуки с подвластными им болгарами ³.

По свидетельству О. В. Аптекмана, весной 1878 г. Плеханова привлекли и к редактированию окончательного варианта программы «Земли и воли». При этом он провалил два предложения Валериана Осинского, принятие которых имело бы далеко идущие для революционеров последствия: об экспроприациях на нужды революции и о допустимости «самозванства» при организации народных боевых дружин ⁴. Дело в том, что в 1877 г. народник Яков Стефанович попытался создать в Чигиринском уезде Киевской губернии тайную дружину из крестьян, объявив им, что делает это якобы по поручению самого царя Александра II, и предъявив подложную «Высочайшую тайную грамоту» с призывом объединяться и готовиться к восстанию. Однако Чигиринский заговор был раскрыт, и все предприятие, основанное на монархических иллюзиях крестьянства и явной мистификации в духе Нечаева, рухнуло. Тем не менее многие революционеры находили саму идею Стефановича довольно удачной, против чего и восстал Плеханов.

Вместе с тем он по-прежнему мечтал о работе в деревне. Характеризуя настроение, царившее тогда в кругах революционной молодежи, Плеханов позже вспоминал: «Жажда деятельности и борьбы пробуждалась в самых мирных людях, и не было революционного предприятия, для исполнения которого не нашлось бы немедленно многих и многих охотников» ¹. Росли и ряды «Земли и воли». В нее вступили Сергей Кравчинский, Николай Морозов, Софья Перовская, Вера Фигнер, Андрей Желябов и многие другие.

Летом 1878 г. Плеханов отправился на Дон. Здесь начались тогда волнения казаков в связи с введением земского самоуправления и ограничением свободного пользования лесами и рыбной ловли. Казаки отказывались от выборов земских гласных и уплаты земских сборов, прогоняли землемеров, посылали ходоков к наследнику престола с просьбой отменить земства и возвратить казачеству его традиционные права. Нашлись

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. Т. I. С. 40.

² См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 166.

³ См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. С. 381.

⁴ См.: Аптекман О. В. Г. В. Плеханов. Л., 1924. С. 22.

и горячие головы, готовые поднять казацкое восстание. Плеханову казалось, что активное вмешательство революционеров-землевольцев может стать той искрой, от которой вспыхнет весь Донской край, где хорошо помнили Разина, Булавина, Пугачева. Поэтому он решил составить текст обращения к казачеству от имени «Земли и воли», отпечатать его массовым тиражом в Петербурге и заодно получить там подкрепление для расширения масштабов революционной работы на Дону.

Был составлен текст воззвания «Славному войску казацкому — донскому, уральскому, кубанскому, терскому и пр. и пр. » Революционеры советовали казакам требовать от царя грамоты с подтверждением их древних прав, добиваться отмены земств, а в противном случае — отказываться от присяги на верность престолу и на силу отвечать силой. В заключительной части воззвания прямо ставился вопрос о том, что казаки опозорят себя, если не вернут прежних вольностей ².

Однако в Петербурге Плеханова ожидали тревожные новости. «Земля и воля» была обескровлена арестами. Реальных сил для развертывания работы на Дону пока не было, а самому Плеханову предложили остаться в столице и сосредоточиться на восстановлении центральной землевольческой организации. Основная тяжесть этой опасной, сугубо конспиративной работы легла на плечи Александра Михайлова («Дворника») и Плеханова, которые особенно сблизились в этот трудный для «Земли и воли» период.

«Дворник» был всего на год старше Плеханова, но успел уже стать настоящим виртуозом подпольной работы. Все свои силы и время А. Д. Михайлов отдавал «Земле и воле» и чем-то напоминал Рахметова из романа Чернышевского «Что делать?», так что Плеханову, при всех его спартанских привычках и огромной самодисцип-

лине, пришлось признать явное превосходство товарища по части самоограничения и строгого пуританизма. Однажды на конспиративной квартире, где жили Михайлов и Плеханов, произошел комический случай. Квартирная хозяйка зашла к своим постояльцам, чтобы согласовать с ними обеденное меню. Михайлов, заикаясь, попросил приготовить, как всегда, «каши-и-цу, да пожи-и-же», а Плеханов вдруг выпалил: «А мне бифштекс». Совершенно потрясенный подобным «бунтом», Александр вынужден был растерянно пробормотать, что в таком случае он тоже съест, пожалуй, бифштекс. Долго потом вспоминали революционеры-подпольщики этот свой незапланированный «пир» 1.

Благодаря поистине самоотверженной работе Михайлова и Плеханова землевольцы сравнительно быстро оправились от понесенных потерь и уже в конце 1878 г. сумели наладить издание нелегального журнала «Земля и воля». Его редакторами стали Д. А. Клеменц, Н. А. Морозов и Г. В. Плеханов. Вскоре по настоянию Михайлова, который

13

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 166.

² См.: Литературное наследие Γ . В. Плеханова. Сб. 1. С. 390.

считал, что по заданию организации даже самый бесталанный революционер может написать не то что журнальную статью, но, если нужно, и стихи, Плеханов тоже взялся за перо.

Плеханова «С Новой бумагопрядильни» и «Каменная станица» (о событиях на Дону, свидетелем которых ему пришлось стать летом того же года). В начале 1879 г. в третьем и четвертом номерах «Земли и воли» были опубликованы заметки Плеханова о стачках на петербургских предприятиях и окончание «Каменной станицы». Позднее он пояснил, что материалы о рабочем движении в столице были собраны им непосредственно на местах событий. Очевидно, Плеханов имел самое прямое отношение и к выпуску печатавшихся в тайной типографии «Земли и воли» прокламаций, в которых рабочие Новой бумагопрядильни и фабрики Шау просили своих товарищей с других столичных предприятий поддержать их справедливые требования. Характерно, что январская прокламация «От ткачей Новой бумагопрядильни» заканчивалась призывом: «Все за одного, один за всех» ². Так или иначе, контакты Плеханова с петербургскими рабочими в конце 1878 — начале 1879 гг. носили, по всей видимости, очень интенсивный характер, хотя сам Георгий Валентинович вспоминал о них довольно скупо.

Были случай, когда рабочие сами обращались к Плеханову за помощью. Однажды, например, он получил конверт с надписью «Господину редактору» (имелся в виду его пост в редакции «Земли и воли»). В конверте были две четвертушки серой бумаги.

Текст на

одном из этих клочков гласил: «Господин редактор, пожалуйста, напечатайте наше воззвание и, если нужно, будьте так добры, поправьте». На другом было написано воззвание «Голос рабочего народа, работающего и страдающего у подлеца Максвеля». Плеханов вспоминал: «...Я хорошо помню общее впечатление, произведенное воззванием на меня и на моих товарищей по редакции. Мы положительно пришли в восторг. Столько свежего чувства, столько простоты и непосредственности, столько трогательной неумелости и вместе с тем столько неотразимой убедительности было в этой далеко не грамотной прокламации, что мы сочли непозволительным делать в ней какие-нибудь существенные изменения и ограничились исправлением грамматических ошибок. Едва ли не на следующий же день воззвание было отпечатано и передано авторам» ¹.

Но особенно удачной оказалась статья Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», напечатанная в январе-феврале 1879 г. в третьем и четвертом номерах «Земли и воли». Эта публикация сразу же выдвинула мо-

¹ См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 168—169.

² См.: Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. Л., 1989. С. 223 (прим.).

лодого автора в число ведущих теоретиков народничества, тем более что Бакунина в то время уже не было в живых, а Лавров жил в Париже. Надо сказать, что Плеханов сразу же заинтриговал будущих историков народнического движения и своих биографов самым почтительным отношением к теории Маркса, наводившим на мысль о начавшемся уже в то время переходе автора статьи «Закон экономического развития общества...» на позиции марксизма 2 .

Однако сам Плеханов совершенно недвусмысленно предостерег своих будущих биографов от любых попыток упростить и сократить его путь к марксизму. По его собственным словам, на рубеже 70 — 80-х годов XIX в. он оставался еще народником «до конца ногтей» ³. При этом Плеханов очень точно определил роль Бакунина как мыслителя, от которого он воспринял глубочайшее уважение к историко-материалистическим взглядам Маркса. «В народнический период моего развития, — писал он в 1905 г., — я, как и все наши народники, находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому

Совсем недавно американский историк С. Бэрон вновь повторил, что в статье «Закон экономического развития общества... » Плеханов заявил о необходимости «приспособить народническую программу к марксистской системе» (Отечественная история. 1995. № 5. С. 118).

³ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 125.

45

объяснению истории. Я уже тогда был твердо убежден в том, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности» ¹. Плеханов признал открытую Марксом закономерность смены общественно-экономических формаций и решающую роль социально-экономических факторов в этом процессе. Однако марксизма как целостной социалистической доктрины он тогда еще не знал, Маркса ставил в один ряд с немецким экономистом Родбертусом и философом Дюрингом, а развитие России, как ему представлялось, шло совсем по другим законам, чем развитие стран Запада. «Пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, — писал Плеханов, — мы не можем считать наше отечество вступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станциею на пути его прогресса» ².

Заслуживает при этом внимания аргументация Плеханова, который внешне очень логично идет от Маркса к Бакунину. История не есть однообразный механический процесс, совершенно справедливо утверждает он, да и сам Маркс не принадлежит к числу людей, укладывающих человечество на прокрустово ложе «общих законов». Конечно,

¹Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 179-182.

 $^{^2}$ См., например: Ваганян В. А. Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений. С. 31. Характерно, что один из крупнейших советских марксоведов 20 —30-х годов Д. Б. Рязанов, руководивший изданием сочинений Г. В. Плеханова, также считал, что «подготовительный» период в деятельности Плеханова, когда он превратился из народника в марксиста, начался уже в 1878 г. (см.: Плеханов Г. В. Соч. М., 1923. Т. І. С. 6).

замечает Плеханов, общие законы социальной динамики существуют, но, переплетаясь и взаимодействуя между собой, они дают в различных общественных организмах совершенно не сходные между собой результаты. Поэтому Запад, о котором пишет Маркс, для России не указ, и основные усилия русских революционеров должны быть направлены на окончательное разрушение всякого государства и на то, чтобы дать крестьянину устраиваться «на всей своей воле», развивая коллективистские начала, заложенные в общине.

Плеханов ссылался в своей статье — правда, без указания точных адресов — на наличие отдельных общин, которые якобы уже перешли к совместной обработке полей. Но коренной перелом в этом направлении должен был произойти, по его мнению, уже после революции, когда появится возможность перехода к интенсивной агрокультуре и более современной сельскохозяйственной технике. Тогда все общины без колебаний выскажутся за коллективный труд и коллективное владение этой новой техникой. Таким образом, устранение самодержавия, по мнению Плеханова, должно будет привести в конечном счете к торжеству в России общинного социализма.

Вторая часть статьи «Закон экономического развития общества...» дает богатый материал для анализа взглядов молодого Плеханова на роль рабочего класса. Прежде всего обращает на себя

46

внимание та высокая оценка, которую он дает пролетарским слоям как революционной силе. «Не представляя западноевропейской оторванности от земледельческого класса, — писал Плеханов, — наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижной, наиболее воспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения. Благодаря этому они явятся драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота» ¹.

Совершенно очевидно, что Плеханов еще отнюдь не склонен менять здесь привычную народническую систему социальных приоритетов. Ведущая роль крестьянства в будущей российской революции для него не подлежит сомнению и является столь же аксиоматичной, как и великое предназначение крестьянской общины стать первичной ячейкой будущего социалистического строя. Значение же рабочего движения, по его мнению, состоит в том, что оно отвлекает силы правительства от борьбы с крестьянскими восстаниями и выдвигает из пролетарской среды революционных агитаторов, которые, подобно «воровским прелестникам» времен Разина и Пугачева, будут «бунтовать» крестьян.

Одновременно Плеханов высказал ряд важных соображений о методах революцион-

¹ Плеханов Г. В. Соч. М. -Пг., 1920. Т. І. С. VII —VIII.

² Там же. С. 59.

ной агитации на фабриках и заводах, о роли стачек в сплочении рабочих, а также о некоторых основных принципах работы подпольных пролетарских организаций. Отметим, что уже тогда он подчеркивал: западноевропейские образцы для России не годятся, ибо условия деятельности рабочих организаций в России и на Западе принципиально различны. При этом неизбежная ограниченность численного состава русских рабочих организаций должна, по мнению Плеханова, компенсироваться «исключительными способностями и преданностью делу со стороны лиц, посвященных в ее тайны...» ²

В конце статьи «Закон экономического развития общества... » Плеханов ставил и тот вопрос, который особенно волновал весной 1879 г. членов «Земли и воли», — вопрос о революционном терроре. Когда за год до этого Вера Засулич, не справившись с чувством законного гнева на дикую выходку генерала Трепова ³, подняла на него револьвер, ни она сама, ни ее товарищи по революционной организации даже не предполагали, как быстро пойдет цепная реакция террористических актов и куда заведет народников их жестокая, но неумолимая логика. Однако уже в августе того же 1878 г. Сергей Кравчинский в самом центре Петербурга средь белого дня заколол кинжалом шефа жандармов Мезенцева. За период с весны

- 1 Плеханов Г. В. Соч. Т. І. С. 69-70.
- <u> 2 Там же. С. 74.</u>
- 3 Он приказал высечь арестованного Боголюбова только за то, что при встрече с ним тот будто бы не снял шапку.

1878 до весны 1879 г. революционеры убили шефа одесских жандармов Гейкинга, харьковского генерал-губернатора Кропоткина, провокатора Рейнштейна, стреляли в киевского прокурора Котляревского и преемника Мезенцева, генерала Дрентельна. Наконец, весной 1879 г. в Петербург приехал Александр Соловьев, заявивший землевольцам, что решил убить Александра II.

Сейчас, когда мир буквально захлебывается от насилия, а цена отдельной человеческой жизни близка к нулю, все громче звучат голоса тех, кто принципиально осуждает любое посягательство на жизнь человека, а значит, и революционный террор. И, наверное, Плеханов еще больше вырос бы в глазах многих наших современников, если бы с первых же шагов своей революционной деятельности решительно осудил террор как средство борьбы за достижение высоких общечеловеческих идеалов. Однако в реальной жизни все было гораздо сложнее. Напомним, что революционная мораль того времени отнюдь не отрицала насилия, хотя и не возводила его в культ. Больше того, террор как акт отмщения и справедливого возмездия тиранам вполне укладывался в моральный кодекс революционера. К тому же генетический код Плехановых, давших России немало прекрасных воинов, решительный характер Георгия, приобретенные им в детстве и юности военные навыки никак не способствовали появлению у него толстовских на-

строений «непротивления злу насилием». От своих товарищей Плеханов отличался, может быть, только более прагматическим подходом ко всем этим вопросам, умением взвесить возможные последствия террористических актов для самих революционеров и для судьбы того дела и той организации, которым принадлежала их собственная жизнь.

По свидетельствам товарищей, Плеханов, как и другие революционеры, принял тогда решение не сдаваться без сопротивления полиции и учился владеть разными видами холодного и огнестрельного оружия. В агентурных полицейских донесениях о Плеханове, относящихся к концу 70-х годов, говорится, что он «всегда вооружен», а потому особенно опасен. Ложась спать, Георгий прятал под подушку револьвер, кастет и кинжал, а на одной из конспиративных квартир регулярно упражнялся в искусстве владения холодным оружием ¹.

Поэтому не приходится удивляться тому, что в статье «Закон экономического развития общества...» Плеханов писал: ни один здравомыслящий человек не упрекнет рабочую революционную организацию, если она ответит царизму ударом на удар, отплатив за «белый», правительственный террор в отношении революционеров и за вековые издевательства власти над народом террором «крас-

1 См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 204; Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 310 — 311.

ным», революционным. Однако для Плеханова не подлежало сомнению, что террористическая деятельность могла бы лишь дополнять в разумных пределах и в меру необходимости основную, агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу «Земли и воли» в народе. О превращении террора в самоцель, поглощающую все помыслы, физические силы и материальные средства революционной организации, при таком подходе не могло быть и речи. Однако весной 1879 г. часть землевольцев — и притом наиболее авторитетных, активных и опытных — стала склоняться именно к активизации террористической деятельности.

Несмотря на то, что результатом неудачного покушения Соловьева на жизнь царя 2 апреля 1879 г. стала казнь самого революционера и новая полоса правительственных репрессий (были повешены В. А. Осинский, Д. А. Лизогуб, И. М. Ковальский и другие, а также арестован ряд руководителей «Земли и воли»), Александр Михайлов и Андрей Желябов стали настаивать на том, чтобы продолжить «охоту на царя». В сложившейся обстановке, когда стало ясно, что народ не готов к немедленному восстанию и не откликнется на призывы народников, сама жизнь поставила вопрос о пересмотре старой народнической тактики. Ставка на крестьянство все больше обнаруживала в то время свою несостоятельность, причем его пассивность выглядела особенно удручающе на фоне непрерывно учащавшихся рабочих стачек, студенческих волнений, а также пер-

вых, пусть еще достаточно робких, но тем не менее реальных проявлений земской оппозиции. «Оставаться только зрителями этого движения, — говорил Михайлов, — значит признать свою полную ненужность для народа и неспособность дать ему что бы то ни было. При таком способе действий, мы, как партия, уничтожаемся, выходим в тираж» ¹. Исходя из этого, большинство землевольцев пришло к выводу о целесообразности временно свернуть работу в деревне и сосредоточиться на организаторской и агитационной деятельности среди рабочих, студентов, офицеров, а главное — на терроре.

Споры «политиков» во главе с Желябовым и Михайловым, считавших, что в сложившейся обстановке традиционное народническое воздержание от политической борьбы выглядело бы как простое ребячество, и «деревенщиков» — так стали называть Плеханова и его единомышленников, настаивавших на необходимости продолжать работу в деревне, — приобретали весной 1879 г. все более острый характер. Плеханов правильно предупреждал своих

¹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 99. Подробнее см.: Твардовская В. А. Г. В. Плеханов и «Народная воля». К проблеме кризиса народнического мировоззрения // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. С. 78 — 83.

товарищей, что каждая новая террористическая акция будет стоить революционной организации все новых провалов и жертв. Даже в случае успеха террор приведет лишь к перемене отдельных лиц в правительстве или на троне, но не к смене политической системы, ибо он не в состоянии изменить соотношение общественных сил в стране. В спорах с «политиками» Георгий подчеркивал, что «Земле и воле» грозит вырождение в заговорщическую секту, доказывал, что «перевороты бывают гораздо более прочными, когда они идут снизу» 1. Однако переубедить своих товарищей Плеханов не мог. Как вспоминал позже Осип Аптекман, это было время, когда некогда было вдумываться в теорию, явно отступавшую на второй план перед практикой, когда *«настроение* требовало немедленно ответа на «проклятые вопросы» 2. Призыв к цареубийству звучал в этой обстановке как боевой клич, будораживший лучшую часть революционной молодежи, и заглушить его доводами разума было в тот момент невозможно.

Жизнь все больше разводила Георгия с товарищами по борьбе. Продолжения публикации его теоретических заметок — а оно планировалось в очередном, пятом номере «Земли и воли» — не последовало. Вместо статьи Плеханова в качестве передовицы была напечатана статья новой «звезды» народнической публицистики Льва Тихомирова, призывавшего разбить государственную машину самодержавия и заменить ее пусть не идеальным, но демократическим строем, обеспечивающим народу возможность дальнейшего, более свободного развития. Кроме того, наряду с «Землей и волей» стал выходить «Листок «Земли и воли»», редактором которого стал убежденный сторонник

террора Н. А. Морозов.

В июне 1879 г. было решено провести съезд землевольцев, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Сначала в Липецке собрались отдельно «политики-террористы». Среди них были А. Д. Михайлов, А. И. Желябов, А. А. Квятковский, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко. "Михайлов произнес настоящую обвинительную речь против Александра II, упрекая его в обмане народа, политическом лицемерии, попрании свободы, зверском обращении со своими противниками. В итоге царю-освободителю был вынесен в Липецке смертный приговор.

Затем состоялся общий съезд «Земли и воли» в Воронеже, с которого Плеханов ушел в знак протеста против одобрения неправильной, как ему представлялось, тактики террора и предательства основных принципов революционного народничества. Это была одна из самых драматических страниц в жизни Плеханова, равно-

значная по своим последствиям только его последующему разрыву с Лениным в конце 1903 г. Вероятно, летом 1879 г. раскол «Земли и воли» — по крайней мере еще на какоето время — можно было предотвратить, но Плеханов решил идти до конца. С его стороны это был, несомненно, честный и мужественный поступок, свидетельствовавший о готовности отстаивать свои убеждения даже такой дорогой ценой, как раскол организации. Возможно, Плеханов рассчитывал, что его поступок охладит не в меру горячие головы «политиков», что они одумаются, позовут назад... Но товарищи промолчали. А последними словами Плеханова на Воронежском съезде были: «В таком случае, господа, мне здесь больше делать нечего». Он не хотел лицемерить, притворяться, интриговать против своих же друзей, устраивать у них за спиной какие-то фракции.

Из Воронежа Плеханов направился в Киев. Можно только догадываться, что творилось в то время у него в душе. В этот трудный, драматический момент даже ему — вечному насмешнику, рационалисту, гордецу — нужны были сочувствие, поддержка, утешение, женская ласка. Именно поэтому Георгий и приехал на берега Днепра, где находилась тогда его вторая жена Розалия Марковна Боград.

Роза Боград родилась в том же 1856 г., что и Плеханов, в мелкобуржуазной, как у нас принято было до недавнего времени говорить, еврейской семье на юге России. Ее отец был крестьянином, потом занялся торговлей, разбогател, стал арендовать землю. Аналогичный путь несколько позже прошел и отец Троцкого, Давид Бронштейн. Роза закончила гимназию и упросила отца отпустить ее в Петербург, где поступила на женские медицинские курсы. В 1876 г. она вошла в кружок, занимавшийся помощью политзаключенным и ссыльнопоселенцам. Тогда-то Роза Боград и услышала впервые о Плеха-

¹ Цит. по кн.: Россия в революционной ситуации на рубеже 1870— 1880-х гг. М., 1983. С. 262.

² Цит. по: Твардовская В. А. Указ. соч. С. 82.

нове, а затем встретила его однажды вместе с Натальей Смирновой.

В 1877 г. Роза уехала на лето фельдшерицей в одну из самарских деревень. Медицинскую практику Роза Боград сочетала с культурно-просветительской работой среди крестьян, в которой были также элементы социалистической революционной пропаганды. Вернувшись поздней осенью или зимой 1877 — 1878 г. в Петербург, она познакомилась с Плехановым, переживавшим в то время драму разрыва со своей первой женой. При этом по невероятному стечению обстоятельств познакомила Розу с Плехановым та самая курсистка-медичка Теофиллия Полляк, которая одно время была близкой подругой Н. Смирновой.

Теофиллия рассказала, что Плеханову живется очень трудно: он плохо одевается и питается, часто проводит ночи на улице, не рискуя даже присесть на скамейку, чтобы не обратить на себя внимание полиции. Георгий сам установил для себя минимум еже-

дневных расходов, не желая быть в тягость революционной организации. Все это не могло не вызывать симпатии, уважения и сочувствия. А когда Роза Боград впервые услышала полемику Плеханова с милыми ее сердцу лавристами, она была поражена его страстной, яркой речью, неотразимой логикой, глубокой убежденностью в правильности своих взглядов. Общие интересы сблизили молодых людей. Занятия с рабочими, обсуждение последних политических новостей, рассказы о Поволжье, где и Георгий, и Роза побывали в 1877 г., споры о преимуществах бакунизма и лавризма — вот тот фон, на котором зарождались их взаимная симпатия, а потом и любовь.

В то время шла русско-турецкая война, и Роза Боград уехала в 1878 г. в Румынию, где два месяца проработала в русском военном госпитале в маленьком городке Бузео. По возвращении в Петербург она вступила в организацию «Земля и воля» и весной 1879 г. стала женой Плеханова, хотя оформить свои супружеские отношения они не смогли (Н. А. Смирнова дала Плеханову развод только через тридцать лет).

Второй брак Плеханова оказался очень удачным и продолжался почти сорок лет, до самой смерти Георгия Валентиновича. Розалия Марковна не была красавицей, но зато Плеханов нашел в ней верную, любящую и безгранично преданную спутницу жизни, друга и товарища по революционной борьбе. Ее природный ум, спокойный, ровный и вместе с тем сильный характер, огромная энергия, житейская практичность, неизменный оптимизм, обширные медицинские познания во многом помогли Плеханову преодолеть все выпавшие на его долю испытания, тяжелую болезнь, долгие годы эмигрании.

В самом конце марта 1879 г. Николай Клеточников — член «Земли и воли», работавший по ее заданию в III Отделении и не раз предупреждавший революционеров о

грозивших им арестах, сообщил Плеханову, что его выследили и вот-вот нагрянут на квартиру Розы Боград, где он тогда часто появлялся. Нужно было срочно уезжать из Петербурга, и Плеханов отправился сначала в Ростов, а потом в Воронеж. Что касается его жены, то она обосновалась на время в Киеве.

Приехав туда после Воронежского съезда землевольцев, Плеханов быстро наладил связи с киевским революционным подпольем, стал посещать местную библиотеку, много читал, обдумывал планы на будущее. В августе 1879 г. «Земля и воля» распалась на две самостоятельные организации — «Народную волю» (здесь объединились «политики») и «Черный передел». Так назвали свои кружки «деревенщики», решившие продолжать традиции «Земли и воли». Расстались по-товарищески: партийную кассу и оборудование типографии поделили поровну. В состав «Черного передела»

вошли такие известные землевольцы, как М. Р. Попов, Г. Н. Преображенский, вернувшиеся из-за границы В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, П. Б. Аксельрод, а также Н. В. Васильев, В. Н. Игнатов, Н. П. Щедрин, О. Е. Николаев и др. Идейным руководителем новой организации стал Плеханов. По вызову товарищей он срочно выехал в Петербург. Через некоторое время Р. М. Боград получила в Киеве письмо, где муж сообщал ей, что дело налаживается и он остается в столице. Вскоре туда выехала и она сама.

В Петербурге прежде всего встал вопрос о том, где жить. Полиция разыскивала Плеханова повсюду: в студенческих квартирах, в домах видных либералов и даже в салонах аристократических дам. Располагая довольно значительной информацией о революционной народнической организации, III Отделение тем не менее далеко не всегда разбиралось в оттенках революционных взглядов и тактических платформ и почему-то считало Плеханова инициатором террористических актов. В случае ареста ему грозила как минимум каторга. Поэтому он очень опасался, что жизнь на семейной квартире будет источником постоянной опасности для его жены, ради которой он готов был терпеть разлуку, скитания по конспиративным явкам, бытовую неустроенность, нужду. Роза, наоборот, считала, что если они будут жить вместе, то Плеханов больше времени сможет проводить дома и тем самым будет реже подвергаться опасности ареста. Кроме того, он будет лучше питаться и получит нормальные условия для работы и отдыха. В конце концов Роза одержала свою первую маленькую победу, и было решено попробовать прописаться вполне официально, использовав фальшивые паспорта.

Они были изготовлены на имя воронежского дворянина Александра Севериновича Семашко и его жены Марии Валентиновны, т. е. сводной сестры Плеханова и ее мужа. Расчет при этом был очень прост: в случае ареста полиция прежде всего будет наводить

справки, есть ли в Воронежской губернии дворяне Семашко, причем на время сбора этой информации задержанных выпустят на свободу, что позволит им уничтожить компрометирующие документы или даже скрыться. Но документы не вызвали никаких подозрений, и новоиспеченные «супруги Семашко» поселились в центре Петербурга, в районе людного Владимирского проспекта, в маленьком двухэтажном домике в Графском переулке. Хозяйки квартиры, добродушные сестры-немки из Риги сдали жильцам две чистенькие, недурно обставленные комнаты, имевшие отдельный выход во двор.

Роза ожидала ребенка и перестала посещать медицинские курсы. В целях конспирации среди знакомых студентов распространили слух, что ее сослали в Сибирь. Плеханов же так изменил свою внешность (он остриг бороду и усы), что стал совершенно неузнаваем. Вдобавок он прекратил посещать рабочие районы и библиотеку,

53

целыми днями сидел дома, много читал и писал для готовившегося к печати первого номера нового печатного органа «Черный передел». Лишь по вечерам Георгий уходил на конспиративные квартиры, чтобы повидать товарищей и отнести им написанные материалы.

Как вспоминала позже жена Плеханова, этот короткий период его жизни был одним из наиболее плодотворных и интенсивных ¹. Прежде всего нужно было поставить на ноги «Черный передел». Плехановым был написан манифест этой группы, в котором крестьянам предлагалось собирать сходы и посылать ходоков к наследнику престола со следующими просьбами: 1. переделить между крестьянами поровну и без всякого выкупа все казенные и помещичьи земли, луга и леса; 2. предоставить народу право свободно и беспошлинно заниматься любыми промыслами, включая соляной, рыбный, горный и т. п.; 3. уменьшить подати и повинности и простить недоимки; 4. ликвидировать должности урядников, становых, исправников; 5. упразднить паспорта; 6. сократить сроки военной службы и контингента новобранцев; 7. ввести волостное, уездное и губернское самоуправление через выборных от всего «мира». В случае отказа царских властей удовлетворить эти просьбы крестьянам рекомендовалось не платить податей, отказываться от военной службы и присяги на верность царю, а если на них пойдут силой, — «стоять дружно» ².

Чернопередельцы считали, что нужно продолжать работу в деревне и среди рабочих, которая, по их мнению, должна была принести гораздо больше пользы, чем революционный террор. Но помимо террора были и другие формы политической борьбы, отрицать значение которых, как это делали бакунисты, считавшие, что конституция и демократические свободы сами по себе ничего не дадут простому народу, было довольно

наивно. Как известно, народовольцы снимали эту неувязку ссылкой на то, что в России социальный и политический перевороты неизбежно должны слиться и потому неотделимы друг от друга. Трудно было парировать и другой довод народовольцев в пользу необходимости политической борьбы, состоявший в том, что самоустранение от нее революционеров будет лишь на руку буржуазии, которая постарается обеспечить свои права за счет крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции. Вот почему в упоминавшемся выше манифесте «Черного передела» чисто политические вопросы занимали уже далеко не последнее место, а весь документ приобретал ярко выраженный антиправительственный, а значит, политический характер. Да и сама власть

не делала большого различия между революционерами-террористами и членами «Черного передела», в чем Плеханов и его товарищи, находившиеся на нелегальном положении, могли убедиться на собственном горьком опыте.

Большие сомнения стали закрадываться в душу Плеханова и при чтении научной литературы, посвященной крестьянской общине. Он много размышлял над книгой земского статистика В. И. Орлова об общинном владении землей в Московском уезде и над работой крупного русского историка и социолога М. М. Ковалевского «Общинное землевладение: причины, ход и последствия его развития». Содержавшиеся здесь данные о разложении крестьянской общины и о появлении в ней социального неравенства подрывали самые основы народнических взглядов. Р. М. Плеханова вспоминала: «Мне живо помнится, какое глубокое впечатление произвела на него (Плеханова. — С. Т.) в ту знаменательную зиму книга статистика Орлова «Общинное владение в Московском уезде». Это серьезное исследование, которое беспощадно било по той основе, на которой строили революционные народники все будущее народного счастья, вызвало драматический момент в жизни Плеханова. Не соглашаться с этими цифрами нельзя было. Эту книгу мы читали вместе, останавливались на каждом факте. Я помню страстные комментарии Плеханова по поводу этих фактов, которые он не оспоривал, но был горячо убежден, что горю можно еще Помочь массовым революционным взрывом — «черным переделом», который спасет общину от разложения. В это чтение Георгий Валентинович вкладывал все существо свое; казалось, что вопрос о том, быть или не быть общине, разлагается она или нет, являлся для него вопросом жизни или смерти. Помоему, начало поворота в политическом и социалистическом миросозерцании, еще мало, быть может, сознаваемого самим Георгием Валентиновичем, надо отнести к этому первому удару, который был нанесен революционным верованиям Плеханова книгой

¹ См.: Плеханова Р. М. Наша жизнь до эмиграции // Группа «Освобождение труда». М. -Л., 1928. Сб. 6. С. 93-94. 2 Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. С. 392.

скромного статистика Орлова» ¹.

В начале 1880 г. в журнале «Русское богатство» была напечатана статья Плеханова «Поземельная община и ее будущее», знакомство с которой показывает, что, несмотря на все сомнения, он еще стойко держался в то время за свои народнические взгляды. Плеханов парировал доводы «антиобщинников» тем, что решающую роль в процессе разложения общины играют внешние, а не внутренние факторы (государственные налоги, грабеж со стороны ростовщиков и т. п.), действие которых еще может быть нейтрализовано благодаря крестьянской революции.

Не могло не настораживать Плеханова и то, что лучшие представители революционной молодежи шли в то время не к чернопередельцам, а к народовольцам. О многом заставил задуматься его и

5.5

уход в террор такого выдающегося рабочего вожака, как Степан Халтурин. Во время одной из встреч с Плехановым он сказал, что решил воспользоваться предоставившейся ему возможностью поступить на работу столяром в Зимний дворец, чтобы убить царя. Халтурин попросил Плеханова свести его с народовольцами: он хотел действовать от имени революционной организации, а, кроме того, ему нужны были взрывчатка и помощь в разработке плана этого дерзкого террористического акта.

В душе Плеханова бушевала настоящая буря: он восхищался смелостью своего друга-рабочего, его готовностью к самопожертвованию и вместе с тем понимал, что Степан неизбежно погибнет, не принеся рабочему движению той пользы, которую мог бы принести. Однако отговорить Халтурина от этого шага Плеханову не удалось, и он связал его с народовольцем Александром Квятковским. Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 г. не дал желаемого результата: Александр II остался жив. Погибли же 11 и получили ранения 56 гвардейцев, охранявших царя. Тем не менее Халтурин пошел позже на новый террористический акт, приняв участие в убийстве военного прокурора Стрельникова, и в 1882 г. был казнен.

В дни сомнений и тревожных раздумий Плеханов находил поддержку и опору в своих товарищах по «Черному переделу». «Из его рассказов я знала, — вспоминала Р. М. Боград, — что дух группы вновь объединившихся товарищей был бодрый — чувствовались сплоченность и гармония. Работа шла дружно, без диссонансов» ¹. Особенно сблизился в тот период Плеханов с Верой Ивановной Засулич и Осипом Васильевичем Аптекманом.

Вера Ивановна Засулич была на семь лет старше Плеханова. Жизнь ее складывалась очень нелегко: бедность, трудное, неласковое детство в семье родственниц матери, уче-

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 94.

ба в московском пансионе, работа писцом в серпуховском мировом суде, а затем переплетчицей в одной из петербургских мастерских. Принадлежность Засулич к дворянскому сословию была чисто номинальной. Уже с 17 лет Вера считала себя социалисткой. В конце 60-х годов она стала преподавать бесплатно в воскресной школе для рабочих, познакомилась с Сергеем Нечаевым, была арестована, около 4 лет провела в тюрьмах и в ссылке. С 1875 г. Засулич жила сначала под надзором полиции, а потом на нелегальном положении на Украине. В Киеве она стала членом народнического кружка «Южные бунтари». В 1877 г. Засулич перебралась в Петербург и стала работать в подпольной «Вольной русской типографии». После покушения на Трепова и оправдания судом присяжных она, опасаясь повторного ареста, уехала на несколько месяцев в Швейцарию, а по возвращении оттуда в 1879 г. вступила в «Черный передел».

Скромнейшая из скромных, непритязательная в быту, застенчивая, Вера Засулич таила в себе огромную нравственную силу, верность революционному братству, готовность к самопожертвованию, незаурядную смелость, врожденное чувство справедливости. Плеханов ценил ее острый ум, широту интересов, несомненные литературные способности, умение разбираться в людях. Р. М. Плеханова вспоминала, с каким восторгом отзывался всегда ее муж об этой хрупкой, внешне неприметной женщине. Их многолетняя, трогательная дружба, о которой мы не раз еще будем говорить на страницах этой книги, оставила яркий след и в судьбе Плеханова, и в судьбе Засулич.

Осип Аптекман был одногодком Засулич. Он родился в богатой еврейской семье на юге Украины, закончил гимназию и в 1870 г. поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Здесь Аптекман примкнул к революционному движению. Уже на следующий год он переехал в Петербург, поступил в Медико-хирургическую академию, затем принял участие в «хождении в народ». Где только не побывал он в бурные 70-е годы: лечил мужиков в Псковской и Пензенской губерниях, затем перебрался в Саратовскую, а весной 1879 г. был вызван «Землей и волей» в Петербург. После раскола землевольцев Аптекман вошел в «Черный передел» и стал вместе с Плехановым редактировать его печатный орган.

По свидетельству своих товарищей, Аптекман был яркой, увлекающейся натурой, человеком нежной, «вибрирующей», как выразилась однажды Р. М. Плеханова, души. Он часто менял свои идейные увлечения, сохраняя при этом полную искренность и горячий энтузиазм. Среди друзей Осипа Аптекмана прозвали «неистовым Виссарионом», ибо в его натуре было действительно немало общего с Белинским. Раскол «Земли и воли» привел Аптекмана в полное отчаяние, и он даже покушался на самоубийство. В

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 95.

Плеханова Осип был просто влюблен, и их дружба стала одной из самых ярких страниц его жизни.

Затворничество Плеханова в Графском переулке создавало значительные трудности в его литературно-публицистической работе, поскольку ему остро нехватало новейшей литературы по социально-экономическим, философским и историческим вопросам. «Так писать нельзя! — жаловался он жене. — Надо учиться... Если бы мне хоть годика два поработать на свободе, в большом культурном центре! Наша революционная литература невежественна потому, что статьи пишутся наспех людьми без достаточного образования; между тем надо поставить революционную литературу на большую высоту, чтобы общество не имело права относиться к ней сверху вниз! Тогда только наша литература будет иметь влияние» ¹.

Несмотря на все эти трудности, к январю 1880 г. первый номер «Черного передела» был готов. Правда, почти весь тираж был захвачен полицией, и осенью, когда Плеханов уже находился в эмиграции, было решено напечатать его в Женеве заново. Трудно сказать, какое впечатление производили плехановские статьи из «Черного передела» на товарищей по организации, но, перечитывая их сегодня и сравнивая с его предыдущими литературными произведениями, испытываешь такое чувство, будто прямо на глазах совершается великое таинство рождения нового публицистического таланта — настолько сильно и ярко они написаны.

В общем и целом Плеханов еще выступает в «Черном переделе» с позиций бакунизма. Вся история России, пишет он, — это история борьбы двух полярно противоположных начал человеческого общежития — народно-общинного и государственно-индивидуалистического. Основными принципами первого являются коллективизм, мирская взаимопомощь и товарищеская солидарность, второго — насилие, принуждение и эксплуатация. Боевой девиз революционеров-народников «Земля и воля!», фактически взятый ими у самого народа, как бы аккумулировал в себе вековое стремление крестьянства к свободе общинного самоуправления и землепользования, признание равного права всех тружеников на землю, принцип свободного соединения общин в более крупные территориальные единицы. В противовес этому государство то и дело насильственно вторгается в жизнь народа, уродует и безжалостно кромсает живую ткань его обычаев, попирает исконные права. Формы этого насилия, продолжает Плеханов, могут быть самыми различными — от насильственного спаивания народа до не менее насильственного введения в русской деревне культуры картофеля, но суть политики царского правительства от этого не меняется.

57

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 101.

Выход из сложившейся ситуации видится Плеханову в коренной ломке всех существующих общественно-экономических отношений и прежде всего в аграрной революции. Обосновывая свой основной тезис, он пишет: «Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим». При этом Плеханов отсылает читателей к более ранней своей статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», как бы подчеркивая этим верность старым, землевольческим принципам ¹.

Кратчайший путь к осуществлению аграрной революции в России он видит в уничтожении государства и всех его структур, ибо

58

именно они держат народ в кабале. «Толкая народ в активную борьбу с государством, воспитывая в нем самодеятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбуждения народного неудовольствия..., социально-революционная партия должна довести народ от пассивного ожидания «черного передела», долженствующего свершиться сверху, до активных требований «земли и воли», предъявляемых снизу», — так формулирует Плеханов задачи организации «Черный передел» 1

Между тем в ноябре 1879 г. народовольцы предприняли новое покушение на царя. За Александром II шла настоящая охота: поезд, на котором он возвращался из Крыма, ждали бомбы на 14-й версте под Одессой, затем в Александровске и, наконец, под Москвой. К операции были подключены лучшие силы «Народной воли» — Михаил Фроленко и Татьяна Лебедева, Андрей Желябов, Софья Перовская, Лев Гартман, Николай Морозов. Чего стоило одно только устройство подкопа под полотно железной дороги возле Рогожско-Симоновской заставы при подъезде к Москве: работали сменами, от полутора до трех часов каждая, продвигаясь за день всего на 1, 5 — 2 метра. Опасаясь обвала, некоторые революционеры брали с собой яд, чтобы в критической ситуации разом покончить счеты с жизнью. Легко представить себе, что чувствовали народовольцы, когда узнали, что вместо царского поезда они взорвали другой, где находилась свита Александра II.

После ноябрьского покушения началась новая полоса репрессий. В этой обстановке в руководящей группе «Черного передела» был поставлен вопрос о временном выезде Плеханова, Засулич, Дейча и Стефановича за границу. Сначала мысль о том, чтобы хотя бы на время покинуть Петербург, казалась Плеханову чудовищной. Прекрасно отдавая

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. І. С. 114.

себе отчет в реальности нависшей над ним угрозы, он тем не менее считал отъезд за границу изменой революционному делу. Мучило и сознание какой-то невольной вины перед товарищами-народовольцами, делавшими теперь ставку на новое покушение на Александра II прямо в Зимнем дворце (над этим, как уже говорилось выше, работал Степан Халтурин), и опасение, что после его отъезда еще не окрепшая чернопередельческая организация может развалиться, и боязнь потерять на чужбине всякую почву под ногами и превратиться в «лишнего» человека.

Не менее сложные чувства испытывала в то время и его жена, Розалия Марковна, которой предстояло скоро стать матерью. Если сам Плеханов смотрел на вещи достаточно трезво, то Роза еще находилась во власти романтических грез, к которым примешивался и страх перед полной неизвестностью, опасения за мужа и будущего ребенка. Ей казалось, что поехать за границу значит сжечь все корабли, бросить любимую медицину, расстаться с рево-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. І. С. 117.

59

люционной работой. Короче говоря, высокая романтика революции грозила обернуться самым прозаическим и бесславным бегством, продиктованным страхом перед арестом и ссылкой.

Однако чернопередельцы, особенно О. В. Аптекман, продолжали настаивать на отъезде. В конце концов Плеханов сдался и даже стал находить в поездке за границу некоторые положительные стороны — возможность пополнить знания и проверить правильность своих революционных убеждений. В итоге в январе 1880 г. он вторично — и, как оказалось, на целых 37 лет — стал политэмигрантом, хотя тогда ему казалось, что совсем скоро он сможет вернуться на родину.

Уезжал Плеханов с тяжелым чувством. В Петербурге оставались жена и крошечная дочь, товарищи по революционному делу, а где-то на Тамбовщине — больная, слабеющая мать ¹. Душу мучили сомнения, невеселые житейские думы. Впрочем, никто, в том числе и сам Плеханов, не мог бы сказать тогда, что ждет его впереди.

ГЛАВА II

¹ М. Ф. Плеханова умерла от туберкулеза в возрасте 49 лет. Георгия она не видела с 1879 г., когда приезжала навестить его в Петербург и жила тогда у Н. А. Смирновой, хотя сын к тому времени с ней уже расстался. После 1 марта 1881 г. она пережила несколько поистине страшных недель, пока не узнала, что царя убил не Георгий (см.: Френчер А. А. Указ. соч. С. 40). В завещании, разделив наследство поровну между дочерьми Александрой, Клавдией и Варварой, Мария Федоровна сделала следующую оговорку: «Если возвратится из неизвестной отлучки сын мой, Г. Валентинов Плеханов и будет прощен правительством, то дочери мои, получившие в силу этого завещания в свое вечное владение все мое имение, должны будут выплатить ему, Г. Плеханову четвертую часть стоимости всего полученного ими недвижимого имения моего». Таким образом, мать до последней минуты не забывала своего первенца, которому, однако, так и не суждено было получить прощение правительства, на что надеялась Мария Федоровна (см.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.).

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ

В январе 1880 г. Плеханов покинул Россию, а недели через три жена получила от него известие, что он благополучно добрался до Женевы. Точный маршрут этой поездки остается до сих пор неизвестным, но есть основания полагать, что путь Плеханова лежал через Молдавию и Румынию, где он провел некоторое время в колонии русских политических эмигрантов в селе Армаклия близ Бабадага ¹.

Что касается Розы, то она с дочкой Верочкой временно задержалась в России. Девочка с кормилицей жила на квартире Теофиллии Полляк, а сама Роза скрывалась сначала у писателя Н. Н. Златовратского, затем в Петергофе, а потом вернулась к дочери в Петербург. Несмотря на болезненное состояние и душевное смятение, она решила продолжить занятия медициной и стала готовиться к экзаменам на Высших женских медицинских курсах. Однако на экзаменах ее «срезали» (надо полагать, совершенно сознательно), и Роза решила заняться практической революционной работой в петербургской организации чернопередельцев, которую возглавил теперь П. Б. Аксельрод.

Тем временем Плеханов настойчиво звал жену в Швейцарию. И снова в ее душе вспыхнули сомнения, нашедшие отражения в позднейших воспоминаниях: «Если бы любимый мною человек, — думала я, — был сослан в каторгу, я считала бы своей обязанностью последовать за ним, так как моя близость нужна была бы ему для поддержки его моральных и физических сил. За границей он на свободе, поддержка моя ему не нужна, и, как бы слабы ни были мои силы, я их должна отдать народу и революции». Кроме того, Роза уже хорошо знала по рассказам товарищей, как горька судьба русского эмигранта-революционера: чужая страна, вечные заботы о хлебе насущном, отсутствие работы, друзей... Нужно было решать: либо посвятить всю себя любимому человеку, жить только для него и «при нем», либо остаться на родине и целиком переключиться на занятие революционным делом.

Сомнения разрешила Евгения Рубанчик, которая тоже участвовала в работе кружка Аксельрода. «Плеханов стоит того, чтобы

 1 См.: Гросул В. Я. Невыясненный эпизод из биографии Г. В. Плеханова // Кодры. 1970. № 12. С. 140-141.

Повидавшись в Одессе с родителями и получив от отца заграничный паспорт на имя своей двоюродной сестры и деньги, Роза в начале июня 1880 г. приехала в Швейцарию, оставив дочь в России на попечении верной подруги Теофиллии Полляк. Однако вскоре

девочка заболела и умерла. Нетрудно представить, как казнила себя несчастная мать, которой казалось, что, будь она рядом, Вера могла бы жить и жить... А на сердце у Плеханова появился еще один рубец: ведь это был уже второй его ребенок, от которого он так и не услышал долгожданного слова «папа».

В Швейцарии Георгий и Роза обосновались в Женеве — спокойном университетском городе на берегах реки Рона и Женевского озера с видом на Монблан. Рядом со старинными зданиями X — XII веков здесь было много вполне современных домов, красивых парков и набережных, а на окраинах сохранялись маленькие улицы и улочки, как будто сошедшие со средневековых гравюр. Женева была центром одноименного кантона и находилась во франкоязычной части Швейцарии. Город славился своими демократическими традициями и издавна охотно принимал эмигрантов из других стран, находивших тут убежище от религиозных и политических гонений на родине. Здесь жили гарибальдийцы и участники польского восстания 1863 г., немецкие социал-демократы, покинувшие бисмарковскую Германию в годы «исключительного закона против социалистов», и бывшие парижские коммунары. С 1864 г. в Женеве, которая быстро превращалась в один из промышленных центров Швейцарии, стали появляться секции I Интернационала, а в 1866 г. здесь состоялся один из его конгрессов.

С Женевой и ее окрестностями прочно ассоциировались такие знаменитые имена, как Кальвин, Руссо, Вольтер. Для русских революционеров здесь были свои памятные места. В 1865 — 1867 гг. в Женеве издавался «Колокол» Герцена и Огарева, а в 70-е годы — «Набат» Ткачева, народническая революционная газета «Работник» и журнал «Община». Здесь находили приют Бакунин и Кропоткин, члены русской секции I Интернационала.

Уезжая из России, Плеханов договорился с Засулич и Дейчем встретиться в Женеве. Теперь, когда они вновь были вместе, Георгий уже не чувствовал себя таким одиноким, как в первое время по приезде в Швейцарию. Кроме того, Плеханов и его друзья установили очень хорошие отношения с польскими эмигрантами Л. Варыньским, Ш. Дикштейном, С. Мендельсоном и их товарищами, которые жили в Женеве коммуной и издавали на польском языке

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 111.

социалистический журнал «Равенство» («Równosć»). Гораздо сложнее обстояло дело с другим новым знакомым — сорокалетним украинским ученым и публицистом М. П. Драгомановым, уволенным в 70-х годах из Киевского университета, где он преподавал литературу, за украинофильские тенденции и политическую «неблагонадежность» и вынужденным эмигрировать в Швейцарию. Драгоманов издавал журнал «Громада»,

часто выступал на эмигрантских собраниях и пользовался среди выходцев из России довольно большим авторитетом. Это был высокообразованный, гостеприимный человек, который сначала отнесся к Плеханову, Засулич и Дейчу с явной симпатией. Однако царивший в его доме культ «самостийной» Украины, постоянные намеки на какой-то великорусский шовинизм, которым якобы были заражены все русские революционерыэмигранты, а также крайне недружелюбное отношение Драгоманова и его сторонников к польским социалистам вскоре привели к охлаждению установившихся было добрых отношений.

Надо сказать, что чернопередельцы оказались за границей в очень сложном положении. Постоянная материальная нужда, явное недоброжелательство сторонников «Народной воли», деятельность которой была окружена за рубежом ореолом революционной романтики и героизма, прозрачные намеки на то, что отъезд из России накануне решающей схватки с самодержавием был в сущности дезертирством, — все это не могло не выводить Плеханова и его друзей из состояния душевного равновесия. Ведь сторонниками «Народной воли» были и находившийся в то время в Швейцарии С. М. Кравчинский, и старый последователь Бакунина Н. И. Жуковский, и П. Л. Лавров со своим парижским окружением, и анархист П. А. Кропоткин, и даже женевские поляки, с которыми так сблизился Плеханов. На еженедельных женевских собраниях, на которые съезжались русские эмигранты из Цюриха, Берна, Кларана, Базеля, регулярно шли острые дискуссии о положении дел в России и разногласиях между «Народной волей» и «Черным переделом», причем даже блестящий полемический талант Плеханова не мог спасти его от поражений в этих спорах. Недаром после одного из таких диспутов он сделал следующую запись: «Слова мои по поводу наших террористов вызвали множество возражений. Даже основная мысль моя подверглась оспориванию» ¹.

Можно, пожалуй, лишь порадоваться тому, что до Плеханова не дошли тогда весьма неблагожелательные отзывы К. Маркса о чернопередельцах, относящиеся к осени 1880 г. Если учесть, с каким пиететом относился к нему Плеханов, нетрудно предположить, что подобная информация вызвала бы в душе лидера «Черного передела» чувство отчаяния.

История взаимоотношений Плеханова с Марксом и Энгельсом — это большая самостоятельная тема, которая уже на раз поднималась в нашей исторической литературе. Было время, когда отдельные ее эпизоды, не укладывавшиеся в благостную, иконоподобную схему полного и трогательного взаимопонимания, которое якобы всегда царило между этими тремя людьми, просто замалчивались в советской историографии, тогда

¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. С. 147.

как западные историки не без злорадства писали о том, что Маркс и Энгельс далеко не сразу поддержали своих русских учеников. Теперь мы можем говорить об этом спокойно и объективно, хотя и не без некоторой горечи.

Видимо, впервые Маркс услышал имя Плеханова в 1880 г., когда возникла идея издавать в Лондоне газету «Нигилист» под редакцией В. И. Засулич. Участвовать в ней должны были и Маркс, и Плеханов. Издание не состоялось, но зато Маркса познакомили с номером «Черного передела» с весьма неприятной для него статьей одного из вожаков левосектантского анархистского течения в германской социал-демократии Иоганна Моста. Неблагоприятную информацию о чернопередельцах мог дать Марксу и народоволец Лев Гартман (после освобождения из-под ареста во Франции в связи с участием в покушении на царя он обосновался в Лондоне), хотя Г. В. Плеханов вместе с С. М. Кравчинским и Н. И. Жуковским в мае 1880 г. специально приезжал в Париж для того, чтобы хлопотать за него у президента Франции Ж. Клемансо 1.

Так или иначе, у Маркса сложилось вначале явно негативное мнение о «Черном переделе» и его руководителях. «Эти люди, — писал он 5 ноября 1880 г. Ф. Зорге, — большинство их (не все) являются теми, кто добровольно покинул Россию, — образуют, в противоположность террористам, рискующим собственной шкурой, так называемую партию пропаганды (чтобы вести пропаганду в России, они уезжают в Женеву!..). Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна единым махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они подготовляют этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина» ².

В этом резком и далеко не во всем справедливом отзыве (чего стоят хотя бы слова о будто бы добровольном отъезде Плеханова, Засулич, Дейча и Стефановича из России) проскальзывает откровенная враждебность Маркса к Бакунину и его последователям, а также неприятие им критики «Народной воли», борьба которой с

Несмотря на тяжелую психологическую обстановку, Плеханов с головой ушел в Швейцарии в работу, которая всегда была для него лучшим лекарством от душевных невзгод. Он стал посещать лекции в Женевском университете, часто пропадал в библиотеке, но особенно много сил отдавал подготовке новых номеров «Черного передела». В октябре — ноябре 1880 г. почти одновременно был переиздан (видимо, с определенными коррективами) первый и заново отпечатан второй его номера ¹.

¹ Подробнее см.: Твардовская В. А. Г. В. Плеханов и «Народная воля» // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. С. 92, 98-100.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 380.

правительством Александра II оценивалась тогда Марксом и Энгельсом очень высоко.

Плеханов был по-прежнему убежден в то время, что главное для народа — это его социальное освобождение, тогда как чисто политические вопросы имеют для рабочих и крестьян лишь второстепенное значение. Исходя из этого, он требовал направить основные силы революционеров на подготовку народа к аграрной революции. Однако Плеханов уже дозрел до мысли, что поскольку нужда все больше отрывает крестьянина от земли и гонит его на заработки в город, постольку и «центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам». А это означает, что работа революционеров в пролетарской среде будет приобретать в России все большее значение, ибо еще неизвестно, в деревне или в городе будут вербоваться главные силы социально-революционной партии в час грядущей революции. Поэтому революционеры, по мнению Плеханова, должны укрепиться в ожидании решающих событий и на фабрике, и в деревне, провозгласив простой, всем понятный лозунг: «Рабочий, бери фабрику, крестьянин — землю!» и связав воедино революционные организации промышленных и земледельческих рабочих ².

Затронул Плеханов во втором номере «Черного передела» и вопрос о методах революционной работы в народе. Признавая большое значение социалистической пропаганды, он тем не менее справедливо (основываясь, в частности, и на собственном, пусть небольшом, опыте) считал, что по-настоящему расшевелить массу рабочих и крестьян может только революционная агитация. При этом Плеханов решительно протестовал против любых попыток «усечения» революционных лозунгов ради придания им большей доходчивости и популярности в менее развитых слоях населения. Организация поземельного кредита, увеличение наделов, уменьшение податей, расширение крестьянского самоуправления и ограждение его от произвола администрации, писал он, хороши только как повод для революционной агитации. Но единственной ее целью должно быть

приведение указанных частных требований «к одному общему знаменателю экономической революции» 1 .

Таким образом, оказавшись за границей, Плеханов какое-то время еще стоял как бы на распутье. С одной стороны, он продолжал верить в особый, отличный от Запада путь развития России и считал, что она может перескочить от средневековья и самых первоначальных стадий развития капитализма прямо к социалистическому строю. С другой, — взгляды Плеханова на значение политической свободы становятся в этот период, несомненно, более трезвыми и гибкими, чем прежде. Характерно в этом отношении его письмо неустановленному адресату от 12 декабря 1880 г., в котором, в частности, гово-

¹ Следующие три номера «Черного передела» вышли в 1881 г. в Минске, после чего издание прекратилось.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. І. С. 131.

⁶⁵

рилось: «Я во многом изменил свои взгляды. Таково влияние Запада... Анархический абстенционизм (политическое воздержание. — C. T.) бессилен так же, как сама анархия. К сожалению, я несколько лет держался этого нелепого взгляда... Жизнь на Западе многому меня научила. Охотно сознаюсь в своих ошибках» 2 . Оглядываясь позже на пройденный путь, Плеханов вспоминал, что чем больше знакомились чернопередельцы с марксизмом, тем все более сомнительным — и с точки зрения теории, и с точки зрения практики — становилось для них народничество. Ко времени выхода второго номера «Черного передела», т. е. к осени 1880 г., Плеханов, по его собственному признанию, был уже едва ли не наполовину социал-демократом 3 .

Очень скоро жизнь в Женеве начала тяготить его: безумно хотелось вырваться из атмосферы эмигрантских склок, попасть в большой европейский культурный центр, ближе, познакомиться с западным социалистическим движением. Поэтому в ноябре 1880 г. супруги Плехановы двинулись в «столицу мира», как называли тогда Париж. Этот удивительный город буквально покорил их сердца. После тихой, немного мещанской Швейцарии — бьющая ключом, чуть легкомысленная и в то же время интеллектуальная насыщенная парижская жизнь, полная свобода и непринужденность в высказывании собственного мнения, взаимная терпимость, поистине фантастическое разнообразие взглядов, вкусов, привычек... Приезд Плеханова во Францию совпал с периодом оживления там демократического и рабочего движения. После десятилетней ссылки в Новую Каледонию вернулись домой парижские коммунары, восторженно встреченные народом. В конце 1880 г. в Гавре прошел съезд Рабочей партии, принявший программу, выдержанную в целом уже в марксистском духе. На рабочих собраниях и в печати шли яростные споры между прудонистами, сторонниками реформизма — так называемыми поссибилистами, марксистами, анархо-

синдикалистами. Да, в Париж стоило приехать уже хотя бы для того, чтобы увидеть все это собственными глазами и послушать великолепных французских ораторов. А ведь кроме того, Париж — это еще и богатейшие библиотеки, Лувр, Версаль, Собор Парижской богоматери, Большая опера, старинные средневековые улочки и переулки...

Каждый проведенный здесь день был заполнен у Плеханова до предела: работа в библиотеке, изучение немецкого и английского языков, посещение лекций в Сорбонне и рабочих собраний, встречи с интереснейшими людьми — П. Л. Лавровым, немецким социал-демократом Георгом Фольмаром, французским социалистом Жюлем Гедом. Особенно сильное впечатление произвел на Плеханова Гед. Сначала он услышал не-

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. Соч. Т. І. С. 130.

² Цит. по: Гросул В. Я. Указ. соч. // Кодры. 1970. № 12. С. 131.

³ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 26.

сколько его публичных выступлений, затем Роза познакомилась с женой Геда, Марией, которая была эмигранткой из России, и стала регулярно навещать ее в качестве врача, а в новогодний вечер 31 декабря 1880 г. к Плехановым заглянул и сам Гед, чтобы поблагодарить за заботу о жене. Оживленная беседа затянулась за полночь. Оказалось, что Гед в прошлом тоже очень увлекался бакунизмом, был знаком с работами Чернышевского, а затем стал одним из первых пропагандистов идей марксизма во Франции. Это знакомство заставило Плеханова еще раз задуматься и о своей собственной судьбе, в которой было немало интересных совпадений с судьбой Геда. Наверняка говорили они и о Марксе, в лондонском доме которого недавно побывал Гед. Навсегда остались в памяти Плеханова и два других очень ярких события, связанных с той парижской зимой 1880—1881 года: выступление известной коммунарки Луизы Мишель и похороны выдающегося французского революционера Огюста Бланки.

А 1 марта 1881 г. в Петербурге произошло событие, которое всколыхнуло всю Европу: «Народная воля» казнила, наконец, Александра II. Убийство царя вызвало у Плеханова противоречивые чувства: склоняя голову перед народовольцами, которые пожертвовали собой, чтобы «подтолкнуть» народную революцию, он в то же время не мог не чувствовать всей бессмысленности этого шага, который не только не разбудил народ, но и отодвинул намечавшиеся политические реформы. Позже Плеханов вспоминал, что и в письмах к друзьям, и на собраниях русской колонии в Париже он не раз высказывал глубокое убеждение в том, что, покончив с Александром II, «Народная воля» нанесла себе непоправимый удар и поэтому на 1 марта 1881 г. нужно смотреть как на конец народовольчества ¹.

Оправившись от шока, вызванного гибелью отца и страхом за свою собственную жизнь, новый русский император Александр III поставил крест на конституционных проектах М. Т. Лорис-Меликова

и начал решительное наступление на революционеров. 26 апреля в Петербурге состоялась последняя в истории России публичная казнь. За организацию убийства Александра II при большом стечении народа были повешены Софья Перовская, Андрей Желябов, Николай Кибальчич, Тимофей Михайлов и Николай Рысаков. Тем не менее «Народная воля» как бы по инерции еще продолжала свое существование: готовила новые террористические акции, вела работу среди молодых офицеров, печатала прокламации. Это была затяжная, многолетняя агония, не обошедшая стороной не только прямых, но и косвенных участников драмы, в том числе и Плеханова.

Между тем весной 1881 г. в жизни эмигрантов-чернопередельцев произошло еще од-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 27.

⁶⁷

но событие, которое стало важной вехой в истории их взаимоотношений с Марксом. Оно неоднократно привлекало затем внимание историков и сравнительно недавно вновь получило довольно широкий общественный резонанс. Напомним, что летом 1990 г. на обложке седьмого номера российского общественно-политического журнала «Диалог» появился интригующий и броский заголовок: «Плеханов, Засулич и вся группа «Освобождение труда» пошли на нравственное преступление, спрятав письмо Маркса». По утверждению автора статьи «Утаенное письмо» Г. И. Куницына, Г. В. Плеханов и В. И. Засулич совершили неблаговидный поступок, скрыв от общественности письмо Маркса к Засулич от 8 марта 1881 г., где речь шла о судьбе русской крестьянской общины. Тем самым они сознательно дезориентировали участников революционного движения в России, направив их по ложному, тупиковому пути.

Маленькая сенсация вызвала оживленные толки, комментарии и отклики специалистов, позволившие пролить свет на эту мнимоде-тективную историю ¹. Мы уже говорили о том, что для Плеханова и других народников вопрос об общине был одним из крае-угольных камней их тогдашней концепции русской революции. Правда, к тому времени, когда Плеханов оказался в эмиграции, его вера в жизнеспособность общинных порядков в России, уже дала глубокую трещину и потускнела под напором неопровержимых фактов, говоривших о проникновении в деревню капиталистических отношений. Плеханов сомневался, мучился, верил и уже не верил в то, что община поможет русским революционерам вывести свою страну на путь социалистического развития.

В. И. Засулич прекрасно знала об этом, да и сама находилась в состоянии душевного смятения, которое особенно усилилось после знакомства с опубликованной в журнале «Отечественные записки»

статьей В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России». Он утверждал, что в России происходит лишь «игра в капитализм», который насаждается по прихоти правительства, но не имеет глубоких корней в народной жизни, иронически называл буржуазный строй «трактирной цивилизацией», а пролетариат — людьми без будущего. Вокруг статьи Воронцова сразу же вспыхнули жаркие споры, захватившие и русскую эмиграцию. В Женеве ее горячо обсуждали Засулич, Кравчинский, Стефанович, Дейч, польские социалисты Варыньский и Дикштейн. Мнения разделились, и товарищи попросили Веру Засулич написать Марксу с просьбой разрешить их сомнения.

Письмо Засулич Марксу от 16 февраля 1881 г., направленное в Лондон, было очень искренним, по-женски эмоциональным и просто не могло оставить адресата равнодуш-

¹ См.: Конюшая Р. П. Утаил ли Плеханов письмо Маркса?; Филимонова Т. И. Так создаются легенды // Диалог. 1990. № 11, 12; Твардовская В. А., Итенберг В. С. Завершен ли диалог в «Диалоге»? // Коммунист. 1990. № 18 и др.

ным. Засулич ставила вопрос, что называется, ребром: либо-либо. Либо сельская община, освобожденная от чрезмерных налогов и полицейского произвола, способна постепенно организовать производство и распределение продуктов на коллективистских началах, — и тогда революционеры должны отдать все свои силы делу освобождения таящихся в ней могучих сил. Либо она, наоборот, обречена на гибель, и революционерам остается лишь заниматься подсчетами: через сколько десятков лет крестьянские земли перейдут в руки буржуазии и через сколько сотен лет (обратите внимание на эти цифры!) капитализм в России, может быть, достигнет такого же уровня развития, как в Западной Европе. В этом последнем случае, писала Засулич, русским революционерамсоциалистам пришлось бы вести пропаганду только среди городских рабочих, которые постоянно «затоплялись» бы массой крестьян, выбрасываемых разлагающейся общиной на улицы больших городов в поисках заработка. Засулич просила Маркса изложить его взгляды на русскую общину, а также на приписываемую ему теорию, согласно которой «в силу исторической необходимости все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства». Кроме того, она просила дать разрешение на публикацию ответа Маркса на русском языке 1.

Незадолго до этого почти с аналогичной просьбой к Марксу обратился другой русский революционер, народоволец Николай Морозов. Вот почему Маркс, которого уже давно интересовала Россия, ее социально-экономический строй, культура и общественное движение, с интересом и сочувствием встретил послание Засулич и решил подготовить развернутый ответ. Им было составлено несколько черновых вариантов, представляющих огромный интерес для любого историка, социолога или экономиста, но в Женеву было отправлено 8 марта 1881 г. довольно лаконичное и несколько суховатое письмо, содержавшее тем не менее ответы на оба поставлен-

¹ См.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1924. Кн. 1. С. 269-270.

69

ных Засулич вопроса. Причиной немногословности Маркса, видимо, было его плохое самочувствие и тяжелое душевное состояние после смерти жены, а также известные события 1 марта 1881 г. в Петербурге, которые могли круто изменить положение дел в России и требовали отложить до лучших времен чисто теоретические дискуссии.

Как свидетельствуют документы из архива Маркса, в последние годы своей жизни он уже достаточно скептически относился к социалистическим потенциям русской крестьянской общины, однако предпочитал не делать пока каких-либо окончательных выводов о ее будущей судьбе. Против этого решительно восставали и его совесть ученого, и элементарное чувство такта по отношению к революционерам-народникам, которые придавали вопросу об общине огромное значение ¹. Поэтому Маркс ограничился тем,

что указал на отсутствие в «Капитале» — а именно на этот фундаментальный труд ссылалась Вера Засулич — доводов за или против жизнеспособности русской общины. Вместе с тем он признал возможность ее сохранения при условии устранения различных «тлетворных влияний, которым она подвергается со всех сторон», и обеспечения ей нормальных условий для свободного развития. В этом случае, по мнению Маркса, община может стать «точкой опоры социального возрождения России». Важно также подчеркнуть, что Маркс счел нужным специально оговорить сугубо частный характер своего письма, которое не предназначалось им для печати ².

Мы не знаем, как отреагировала на все это Засулич. Может быть, авторитет Маркса на время приглушил ее сомнения, хотя большой пищи для ума она, скорее всего, в ответе из Лондона не нашла. А что же Плеханов? Напомним, что он был в то время в Париже и узнал о письме Маркса от Дейча, который скопировал для него и весь текст ответа ³. Это было в марте 1881 г., и с тех пор следы письма на долгие годы затерялись.

Что касается взглядов Маркса и Энгельса на общину, то они очень скоро стали достоянием гласности. Это произошло после публикации в 1882 г. авторского предисловия к сделанному Плехановым переводу «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык. В нем, в частности, говорилось: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом комму-

нистического развития» ¹. Добавим, что еще за три месяца до появления в Женеве самой брошюры с переводом «Манифеста» текст предисловия Маркса и Энгельса в конце февраля 1882 г. был опубликован в Петербурге в нелегальном революционном журнале «Народная воля». Конечно, количество людей, познакомившихся тогда с мыслями Маркса и Энгельса, было очень невелико, но для нас важно другое: никакой особой тайны здесь не существовало, и если бы даже Засулич, вопреки воле Маркса, немедленно опубликовала его письмо, это мало что изменило бы, особенно если принять во внимание предельную осторожность марксовых формулировок и крайнюю гипотетичность всей ситуации.

В самом деле, Маркс явно предпочел воздержаться тогда от каких-либо жестких выводов относительно судеб российского капитализма и крестьянской общины. В одном из черновых вариантов своего ответа на письмо Веры Засулич он подчеркивал, что вро-

¹ Об этом со ссылкой на Э. Бернштейна, который часто общался с Энгельсом, рассказывал в предисловии к публикации письма Маркса Засулич тогдашний директор Института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязанов // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 1. С. 267.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 420.

³ См.: Группа «Освобождение труда». М. -Л., 1924. Сб. 2. С. 218-219.

жденный дуализм общины, в которой сосуществуют общественная и частная собственность, совместный и индивидуальный труд, допускает альтернативное решение вопроса о направлении ее дальнейшего развития: либо частнособственническое начало возьмет в ней верх над началом коллективистским, либо победу одержит последнее ². Говоря о факторах, которые благоприятствовали бы сохранению общины, Маркс отмечал привычку русских крестьян к артельным отношениям, например, совместный труд на общиных лугах. Упоминал он и о физическом рельефе русской равнины, позволявшем применять на полях машины. Однако Маркс не закрывал глаза и на факты разложения общины, на рост в ней имущественного неравенства. В конечном счете свои надежды на возрождение и спасение общины он связывал с радикальным изменением социально-политических условий ее существования: «Чтобы спасти русскую общину, — писал Маркс, — нужна русская революция» ³. Вот почему можно сказать, что вопрос о некапиталистическом пути развития России все время ставился Марксом в сослагательном наклонении, в зависимости от возможности соединения русской и европейской революций.

Как бы то ни было, легенда об «утаенном» письме Маркса, возникшая еще в 80-х годах прошлого века, оказалась очень живучей. Когда в 1923 г. оно неожиданно было обнаружено за границей в личном архиве П. Б. Аксельрода и в 1924 г. опубликовано в Берлине Б. И. Николаевским, на эту публикацию немедленно откликнулся едва ли не самый крупный в то время советский специалист по истории марксизма Д. Б. Рязанов. Он опубликовал переводы черно-

В 1957 г. этот сюжет вновь возник на страницах меньшевистского эмигрантского журнала «Социалистический вестник», издававшегося тогда в Нью-Йорке. Е. Юрьев-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 305.

² Там же. С. 419.

³ Там же. С. 410. Подробнее об этом см.: История марксизма-ленинизма. М., 1990. Т. 2. Ч. 2. С. 69-82.

вых вариантов ответа Маркса Засулич, обнаруженные им еще в 1911 г., когда, находясь в эмиграции, он разбирал у Лафаргов архив Маркса, а также перепечатал обнародованный Николаевским окончательный текст этого важного письма. Рязанов сообщил, что в свое время обращался с соответствующими запросами к Плеханову и Засулич, а возможно, и к Аксельроду, но те в один голос заверили его, что о письме Маркса, датированном мартом 1881 г., им ничего не известно. Рязанов не преминул при этом бросить двусмысленную фразу о «странной забывчивости» основателей группы «Освобождение труда» и добавил, что еще в 1889 г., будучи в Швейцарии, слышал самые фантастические рассказы о переписке между членами группы и Марксом по вопросу об общине и даже о каком-то личном столкновении на этой почве между Марксом и Плехановым 1.

ский ² опубликовал там статью под названием «Мысли о Г. В. Плеханове», где со ссылкой на его вдову, Р. М. Плеханову, изложил уже откровенно антиплехановскую версию истории с письмом Маркса, согласно которой в марте 1881 г. Георгий Валентинович якобы уговорил Засулич никому пока не показывать этот документ, поскольку позиция Маркса не подкреплена там фактами и в то же время немилосердно «портит» все его, Плеханова, «теоретические чертежи». Позже, в 1885 г. Плеханов якобы пошел еще дальше, убедив Веру Ивановну, что лучше всего было бы вообще навсегда забыть об этом письме, поскольку оно только укрепляет народнические иллюзии и мешает марксистам.

Уже упоминавшийся выше Б. И. Николаевский, ставший к тому времени эмигрантом с тридцатилетним стажем, немедленно выступил с опровержением этого навета. Он сообщил читателям «Социалистического вестника», что сам спрашивал о письме Маркса у Р. М. Плехановой, но та сказала, что ничего об этом не помнит. Поэтому Николаевский в деликатной форме высказал предположение, что рассказ Юрьевского основан, вероятно, на недоразумении. По словам Николаевского, П. Б. Аксельрод высказал в свое время предположение, что Засулич оставила у него это письмо еще в 1884 г., причем он его тогда даже не читал. Никакого злого умысла со стороны членов группы «Освобождение труда» Николаевский во всей этой истории не обнаружил. Он соглашался с тем, что бывшим меньшевикам необходимо очень внимательно относиться к своему прошлому, но руководствоваться при этом сугубо принципиальными, а не конъюнктурными соображениями. В заключение Никола-

евский писал: «...Меньше всего мы должны останавливаться перед критикой отдельных лиц. В частности, я лично ни в коей мере не считаю моим героем в истории российской социал-демократии Г. В. Плеханова. У него, конечно, была не только «десница», но и «шуйца», даже не одна. Но мы должны быть не только смелы и идти до конца в критике. Мы должны быть и справедливы» ¹. Прекрасные слова, к которым нечего добавить и сегодня.

И сколько бы ни говорили сегодня о том, что русский марксизм и лично Плеханов начали с обмана общественности и «утайки» письма Маркса, что марксизм изначально аморален, основан на лжи и т. д., факты не подтверждают эту версию. Мы еще вернемся к вопросу о судьбах крестьянской общины в России, но не будем забывать, что они зависели не от нескольких строчек Маркса и не от воли его русских учеников, а от объективного хода социально-экономических процессов, которые шли в нашей стране в конце XIX — начале XX в. и были сильнее любого идеолога и вождя. Да и что в данном

¹ См.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 1. С. 266.

² Это был один из литературных псевдонимов Н. В. Валентинова.

случае мог сделать Плеханов? Закрыть шлагбаум перед русским капитализмом? Дать своим товарищам приказ денно и нощно охранять общину? Молиться о скорейшем приходе европейской революции?

Но вернемся к событиям 1881 г. В Париже Плехановы жили вместе с приехавшей из России Теофиллией Полляк. Главным источником их существования были разного рода случайные заработки. Георгий тоже стремился внести посильную лепту в скудный семейный бюджет, но ему классически не везло. Однажды он взялся за перевод романа, но издатель неожиданно исчез, не заплатив за работу ни гроша. Затем Плеханов за мизерную плату стал надписывать конверты, однако заказчик грубо оскорбил его, и он ушел, так и не взяв честно заработанных денег.

Между тем в мае 1881 г. на свет появилась Лидия-Софья Георгиевна Боград ² (ее второе имя было дано в честь известной революционерки-народоволки Софьи Перовской, незадолго до этого казненной за участие в покушении на Александра II), а вместе с ней — новые хлопоты, тревога и, конечно, новые расходы. Поэтому Плеханов был несказанно рад, когда по рекомендации П. Л. Лаврова Н. К. Михайловский заказал ему статью для известного петербургского журнала «Отечественные записки», название которого ассоциировалось у каждого русского интеллигента с именами В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Печататься в таком издании было для Плеханова большой честью. Темой статьи стал разбор книг двух экономистов — немца Морица Майера и

француза Эм. де Лавелейе, а называлась она «Новое направление в области политической экономии» и была опубликована в 11-м номере «Отечественных записок» за 1881 г. под псевдонимом «Г. Валентинов».

Лето 1881 г. Плеханов с женой и маленькой дочерью провели в деревушке Мольери под Парижем. Оттуда он часто ездил к П. Л. Лаврову, который предложил ему пользоваться своей библиотекой, работать и даже ночевать в его кабинете. Их беседы затягивались далеко за полночь, но ровно в семь часов утра пунктуальный Петр Лаврович неумолимо будил своего молодого «жильца».

Более близкое знакомство с Лавровым дало Плеханову очень многое. Думается, что он был вполне искренен, когда в ответ на поздравления Лаврова в связи с публикацией в «Отечественных записках» статьи «Новое направление в области политической экономии» писал ему: «Вы поздравляете меня с успехом; от всей души благодарю Вас, ми-

¹ Диалог. 1990. № 12. С. 83.

 $^{^2}$ В связи с тем, что брак Г. В. Плеханова с Р. М. Боград не был зарегистрирован, их дочери до официального развода Плеханова с его первой женой носили фамилию Боград (см.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 201. Л. 14 об).

лый Петр Лаврович; тем более что помещением моей статьи, «успехом» я обязан Вам. С тех самых пор, как во мне стала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях. Затем, когда, взявшись за литературную работу, я искал поддержки и указания, Вы снабжали меня материалами, советами, указаниями и рекомендациями» ¹.

Тем временем, чувствуя, что ребенок невольно мешает Плеханову в его работе, Роза вернулась в Швейцарию и поселилась с дочерью в местечке Божи, близ Кларана, а сам он задержался во Франции, чтобы расплатиться с кредиторами. В сентябре 1881 г. Плеханов вернулся к семье и засел за выполнение нового заказа редакции «Отечественных записок» — статьи о взглядах известного в то время немецкого экономиста Карла Родбертуса-Ягецова. Она оказалась очень большой и была напечатана в четырех номерах журнала в 1882 и 1883 гг. Прочитав ее, профессор Базельского университета А. Тун предлагал Плеханову перевести свое сочинение на немецкий язык и защитить его в качестве докторской диссертации, гарантируя успех, но автор только посмеялся в ответ ².

Интеллектуальная жизнь Плеханова в начале 80-х годов — это уникальный по интенсивности и результативности процесс выработки нового мировоззрения и радикального пересмотра прежних взглядов на историческое развитие России и задачи русских социалистов. Георгий Валентинович буквально «глотал» огромное количество книг, работал с 8 часов утра до полуночи с небольшими

перерывами для прогулки и послеобеденного отдыха, читал не только дома, но и в лесу, в горах, часто прямо на ходу. Он жадно впитывал впечатления от западноевропейской жизни, изучал опыт зарубежного социалистического и рабочего движения. Заметно менялось, в частности, и его отношение к германским социал-демократам: если в 1877 г. они казались ему «пресными» и неинтересными, то уже летом 1880 г., выступая в Видене, близ Цюриха, на их съезде, он заговорил совсем другим языком. «Германская социал-демократия всегда играла выдающуюся роль в великой борьбе, ведущейся под знаменем освобождения труда от гнета капитала. Ее теоретики были провозвестниками и основоположниками современного научного социализма, ее организация и всегда свойственные ей солидарность и дисциплина, с одной стороны, служили примером для социалистов других стран, с другой стороны, внушали с давних пор страх и тревогу международной буржуазии». Плеханов подчеркнул, что цели русских социалистов в общем и целом вполне совпадают с целями социалистов всех цивилизованных стран, а следо-

^Т Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 86. По свидетельству Р. М. Плехановой, Михайловский очень ценил литературный талант Г. В. Плеханова и в письме к Лаврову называл его новым Добролюбовым (см.: Новая и новейшая история. 1981. № 6. С. 136).

² См.: Группа «Освобождение труда». М. -Л., 1926. Сб. 5. С. 278.

вательно и с целями германской социал-демократии. Он заверил немецких товарищей в том, что в решительную минуту их борьбы русские социалисты не замедлят делом доказать свою симпатию и солидарность 1 .

Можно лишь пожалеть, что Плеханов не вел тогда подробных дневниковых записей и писал мало писем, позволивших бы историку год за годом, месяц за месяцем, день за днем проследить эволюцию его философских и политических позиций. Трудно судить и о том, насколько тяжело дался ему переход от одной системы взглядов (народнической) к другой (марксистской), какие проблемы вставали здесь перед ним в нравственном плане. Очевидно, процесс этот был достаточно сложным и болезненным, но благодаря силе и твердости своего характера, душевному здоровью и полемической закалке, Плеханов сумел избежать психологических кризисов и срывов. Он не «сломался», не впал в творческую депрессию. Борьба, полемика, спор были его второй натурой, и это помогало ему устоять в самых трудных жизненных ситуациях.

Вспоминая позже об этом времени, Плеханов писал, что он и его товарищи буквально набрасывались на социалистическую литературу, среди которой сочинения Маркса и Энгельса занимали, конечно, первое место ². В его записной книжке той поры сохранились упоминания о приобретении книг Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Кельнский процесс коммунистов», «Гражданская война во Франции», книги Энгельса «Анти-Дюринг» и его работ «К жилищному вопросу» и «Бакунисты за работой».

К 1880 —

² Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1940. Сб. 8. Ч. І. С. 17.

1882 гг. относится также начало изучения Плехановым совместного труда Маркса и Энгельса «Святое семейство» и работы Маркса «К критике политической экономии» ¹.

Вполне понятно, что Плеханов не мог пройти и мимо «Коммунистического манифеста», причем он не только проштудировал его сам, но и решил сделать достоянием русской революционной молодежи, демократической интеллигенции и передовых рабочих. Знакомство с этим сочинением составило, по собственному признанию Плеханова, целую эпоху в его жизни ². Попытки перевода этого программного документа марксизма на русский язык предпринимались и раньше. Так, в 1869 г. в Женеве был издан перевод, долгие годы приписывавшийся Бакунину. Однако он страдал серьезными изъянами. Вот почему Плеханов решил сделать новый перевод «Манифеста» и издать его в качестве одного из выпусков «Русской социально-революционной библиотеки». Эта серия была задумана еще летом 1880 г. как совместное предприятие ряда русских эмигрантских групп — П. Л. Лаврова, «Народной воли» в лице находившихся тогда за границей Л. Н. Гартмана и Н. А. Морозова, «Черного передела» в лице Г. В. Плеханова, а также М. П.

¹ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. II. С. 317-318.

Драгоманова. В 1880—1881 гг. в «Русской социально-революционной библиотеке» вышли брошюра Лаврова «18 марта 1871 г.» о Парижской коммуне и П. Шеффле «Сущность социализма». Следующим на очереди был перевод «Манифеста Коммунистической партии».

В ходе работы Плеханов столкнулся с большими трудностями: мешало несовершенное знание немецкого языка, непривычна была и новая марксистская терминология. Тем не менее в общем и целом он справился со своей задачей, хотя и не избежал отдельных ошибок. Когда перевод был уже почти закончен, возникла идея обратиться к Марксу и Энгельсу с просьбой написать предисловие к русскому изданию «Манифеста». Посредником попросили быть Лаврова, который уже давно поддерживал тесные связи с Марксом. Характерная деталь: обращаясь к нему, Петр Лаврович сообщил, что в роли переводчика выступает молодой человек по фамилии Плеханов — один из самых ревностных учеников Маркса ³. И надо сказать, что в этой аттестации не было преувеличения: ведь в начале 1882 г. Плеханов сам писал Лаврову, что сто раз подумает,

прежде чем не согласится со взглядами Маркса ¹. Интересное высказывание Плеханова, относящееся примерно к тому же времени, запомнилось Льву Дейчу: «Je suis plus marxiste que Marx lui-même» («Я больший марксист, чем сам Маркс». — фр.) ².

Сейчас все это может показаться свидетельством крайней несамостоятельности и узкого догматизма Плеханова и всех первых русских марксистов. Но не будем забывать, что 25-летний Плеханов проходил тогда лишь первые ступени своего марксистского ученичества. Да и не он один восхищался тогда глубиной и блеском марксовой мысли. Впрочем, были примеры и другого рода: народник Н. С. Русанов, тоже находившийся на рубеже 70—80-х годов на идейном распутье и очень увлекавшийся одно время марксизмом, довольно быстро пришел к критике Маркса за недооценку им нравственных принципов и социокультурных факторов и вступил в 1883 г. в «Народную волю», навсегда сохранив скептическое и в целом негативное отношение к марксистской доктрине ³. С Плехановым же все было по-другому, причем решающую роль в преклонении перед Марксом и его достаточно жесткими революционными принципами, видимо, сыграл собственный душевный настрой Георгия Валентиновича, склад его характера, присущее ему смолоду «якобинство».

Легко представить себе, каким ударом для Плеханова оказался случай, который про-

¹ См.: Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983. С. 29-30.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. XXIV. С. 178.

³ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 458. Подробнее о взаимоотношениях Плеханов с Лавровым см.: Итенберг Б. С. Группа «Освобождение труда» и П. Л. Лавров // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. С. 113—114.

изошел с ним 1 апреля 1882 г. В этот день друзья сказали ему, что Маркс приехал в Кларан и можно будет, наконец, поговорить с ним по всем интересующим русских революционеров вопросам. Плеханов страшно разволновался и даже приоделся, насколько это возможно было при его скудном гардеробе. Но, увы, известие о приезде Маркса оказалось лишь дружеским первоапрельским розыгрышем. В мае 1882 г. в Женеве появился долгожданный русский перевод «Коммунистического манифеста» с предисловиями авторов и переводчика. Маркс и Энгельс подчеркивали, что Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе. Как уже говорилось выше, высказались они здесь и по вопросу о судьбах русской общины. А предисловие Плеханова — «Несколько слов от переводчика» — открывалось словами: «Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса пользуются у нас такою громкою и почетною известностью, что говорить о научных достоинствах «Манифеста Коммунистической партии» значит повторять всем известную истину. Вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» начал новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы —

эпоху беспощадной

критики современных отношении труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма». Далее Плеханов подчеркивал, что «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух крайностей — отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения высших, социалистических интересов их партии — с другой. «От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения...», — писал он ¹. При этом основы такой организации, по мнению Плеханова, могут быть заложены уже в настоящее время, поскольку рабочие русских промышленных центров начинают мыслить и стремиться к своему освобождению.

Вскоре тираж русского перевода «Манифеста» был нелегально отправлен в Россию. Два дарственных экземпляра этого издания Лавров послал в Лондон Марксу и Энгельсу. Последний — правда, с некоторым опозданием — ответил в январе 1884 г. Лаврову, что «Манифест» и перевод работы Маркса «Наемный труд и капитал» (он вышел в свет в 1883 г.) доставили ему большое удовольствие ².

Для самого Плеханова работа над переводом «Коммунистического манифеста» стала этапной. Недаром он писал впоследствии: «Я стал марксистом не в 1884 г., а уже в 1882 г. » 3

¹ См.: Литературное наследство. М., 1935. Т. 19-21. С. 293.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 190.

³ См.: Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Н. С. Русанов — искатель истины в социализме // Отечественная история. 1995. № 6.

Лично встретиться с Марксом Плеханову так и не пришлось. 14 марта 1883 г. великого немецкого мыслителя не стало. Плеханов и его друзья откликнулись на известие об этом в письме, направленном съезду немецкой социал-демократии, который происходил в Копенгагене в конце марта — начале апреля 1883 г. «Мы и наши братья, — говорилось в послании, — пользуемся этим случаем, чтобы выразить нашу глубокую скорбь по поводу смерти Карла Маркса, великого учителя и наставника всемирного пролетариата. Мы целиком присоединяемся к словам глубокого уважения и почтения, которые товарищ наш Петр Лаврович Лавров сказал у могилы великого усопшего. И мы твердо убеждены, что преждевременная смерть духовного вождя международного пролетариата для русского социально-революционного движения представляет такую же незаменимую потерю, как и для рабочего движения более передовых стран» ⁴.

Идейная эволюция Плеханова и его товарищей к марксизму шла очень быстрыми темпами. Уже в конце 1881 г. Георгий Валентинович писал Лаврову в Париж, что вопрос о судьбах капитализма в России, по его мнению, — дело решенное и все другие пути,

78

мыслимые, быть может, для каких-нибудь других стран, для нее закрыты ¹. А это означало, что никаких надежд на спасительную роль общины и на возможность развития России по некапиталистическому пути у Плеханова больше не было.

Но время для полного разрыва чернопередельцев с народовольцами еще не пришло. Пути двух основных фракций народнического движения то и дело пересекались и в самой России, и в эмиграции. Общая конечная цель, наличие многочисленных точек соприкосновения в практической деятельности, наконец, сознание пагубности дробления революционных сил — все это создавало почву для новых и новых попыток взаимного сближения. Когда осенью 1881 г. Плеханов вернулся в Швейцарию из Парижа, он писал Лаврову, что настроение его женевских товарищей можно было бы сформулировать так: соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгуемся, сколько возможно ².

По более позднему признанию самого Плеханова, в 1881 г. чернопередельцы постоянно поддерживали с народовольцами дружеские отношения, помогая им всем, чем только могли ³. В том же году Плеханов направил в редакцию «Народной воли» рецензию на брошюру Льва Тихомирова «Тирания в России», изданную на французском языке вскоре после убийства Александра И. И хотя народовольцы не опубликовали заметку Плеханова, но поблагодарили его за сочувственное отношение к участникам цареубийства и пригласили к дальнейшему сотрудничеству ⁴. В мае 1882 г. Плеханов и его же-

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. Соч. Т. І. С. 15.

² К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 492.

³ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8. Ч. 1. С. 22.

⁴Плеханов Г. В. Соч. Т. II. С. 9.

невские товарищи взяли под защиту народовольцев, на которых довольно грубо напал в журнале «Вольное слово» Драгоманов, заявивший, что в нравственном отношении ситуация в самой «Народной воле» и вокруг нее далека от идеала (предательство Л. Гольденберга, интриги, взаимная нетерпимость, грызня, угодничество перед руководителями и т. д.). Протестуя против подобных приемов полемики, Плеханов и его друзья просили Драгоманова назвать конкретные факты, подкрепляющие его обвинения. Это письмо было с сокращениями опубликовано в «Календаре "Народной Воли"» ⁵.

В свою очередь Исполнительный комитет «Народной воли» обратился в феврале 1882 г. к ряду народников-эмигрантов, в том числе к Плеханову, Засулич, Дейчу и Аксельроду, с письмом, где подчеркивалось, что народовольцы отнюдь не игнорируют революционную работу в массах, в частности среди рабочих. Это был

70

примирительный жест, не считаться с которым чернопередельцы не могли. В своем ответе «Народной воле», датированном мартом 1882 г., они писали, что еще три года назад расходились с народовольцами в вопросе о политической деятельности. «Вы раньше нас осознали необходимость добиваться политической свободы. Мы тогда отрицали эту необходимость. Но два года, проведенные за границей, убедили нас в том, что всякая партия, отказывающаяся от политической деятельности, тем самым подписывает свой смертный приговор. Да на самом деле этого никогда и не бывает, т. к. только путем политической агитации создавались прочные партии, только путем политических переворотов достигали они осуществления своих стремлений» 1.

Этот ответ был подготовлен Дейчем при участии Плеханова и Засулич. Условием объединения «Черного передела» с «Народной волей» они считали обоюдное признание следующих положений: революционную работу следует вести прежде всего среди городских рабочих, необходим союз с либералами, предстоящий переворот будет носить демократический характер. При этом Плеханов и его товарищи признавали, что на этапе борьбы с самодержавием цели обеих организаций совпадают, а народовольческие приемы борьбы объективно полезны. Вместе с тем лидеры «Черного передела» считали необходимым отмежеваться от критического отношения народовольцев к теории Маркса и западноевропейскому рабочему движению ².

Таким образом, возникла совершенно парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: в идейном плане Плеханов семимильными шагами шел к марксизму и в то же время не оставлял надежд на соглашение и даже объединение с народовольцами, придерживав-

¹ Литературное наследство. Т. 19 — 21. С. 293.

² См.: Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов. Вып. І. С. 77.

³ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ См.: Ваганян В. Опыт библиографии Г. В. Плеханова. С. 13—15.

шимися, как известно, совершенно других философских и тактических взглядов, чем марксисты. Объяснялось это рядом причин: тяжелым положением «Черного передела» в России, надеждами на возможность обратить народовольцев в марксистскую веру, наконец, влиянием Засулич и Дейча, которые были сторонниками соглашения с «Народной волей». Приезд за границу в 1882 г. Льва Тихомирова, его разочарование в старой народовольческой программе и заявления о том, что народовольцы ничего не имеют против Маркса (хотя Дюринг им и ближе ³), также подогревали надежды на возможность союза со старыми товарищами по борьбе. Характерно, что Тихомиров, с удовлетворением констатируя сбли-

80

жение взглядов Плеханова и народовольцев на политику, однажды даже сказал ему: «Да вы настоящий народоволец!» 1

Еще в 1881 г. в кругах «Народной воли» возникла мысль приступить к изданию за границей журнала «Вестник «Народной воли»». Редакторами его предполагалось назначить трех эмигрантов — Лаврова, Кравчинского и Плеханова. Последний, хотя и очень неохотно, дал на это свое принципиальное согласие, но начало работы все затягивалось и затягивалось. После приезда за границу Тихомирова было решено, что он заменит в будущем журнале Кравчинского. Однако и это не помогло.

Летом 1882 г. семья Плехановых перебралась в Берн. Здесь Розалия Марковна могла продолжить свои занятия на медицинском факультете Бернского университета, ибо без официального диплома ее врачебная деятельность в Швейцарии была невозможна. Однако вскоре выяснилось, что ей придется заново слушать лекции и сдавать экзамены даже по тем предметам, по которым она уже экзаменовалась в свое время в Петербурге. Поэтому на семейном совете было решено двинуться в Женеву, где для русских студентов существовали более льготные условия получения диплома. Отъезд в Женеву пришлось, однако, задержать из-за болезни, а затем и смерти верного друга семьи Плехановых, Теофиллии Полляк. Вскоре после похорон Георгий Валентинович и Розалия Марковна, а вслед за ними Засулич и Дейч вновь приехали в Женеву.

Между тем становилось ясно, что поселившийся в той же Женеве Лев Тихомиров на позиции марксизма никогда не перейдет. Когда Плеханов порекомендовал ему позна-комиться с эмигрировавшими в Швейцарию руководителями германской социал-демократии, тот сказал, что в этой партии много «никуда не годного народа» и поэтому с ними можно было бы толковать только в том случае, если бы они распустили свою партию и создали вместо нее боевую организацию всего из нескольких сот решитель-

¹ Революционное народничество семидесятых годов XIX в. М. -Л., 1965. Т. 2. С. 335.

² См.: там же. С. 334-339.

³ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 28.

ных, на все готовых людей. «Мы долго не смогли прийти в себя от изумления. Это был редкий перл, своей величиной и своим ярким блеском отнюдь не уступавший тому, которым мы любовались в разговоре с г. Тихомировым о еврейских погромах», — вспоминал позже Плеханов 2 .

Тем не менее беспринципность Тихомирова уже тогда доходила до того, что он соглашался со временем объявить себя социал-демократом, а «Вестник «Народной воли»» — социал-демократическим органом. В итоге соглашение об издании «Вестника» было, наконец, заключено, и первый его номер увидел свет в конце лета

81

1883 г. В нем была опубликована заметка Плеханова о книге профессора Н. Я. Аристова «Афанасий Прокофьевич Щапов», проникнутая сознанием неизбежности перехода русских революционеров к социал-демократизму, причем родоначальником русской социал-демократии Плеханов объявил Н. Г. Чернышевского. В том же номере «Вестника» предполагалось первоначально поместить и теоретическую статью Плеханова «Социализм и политическая борьба» с критикой в адрес «Народной воли». Но этого Тихомиров пережить уже не мог. Он заявил, что «молодые товарищи в России» недовольны его чрезмерной уступчивостью чернопередельцам и что плехановцы могут вступить в «Народную волю» не целой группой, как предполагалось ранее, а лишь в строго индивидуальном порядке.

Поэтому уже летом 1883 г. Плеханов и его товарищи решили создать самостоятельную марксистскую группу. З июля Дейч сообщал Аксельроду, который с 1881 г. обосновался в Цюрихе, что Плеханов, Засулич и он намерены разорвать все отношения с народовольцами и самостоятельно издать две брошюры: одну программного характера и вторую — с переводом работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» ¹. 25 сентября 1883 г. в Женеве было объявлено о рождении новой марксистской организации — группы «Освобождение труда».

Главной причиной полного организационного разрыва Плеханова и его товарищей-чернопередельцев с народовольцами стали идейные разногласия. Однако были и другие факторы, ускорившие создание группы «Освобождение труда»: разгром Исполкома «Народной воли» в России, неожиданно испортившиеся личные отношения между Львом Дейчем и народовольцами, стремление каждой из сторон к преобладающему влиянию в будущей совместной организации, интриги провокатора Дегаева, выполнявшего задание русской полиции, которая хотела во что бы то ни стало помешать объединению различных революционных групп и т. д. ².

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 30.

² Там же. С. 30. Тихомиров считал, что начавшиеся в России после убийства Александра II еврейские погромы могут способствовать политическому пробуждению народа.

Так или иначе, осенью 1883 г. процесс перехода Плеханова на марксистские позиции и в идеологическом, и в организационном плане был завершен. Народничество и особенно народовольчество казались ему пройденным этапом, тогда как марксизм представлялся подлинно научной, универсальной и вполне реалистичной революционной доктриной, ибо в ее пользу говорили и общее направление развития европейской социологической мысли, и глубокая противоречивость буржуазного прогресса, и успехи молодого пролетарского движения, которое докатилось в 70-х годах и до России. В марксизме Плеханова привлекали материализм, диалектика, революционный радикализм, ориентация на рабочий класс, передовые

представители которого за границей и на родине вызывали его искреннее восхищение. Импонировал ему и глубоко интернационалистский характер марксизма, позволявший включить Россию в общеевропейский революционный процесс и окончательно преодолеть ее социокультурную обособленность от Запада.

Когда мы пытаемся объяснить сегодня феномен популярности марксизма в конце XIX — начале XX в., не нужно забывать и о том, что в то время он еще нигде не был испробован на практике, а его внутренние противоречия были хорошо прикрыты блестящими логическими построениями Маркса, которые буквально ослепили Плеханова. Что касается русских революционеров, выросших в условиях самодержавной системы и достаточно хладнокровно относившихся к терроризму «снизу» в качестве ответа на правительственный произвол «сверху», то их не могли испугать ни лозунг диктатуры пролетариата, ни авторитарные и централистские тенденции, заложенные в марксизме, а после неудачи «хождения в народ» — и довольно пренебрежительный взгляд марксистов на крестьянство как исторически обреченный, уходящий в прошлое класс. Не было в то время в России и материала для того, чтобы обнаружить явную идеализацию Марксом и Энгельсом рабочего класса и преувеличение его возможностей в конструктивной работе по созиданию социалистического строя, которая должна была начаться после победы пролетарской революции.

Разочарование Плеханова в народничестве было столь велико, что он отказывался видеть его огромный демократический потенциал, глубокую внутреннюю связь с русской ментальностью и общинными традициями крестьянства, сильно развитое в нем нравственное начало (напомним, что к террору народовольцы относились как к вынужденной мере и тяготились его необходимостью). Видимо, недооценивал Плеханов и те трудности, с которыми было связано распространение марксистских идей и тем более

¹Группа «Освобождение труда». Сб. 1. С. 169.

 $^{^2}$ См.: Севалкин Д. М. К вопросу о причинах возникновения группы «Освобождение труда» // III Плехановские чтения. С. 72 — 79.

их практическая реализация в такой своеобразной, многоукладной крестьянской стране, как Россия, где капитализм, несмотря на все его успехи, находился еще на достаточно низкой стадии развития. Ведь марксизм трактовал уже о крахе капитализма и переходе к социализму, тогда как в России речь шла пока еще лишь об устранении остатков средневековья и переходе к свободному развитию буржуазных отношений.

Подстерегали русских марксистов и другие опасности: потеря независимости и самостоятельности социалистического мышления, разрыв с прежними традициями освободительной борьбы, глубокие, мучительные противоречия между теорией и практикой революционного движения. Но все это в полной мере обнаружилось гораздо позже. Пока же русские марксисты во главе с Плехановым делали лишь первые и, как тогда казалось, многообещающие шаги на пути адаптации новой революционной доктрины к условиям России.

83

В состав группы «Освобождение труда» вошли Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов. Каждый из них был по-своему незауряден, не по-хож на товарищей, но было у них и нечто общее: все они рано пришли в революционное подполье, были беззаветно преданы социалистической идее и в начале 80-х годов фанатично поверили в Маркса и марксизм, который, как им казалось, давал ключ к решению всех социальных и политических проблем. Бесспорным лидером этого маленького, но сплоченного коллектива был Плеханов, стоявший во всех отношениях на голову выше своих друзей и пользовавшийся у них непререкаемым авторитетом.

Выше мы уже рассказывали о Вере Засулич и Павле Аксельроде. 28-летний Лев Дейч был родом с Украины. Он происходил из зажиточной еврейской семьи, но отец его разорился, и Лев рано начал зарабатывать себе на жизнь репетиторством. Бросив в последнем классе гимназию и расставшись с семьей, юноша увлекся идеями Бакунина и Лаврова, принял в 1875 г. участие в «хождении в народ», затем поступил вольноопределяющимся на военную службу и связался с киевским кружком «южных бунтарей» (Яков Стефанович, Михаил Фроленко, Вера Засулич и др.). В армии Дейч из-за столкновения с офицером попал под суд, сбежал из заключения и в 1876 г. перешел на нелегальное положение. Типичный леворадикал, он горел желанием действовать, рассчитывал поднять крестьян на восстание («Чигиринский заговор», 1877 г.), но был арестован, совершил смелый побег из киевской тюрьмы и после кратковременного пребывания в Петербурге уехал летом 1878 г. в Швейцарию. Через год Дейч вернулся в Россию и примкнул к «Черному переделу», а в начале 1880 г. оказался вместе с Плехановым и своей гражданской женой Верой Засулич в эмиграции.

Лев Дейч был человеком дела, отличался смелостью и решительностью, был способен на экстремистские, даже жестокие поступки (в народнический период своей деятельности он облил заподозренного в провокаторстве члена революционного кружка серной кислотой). Характер у него был сложный, неуживчивый. В группе «Освобождение труда» Дейч специализировался на организации типографии, занимался транспортировкой первых марксистских брошюр в Россию, поддерживал контакты с революционными кружками на родине. В марте 1884 г. он был арестован во Фрайбурге (Германия) с партией нелегальной литературы, выдан царским властям и отправлен на каторгу в Сибирь. Только весной 1900 г. ему удалось бежать оттуда за границу и воссоединиться таким образом со старыми друзьями.

Еще один член группы «Освобождение труда» Василий Игнатов прожил всего 30 лет. Он был сыном богатого купца из города Белева, в 1874 г. поступил в Петербургский университет, но сразу же попал в студенческую «историю». Исключенный из университета Игнатов работал одно время в деревне, затем поступил в столич-

мую Медико-хирургическую академию, участвовал в знаменитой демонстрации у Казанского собора в декабре 1876 г., несколько раз подвергался арестам. В 1879 г. он вступил в «Черный передел», но вскоре заболел туберкулезом и вынужден был уехать на лечение за границу. Вся семья Игнатовых (сам Василий, его брат Илья и сестры) оказывала материальную помощь группе «Освобождение труда». Это помогло ей встать на ноги и наладить издательскую деятельность. В 1885 г. В. Н. Игнатов безвременно скончался.

Активное участие в работе группы «Освобождение труда» принимали также Р. М. Плеханова и обслуживавшие типографию наборщики И. В. Бохановский, С. Л. Гринфест и Е. Л. Левков, хотя формально они и не входили в ее состав.

Плеханову очень хотелось, чтобы члены группы называли себя социал-демократами, но в России к европейской социал-демократии относились тогда с явным предубеждением, считая ее реформистским течением. Поэтому было решено назвать организацию русских марксистов-эмигрантов группой «Освобождение труда».

Она ставила перед собой две основные задачи: во-первых, распространение идей марксизма в России путем перевода на русский язык важнейших произведений Маркса и Энгельса и их последователей, и, во-вторых, критику народнических взглядов и освещение важнейших вопросов русской общественно-политической жизни с точки зрения марксистской социологии и интересов трудящегося населения страны ¹. Об этом прямо говорилось в объявлении «Об издании Библиотеки современного социализма», написанном Плехановым и изданном в конце сентября 1883 г. в виде отдельной брошюрки.

Члены группы «Освобождение труда» подчеркивали, что будут бороться за свержение самодержавия, готовить рабочий класс России к сознательному участию в политической жизни, заниматься его организацией и пропагандой социализма в пролетарской среде. В перспективе в России предполагалось создать марксистскую рабочую социалистическую партию как инструмент революционного переустройства общества.

Группа обращалась ко всем русским революционерам на родине и в эмиграции, сочувствовавшим изложенным в заявлении взглядам, с предложением наладить сотрудничество и совместно выработать программу будущей деятельности. При этом в специальном примечании, написанном Дейчем, подчеркивалось, что «Черный передел» и «Народная воля» имеют так много общего, что могут действовать в громадном большинстве случаев рядом, дополняя и поддерживая друг друга. Таким образом, даже осенью 1883 г. разрыв с народовольцами по-прежнему еще не считался делом окончательно решенным.

85 как

Среди женевских эмигрантов оформление марксистской группы было встречено, как вспоминал Дейч, очень скептически. «Переводными брошюрками и компиляциями немецких произведений «освободители труда» задумали осчастливить Россию, все в ней на новый, социал-демократический путь перевести», — смеялся один эмигрантнародоволец. «Вы не революционеры, а студенты социологии», — с издевкой говорил другой. Сказывалось и отрицательное отношение к плехановской группе П. Л. Лаврова, который был очень популярен в эмигрантских кругах ¹.

Тот же Дейч шутил, что положение группы — хуже губернаторского: связей с Россией почти не было, как не было и собственного печатного органа, денег, рекламы. Выручил В. Н. Игнатов, благодаря финансовой помощи которого за 2, 5 тыс. франков была приобретена у народовольца Трусова типография в Женеве. Это позволило приступить к реализации первой задачи новой организации — популяризации и распространению на родине марксистских идей. Всего с 1883 по 1900 г. группа «Освобождение труда» издала (полностью или в отрывках) 30 важнейших произведений Маркса и Энгельса. На плечи самого Плеханова легла при этом работа по переводу речи Маркса о свободе торговли, его «Тезисов о Фейербахе», работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также редактирование ряда переводов, выполненных Верой Засулич. Совместно с ней Плеханов перевел также работу Энгельса «О социальном вопросе в России» (ответ П. Н. Ткачеву). Хорошо отредактированные, снабженные предисловиями и комментариями, эти переводы переправлялись в Россию и нередко переиздавались действовавшими там социал-демократическими кружками.

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. II. С. 22-23.

Важное место в деятельности группы «Освобождение труда» занимала также с самого начала публикация оригинальных сочинений первых русских марксистов. Уже в октябре 1883 г. в Женеве увидела свет брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба». В основу ее был положен текст статьи, предназначавшейся раньше для «Вестника «Народной воли»». Но теперь он был значительно дополнен и отредактирован автором в сторону смягчения критики народовольцев. Это был мудрый тактический шаг, объяснявшийся прежде всего значительной популярностью «Народной воли» среди революционной молодежи в России. Нельзя было забывать и о том, что именно «Народная воля» открыла эпоху сознательной политической борьбы с русским правительством. Кроме того, Плеханов считал безнравственным бросить камень в людей, которые шли на смерть или каждый день рисковали жизнью ради освобождения народа от царского деспотизма.

Вместе с тем в первой же своей марксистской работе Плеханов совершенно недвусмысленно осудил тактику индивидуального террора и четко противопоставил утопическим намерениям народовольцев совершить прыжок из царства самодержавного деспотизма прямо в социалистическое царство свободы и равенства принципиально иное решение вопроса о соотношении борьбы за демократизацию общества и борьбы за социализм, рассматривая их вслед за Марксом и Энгельсом как два последовательных этапа революционных преобразований. Это важное положение марксизма Плеханов считал верным и применительно к России.

Эпиграфом к своей брошюре Плеханов взял известные слова из «Манифеста Коммунистической партии»: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Он убедительно показал, что борьба за социализм невозможна без политической борьбы, начинающейся с предъявления правительству самых элементарных демократических требований: свободы слова, собраний, печати, союзов, неприкосновенности человеческой личности. При этом, в отличие от народников и народовольцев, Плеханов сразу же разграничил демократический и социалистический этапы революции, подчеркнув, что единственной «нефантастической» целью русских революционеров на первом этапе может быть только борьба за демократическую конституцию страны и выработка элементов для создания рабочей социалистической партии, поскольку именно рабочие обладают по сравнению с крестьянством «большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором» ¹.

Выступая против характерного для народников «социалистического нетерпения», Плеханов был, однако, в тот момент убежден, что между свержением самодержавия и

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 1. С. 11.

победой пролетариата пройдет в России сравнительно немного времени. Русская буржуазия, по его мнению, запоздала в своем социально-политическом развитии еще больше, чем немецкая, и поэтому ее господство не может быть продолжительным. Плеханов также полагал, что многое в сближении демократического и социалистического этапов революции в России будет зависеть и от самих революционеров ². При этом механизм ускоренного продвижения России по пути социального прогресса выглядел у Плеханова — как, впрочем, и у его нового учителя Маркса во времена «Коммунистического манифеста» — довольно упрощенно: быстрая пролетаризация крестьянства и городского мещанства, превращение наемных рабочих в самый многочисленный слой общества, его прогрессирующее обнищание, соединение с помощью марксистской партии стихийного пролетарского движения с социалистической идеологией, буржуазнодемократи-

² Там же. С. 110.

ческая, а затем и социалистическая революция, установление диктатуры пролетариата и построение социализма и коммунизма.

В дальнейшем Плеханов пришел к выводу, что указанный процесс будет в России неизмеримо более длительным, трудным и сложным, чем это представлялось ему в начале 80-х годов, а в 1901 г. уже прямо заявил, что падение абсолютизма и социальное освобождение рабочего класса неизбежно будут отделены друг от друга в России значительным промежутком времени ¹.

Мерилом отхода Плеханова от прежних бакунистских взглядов на государство мог бы служить его тезис о том, что достигший политического господства пролетариат сохранит его за собой и будет в относительной безопасности от ударов контрреволюционных сил только тогда, когда установит свою диктатуру, которая помимо выполнения чисто административных и военно-полицейских функций устранит и анархию производства ². Одновременно Плеханов подчеркивал, что диктатура пролетариата — это отнюдь не власть узкой группы революционеров в ее бланкистском или народовольческом вариантах. Конечно, до тех пор, пока пролетариат будет оставаться рыхлым и аморфным классом полукрестьян-полурабочих или люмпен-пролетариатом, требующим лишь хлеба и зрелищ, он неизбежно будет подменен на политической арене выступающей от его имени партией или кружком социалистов, которые превратят «диктатуру пролетариата» в свою собственную диктатуру со всеми вытекающими отсюда последствиями (нарушения законов, коррупция, кумовство и т. п.). Но, по мысли Плеханова, диктатура пролетариата будет возможна только тогда, когда рабочие пройдут школу крупного машинного производства и классовой борьбы, станут сознательными и организованны-

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. в пяти томах. М., 1956. Т 1 С. 111.

ми, приобретут необходимый социальный опыт, ибо никакая конспиративная сноровка и другие ценные качества профессиональных революционеров, руководящих рабочей массой, не заменят сознательного участия самих рабочих в организации производства и управления обществом.

«Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат, — писал Плеханов, — возьмет государственную власть в свои собственные руки, с тем чтобы, покончивши с своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не анархии, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но пан-архии, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумыва-

нии социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен» ¹. Прекрасные и, увы, надолго забытые затем слова, о которых не мешало бы помнить и в 1917 г., и позже!

Прогнозируя вероятные последствия преждевременного захвата власти революционерами-социалистами в условиях России, Плеханов приходил к следующему выводу: предоставленное естественному ходу вещей, экономическое равенство всех трудящихся, к которому стремятся революционеры, в условиях сохранения товарного производства неизбежно сменится новым социальным расслоением. Если же революционеры попытаются организовать национальное производство методом диктата «сверху», то окажутся перед весьма неутешительной для них перспективой: поскольку социалистическая организация производства в России в данный момент невозможна (этому помешают его низкий технический и технологический уровень, низкая культура труда, частнособственнические привычки крестьянства и мещанства, непрактичность самих революционеров — выходцев из интеллигентской среды), то социалистам придется искать спасение в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», при котором производством будет заведовать «социалистическая каста». Но при таком «казарменном коммунизме» народ «или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность лишь благодаря возникновению того самого экономического неравенства, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства»².

Правда, Плеханов ошибся в одном: он считал, что новый вариант «перувианского

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XII. С. 163.

² Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 101.

коммунизма» (имеется в виду общественный строй индейского племени инков, обитавшего в XI — XIII вв. на территории современного Перу) теперь уже невозможен. При этом он заметил, что русский народ «слишком развит, чтобы можно было льстить себя надеждой на счастливый исход таких опытов над ним» ³. Как теперь хорошо известно, Сталин доказал, что подобные эксперименты даже в XX в. вполне возможны. И не только в России.

Плеханов коснулся в работе «Социализм и политическая борьба» и такого важного вопроса, как взаимоотношения между пролетариатом и двумя его возможными союзниками по борьбе с царизмом — либеральной буржуазией и крестьянством. Он считал недальновидным преждевременно пугать либералов «красным призраком» социализма, рассчитывая на возможность присоединения многих представителей русского либерализма к конституционной программе марксистов. Допускал Плеханов и другую возможность:

возникновение достаточно широкого самостоятельного либерально-демократического движения. Тогда, заключал он, пробил бы час падения абсолютизма в России, причем социалистическая партия играла бы в этом освободительном движении весьма почетную и выгодную ей роль ¹.

Плеханов подчеркнул также, что отнюдь не считает, будто социалистическое движение не сможет встретить поддержки в деревне, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария. В общем и целом русское крестьянство, по мнению Плеханова, отнеслось бы с большой симпатией к национализации земли. Но следует учитывать, продолжал он, что крестьянство, живущее в более отсталой социальной среде, чем рабочие, менее способно к сознательной политической инициативе и менее восприимчиво к пропаганде социализма, которую ведет революционная интеллигенция. Вот почему на первых порах революционерам следовало бы сосредоточить свое главное внимание на промышленных центрах и пролетариате. Затем, уже после завоевания политической свободы и организации рабочей партии, последняя должна была, по мысли Плеханова, начать систематическую пропаганду социализма в крестьянской среде, хотя отдельные случаи такой пропаганды были бы возможны уже и теперь. Едва ли нужно специально оговаривать, писал он, что если бы началось сильное и самостоятельное крестьянское движение, социалисты должны были бы оперативно изменить распределение своих сил, предназначенных для работы в народе ².

В противовес народникам, которые всячески подчеркивали особую роль разночинной

89

¹Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 101 — 102.

² Там же. С. 105.

³ Там же

интеллигенции в революционном процессе, Плеханов говорит о ней в своих первых марксистских работах очень скупо. Тем не менее в общей форме Плеханов достаточно четко поставил в работе «Социализм и политическая борьба» вопрос о том, что интеллигенция должна стать руководителем рабочего класса в освободительном движении, разъяснить, в чем состоят его политические и экономические интересы, подготовить пролетариат к самостоятельной роли в общественной жизни России. «Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социальнополитической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самим рабочим, но интеллигенция должна выяснить им главнейшие ее пункты... Все это может быть достигнуто лишь путем усиленной работы в среде, по крайней мере, наиболее передовых слоев нашего рабочего класса, путем устной и печатной пропаганды и организации рабочих социалистических кружков» ³. Основы этой традиции заложили уже революционные народ-

on

ники, и задача марксистов состоит в том, чтобы продолжить и развить ее на новой идейно-теоретической основе.

Сильно прозвучал и итоговый вывод Плеханова о роли передовой революционной теории, в данном случае марксизма, в коренном преобразовании общественных отношений. «Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, — писал он, — революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная же по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире» ¹.

Сравнительно небольшая брошюра Плеханова произвела среди русских революционеров-эмигрантов эффект разорвавшейся бомбы. По вполне понятным причинам народовольцы встретили ее в штыки. П. Л. Лавров в краткой рецензии, опубликованной в «Вестнике «Народной воли»» называл Плеханова, с которым у него прежде были самые хорошие личные отношения, «господином» и упрекал в том, что для членов группы «Освобождение труда» полемика с «Народной волей» якобы более своевременна, чем борьба с царским правительством и другими эксплуататорами русского народа. С резкой критикой Плеханова выступил и лидер народовольцев Лев Тихомиров. Критическая рецензия появилась также в женевском эмигрантском журнале конституционно-

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 107.

² Там же. С. 110-111.

³ Там же. С. 108.

либерального направления «Общее дело». «Г. Плеханов горячо и красноречиво убеждает русских социалистов усвоить себе принципы «научного социализма», главного и даже единственного представителя которого он видит в лице Маркса, — писал рецензент А. А. Христофоров. — Нельзя не сочувствовать этим призывам к научности; но полное отождествление последней с доктриной Маркса должно вызывать сильное возражение в особенности ввиду тех заключений, которые были выводимы у нас из главных положений этой доктрины» ².

В России работа Плеханова вызвала бурные споры, но все сходились на том, что она производит сильное впечатление. Брошюра «Социализм и политическая борьба» распространялась нелегально в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Перми и некоторых других местах. Весной 1885 г. в нелегальном журнале петербургских студентов «Свободное слово» была помещена рецензия на брошюру Плеханова, причем ее автор целиком солидаризировался с выдвинутой им политической программой. Позже высокую оценку «Социализму и политической борьбе» дал Ленин, назвавший брошюру

Плеханова первым «символом веры» (profession de foi) русского социал-демократизма ¹.

Летом 1884 г. Плеханов с увлечением работал над новой книгой «Наши разногласия», явившейся прямым продолжением «Социализма и политической борьбы». Первая часть тиража, отпечатанная в женевской типографии группы «Освобождение труда», тоже помечена 1884 г., но официальной датой выхода книги в свет считается февраль 1885 г. «Наши разногласия» сразу же привлекли к себе внимание сначала русской революционной эмиграции, а затем и революционеров в самой России. Да и не только революционеров, поскольку содержание книги не могло не затронуть за живое любого мыслящего россиянина.

По сравнению с «Социализмом и политической борьбой» «Наши разногласия» написаны острее, свободнее, откровеннее. В них гораздо меньше той внутренней самоцензуры и «дипломатии», которые были продиктованы сложными взаимоотношениями первых русских марксистов с «Народной волей» и так бросаются в глаза при чтении первой брошюры Плеханова.

Новаторский характер «Наших разногласий» проявился прежде всего в том, что здесь впервые в русской социалистической литературе был дан марксистский анализ состояния экономики пореформенной России. Несмотря на большие трудности, связанные с поисками необходимых источников, Плеханов проштудировал не только такие работы, как «Судьбы капитализма в России» В. П. Воронцова, «Очерки нашего пореформенного

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 95.

² См.: Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. М., 1983. С. 103.

общественного хозяйства» Н. Ф. Даниельсона, книги В. С. Пругавина, В. И. Орлова и других исследователей, но и немало различных статистических изданий и справочников. Поэтому он со знанием дела смог осветить множество совершенно конкретных социально-экономических сюжетов (динамика внутреннего рынка, численность промышленных рабочих, развитие кустарных промыслов, состояние крестьянской общины и процесс ее разложения, данные о мелком землевладении в России и т. д.). Так родились две очень важные главы книги — «Капитализм в России» и «Капитализм и общинное землевладение».

Вопрос о судьбах капитализма в России, с которым так носились народники, фактически уже решен самой жизнью, делал вывод Плеханов. «За капитализм, — писал он, — вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость этого движения» ². Правда, главный поток русского капитализма пока еще неглубок, но в него со всех сторон вливается такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что его уже нельзя остановить.

Критический анализ и сопоставление различных источников позволили Плеханову установить, что к началу 80-х годов в России был уже по меньшей мере миллион промышленных рабочих, тогда как в начале XIX в. их было примерно в десять раз меньше. Стремительно росли и такие показатели, как число фабрик и заводов, стоимость произведенной на них продукции и выработка на одного рабочего. Кроме того, в систему капиталистического производства непрерывно втягивались все новые и новые массы кустарей, число которых равнялось в России нескольким миллионам человек.

Рост кредитных операций, бурное железнодорожное строительство, приток иностранных капиталов, расширение внутреннего рынка, вывоз русских товаров в Среднюю Азию и т. д. — вот та пестрая мозаика фактов русской экономической жизни, из которых складывалась картина капиталистической эволюции России. При этом Плеханов отдавал себе отчет в том, что пройдет еще более или менее длительный промежуток времени, пока отечественный капитализм станет полновластным хозяином страны. Однако процесс этот принял уже необратимый характер. «Довлеет дневи злоба его, — писал Плеханов, — и что бы ни сулила нам в будущем предстоящая Западу социалистическая революция, злобой нынешнего дня является у нас все-таки капиталистическое производство» ¹.

Нетрудно заметить, что Плеханов в завуалированной форме полемизирует здесь с Марксом, допускавшим возможность некапиталистического развития России в случае

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 311.

² Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 288.

соединения русской революции с революцией западноевропейского пролетариата. Для руководителя группы «Освобождение труда» вопрос об альтернативах социально-экономического развития России к этому времени по существу был уже снят, хотя он и допускал, — и об этом прямо сказано в «Наших разногласиях», — что торжество рабочего класса в Англии или во Франции неизбежно отразится на развитии всего цивилизованного мира и сократит время господства капитализма в остальных странах. Но все это дело будущего, заключал Плеханов ².

Большое внимание уделил он и состоянию крестьянской общины, которую народники (и сам Плеханов, когда он был членом «Земли и воли» и «Черного передела») считали главным гарантом движения России по некапиталистическому пути. Приведя значительный фактический материал, свидетельствовавший о постепенном размывании старых общинных устоев, автор «Наших разногласий» делал вывод: «Серьезное сомнение невозможно. Всякий беспристрастный наблюдатель видит, что наша община переживает тяжелый кризис, что самый этот кризис близится к концу и перво-

² Там же. С. 250.

бытный аграрный коммунизм готовится уступить место личному или подворному влалению» ¹

Правда, Плеханов признавал, что общинные порядки и прежде всего уравнительные переделы земли (там, разумеется, где они еще не ушли в область преданий) работают против капитализма. Но в обстановке бурного развития товарного производства и роста имущественного неравенства крестьян «сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития... При переходе к этим последним ей предстоит не активная, а пассивная роль; она не в состоянии двинуть Россию на путь коммунизма; она может только менее сопротивляться такому движению, чем мелкое подворное землевладение» ².

Сейчас, через сто с лишним лет после выхода в свет «Наших разногласий», когда мы знаем, что было с русской крестьянской общиной в 1905 г., во времена столыпинской аграрной реформы, в 1917 — 1918 гг. и позже, мы уже можем достаточно обоснованно судить о том, прав или не прав был Плеханов в своих оценках жизнеспособности общины. Жизнь показала, что масса русского крестьянства до последней возможности держалась за общину, рассматривая ее как институт социальной защиты мужика от помещика (а отчасти и кулака), стихийных бедствий и разорительных налогов, а также как важный инструмент своей консолидации в процессе борьбы за землю и волю.

Нельзя сбрасывать со счетов и приверженность крестьянства тем остаткам общинной демократии, которые сохранялись в деревне, а также притягательную силу идеи уравни-

93

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 251.

тельного трудового землепользования, которая дожила до 1917 г. и с которой вынужден был считаться Ленин, приступая к осуществлению аграрных преобразований после победы советской власти. Кроме того, не будем забывать, что вплоть до столыпинской реформы общинные порядки в деревне всячески поддерживало и консервировало и само царское правительство. Да и Столыпину, несмотря на весь его административный талант, удалось перевести на хутора и отруба лишь часть крестьян-общинников (по самым оптимистическим оценкам, она составляла не более трети крестьянских дворов).

Плеханов был, безусловно, прав, констатируя наличие тенденции к разложению общины, сдерживавшей инициативу и предприимчивость своих членов и стремившейся хотя бы частично уравнять богатых и бедных. Но он слишком спешил ставить на ней крест, ибо в реальной действительности оказалось возможным достаточно длительное сосуществование общины и капитализма. Это явно не укладывалось ни в традиционные народнические представления о полной несовместимости указанных социальных феноменов, ни в

 Q_{Δ}

новые представления Плеханова-марксиста, который в борьбе с народничеством не раз «перегибал палку», отбрасывая не только народническую утопию, но и рациональное зерно народнической доктрины. Вполне возможно, что если бы история — эта до крайности ироническая старуха, как не раз называл ее Плеханов, — отпустила бы российскому капитализму более длительный срок, он в конце концов сумел бы «перемолоть» и такой крепкий орешек, как община. Однако на практике фермерский путь развития сельского хозяйства, требовавший полной ликвидации помещичьего землевладения, значительных капиталовложений и настоящей революции в психологическом настрое основной массы крестьян, оказался в России лишь одной из возможных альтернатив развития деревни, но полностью победить в огромной многонациональной и многоукладной стране так и не смог. В итоге в вопросе о судьбах общины жизнь оказалась мудрее и народников, и марксистов, хотя реальная крестьянская община конца XIX — начала XX в. действительно была очень далека от той идеальной картины, которую рисовали себе участники «хождения в народ».

В то же время нельзя не воздать Плеханову должное за его честное и своевременное предостережение от соблазна искусственно форсировать ход исторического процесса и заняться насаждением социализма без наличия для этого объективных предпосылок, компенсировать отсутствие (или недостаток) которых призваны были, по мнению некоторых народников, сильная воля и железная рука революционеров.

Народовольческая идея соединения демократического и социалистического перево-

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 285.

² Там же. С. 347.

рота в один революционный акт была подвергнута Плехановым критике еще в работе «Социализм и политическая борьба». Теперь в «Наших разногласиях» он продолжил эту тему, нарисовав яркую картину возможных последствий преждевременной социалистической революции по рецепту Льва Тихомирова: установление «обновленного царского деспотизма на коммунистической подкладке», сохранение в обществе экономического неравенства, а возможно, и откат страны назад ¹. По мнению Плеханова, деревня и после экспроприации крупных землевладельцев продолжала бы жить по законам товарного производства, ежечасно рождающего экономическое неравенство. И здесь не помогла бы даже общественная обработка полей, если бы ее ввели по декрету нового правительства, ибо до настоящего коммунизма от нее немногим ближе, чем от совместной работы крестьян на барщине или от «общественных запашек», вводившихся при Николае I с помощью розог с целью создания семенных и продовольственных запасов на случай неурожая и стихийных бедствий ².

² Там же. С. 325-326.

Точно так же бессильна была бы помочь России и европейская пролетарская революция, на которую так уповал тот же Тихомиров, ибо крестьянские страны типа России скорее всего оказались бы маловосприимчивыми к ее влиянию. Разъясняя эту мысль, Плеханов писал: «Объективная логика внутренних отношений крестьянских государств вовсе не «навязывает» им «социалистической организации в сфере внутреннего обмена»; навязывание же ее «с чисто внешней стороны» не может увенчаться успехом. Европейская рабочая революция несомненно и очень сильно повлияет на все те страны, в которых хоть некоторые слои граждан будут походить на европейский рабочий класс по своему экономическому положению, по своему политическому воспитанию и по привычкам мысли. Наоборот, ее влияние будет сравнительно слабо там, где таких слоев не окажется. Февральская революция (1848 г. — С. Т.) отразилась почти во всех странах, схожих с Францией по своей «социальной конструкции». Но поднятая ею волна разбилась на пороге крестьянской Европы. Смотрите, как бы не повторилось того же и с будущей революцией пролетариата! «Смысл басни сей таков», что Запад — Западом, а Россия — Россией, или, другими словами, на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай. Как бы ни было могущественно возможное влияние европейской революции, но мы должны позаботиться о создании тех условий, которые сделали бы это влияние действительным. Половинчатая же крестьянско-мещанская революция г. Тихомирова не только не создаст таких условий, но уничтожит даже и те из них, которые существуют уже в настоящее время».

Одно из двух, продолжал Плеханов: либо после народовольческого переворота Рос-

95

¹Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 323, 329.

сия вернется к натуральному хозяйству, — и тогда у нас будет относительное равенство, но зато Запад не сможет влиять на нас вследствие слабости международного обмена; либо у нас будет развиваться товарное производство, — но тогда вся Россия превратится в страну мелкой буржуазии и социалистическому Западу опять-таки трудно будет влиять на нас ¹.

В итоге Плеханов приходил к выводу, что Энгельс был глубоко прав, когда писал в своей знаменитой работе «Крестьянская война в Германии»: самым худшим из всего, что может случиться с вождем революционной партии (а значит, и со всей этой партией), является вынужденная необходимость взять власть тогда, когда революционное движение еще не созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих такое господство. И тот, кто раз попал в это ложное положение, пропал безвозвратно ².

96

С учетом всех этих обстоятельств Плеханов предлагал двигаться к коммунистической цели строго поэтапно. Начинать же, по его мнению, следовало с создания марксистской рабочей партии, которая будет вести самостоятельную классовую линию и в предстоящей буржуазной революции, необходимой для свержения самодержавия, и в последующей борьбе за победу революции социалистической. Для автора «Наших разногласий» было совершенно очевидно, что главной движущей силой революционного процесса в России будет пролетариат. Что же касается буржуазии, то Плеханов предпочел воздержаться от каких-либо определенных прогнозов, отметив лишь, что с ней происходит интересная метаморфоза: у российского «третьего сословия» развились уже легкие, требующие чистого воздуха политического самоуправления, но не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она привыкла дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма. Больше того, Плеханов не упустил случая заметить, что буржуазия прекрасно умеет извлекать выгоду из самодержавного строя и «не только поддерживает некоторые его стороны, но и целиком стоит за него в известных своих слоях...» 1

Стоит подчеркнуть и еще один важный момент: акцентируя внимание на работе революционеров в пролетарской среде, Плеханов в то же время отмечал, что марксисты не жертвуют деревней в интересах города, не игнорируют крестьянство ради промышленных рабочих. В грядущей революции должны принять участие оба эти класса. Наша программа, писал Плеханов, ставит своей задачей «организацию социальнореволюционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения» ².

Еще до выхода «Наших разногласий» в свет Плеханов смог убедиться в том, что его

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 333-334.

² Там же. С. 345 — 346; см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 422-423.

новая книга не оставит читателей равнодушными и вызовет у них самые разнообразные, и притом весьма бурные, чувства. Дело в том, что работавший в типографии группы «Освобождение труда» наборщик Бохановский, разделявший взгляды народовольцев, прочитав начало рукописи, хотел даже отказаться набирать ее текст, но затем работа так захватила его, что он не только довел дело до конца, но и задумался над правильностью своих прежних убеждений. Главный оппонент Плеханова Лев Тихомиров, естественно, дал «Нашим разногласиям» отрицательную оценку на страницах «Вестника "Народной воли"», хотя и не ответил на плехановскую критику по существу. Явно не понравилась книга Плеханова и анонимному рецензенту из эмигрантского журнала «Общее дело», который обвинил автора «Наших разногласий» в слепом преклонении перед авторитетами Маркса и Энгельса, а также в приверженности к их «так называемому диалектическому

методу», от которого русская интеллигенция якобы уже давно отказалась, отдав предпочтение «реалистической методологии» Спенсера, Бокля, Милля и Конта ¹.

Интересен отзыв о «Наших разногласиях» киевского бакуниста-бунтаря В. К. Дебагория-Мокриевича, жившего в то время в Швейцарии и довольно критически настроенного по отношению к «Народной воле». В феврале 1885 г. он сообщил Вере Засулич, что прочитал «прекрасную брошюру Жоржа» и был поражен необычайной стройностью его мировоззрения и тем мастерством, с которым он разбил взгляды Тихомирова. Вместе с тем Дебагорий-Мокриевич не удержался от того, чтобы не посетовать на неприятно поразивший его тон «Наших разногласий» и слишком большое самомнение Плеханова («чуть не все кругом дураки, кроме Маркса и Энгельса да их последователей, немецких социал-демократов!») ².

Крайне противоречивы были и отклики на новую книгу Плеханова в России, куда она была нелегально доставлена в 1885 г. Многие народники видели в ней «оскорбление святыни», а иногда дело доходило даже до сожжения этого острополемического произведения. Общую атмосферу, в которой происходило чтение «Наших разногласий» в одном из нелегальных казанских кружков, хорошо передал, основываясь на личных воспоминаниях, М. Горький в повести «Мои университеты». После окончания чтения комната наполнилась возгласами возмущения: «Ренегат!». Это плевок в кровь, пролитую героями» и т. п. ³.

С другой стороны, члены одной из первых марксистских групп, возникших непосредственно в России, — «Партии русских социал-демократов» во главе с обучавшимся в петербургском университете студентом-болгарином Димитром Благоевым горячо

97

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 224.

² Там же. С. 367.

одобрили книгу Плеханова. Вскоре у него установились контакты с благоевцами, и во втором номере издававшейся ими в Петербурге нелегальной социал-демократической газеты «Рабочий» (1885 г.) была опубликована его статья «Современные задачи русских рабочих (письмо к петербургским рабочим кружкам)». Дело в том, что благоевцы вели пропагандистскую работу во многих районах Петербурга, и Плеханов решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы в популярной, доступной развитым рабочим форме конкретизировать некоторые положения, изложенные в заключительной части «Наших разногласий». При этом он особо подчеркнул, что социал-демократы не должны ограничиваться революционной работой только в пролетарской среде. «Называя ее (социал-демократическую партию. — С. Т.) партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что

наша революционная интеллигенция должна идти с рабочими, а наше крестьянство должно идти за ними» ¹, — писал Плеханов. Такая постановка вопроса должна была предохранить будущую марксистскую партию от сектантства и нацелить ее на привлечение к себе демократических слоев общества. Характерно, что сам Плеханов позже видел в выделенных нами курсивом словах одну из первых формулировок идеи гегемонии пролетариата ², хотя в подобном заявлении и была некоторая доля преувеличения.

Задачу российских социал-демократов Плеханов видел в борьбе за освобождение пролетариата от экономической эксплуатации и за политическую свободу для всего народа. Предпосылкой для ее успешного решения в условиях самодержавной России должно было стать насильственное устранение царизма. Полное же освобождение трудящегося класса, продолжал Плеханов, «возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит всю государственную власть в свои руки и провозгласит республику социальную и демократическую» ³.

Плеханов предполагал продолжить сотрудничество с газетой «Рабочий» и даже начал писать продолжение своего открытого письма к петербургским рабочим кружкам, но разгром типографии благоевской организации в начале 1886 г. помешал осуществлению его планов.

Известно также, что знакомство с книгой Плеханова «Наши разногласия» ускорило переход на марксистские позиции не только «Партии русских социал-демократов» во главе с Благоевым, но и еще одной петербургской группы революционеров, которой руководил П. В. Точисский — дворянин по происхождению, ставший рабочим и организовавший в конце 1885 г. «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». Несколько

¹ См.: Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. С. 106.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 2. С. 230, 235.

³ См.: Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1951. Т. 13. С. 565-566.

позже, когда в Петербурге оформился «Рабочий союз» во главе с М. И. Брусневым (1889 — 1892), «Наши разногласия» и здесь сыграли большую роль в процессе утверждения его членов на позициях марксизма. Не будет преувеличением сказать, что первые же марксистские работы Плеханова заняли видное место в теоретическом арсенале зарождавшейся в 80 — 90-х годах прошлого века российской социал-демократии.

Один из членов петербургского студенческого кружка А. И. Ульянова — Орест Говорухин (он скрылся за границей еще до попытки организации покушения на Александра III) сообщал в мае 1887 г. П. Л. Лаврову, что хотя их группа и не сделала окончательного выбора между народовольческой и социал-демократической программами, но находила воззрения Плеханова «очень дельными». Правда, Говорухин, как и Дебагорий-Мокриевич, делал ого-

ворку, что «неприлично резкий и грубый способ полемики» Плеханова вызывал у читателей известную антипатию, но тем не менее признавал: Плеханов теперь «сильно распространяется, читается». Больше того, работы Плеханова, по признанию того же Говорухина, стимулировали обращение революционно настроенной молодежи к сочинениям Маркса и заставили серьезно взяться за изучение современного экономического положения России, судеб общины, причин ее разложения, уровня развития капитализма и т. п. 1

С особым волнением ждал Плеханов отзыва на «Наши разногласия» от Ф. Энгельса, который получил эту книгу в подарок от Засулич. В апреле 1885 г. Энгельс сообщил ей, что прочитал пока лишь первые 60 страниц, т. е. не дошел даже до конца введения (в дальнейшем Энгельс дочитал книгу Плеханова до конца), но в общем и целом познакомился с разногласиями между русскими народниками и марксистами. Я горжусь, писал Энгельс, что среди русской революционной молодежи существует теперь партия, которая «искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России» ².

Однако дальше (а эту часть письма не принято было цитировать в популярной литературе) Энгельс фактически солидаризировался с народовольческой тактикой, вызвав, вероятно, полное смятение в душах первых русских марксистов, которые могли ожидать от своего учителя чего угодно, но только не этого. Это состояние растерянности и

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. Соч. Т. II. С. 363. 2 Там же. Т. XIX. С. 235.

недоумения усугублялось еще и тем, что на дворе стоял уже не 1880 или 1881, а 1885 год, когда любому достаточно информированному наблюдателю было ясно, что пик в деятельности «Народной воли» миновал и 1 марта 1881 г. не принесло России какихлибо существенных перемен.

Правда, Энгельс сразу же оговаривался, что он слишком «невежествен» в вопросах, касающихся современного положения России и тактики русских революционеров. Кроме того, ему почти неизвестна «внутренняя, интимная история русской революционной партии», без чего трудно судить о ее реальных возможностях ³. Между тем, подчеркивал Энгельс, выработка выдержанной и последовательной революционной тактики требует приложения марксовой теории к конкретным экономическим и политическим условиям

100

России. Вот почему он не считал себя вправе выступать в роли третейского судьи в спорах между народовольцами и группой «Освобождение труда». Тем не менее Энгельс был убежден, что Россия приближается к своему 1789 году, т. е. стоит на пороге буржуазной революции, которая, по его мнению, может вспыхнуть в любой день, особенно после убийства Александра II, осуществленного «Народной волей». Уникальность ситуации в России, продолжал Энгельс, состоит в том, что здесь налицо один из тех исключительных случаев (обратим на эти слова особое внимание), когда горстка революционеров одним ударом может заставить рухнуть целую систему, находящуюся, по удачному выражению Плеханова, в состоянии очень неустойчивого равновесия, и освободить одним актом, как бы незначителен сам по себе он ни был, такие разрушительные силы, которые потом станут неукротимыми.

По-моему, писал Энгельс, важно, чтобы был дан толчок революции, а под каким знаменем это будет сделано — не так уж и важно. Если народовольцы воображают, что могут захватить власть в России, пусть тешат себя этой мыслью. История все расставит по своим местам: ведь уже не раз революционеры буквально на следующий день после совершенной ими революции убеждались в том, что она совсем не похожа на то, о чем им мечталось. Так пусть же они сделают брешь, которая разрушит плотину, — а дальше поток событий скоро образумит их иллюзии. Ведь в России накопилось столько революционных элементов, экономическое положение основной массы народа становится столь невыносимым, а деспотизм так ненавистен всем благородным элементам нации, что за 1789 годом здесь не замедлит последовать 1793-й — год якобинской диктатуры.

 $^{^{1}}$ См.: Итенберг Б. С. Группа «Освобождение труда» и П. Л. Лавров // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. С. 126.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 260.

³ Там же.

Натуру менее стойкую, чем Плеханов, эти несколько листков почтовой бумаги, исписанных Энгельсом, могли бы повергнуть в полное смятение и растерянность. Но он хорошо понимал, что суждения «Фридриха Карловича» (как называли между собой Энгельса члены группы «Освобождение труда») базируются на далеко не полной и во многом односторонней информации, которую он получал от русских народовольцев, в частности от Гартмана, а также от Лаврова и Даниельсона. Жгучая ненависть Маркса и Энгельса к царизму как оплоту европейской реакции, их преувеличенные представления о возможностях и степени влияния «Народной воли» на русское общество, тот ореол жертвенности и мученичества, который окружал тогда на Западе русского революционера-террориста, наконец, здоровый прагматизм, заставлявший иногда основоположников марксизма жертвовать «чистой» теорией ради интересов европейской революции, — все это вместе взятое во многом объясняет позицию Маркса, а затем и Энгельса в первой половине 1880-х годов. В этой связи стоит напомнить и слова Эдуарда Бернштейна, который вспоминал: «Из моих устных бесед с Энгельсом я вынес такое впечатление, хотя и не могу подтвердить

101

его вполне определенными, подлинными выражениями, что Маркс и Энгельс сдерживали временами выражение своего скептицизма (по вопросу о «социалистической потенции русской крестьянской общины») просто из уважения к идеологии русских революционеров» 1.

В дальнейшем ситуация стала меняться. В начале 90-х годов Энгельс признал, что развитие капитализма и распад общины в России шагнули так далеко вперед, что возможность миновать капиталистическую стадию развития здесь практически исчезла. Не благоприятствовала социалистическим экспериментам в России и международная обстановка: на Западе повсюду пышным цветом расцветала капиталистическая промышленность, а у власти прочно стояла буржуазия. Сама же по себе община, по мнению Энгельса, была обречена на гибель, ибо «нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из себя самого ничего иного, кроме собственного разложения» ². При этом ближайший соратник Маркса был убежден в том, что без победы западноевропейского пролетариата социалистическое переустройство российского общества ни на основе общины, ни на основе капитализма будет невозможно

Значительно изменилось к лучшему и личное отношение Энгельса к Плеханову, с которым он познакомился в 1889 г. Я знаю лишь двух людей, которые вполне поняли учение Маркса, говорил Энгельс: Меринга и Плеханова. Известна и другая оценка Энгельсом Плеханова: не ниже Лафарга или даже Лассаля 4. И хотя сегодня кое-кому такое сравнение по «патриотическим» соображениям может показаться недостаточно лестным для Плеханова, несомненно одно: в устах Энгельса, при жизни которого Плеханов еще не достиг пика своей славы, оно звучало как явная похвала русскому марксисту.

Но вернемся к событиям середины 80-х годов. Хотя обе первые большие марксистские работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» безусловно носили программный характер, возвещая о рождении нового, социал-демократического направления в русской революционной мысли, это не снимало с повестки дня вопроса о подготовке специального программного документа группы «Освобождение труда». За выполнение этой ответственной задачи и взялся Плеханов, составивший, по мнению

специалистов, в 1883— 1885 гг. целых три проекта программы группы «Освобождение труда» 1 .

Над проектом Георгий Валентинович работал очень долго и упорно, обсуждал написанное с товарищами, учитывал их замечания. К сожалению, этот сложный, кропотливый процесс не нашел отражения в дошедших до нас документах: налицо лишь его конечный результат — «Программа социал-демократической группы «Освобождение труда» (лето 1884 г.) и «Проект программы русских социал-демократов» (конец 1884 — начало 1885 г.). Что касается первоначального проекта программы группы «Освобождение труда» (август — октябрь 1883 г.), то он до настоящего времени не найден. Поскольку принципиальной разницы между проектами 1884 и 1885 гг. нет, но во втором Плеханов сам снял некоторые, признанные им ошибочными, положения и уточнил формулировки, в исторической литературе обычно анализируется проект 1885 г.

В течение длительного времени у нас преобладало несколько снисходительное отношение к этим плехановским документам, которые на фоне программы РСДРП, принятой на II съезде партии и созданной коллективными усилиями Плеханова, Ленина и других членов редакции «Искры», действительно могут показаться местами расплывчатыми, а в чем-то даже наивными. При этом всегда указывалось на наличие в проектах программы группы «Освобождение труда» лассальянского по своему происхождению пункта о необходимости добиваться государственной помощи производственным ассоциациям трудящихся в городе и деревне, а также тезиса о замене парламентаризма прямым народным законодательством. В вину Плеханову ставили, кроме того, условное признание возможности террористических методов борьбы, отсутствие термина «дик-

¹ Бернштейн Э. Карл Маркс и русские революционеры // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 17.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 444.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 449-453.

⁴См.: Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 3-е изд. М., 1988. Ч. 2. С 82, 104.

татура пролетариата» и расплывчатость требования «радикального пересмотра наших аграрных отношений», т. е. условий выкупа земли и передачи ее крестьянским обществам 2 .

Будем, однако, справедливы в наших оценках и подойдем к этим первым программным наброскам Плеханова с учетом той конкретной исторической ситуации, в которой они родились. Не надо забывать, что в середине 80-х годов российский капитализм находился еще, в сущности говоря, на начальной стадии своего свободного развития, осложненного наличием множества крепостнических пережитков. Процесс формирования основных классов буржуазного общества был далеко не завершен, либеральное движение оставалось еще крайне слабым, пролетарские стачки носили спорадический характер, а деревня в основном просто спала. Нельзя абстраги-

103

роваться и от уровня теоретической зрелости программных документов социалдемократических партий других европейских стран, в частности Готской программы германских социал-демократов (раскритикованной Марксом), на фоне которой проекты Плеханова выглядели в общем и целом совсем неплохо. При этом их достоинства явно перевешивали отдельные просчеты и пробелы. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и стремление Плеханова привлечь на сторону марксистов народническую интеллигенцию, для которой террористическая тактика народовольцев еще была окружена в то время романтическим ореолом.

Вряд ли была бы оправдана и излишняя придирчивость к Плеханову. Так, например, он действительно не упоминал в программе группы «Освобождение труда» о диктатуре пролетариата, хотя в «Социализме и политической борьбе» о ней говорилось вполне определенно. Однако Плеханов писал в программе о «захвате рабочим классом политической власти» и о «временном господстве рабочего класса», которое позволит парализовать сопротивление контрреволюционных сил, а в перспективе положит конец существованию классов и классовой борьбы ¹. И, право же, в 80-х годах прошлого века да еще применительно к такой стране, как Россия, где пролетариат делал на арене освободительного движения лишь свои первые шаги, этого было вполне достаточно, тем более что о диктатуре пролетариата не говорилось и в программах других социал-демократических партий той поры.

Хотелось бы подчеркнуть, что, работая в 1899 г. над собственным проектом программы российской социал-демократии, Ленин обратился прежде всего к плехановским

¹ См.: Жуйков Г. С. Группа «Освобождение труда». М., 1962. С. 62 — 64; Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. С. 108—112; История марксизма-ленинизма. М., 1990. Т. 2. Ч. 2. С. 111 — 113

² Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 380.

программным документам 80-х годов и дал им очень высокую оценку. «Несмотря на то, что он (плехановский проект. — C. T.) издан почти 15 лет тому назад, — писал Ленин, — он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории» 2 .

В рассматриваемых нами программных документах группы «Освобождение труда» Плеханов провозглашал, что конечная цель социал-демократов состоит в коммунистической революции и полном освобождении труда от гнета капитала, которое может быть достигнуто лишь путем перехода всех средств производства в общественную собственность. Коммунистическая (т. е. социалистическая, выражаясь современным языком) революция, писал он, будет возможна только при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Что касается России, то здесь трудящиеся массы находятся под двойным гнетом развивающегося (но не ставшего еще господствующим) капитализма и отживающего

104

патриархального хозяйства. Поэтому ближайшей целью рабочей партии, которую предстоит создать в России, явится завоевание демократической конституции, введение всеобщего избирательного права, бесплатного и обязательного светского образования, свободы слова, печати, собраний, ассоциаций, передвижений и занятий, уничтожение сословного строя, замена постоянной армии всеобщим вооружением народа ¹.

Плеханов подчеркивал, что усилия революционной интеллигенции должны быть направлены в первую очередь на организацию и повышение уровня сознательности промышленных рабочих. «Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, — писал он, — социал-демократы могут с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России» ². Вместе с тем Плеханов констатировал, что русское революционное движение, торжество которого пошло бы прежде всего на пользу крестьянству, «почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства» ³. И хотя последний тезис можно отнести к числу некоторых публицистических преувеличений, Плеханов в целом справедливо отметил здесь те трудности, с которыми неизбежно должна была столкнуться рабочая партия в российской деревне.

<u>Плеханов Г. В. Избр. философск.</u> произв. Т. 1. С. 378.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 216-217.

Вновь коснулся Плеханов и вопроса о судьбе крестьянской общины. «Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения, — писал он, — быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций». Исходя из этого, Плеханов предлагал предоставить право отказа от надела и выхода из общины тем крестьянам, которые найдут это для себя удобным. Тем не менее, — и это очень важно подчеркнуть, — пролетарская революция, как считал Плеханов, может радикально изменить судьбу общины и крестьян-общинников. «Ее разложение, — заключал он, — неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не

105

создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства» 1.

Не будет преувеличением сказать, что первая половина 80-х годов была ознаменована подлинным взлетом творческой активности Плеханова, хотя сегодня в исторической ретроспекции к его ранним марксистским работам можно было бы предъявить и определенные претензии: отсутствие четкой постановки вопроса о типе капиталистического развития России и сведение ее отсталости от Запада к чисто количественным показателям без достаточного учета особого места нашей страны в мировой цивилизации; абсолютизация на этой почве идеи «догоняющего развития» России; не всегда оправданные восторги перед российским пролетариатом, большинство которого в то время представляло из себя еще полукрестьян-полурабочих; явно недостаточное внимание к теории аграрно-крестьянского вопроса и т. д.

Наверное, можно было бы пожелать молодому Плеханову большей широты взглядов, лучшего знакомства с Россией и ее народом, меньше прямолинейности в его неукротимом западничестве. Но не будем забывать о его молодости и о том, что в России, говоря словами Л. Н. Толстого, все еще только начинало «укладываться» после реформ 60—70х годов на новый, буржуазный лад и что она всегда была страной крайностей во всем, включая ее революционную мысль и революционное дело. А если это так, то будем справедливы к нашему герою, который при всех своих выдающихся способностях оставался сыном своей страны и своего времени.

Но остается еще один важный вопрос. А что же произошло с народничеством после

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 379-380.

² Там же. С. 381. ³ Там же. С. 378.

разрыва с ним Плеханова и его товарищей? Идейный крах, полное разочарование в крестьянском социализме его прежних сторонников, уход в историческое небытие? Нет, все было гораздо сложнее. Кризис 1880—1890-х годов действительно оказался очень глубоким, но не смертельным для народнического движения, хотя оно сильно пострадало после драмы 1 марта 1881 г. от преследования властей, внутренних неурядиц и критики со стороны бывших товарищей, в том числе и Плеханова. За убийством Александра II последовало крушение надежд на введение конституции, разочарование в эффективности народовольческого террора, рост сомнений в правильности самой народнической доктрины. Однако на позиции марксизма перешла лишь небольшая часть народников. Большинство же уцелевших от арестов и каторги либо затаилось до лучших времен, либо занялось «малыми делами» в земствах и различных культурнопросветительных обществах, либо предпринимало иногда отчаянные попытки продолжить борьбу с самодержавием прежними методами (самым ярким примером такого

 $^{-1}$ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 378, 380-381.

рода было дело Александра Ульянова и его товарищей). Что касается плехановской критики народничества, то она убеждала далеко не всех, да и сам тон и приемы полемики Плеханова коробили очень и очень многих.

Как бы стремительно ни развивался в России капитализм, но молодой рабочий класс оставался еще во многом «вещью в себе» и таил не меньше загадок, чем крестьянство, на идеализации которого обожглись в свое время многие народники. Поэтому восторги марксистов перед новым социальным кумиром — пролетариатом — казались части народников лишь очередным романтическим увлечением русской интеллигенции. Наконец, и само народничество обладало еще значительными резервами для своего обновления и развития с учетом тех изменений, которые вносил в жизнь российского общества капитализм. Не случайно на рубеже XIX —XX вв. в России возникло непрерывно набиравшее силу неонародническое движение, а в начале 1902 г. оформилась партия социалистов-революционеров, скорректировавшая свою платформу с учетом новых реалий и сделавшая несколько шагов навстречу марксизму, но оставшаяся тем не менее прямой наследницей революционных народников 1870 — начала 1880-х годов. Больше того, социал-революционаризм стал высшим этапом в развитии народничества, которое за полвека своей эволюции превратилось из сравнительно узкого, в основном интеллигентского течения во влиятельное, достаточно массовое радикальное движение, в идеологии которого представления о российской самобытности тесно переплетались с мечтой о будущем демократическом социализме без диктатуры какого-либо одного класса, перманентного насилия над большинством народа и отрицания любого плюрализма.

Интересно отметить, что и сам Плеханов, продолжавший на протяжении многих лет критиковать народнические и неонароднические взгляды, пришел в конце концов к выводу, что рано или поздно после острейшей идейной борьбы эсеры и социал-демократы сольются в одну партию, еще раз продемонстрировав на собственном примере, что такое ирония истории.

ГЛАВА Ш

ГОДЫ НУЖДЫ И СКИТАНИЙ

Огромное напряжение всех физических и интеллектуальных сил Плеханова, увы, не прошло даром. Незаметно к нему подкралась тяжелая, перешедшая затем в хроническую болезнь — туберкулез. Плеханов начал подозрительно покашливать еще в 1883 г. Настораживало и то, что родители его умерли от чахотки (в 1922 г. та же участь постигла и сестру Георгия Валентиновича, Варвару). Но поглощенный работой Плеханов и слышать не хотел о докторах. С большим трудом жене удалось заставить его показаться тогдашней женевской знаменитости, профессору Цану, который не нашел, однако, у больного ничего серьезного и посоветовал бросить курить (что он и сделал), больше бывать на воздухе и хорошо питаться. Но выполнить эти рекомендации было тогда очень трудно: говорить с Плехановым об отдыхе было бесполезно, а в материальном отношении семья Плехановых стояла буквально на грани нищеты.

На протяжении первых двух лет эмиграции Розалия Марковна получала от отца ежемесячную помощь в размере 50 руб., однако затем отношения между ними были прерваны: Марк Соломонович Боград проклял дочь, променявшую родных и свою религию на русского мужа-безбожника, да вдобавок еще и революционера, и вплоть до 1908 г. прекратил с ней всякие отношения. Постоянного заработка у Р. М. Плехановой тоже не было: иногда она дежурила по ночам у постели больных или переписывала какиенибудь бумаги, но платили за это мало. Кроме того, ей приходилось разрываться между учебой (без диплома работать врачом было нельзя) и двумя маленькими дочками — Лидой и родившейся в июле 1883 г. Женей.

Сам Георгий Валентинович порывался писать для какой-нибудь солидной газеты или для всемирного географического словаря, который редактировал бывший парижский коммунар, географ и социолог Элизе Реклю, близкий одно время к Бакунину. Но Розалия Марковна категорически воспротивилась этому, опасаясь, что муж начнет размениваться на мелочи и не сможет безраздельно отдаваться главному делу своей жизни — революции. В итоге семья буквально не вылезала из долгов, и если бы не молоденькая служанка Филомена Боссети, всем сердцем привязавшаяся к Плехановым и их детям, —

им, вероятно, пришлось бы совсем туго.

О том, как жили тогда Плехановы, можно судить по письму Георгия Валентиновича Аксельроду, относящемуся к лету 1885 г.

108

«Жаль, что мы не можем утешить Вас хоть тем, что нам в Женеве живется недурно. Если бы это было так! Но в действительности мы стоим над бездной всяческих долгов и неуплат, каждый день приближает нас к краю этой бездны, а за что ухватиться, чтобы не упасть, — не знаем, да и знать не можем. Плохо! Ну, да унывать не нужно. Авось, еще нам улыбнется счастье. А что страдаем мы не напрасно, — это Вы могли видеть из посланного Вам письма Благоева (в письме шла речь о положении дел в революционных кругах Петербурга. — C. T.). Если так, то наша беда — еще полбеды... Прощайте, не поддавайтесь унынию, право же, мы еще расцветем и поедем с Вами в Лондон, чтобы явиться по начальству (к Φ . Энгельсу. - C. T.)» 1 .

Сам Аксельрод, который жил с семьей в Цюрихе, зарабатывал на жизнь изготовлением входившего тогда в моду кефира и не раз оказывал Плеханову материальную помощь. Кстати говоря, «кефирное заведение» требовало от него так много времени и сил (бутылочки с кефиром нужно было периодически встряхивать, в том числе и ночью), что его нервная система оказалась совершенно расшатанной. Более чем скромно жила и В. И. Засулич, но ей было несколько проще в том отношении, что после ареста в начале 1884 г. Льва Дейча она жила одна и могла свести свои расходы к минимуму.

Каждому, кто приходил к Плехановым, — а жили они тогда в маленькой квартирке (две комнаты и кухня) на окраине Женевы, — бросалась в глаза бедность обстановки: простые деревянные столы без скатертей, несколько стульев, железные кровати, прикрытые дешевыми одеялами. Единственным богатством Георгия Валентиновича были книги, расставленные на полках, которые висели вдоль стен. Здесь была литература по самым разным вопросам — по геологии, астрономии, истории, философии, множество статистических сборников.

Помимо литературной работы, Плеханов довольно часто выступал в то время и в качестве лектора. Так, в конце 1886 — начале 1887 г. по просьбе русских и болгарских студентов, приехавших на учебу в Женеву, он прочитал сначала цикл лекций о «Капитале» Маркса, а затем провел второй лекционный курс о развитии различных общественных форм. Встречи со студентами проходили в кафе Ландольта на улице Каруж. Плеханов стремился прежде всего к доступности изложения для слушателей, среди которых были люди с самой различной подготовкой. Все, кому довелось бывать на этих занятиях, сохранили о них самые теплые воспоминания. Лучшей наградой лектору было то, что многие его слушатели стали потом социал-демократами.

В 1886 г. опасно заболела Розалия Марковна, а затем обе девочки. Тогда глава семьи отправился в Кларан, где останавливались богатые русские туристы и можно было найти уроки. Зарабатывая 200 франков (80 руб.) в месяц, Г. В. Плеханов три четверти этой суммы отправлял семье. Нужда еще больше подорвала и без того расстроенное его здоровье. В начале апреля 1887 г. во время поездки на пароходе по Женевскому озеру из Кларана в Женеву он сильно простудился и по возвращении в Кларан слег с температурой 40°. Шесть недель Плеханов был между жизнью и смертью. Врачи обнаружили скоротечную чахотку, которая через два-три месяца должна была, по их мнению, привести к летальному исходу.

Сам же Плеханов, наоборот, был уверен, что будет жить. И действительно он выжил. На долечивание врачи отправили его в маленькую горную деревушку Морнэ на швейцарско-французской границе. Поскольку Р. М. Плеханова не могла сопровождать мужа, занятая уходом за детьми и подготовкой к очередным экзаменам, вместе с Георгием Валентиновичем в Морнэ поехала В. И. Засулич. Ее забота и внимание в сочетании с целительным горным воздухом, простой и здоровой пищей сотворили чудо: Плеханов поправился.

Р. М. Плеханова вспоминала: «Вера Ивановна вкладывала столько любви, привязанности и умения, что можно без преувеличения сказать, что если Георгий Валентинович вышел победителем из этой борьбы со страшным недугом, то в значительной степени благодаря этой замечательной женщине, которая была героиней не только в борьбе политической, но была полна самых глубоких личных чувств. Она любила своего друга и учителя и не жалела ни сил, ни времени в уходе за ним» ¹. Что касается самой Розалии Марковны, то она приезжала в Морнэ сначала ежедневно, а потом, когда муж стал поправляться, — дважды в неделю, привозя продукты, спирт (еду готовили на спиртовке), кофе.

Как вспоминала потом сама Засулич, ей пришлось в то время очень нелегко. Никакой прислуги не было, жила она на кухне, спать приходилось мало. Плеханов же был очень требователен, раздражителен, все время что-то выдумывал, чтобы облегчить свои страдания, а когда ему становилось немного лучше, просил что-нибудь почитать или рассказать ему ². Многие современники тех событий считали, что в основе отношений Веры Ивановны к Плеханову лежали не только искреннее восхищение его умом и талантом, но и любовь. Так, сестра Ю. О. Мартова, Лидия Цедербаум-Дан, общавшаяся с Плехановым и Засулич в «искровский» период, писала потом, что Вера Ивановна вела себя с Георгием Валентиновичем, как женщина, влюбленная в первый раз. Не знаю, бы-

ли ли они близки, продолжала мемуаристка, но Засулич готова была «вывер-

110

нуться для него наизнанку», физически не могла слушать критические высказывания в его адрес и была совершенно беззащитна перед ним, хотя часто и не соглашалась с его мнением 1 .

Плеханов всегда скрывал свои истинные чувства к Засулич под маской легкой дружеской иронии и вел себя с ней несколько покровительственно, как это нередко бывает между старшим братом и младшей сестрой (хотя в действительности он был на семь лет моложе нее). Интересен в этом плане эпизод, описанный Н. В. Валентиновым и относящийся к 1917 г., когда после долгого перерыва Плеханов и Засулич встретились в Москве. Валентинов долго упрашивал Веру Ивановну разрешить ему сфотографировать ее на память, но она решительно отказывалась. Подошедший к ним Плеханов вмешался в разговор: «Вера Ивановна вам не позволяет ее сфотографировать? Ну, я вам объясню почему. В молодости, например, когда Вера Ивановна стреляла в Трепова, она была очень красива. Нужно думать, что это счастливое обстоятельство сыграло какую-то роль и в ее оправдании на суде. В глазах потомства она желает остаться такой же красивой, как в то время, когда за нею ухаживали Нечаев, Клеменц, а потом весьма многие иные. Поэтому фотографировать ее, когда она стала старой, она не позволяет».

Не знаю, продолжает Валентинов, какие у них были отношения, когда Засулич «была очень красивой». Возможно, что, говоря о «многих иных», Плеханов хотел намекнуть, что тоже был в числе ее поклонников. Так или иначе, Засулич вдруг вспыхнула, рассердилась и сказала: «Вы чепуху несете! А чтобы доказать, что я не думаю о сохранении в памяти потомства того вида, какой я имела в 1877 г., я позволяю Валентинову с меня, седой и морщинистой старухи, сделать столько снимков, сколько он захочет» ².

Не будем строить здесь никаких догадок и «со знанием дела» рассуждать о личной жизни наших героев. В конце концов они тоже имеют право на свои тайны. Не знаем мы, и что стояло за ласковыми и нежными обращениями, которые встречаются в письмах Засулич к Плеханову: милый Жорж, Жоржик, Жоржинька... Это могла быть и дружба, и взаимная любовь, и глубокое, но неразделенное чувство. Как бы то ни было, Вера Ивановна просила похоронить ее рядом с Плехановым, и воля ее была исполнена.

Р. М. Плеханова считала Веру Ивановну Засулич «крупной в нравственном и умственном отношении» фигурой. «По своему широкому философско-литературному образованию и большому самостоятельному уму, Вера Ивановна составляла редкость среди женщин нашего революционного движения. Интерес к философии вызвал у Веры Ивановны Плеханов. В этой области он был одновре-

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 332.

² Группа «Освобождение труда». М. -Л., 1924. Сб. 1. С. 201.

² Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 193-194.

111

менно ее учителем и сотоварищем. Как учитель, Георгий Валентинович часто восхищался способностями к отвлеченной мысли, блеском и оригинальностью своей ученицы. Некоторые «наблюдатели», — иронически замечает далее Розалия Марковна, — говорят о подчиненности Веры Ивановны Плеханову, даже о «рабстве» ее. Это просто смешно! Ни с кем Георгий Валентинович так не считался, как с ее мнением, во все революционные этапы своей жизни. Говорить о смущении ее перед Плехановым, о боязни в его присутствии высказать свое мнение — это значит совершенно не понимать сути их отношений друг к другу и нравственного образа Веры Ивановны» ¹.

Ухаживая за больным Плехановым, Засулич вскоре и сама заболела туберкулезом, хотя и в более легкой форме. При этом и Плеханов, и Засулич никогда не считали температуру в 38 и даже 39° помехой своим литературным занятиям. Вера Ивановна, например, говорила: «Ну, что температура? Я даже лучше себя чувствую при высокой температуре. По-моему, человек, имеющий менее 38°, — не человек. Я буду часто пить «рыженькое лекарство», и все пройдет». «Рыженьким лекарством» она называла удачно составленную Р. М. Плехановой микстуру, которая помогала ей при кашле. Часто пользовался ею и Плеханов 2.

Окончательно победить болезнь Плеханову так и не удалось, хотя эффект от лечения в горах был поразителен: недаром врачи говорили, что их пациент как будто явился с того света. Осенью 1888 г. Георгию Валентиновичу опять стало плохо, и В. И. Засулич с тоской и болью писала С. М. Кравчинскому: Плеханову все хуже и хуже, он худеет и худеет, ничего не требует, почти не ест 3. Подобные кризисы, хотя и в смягченной форме, периодически повторялись весной и осенью и позднее. Поэтому Плеханов вынужден был соблюдать строгий режим. Но работал он по-прежнему много, умело регулируя характер своих занятий в соответствии с состоянием здоровья. При высокой (больше 39°) температуре он читал стихи и беллетристику, при средней (38° и даже выше) книги по искусству или этнографические материалы, а при небольшой лихорадке не только читал, но и писал без всяких скидок на неважное самочувствие 4. Трудиться не по вдохновению, а систематически, изо дня в день — таков был его жизненный девиз. Во время болезни Плеханов смог на деле убедиться в том, что у него есть настоящие, преданные друзья. Трудно переоценить значение той материальной помощи, которую оказал ему в 1887—1888 гг. Сергей Кравчинский, одолживший деньги для лечения Плеханова у одного

¹ The Making of Three Russian Revolutionaries: Voices from the Menschevik Past. Cambridge, Mass., 1987. P. 110, 126.

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 95 — 96.

² Там же. С. 89-94.

112

либерально настроенного англичанина. Благодаря этим денежным переводам из Лондона Георгий Валентинович смог провести несколько месяцев в курортных поселках Давос, Божи, Аннемас, Морнэ, поскольку зимой и в межсезонье женевский климат был ему вреден. Однако и помощь Кравчинского не спасала от острого безденежья. Нельзя оставаться равнодушным, читая письмо Плеханова Аксельроду от 30 апреля 1888 г.: «Милый Павел, не удивляйся, что в этом письме не будет ничего насчет статьи. Я спешу, ибо боюсь опоздать к поезду почтовому. Голубчик, как хотите, откуда хотите, но достаньте мне денег или, лучше сказать, не мне, а моей семье. Не могу я лечиться, когда семья *буквально* голодает. Жду со дня на день денег от Сергея, но их пока нет, а жить нужно каждый день. Вы сделали бы мне истинное благодеяние, если бы достали 100 фр. и послали их на адрес Розы... Если этого нельзя, — пошлите сколько можно, но, ради Бога, сделайте это. Отвечайте» ¹.

В конце 1888 г. в Швейцарии был получен денежный перевод на 90 фр. от русских рабочих, эмигрировавших в Америку. В связи с этим Плеханов писал Аксельроду, что перевод поможет ему расплатиться с хозяйкой за комнату в Кларане и помочь семье, которая жила в Женеве. «Вы, как семейный человек, прекрасно понимаете, что я был бы последним негодяем, если бы, занимаясь восстановлением своего здоровья, предоставил бы свою семью произволу судьбы. До сих пор это почти так и было (т. е. нынешней осенью). ... Роза существовала благодаря ночным дежурствам у одной больной еврейки по 5 фр. за ночь. Это всего 10 фр. в неделю, да и еврейка скоро умрет. Кроме того, остались у меня еще некоторые долги в Морнэ. Ну, да Вы понимаете. Не замедлите, голубчик, высылкой денег...» ²

Интересный факт сообщил Д. Б. Рязанов (Гольдендах). По его словам, в 1888 г. в Одессе, где первые издания группы «Освобождение труда» отнюдь не встречали дружественного приема, тем не менее весьма усердно собирали деньги, чтобы послать их в Женеву «на лечение Плеханова, о состоянии здоровья которого доходили зловещие слухи» ³.

В 1888 г. группа «Освобождение труда» совершенно неожиданно получила щедрую по тем временам помощь (1 тыс. руб.) от приехавшего за границу слепого адвоката Н. И. Кулябко-Корецкого, задавшегося целью наладить издание журнала, который объединил бы все направления внутри либерального и революционного лагеря. При этом он не скрывал своего искреннего восхищения Плехановым — блестящим, талантливым, вернее даже гениальным, по его словам, ученым, который жил в нищенской обстановке, не

³ Там же. Сб. 1. С. 200-201.

⁴ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

временами даже возможности утолить голод. «Доживет ли он до того дня, когда рабочий класс России почтит в нем своего пророка, своего духовного вождя? Люди, в десять раз менее талантливые, устраивались комфортабельно и сытно, а он случайно заблудившую к нему горсть франков тратил на печатание новых и новых сочинений, игнорируя порой самые насущные требования повседневной жизни», — писал о Плеханове Кулябко-Корецкий ¹.

Появление этого щедрого либерально настроенного спонсора остро поставило перед группой «Освобождение труда» вопрос о сближении с другими политическими направлениями, объявлявшими себя противниками самодержавия. Плеханов выдвигал при этом только одно условие — поддержку конституционных требований, называя в качестве возможных партнеров «ученое сословие», органы городского и земского самоуправления, социалистические организации ².

Однако провозглашение этого тактического принципа, выраженного впоследствии Плехановым в крылатой фразе «Врозь идти, вместе бить», еще не означало готовности обеих сторон к его практической реализации. Для Плеханова было ясно, что «конституции не дарятся абсолютными монархами, а берутся у них с бою» ³. Либералы же, несмотря на все уроки, преподанные им сначала Александром II, а затем его сыном, никак не могли излечиться от доверчивости по отношению к самодержавной власти и не торопились вступать на путь активной политической борьбы. Больше того, они попрежнему смотрели на революционеров как на помеху конституционному движению, опасных экстремистов, «бессмысленных мечтателей».

Поэтому, когда Н. И. Кулябко-Корецкий начал в конце 1887 г. свою миротворческую миссию с целью объединения группы «Освобождение труда», конституционалистовэмигрантов типа М. П. Драгоманова и В. К. Дебагория-Мокриевича, а также либералов, живущих в России (И. И. Петрункевич, Н. Н. Златовратский), она скоро зашла в тупик. Плеханов и его товарищи не хотели, чтобы в новом печатном органе, о создании которого хлопотал Кулябко-Корецкий, тон задавал Драгоманов, пропагандировавший идею временного отказа от революционной работы во имя союза с либералами ⁴.

Однако была и вторая, не менее важная сторона проблемы преодоления политического одиночества группы «Освобождение труда» в эмиграции. Мы имеем в виду взаимоотношения Плехано-

113

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 42 — 43.

² Там же. С. 51.

 $^{^{3}}$ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 4.

¹ Цит. по: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. С. 108.

² Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 40 — 41.

³ Там же. С. 39.

между революционерами. Не называя Плеханова по имени, он не удержался от того, чтобы бросить ему персональный упрек в особой нетерпимости к инакомыслящим. «Мне даже кажется, — писал Лавров, — что по литературному складу его мысли один из членов Вашего кружка едва ли может употребить другие приемы полемики, а он занимает слишком крупное место в русской социалистической литературе, чтобы не быть определяющим элементом в этом случае». В заключении письма говорилось, что лишь при добрых товарищеских отношениях со стороны членов группы «Освобождение труда» к тем социалистам-революционерам, которые не разделяют в полном объеме их взглядов, возможно стало бы и сотрудничество Лаврова с «освободителями труда», в частности, для издания сборника «Социал-демократ» ¹.

Нам не известно, ответил ли Аксельрод Лаврову на это большое, взволнованное и очень важное в принципиальном отношении письмо. Последующие события показали, однако, что для Плеханова, а во многом и для его более мягких и склонных к компромиссу товарищей по группе «Освобождение труда» позиция Лаврова оказалась все же неприемлемой. Вероятно, Лавров заходил в своем миролюбии слишком далеко, и в чемто его позиция выглядела даже несколько наивной. Но нужно отдать ему должное: еще на заре социал-демократического движения в России он в зародыше подметил чрезвычайно опасную тенденцию к доктринерской узости, идеологическому фанатизму и нетерпимости к инакомыслию, которые в полной мере обнаружились 10—15 лет спустя и наложили неизгладимый отпечаток на всю русскую революцию.

Кстати говоря, Плеханов и сам признавал, что за ним водится такой грех, как диктаторские замашки. В письме к Аксельроду, написанном в мае того же 1888 г., у него вырвались знаменательные слова: «А мое якобинство? Нужно же, чтобы Вы меня сдерживали, чтобы Вы имели даже право сдержать мои централистические и якобинские тенденции. Ведь, право, у меня есть на этот счет грешок» ². Впрочем, не без греха был здесь и сам Лавров, который готов был вести дальнейшие переговоры о сотрудничестве только при условии устранения Плеханова из редакции совместного печатного органа ³, что в свою очередь было неприемлемо для группы «Освобождение труда».

После этих длительных и, к сожалению, бесплодных переговоров марксисты продолжили свою издательскую деятельность в одиночку, благо Кулябко-Корецкий, несмотря на провал своих объединительных попыток, согласился финансировать группу «Освобождение труда». В августе 1888 г. ей удалось издать первый выпуск

¹ Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1924. С. 36 — 40.

² Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 44.

³ Там же. С. 241.

сборника «Социал-демократ», названного так в честь одноименной газеты германской социал-демократической партии, издававшейся тогда в Швейцарии. Сборник состоял из статей Плеханова, Засулич, Аксельрода и Поля Лафарга. Внимание читателей, несомненно, привлек воображаемый диалог либерала-конституционалиста с социал-демократом «Как добиваться конституции?», автором которого был Плеханов. Здесь впервые было высказано ставшее затем очень известным положение о том, что политическая свобода в России будет завоевана рабочим классом или ее не будет вовсе.

Кроме того, Плеханов опубликовал в «Социал-демократе» статью о писателенароднике Г. И. Успенском, две статьи с критикой Льва Тихомирова, несколько рецензий. В работе над ними ему помогала В. И. Засулич, выступавшая в роли секретаря. Сама она предложила для «Социал-демократа» первые три главы своего очерка истории I Интернационала. Плеханов по этому поводу писал: «"Интернационал" Веры написан так хорошо, что я не знаю другой подобной работы в европейской литературе...» ¹

Зиму 1888— 1889 гг. Плеханов вновь проводил вдали от семьи, в Божи близ Кларана. Он был еще очень слаб («Писание утомляет меня чересчур сильно», — признавался Георгий Валентинович в письме Аксельроду ²), но работал довольно интенсивно: собирал материалы о славянофилах и западниках, писал статью о творчестве писателянародника С. Каронина (Н. Е. Петропавловского) и, главное, брошюру с разбором последних «откровений» бывшего идеолога народовольцев Льва Тихомирова. Называлась она «Новый защитник самодержавия, или горе Л. Тихомирова» и была закончена 3 марта 1889 г.

Скандальное политическое грехопадение Тихомирова, публично раскаявшегося в старых революционных грехах и решившего стать, по его собственному выражению, «работником мирного прогресса» (предварительно верноподданически припав в стопам царя), стало для Плеханова поводом для серьезного разговора не только о нравственных качествах, которыми должен обладать настоящий революционер и которые растоптал лидер «Народной воли», но и о таких важных теоретических проблемах, как соотношение эволюции и революции в процессе общественного развития, роль насилия в истории, судьбы России. В результате читатель получил не просто блестящий памфлет на злободневную тему, в который Плеханов вложил все свое презрение к Тихомирову, но и глубокое историко-философское произведение, не потерявшее своего значения и в наши дни.

 $^{^{1}}$ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8. Ч. 1. С. 246. Текст работы см.: Засулич В. И. Избр. произв. М., 1983. С. 108-156.

 $^{^{2}}$ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 55. 118

Отрекаясь от революции, Тихомиров выступил в своей брошюре «Почему я перестал быть революционером?» как защитник якобы забытых революционерами эволюционных, мирных форм общественного прогресса. Восстанавливая историческую истину, Плеханов напомнил, что именно Маркс — этот горячий сторонник разрушения всего реакционного и отжившего — никогда не забывал об эволюции и открыл многие из ее важнейших законов. Больше того, он первым показал, как экономическая эволюция ведет к политическим революциям, которые в свою очередь становятся источником радикальных изменений в экономическом строе общества.

Вслед за Марксом Плеханов убедительно показал, что жизнь природы и общества полна самых разных скачков и периодов разрушения, которые так не нравятся Тихомирову, но отнюдь не являются изобретением тех или иных идеологов. «...История постоянно занимается подготовкой скачков и переворотов. Она прилежно и неуклонно делает это дело, она работает медленно, но результаты ее работы (скачки и политические катастрофы) неотвратимы и неизбежны» 1, — писал Плеханов. И как раз сейчас, продолжал он, история готовит в передовых странах Запада новый чрезвычайно важный переворот, причем есть все основания думать, что он произойдет именно в насильственных формах. Речь идет о переходе от капитализма к социализму, ибо производство все более приобретает общественный характер, требующий и нового способа распределения продуктов, который, по мнению Плеханова, вряд ли может быть установлен ненасильственным путем.

Насильственные перевороты, «реки крови», топоры и плахи, порох и динамит — все это весьма печальные явления. Но что же прикажете делать, спрашивал Плеханов, если они неизбежны? Сила всегда играла роль повивальной бабки, когда рождалось новое общество. Кстати говоря, так думал не только Маркс. Например, немецкий либеральный историк Ф. К. Шлоссер (1776—1861) — автор многотомной всемирной истории, использованной Марксом, — тоже считал, что великие перевороты в судьбе человечества совершаются только «огнем и мечом». Впрочем, социалисты могут утешать себя тем, что чем шире будет распространяться их учение, тем сознательнее, организованнее и дисциплинированнее будет рабочий класс, а значит, тем меньших жертв потребует социалистическая революция. «Притом же торжество пролетариата, положив конец всякой эксплуатации человека человеком, а следовательно, и разделению общества на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых, сделает гражданские войны не только излишними, но даже и прямо невозможными. Тогда человечество будет двигаться од-

ной

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 51.

«силой правды» и не будет иметь надобности в аргументации с помощью оружия», — писал Плеханов 1 .

Основная часть его брошюры была посвящена русским сюжетам. Плеханов едко и остроумно высмеивает апологетические пассажи Тихомирова о плодотворной «культурной работе» самодержавия, о защите им «национальных интересов» России и т. д. Поистине убийственно для Тихомирова звучит приведенный Плехановым мартиролог выдающихся деятелей русской культуры, чей талант был загублен хозяевами Зимнего дворца. А чего стоят приказы Павла I и Николая I, которые полагали, что главная национальная задача России состоит в неукоснительном выполнении ею роли европейского жандарма? Достаточно назвать хотя бы удушение русскими войсками венгерской революции 1849 г. ради спасения режима Габсбургов, о чем сожалел позже даже сам инициатор этого бесславного для России похода Николай I. И если уж говорить о национальных задачах России, заключал Плеханов, то нужно признать, что важнейшая из них состоит в «завоевании свободных политических учреждений, благодаря которым силы нашего отечества перестали бы, наконец, быть игрушкой в руках какого-нибудь коронованного Кита Китыча» ².

Но неужели революционерам действительно не за что благодарить русских царей? иронически спрашивал Плеханов и отвечал: нет, за русским деспотизмом есть та заслуга, что он занес в Россию семена своей собственной гибели, начав процесс европеизации страны. Старая Московская Русь, по мнению Плеханова, была своего рода европейским Китаем, и понадобился Петр I, чтобы прорубить окно в Европу и приделать к азиатскому туловищу страны европейские руки. Однако делал он эту прогрессивную в целом работу поистине варварскими методами. Вздернув Россию, по образному выражению Пушкина, на дыбы, великий царь раздавил народ под бременем налогов и довел деспотизм до неслыханной степени могущества. Что же касается до начатой Петром культурной работы, то нужны были великие потрясения, вроде поражения России в Крымской войне, чтобы русские цари вспомнили о необходимости ее продолжения. И когда Александр II отменил крепостное право, то можно было сказать, что «наш абсолютизм совершил в пределах земных все земное» ³. С начала 60-х годов XIX в., писал Плеханов, в России стали назревать на почве развития капитализма новые общественные потребности, которые самодержавие уже не может удовлетворить, не переставая быть самодержавием.

Довести до конца дело, начатое Петром I, суждено в России рабочему классу. Но он придаст процессу европеизации страны, от

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 55.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 75.

успеха которого зависит само ее существование как цивилизованного государства, совершенно новый характер. «Начатое когда-то *сверху*, железной волей самого *деспотичного* из русских *деспотов*, оно будет закончено *снизу*, путем *освободительного* движения самого *революционного* из всех классов, какие только знала история. Герцен замечает в своем «Дневнике», что в России, собственно говоря, нет народа, а есть только коленопреклоненная толпа и палач. В лице рабочего класса в России создается теперь *народ* в европейском смысле этого слова. В его лице трудящееся население нашего отечества впервые встанет во весь рост и позовет к ответу своих палачей. Тогда пробьет час русского самодержавия» ¹.

В марте 1889 г. в жизни Георгия Валентиновича произошел очередной крутой поворот. Ему запретили проживание в Швейцарии по ложному обвинению в принадлежности к анархистской организации. Дело в то, что два русских народовольца-террориста во время испытаний бомбы в горах в окрестностях Цюриха получили тяжелые ранения, причем один из них вскоре скончался. Это послужило поводом для организации настоящей травли русских политических эмигрантов и студентов, которая умело подогревалась руководителем заграничной агентуры царского Департамента полиции П. И. Рачковским. В итоге Плеханова и Засулич выслали из Швейцарии, хотя никакого отношения к террористам они не имели, а беременной Розалии Марковне, продолжавшей в то время слушать лекции по медицине в Женеве, лишь с громадным трудом удалось получить разрешение остаться в Швейцарии.

Плеханову и Засулич пришлось поселиться в той самой пограничной французской деревушке Морнэ, где совсем недавно Георгий Валентинович героически боролся со смертью. Чтобы навестить семью, в которой в мае 1889 г. опять произошло пополнение (родилась дочь Маша, ставшая любимицей отца), ему приходилось каждый раз хлопотать о разовом пропуске для въезда в Швейцарию. И так продолжалось целых пять лет, до июля 1894 г., когда швейцарские власти, наконец, сменили гнев на милость и разрешили Плеханову вернуться в Женеву.

От горьких раздумий и тревог его спасала только работа. Весной 1889 г. Плеханов написал две статьи для журнала «Социалист», единственный номер которого издал за границей в июне приехавший из России Юлий Раппопорт при участии Лаврова. Во время беседы с Георгием Валентиновичем Раппопорт познакомил его с программой журнала: создание социалистической партии, опирающейся на рабочих и революционную интеллигенцию; борьба за демократическую конституцию; использование для этого всех средств, начиная с пропаганды и агитации и кончая террористическими актами. Рассказывая об этой беседе в письме Аксельроду,

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 78.

Плеханов писал, что открыто восставать против террора сейчас просто невозможно. «Мы переживаем теперь кризис. Молодежь может удариться в либерализм. Чтобы удержать ее, нужно быть уступчивым и мягким» ¹. Было решено, что Плеханов напишет одну большую статью и несколько библиографических заметок, а Аксельрод — письмо к русским рабочим об освободительном движении пролетариата. Кроме того, в «Социалисте» было опубликовано несколько других материалов, включая обращение к русским рабочим Лаврова.

Статья Плеханова «Политические задачи русских социалистов» явилась прямым продолжением его брошюры против Тихомирова. Экономическое освобождение рабочих, подчеркивал он, может быть достигнуто только путем борьбы за политическую свободу, в ходе которой пролетариат быстро растет и умственно, и нравственно, созревая для будущей полной победы над буржуазией. При этом Плеханов предостерегал рабочих от подчинения либералам, ибо в этом случае им пришлось бы надолго распрощаться со всякой мечтой о социализме. «Весь вопрос сводится... к тому, будут ли рабочие бороться против абсолютизма в качестве слепых орудий либералов, или их борьбе суждено сделаться первым политическим шагом самостоятельной рабочей партии в России. От нашей социалистической интеллигенции в значительной степени зависит будущее решение этого вопроса», — заканчивал статью Плеханов ².

Но 1889 год принес Плеханову не только большие волнения и неприятности, но и свои радости. Главными из них были выход группы «Освобождение труда» на международную арену и первая личная встреча с Фридрихом Энгельсом.

Летом 1889 г. прогрессивная мировая общественность торжественно отмечала знаменательную юбилейную дату — столетие Великой французской революции. Париж широко демонстрировал триумф буржуазного прогресса на первой в истории человечества Всемирной выставке. Не могли не откликнуться на такое событие и социалисты: в столице Франции одновременно прошли два рабочих конгресса, организованные марксистами и социалистами-реформистами. Первый из них, в котором участвовало около 390 делегатов из 20 стран Европы и Америки, положил начало II Интернационалу.

Еще в 1869 г. была основана социал-демократическая партия Германии, у колыбели которой стояли Маркс, Энгельс, А. Бебель и В. Либкнехт. Затем были созданы социалистические партии в целом ряде других стран — Франции, Англии, Италии, Испании, Голландии, Дании, Бельгии, Венгрии, Чехии, США. Это потребовало организации международного социалистического центра, который

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 59 — 60.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 96.

развивал бы традиции I Интернационала. Так родилась идея созыва Парижского конгресса социалистов.

Его торжественное открытие состоялось в годовщину штурма Бастилии — 14 июля. Зал Петрелль был украшен красными знаменами, транспарантами с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и приветствиями в адрес делегатов. Всеобщее внимание привлекали приехавшие в Париж Август Бебель, Вильгельм Либкнехт, Поль Лафарг, участник Парижской коммуны Эдуард Вайян, Клара Цеткин. Прошло 13 лет с момента роспуска I Интернационала, во главе которого стоял Маркс. Но все эти годы идея классовой солидарности рабочих разных стран продолжала жить, и Парижский конгресс 1889 г. стал тому блестящим подтверждением.

Международное значение российского революционного движения было к тому времени уже настолько очевидно, что естественно встал вопрос о представительстве России на конгрессе, причем по инициативе Энгельса и Лафарга приглашения были направлены П. Л. Лаврову и группе «Освобождение труда». При этом положение Лаврова выглядело предпочтительнее, поскольку он заручился поддержкой общества русских рабочих в Цюрихе, редакции упоминавшегося уже заграничного журнала «Социалист», группы эмигрантов-народовольцев и группы социалистов-революционеров в Петербурге. Плеханов прекрасно понимал, что его приглашают на конгресс как бы авансом. Со свойственным ему юмором он охарактеризовал позже сложившуюся ситуацию так: «Кого собственно представляли русские уполномоченные на Парижском конгрессе? Небольшие группы «интеллигентов»; эти группы, не опираясь на существующие в России рабочие организации, были социалистическими только в возможности. Представители возможного социалистического движения в России являлись на деловое собрание представителей действительного — и притом уже принявшего огромные размеры — социалистического движения на Западе. Их встречали очень сочувственно; но не могли же не видеть они, что положение их по меньшей мере странно. По правде говоря, они напоминали собою тех уличных мальчиков, которых всегда много собирается на военные смотры и парады. Зачем приходят эти мальчики? Они хорошо знают, что в ряды им не попасть, что не для них играет военная музыка, не для них развертывается знамя; но их привлекает самое зрелище, и они довольствуются тем, что промаршируют хоть около стройных рядов, стараясь попадать в ногу и придавая себе по возможности воинственный вид \gg ¹.

Тем не менее после долгих колебаний и сомнений было решено, что Плеханов и Аксельрод поедут в Париж. Сыграли здесь свою роль и уговоры старого товарища по народническому движению Сергея Кравчинского, и убедительные доводы Поля Лафарга, тавшего, что появление Плеханова на конгрессе будет лучшим ответом на предательство Льва Тихомирова, которое произвело в зарубежных социалистических кругах очень тяжелое впечатление. И хотя Плеханов находился в поистине отчаянном положении (жена после родов была тяжело больна, нужно было ухаживать за тремя дочерьми, в том числе полуторамесячной Машенькой, денег не было, а хозяин грозил выгнать их из квартиры), он счел необходимым принять участие в конгрессе.

В июле 1889 г. Плеханов отправил Вере Засулич шутливую просьбу-приказ: «Получивши мое письмо, сейчас же возьмите лист хорошей бумаги и напишите на нем хорошим почерком, чтобы рука Ваша не ходила на пятках (почерк у Засулич был, мягко говоря, неважный. — С. Т.): «Союз русских социал-демократов уполномочивает гражданина Георгия Плеханова быть его представителем на интернациональном социалистическом конгрессе в Париже. Секретарь союза Вера Засулич» ¹. Правда, «Союз русских социал-демократов», под которым подразумевалась группа «Освобождение труда», состоял всего из трех человек, но Лавров великодушно промолчал об этом, дав возможность Плеханову впервые блеснуть на международном социалистическом форуме.

Сам Лавров был избран в бюро конгресса, а 17 июля прочитал перед его участниками реферат «О положении социализма в России», где, в частности, говорилось: «Я утверждаю, что русский социализм не погиб в шестнадцатилетней своей борьбе с врагами. Ему еще не удалось образовать рабочую партию, но помехой этому были лишь политические условия России. Социально-революционная партия, боровшаяся и борющаяся за изменение этих условий, подвергалась тяжким поражениям... Но те, кто примкнули к ней, решились бороться до конца, чтобы создать благоприятные условия для образования рабочей партии» ².

Эту идею поддержал и Плеханов. Он начал свою речь с того, что подчеркнул твердое намерение представителей революционной России идти на сближение с европейским социалистическим движением. Царизм долгое время был жандармом Европы, продолжал Плеханов, и можно не сомневаться, что падение русского абсолютизма стало бы победой всего международного революционного движения. Если кому-то хочется видеть в России нечто вроде Китая и считать ее страной, не имеющей ничего общего с Западом, то он глубоко ошибается. Старые основы ее хозяйственной жизни находятся в процессе полного разложения, происходит бурный рост капитализма и рабочего класса. Именно он и нанесет смертельный удар самодержавию. Силы народников, сказал в заключение Пле-

² Цит. по: Володин А., Итенберг Б. Лавров. М., 1981. С. 296.

124

ханов, могут быть достаточны для борьбы против отдельных царей, но их слишком мало для победы над царизмом как политической системой. «Задача нашей революционной интеллигенции сводится поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может! » 1

Речь Плеханова произвела благоприятное впечатление на делегатов конгресса. Правда, как вспоминал незадолго до смерти Георгий Валентинович, его заключительные слова были восприняты огромным большинством участников того памятного заседания недоверчиво, ибо Россия представлялась им безнадежно отсталой страной. Только Жюль Гед и зять Маркса, Шарль Лонге, да еще Вильгельм Либкнехт нашли, что мысль Плеханова проливает новый свет на дальнейший ход русского общественного движения. Либкнехт сказал тогда: «Я слушал вас с большим удовольствием. Вы первый русский, не старающийся уверить нас, людей Запада, в том, что в России все готово для революции. Со времен Бакунина я постоянно слышал, что там «все готово», и удивлялся только тому, что революция все-таки заставляет себя так долго ждать» ².

Понравилась речь Плеханова и Ф. Энгельсу, который не был на конгрессе, но познакомился позже с его протоколами ³. Напротив, среди русской революционной интеллигенции, еще насквозь пропитанной народническими идеями, парижское выступление Плеханова воспринималось с явным неудовольствием как «еретическое». В свою очередь, Плеханов испытал, наверное, глубокое удовлетворение, прочитав в решениях конгресса, что «освобождение труда и всего человечества может быть достигнуто только пролетариатом,

¹ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. II. С. 296-297.

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. IV. С. 54. Речь Плеханова на Парижском конгрессе известна в двух вариантах. Один из них был опубликован при его жизни в 1890 г. в сборнике «Социал-демократ» и вошел в 4-й том сочинений. Второй был напечатан только в 1926 г. в журнале «Летопись марксизма» в переводе с французского оригинала, найденного в архиве Ж. Геда, а затем воспроизведен в 24-м томе сочинений Плеханова (с. 319 — 320). Во втором варианте концовка речи выглядела так: «А в заключение повторяю — и настаиваю на этом важном пункте: революционное движение в России восторжествует только как рабочее движение или же никогда не восторжествует!» Характерно, что в одной из своих последних печатных работ — «Открытом письме к петроградским рабочим» (1917 г.) Плеханов воспроизводит с незначительными изменениями именно этот, второй вариант заключительной части своей парижской речи 1889 г. См.: Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. II. С. 244-245.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 404-405.

³ Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 104.

средств производства в общественную собственность» ¹. Это краеугольное положение марксизма было глубоко созвучно собственным мыслям Плеханова, который остался верен этому убеждению до конца своей жизни. Он покидал Париж в радостном, приподнятом настроении, получив на конгрессе новый заряд энергии для продолжения начатой работы.

Сразу же после окончания Парижского конгресса в июле — августе 1889 г. в Лондоне состоялась личная встреча Плеханова и Аксельрода с Энгельсом. Благодаря рекомендации жившего тогда в британской столице Кравчинского они получили возможность в течение целой недели общаться с ближайшим другом Маркса. Запомнилась первая встреча, в которой участвовали также Эдуард Бернштейн, дочь Маркса Элеонора и ее муж Эдуард Эвелинг, домоправительница Энгельса Елена Демут и профессор химии, участник революции 1848 г. в Германии Шорлеммер. О политике говорили мало, зато было много шуток, пива, пунша и большой пирог. Хозяин дома оказал гостям из России теплый, радушный прием. Во время следующих визитов Плеханова и Аксельрода к Энгельсу затрагивались уже многие теоретические и политические вопросы, в частности деятельность Бакунина и Лассаля. Шла речь и о названии будущей российской рабочей партии. В передаче Плеханова этот эпизод выглядел так: «Вы знаете, — сказал Энгельс, — что первоначально наша партия называлась не социал-демократической, а коммунистической. Может быть, и вам лучше было бы, ввиду враждебного отношения ваших революционеров (народников. — С. Т.) к социал-демократии, называться коммунистами». На это я ему ответил, что мы хотим называться социал-демократами, а не коммунистами именно потому, что хотим показать свое презрение к тем клеветам на социал-демократию, которые распространяются у нас бакунистами. Энгельс согласился с этим, и с тех пор, насколько я знаю, никто не поднимал и вопроса о том, какое имя должны мы носить» 2 .

Но праздники — а поездка в Париж и Лондон, несомненно, была для Плеханова настоящим праздником — кончились. Настало время возвращаться в Морнэ. Свою главную задачу Плеханов видел, как и раньше, в литературной деятельности. В 1890 г. у группы «Освобождение труда» появились два новых спонсора: доктор Гурьев — человек либеральных взглядов, сын известного московского ресторатора, получивший недавно большое наследство и путешествовавший с семьей по Швейцарии, и молодой польский

 2 Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II. С. 45.

¹ Цит. по кн.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976. Т. 2. С. 266-267.

социал-демократ Лео Иогихес, которого в революционной среде знали как Грозовского и Яна Тышку. Первый из них дал деньги на издание литературно-политического обо-

зрения «Социал-демократ», второй — на публикацию осуществленного Плехановым перевода книги Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

Обозрение «Социал-демократ» явилось продолжением одноименного журнала, единственный номер которого вышел в 1888 г. в Женеве. На обложке первого номера нового «Социал-демократа» образца 1890 г. в целях конспирации в качестве места издания был указан Лондон. В 1890 г. увидели свет три номера обозрения, а четвертый, оказавшийся последним, появился в 1892 г. В «Социал-демократе» можно было прочитать четыре статьи Плеханова о Н. Г. Чернышевском, разбор творчества писателя-народника С. Каронина, развернутую рецензию на книгу П. Жане «Столетие 1789 г. История французской революции», обзоры событий в России и за рубежом, великолепные по тонкости анализа и литературному мастерству воспоминания «Русский рабочий в революционном движении», ряд более мелких заметок.

Плеханов прекрасно понимал, что группе «Освобождение труда» необходимо искать выходы непосредственно на рабочую аудиторию. В 1889 г. в серии «Рабочая библиотека» вышла в свет брошюра с текстом речи рабочего-революционера Петра Алексеева перед судом присяжных в 1877 г. Затем была издана еще одна брошюра, в которую вошли четыре речи рабочих на тайной петербургской маевке 1891 г., а также адрес столичных рабочих Н. В. Шелгунову — известному публицисту революционно-демократического направления. Публикацию этих ярких документов предваряло предисловие Плеханова, где еще раз подчеркивалась авангардная роль пролетариата в освободительном движении России: «Политическое сознание в русском рабочем классе пробудилось раньше, чем в русской буржуазии. Наша буржуазия требует пока только субсидий, гарантий, покровительственного тарифа и высоких пошлин; русские рабочие требуют политических прав. Это значит, что рабочие опередили буржуазию и что все действительно передовые люди должны стать под знамя рабочих» 1.

Плеханов писал далее о том, что марксисты должны вести агитацию в рабочей среде, исходя из насущных интересов пролетариата; добиваться уступок рабочим со стороны правительства и буржуазии; требовать созыва Земского собора как первого шага к уничтожению самодержавия и участия в нем представителей рабочих ². Таким образом, перед нами целая программа действий будущей пролетарской партии, задачу которой Плеханов видел не только в

127

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 210.

² Там же. С. 213-215.

В 1891 г. в России разразился небывалый голод. От недорода пострадали 26 губерний и областей с населением до 40 млн. чел. Плеханов откликнулся на это страшное народное бедствие большой статьей «Всероссийское разорение», опубликованной в 1892 г. сначала на страницах «Социал-демократа», а потом отдельной брошюрой. Он нарисовал такие потрясающие своей безысходностью картины крестьянских страданий, что спокойно читать их нельзя даже через сто лет после описываемых событий. «Хлеб» из лебеды, который не едят даже кошки и собаки; обессиленные, павшие духом люди; незасеянные поля; мать, говорящая на исповеди священнику о намерении зарезать своих детей, чтобы только не видеть их мучений, — и рядом типичные для России казнокрадство чиновников, хищничество кулаков-мироедов, безжалостное выколачивание налогов, цинизм дворян, требующих для себя даже в голодные годы льгот и субсидий...

Плеханов убедительно показал, что главная причина голода лежит в существующих в России общественных отношениях, в закрепощении «освобожденного» в 1861 г. крестьянина системой государственного фиска, в беспримерной в мировой истории бедности сельского населения страны. Что касается помощи голодающим со стороны правительства, земств и общественности, то размеры ее были явно недостаточны, а организация страдала теми пороками, которые всегда были характерны для России — медлительностью, ведомственной неразберихой, разбазариванием и без того скудных средств, предназначенных голодающим, а то и просто воровством. Полное экономическое разорение России, делал вывод Плеханов, может быть предупреждено только полным ее политическим освобождением. При этом начинать он предлагал с созыва Земского собора, призванного заложить основы нового общественного порядка 1.

Непосредственным продолжением «Всероссийского разорения» стала брошюра Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом» (1892 г.), написанная в форме писем к молодым товарищам. Здесь Плеханов еще более резко критикует самодержавную систему, подчеркивая, что никогда и нигде государство не брало у народа так много, как в России. Со времен Петра I, пишет он, русское государство было относительно самым дорогим, а русское крестьянство — самым бедным крестьянством в мире, и даже в Турции его не сумели бы так «чисто» обобрать, как это делает европеизированная русская бюрократия. «Дорого и скверно» — вот

нелицеприятная характеристика, подходящая решительно ко всему, что делал и делает царизм для России, заключал Плеханов 1 .

В поисках выхода из создавшегося положения Плеханов обращался ко всем честным русским людям, которые не принадлежат к миру дельцов, кулаков и чиновников, с при-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 357.

зывом развернуть агитацию за созыв Земского собора, т. е. Учредительного собрания. При этом особые надежды он возлагал на пролетариат, не сбрасывая, однако, со счетов и буржуазию. Надежды на политическое просвещение этой последней и на ее грядущий конфликт с самодержавием никогда не оставляли Плеханова, хотя акции либеральной буржуазии как оппозиционной по отношению к самодержавию силы то поднимались, то падали в зависимости от обстановки в России. Эти колебания прошли через всю плехановскую публицистику и стали одним из самых уязвимых мест его политической платформы. Немного забегая вперед, отметим, что в общем и целом российская буржуазия не оправдала его надежд. Пройдут годы, и сам Плеханов скажет, что в конце XIX в. он и его товарищи все-таки не ожидали от русской буржуазии такой «дрянности и ограниченности», какие она обнаружила впоследствии ².

Но в 1890 г. Плеханов еще считал, что, кроме буржуазии и пролетариата, нет других общественных сил, на которые могли бы опираться в России оппозиционные или революционные политические комбинации ³. А в 1892 г. в работе «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» он еще более заострил эту мысль, заявив: «Пролетарий и «мужичок» — это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка». На «мужичке» целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии» ⁴.

Однако в той же самой работе Плеханов отмечал, что по отношению к крестьянству необходим строго дифференцированный социальный подход: если сельская буржуазия не станет поддерживать социал-демократов, то сельский пролетариат «всегда был и будет естественным союзником городского», точно так же, как «бедные крестьяне (а таких большинство) непременно пойдут за социал-демократами...» ⁵ Это свидетельствовало о том, что Плеханов смотрел на перспективы союза пролетариата и крестьянства достаточно оптимистически. Больше того, в 1896 г. он прямо скажет: «Раз начавшееся в рабочей среде революционное движение вовлечет в свое русло значительную часть беднейшего крестьянства, и тогда придет

конец тем гнусным порядкам, которые составляют горе русской земли... » 1

Плеханов не скрывал, что в будущем Земском соборе социал-демократы выступят за полную отмену всех выкупных платежей за землю, потребуют введения прогрессивного подоходного налога, будут добиваться *«полной экспроприации крупных землевладельцев* и обращения земли в *национальную собственность»*. Неужели, задавал Плеханов рито-

129

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 361-362.

² Там же. Т. XIX. С. 241.

³ Там же. Т III. С. 120.

⁴ Там же. С. 386.

⁵ Там же. С. 414.

рический вопрос, крестьяне хоть одним словом осудят поведение социал-демократов ²? Таким образом, в работах 90-х годов Плеханов сделал значительный шаг вперед в сторону конкретизации аграрной программы, выдвинутой им в период создания группы «Освобождение труда». Теперь он прямо писал, что социал-демократы будут призывать крестьян: бить их эксплуататоров и брать у них все, что можно взять в данное время; «не довольствоваться никакими уступками со стороны высших классов; всегда ставить перед народом максимум тех революционных требований, до которых он дорос в настоящее время; неустанно вести его вперед, вперед и вперед на завоевание неприятельской территории; не класть меча в ножны до тех пор, пока не будет она занята вся до последней пяди... » ³

Обращает на себя внимание и другое: именно в начале 90-х годов, в связи с оживлением либерального движения во время голода в России, Плеханов предупреждал: не надо раньше времени запугивать либералов революцией и социализмом, но не надо в то же время и запугивать социалистов призраком «запуганного либерала», который может уйти из освободительного движения и тем самым ослабить натиск оппозиции на самодержавие.

«Вред, приносимый таким запугиванием, — подчеркивал он, — несравненно больше той пользы, которую могло бы принести убеждение гг. либералов в нашей умеренности и аккуратности» ⁴. При этом Плеханов был убежден в том, что не пролетариат должен примыкать к либералам, а социал-демократы должны собирать под своими знаменами «все те слои русского населения, самое положение которых заставляет их колебаться между буржуазией и пролетариатом» ⁵.

Надо сказать, что работы Плеханова, посвященные борьбе с голодом, вызвали неоднозначную реакцию среди русских революционеров. Некоторые ультрарадикалы считали, что, поскольку голод ускоряет социальное разложение крестьянства и тем самым способствует развитию капитализма, марксистам вообще не следует

```
<sup>1</sup> Плеханов Г. В. Соч. Т. IX. С. 290-291.
```

вмешиваться в этот объективный процесс. Других смущал лозунг созыва Земского собора, в котором они усматривали отказ от социализма. Третьи полагали, что улучшение положения крестьянства может укрепить крестьянскую общину и тем самым замедлит буржуазный прогресс. Находились и такие, кому не нравился призыв Плеханова к координации усилий всех демократических слоев российского общества, включая либералов, в борьбе против самодержавия.

² Там же. Т. IX. С. 415. ³ Там же. С. 416.

⁴ Там же. Т. III. С. 421.

⁵ Там же. С. 413.

Частично на эти сомнения и возражения ответил сам Плеханов. Он подчеркнул, в частности, что марксисты чужды всякого доктринерства и схематизма. «Веер альтернатив» общественного развития достаточно велик: вполне возможно, что крестьянские земли перейдут в руки новой буржуазии, или крестьяне потребуют закрепить их в свою личную собственность, или переделят помещичьи поля между общинами. «Социалдемократы нимало не боятся таких сюрпризов, — писал Плеханов. — Для них в истории нет ничего невероятного. Их программа есть сознательное выражение бессознательного хода общественного развития. Они спокойно и уверенно смотрят в будущее. Они глубоко и вполне основательно убеждены, что как бы ни пошли события, а у них, у социал-демократов, всегда будет возможность плодотворной работы и что всякое серьезное общественное движение непременно и неизбежно приближает их к их великой цели» ¹.

К сожалению, попытки перевести общественную кампанию по борьбе с голодом в практическую плоскость не увенчались успехом. Переговоры Плеханова с Лавровым в Париже на предмет создания «Лиги по борьбе с голодом», которая объединила бы всех русских революционеров-эмигрантов в Западной Европе, не увенчались успехом. Сказались старые обиды, житейская непрактичность, неумение перейти от слов к делу. Тем не менее выступление Плеханова в связи с голодом в России получило большой общественный резонанс. Оно показало, что русские марксисты — это не жалкая кучка доктринеров, для которых цитаты из Маркса важнее живой жизни, а люди, всем сердцем болеющие за свой народ и способные предложить собственную программу выхода из кризиса.

Можно согласиться с теми, кто считает, что работы Плеханова о борьбе с голодом принадлежат к лучшим страницам его идейно-теоретического наследия, убедительно демонстрируя силу плехановского интеллекта и блеск его публицистического таланта. И хотя судьба не слишком баловала его в то нелегкое время, как будто специально нагромождая на жизненном пути одно препятствие за другим, он был в постоянном движении, творческом поиске, работе. Одну боевую кампанию сменяла другая, появлялись новые идейные противники и новые сюжеты для его публицистических выступле-

Очень интересны в этом плане воспоминания Александра Потресова о его первой встрече с Плехановым в Морнэ в 1892 г. «Еще молодой, полный бодрости, неистощимого остроумия, сверкающий, переливающий всей радугой знания, без малейшей тени

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 424.

¹³¹

ний, а Плеханов оставался все таким же энергичным, блестящим, искрометным, все так же оптимистически смотрел в будущее.

растерянного, упадочного уныния, тогда столь свойственного многим, и без малейшей тени склонности вечно воображать Россию накануне событий, размалевывая себе декорацию пока еще не существующего движения», — таким предстал Георгий Валентинович перед своим 23-летним гостем из России. «Он был тогда весь в работе, — тогда он был поглощен своими многообразными умственными интересами, неустанно учился и неустанно творил, лихорадочно пользуясь, как он говорил, каждою минутой того политического затишья и того положения ссыльного, которое обрекало его как борца на невольное бездействие...» — вспоминал Потресов.

Ему бросилась в глаза одна очень характерная для Плеханова черта: в противоположность огромному большинству русских интеллигентов он жил одновременно и всеми запросами европейской умственной жизни — ее философии, эстетики, политики, экономики, и всеми деталями общественной жизни на родине, за которой постоянно и жадно следил, находясь в эмиграции. «Европеец по всему складу, по всей упорядоченности своего житейского и умственного обихода, совсем не нигилист, он в то же время не был отнюдь и космополитом, беспочвенной жертвой тепличного эмигрантского существования... Его знакомство с фактами из текущей жизни и литературы России прямо поражало, свидетельствуя о том, как много труда было положено им на эту трудно достававшуюся в тогдашних условиях осведомленность о России... Он загорался, когда о ней говорил, он жил в атмосфере ее общественности; он знал ее историю во всех разветвлениях, как мало кто. Он помнил чуть не наизусть ее литературу и любил пересыпать свою беседу образами, взятыми из дорогих ему писателей. Он нежно любил Глеба Ив. Успенского, но особенно чувствовал какое-то родство, какую-то кровную близость, какой-то пиетет к Белинскому и к Чернышевскому... Стоило поговорить час-другой с Плехановым, чтобы вас обступила культура России, все то ценное и многозначительное, до чего она доработалась... А революционное движение вставало перед вами в искрящихся рассказах, где трагичное чередовалось со смешным и образ за образом проходил бесконечной вереницей... Он столько видел в свои годы пребывания в России, со столькими сталкивался, что портретная галерея его была поистине неисчерпаема».

«Необычайная одаренность его натуры била в глаза, изумляла и покоряла себе, распространяя вокруг себя обаяние. Европеец и до мозга костей русский человек. Революционер-социалист и вместе с тем джентльмен, своей манерой держаться напоминавший светского человека-аристократа. Он в этом отношении был похож на Энгель-

са, с которым он два года спустя меня познакомил в Лондоне, как он был похож на него и в другом — в своей энциклопедичности и диапазоне своего творчества, в шири своего кругозора. Немногие из его современников в Европе могли сравниться с ним в этой ши-

ри, а в социалистической среде после Энгельса он был единственным в своем роде... Что с первого же раза обращало на себя внимание в Плеханове, — это его логика, его изумительная диалектика, которой он управлял, как первоклассный фехтовальщик шпагой, без малейшего видимого труда шутя выбивая оружие из рук противника, шутя, точно играючи, бросая свои отточенные мысли... И была вера в движение, в конечное торжество социализма, в сравнительно недалекую победу политической свободы в России...» ¹, - писал Потресов.

В начале 90-х годов быстро рос и авторитет Плеханова во II Интернационале. На Западе по достоинству оценили его теоретическое дарование, ярко выраженную марксистскую ортодоксальность, полемический талант, осведомленность о положении дел в загадочной для многих России. Поэтому после Парижского конгресса 1889 г. у Георгия Валентиновича завязались связи со многими видными деятелями международного социалистического движения. Он стал получать многочисленные предложения о сотрудничестве с различными социал-демократическими изданиями, о публикации статей, заметок, рецензий и даже целых книг на иностранных языках. Поскольку такие контакты могли принести немалую пользу молодому рабочему движению в России, Плеханов и его товарищи по группе «Освобождение труда» довольно охотно откликались в те годы на подобные приглашения. Не приходится говорить и о том, что литературная работа была для них едва ли не главным источником существования, и это заставляло Плеханова не пренебрегать заказами, которые особенно часто поступали из Германии.

С 1890 г. началась довольно регулярная публикация его статей в германских социалдемократических изданиях. Так, в 1891 г. в журнале «Die Neue Zeit» печаталась с продолжениями большая теоретическая работа Плеханова «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», которую Энгельс нашел превосходной ². Узнав об этом, Георгий Валентинович написал ему: «Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, не совсем недостойным таких учителей, как Маркс и Вы» ³.

В 1892 г. редактор «Die Neue Zeit» К. Каутский заказал Плеханову серию статей о французских материалистах XVIII в. Гольбахе и Гельвеции, а в 1896 г. вместе с очерком о Марксе они были изданы в Штутгарте на немецком языке под названием «Очерки по истории материализма». В том же социал-демократическом изда-

133

¹ Памяти Г. В. Плеханова. 1918. 9 июня.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 205

³ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8. Ч. 1. С. 257.

Вряд ли есть необходимость подробно говорить о том, с каким уважением относился Плеханов к своему знаменитому соотечественнику: ведь он считал его гордостью, славой и украшением русской литературы. Плеханов проследил процесс становления взглядов Чернышевского на природу и общество в контексте российской и европейской интеллектуальной жизни середины XIX в., высоко оценил его как философаматериалиста и революционера — одного из теоретиков активного народничества. Плеханов объективно написал и о поистине поразительных социальных прозрениях Чернышевского, и о неизбежной из-за отсталости России ограниченности его взглядов.

Всего за период с 1889 по 1900 г. Плеханов опубликовал в социалистической прессе и издательствах зарубежных стран 50 различных работ ¹. Среди его корреспондентов были ведущие деятели международного социалистического движения, включая Ж. Геда, П. Лафарга, В. Либкнехта, А. Бебеля, К. Каутского, К. Цеткин, Р. Люксембург, В. Адлера, Э. Вандервельде, К. Гюисманса, Д. Благоева, Х. Раковского и др.

Плеханов состоял в переписке с социалистами Германии, Франции, Англии, Италии, Австро-Венгрии, Бельгии, Греции, Румынии, Сербии, Голландии, Норвегии, Швеции, Болгарии, Польши, США, Швейцарии, Ирана, Японии. Круг его связей и интересов был поистине огромен: здесь и теоретические вопросы, и издательские дела, и межпартийные контакты, и организация различных акций интернационалистского характера. Сотни писем, приходивших на имя Плеханова из множества стран Европы, Азии и Америки, свидетельствовали о том, что он пользовался там огромным уважением и большой популярностью.

Еще со времен Маркса в международном социалистическом движении развернулась острая борьба с разного рода анархическими и полуанархическими тенденциями. Дело доходило до очень острых столкновений: так, с Парижского конгресса II Интернационала в 1889 г. была удалена группа анархистов, пытавшихся сорвать его работу, а на следующем, Брюссельском конгрессе 1891 г. ² были

¹ См.: Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. С 230.

В работе Брюссельского конгресса группа «Освобождение труда» не участвовала, считая, что ее связи с рабочим движением в России пока еще слишком слабы. Конгрессу был представлен написанный Плехановым и Засулич доклад от имени редакции «Социал-демократа» (см.: Плеханов Г. В. Соч. Т. IX. С. 349 — 351). Решения конгресса были проанализированы Плехановым в статье «Рабочее движение в 1891 г.» (там же. Т. IV. С 101-113).

даже аннулированы мандаты трех бельгийских и одного голландского анархиста. Уже тогда голландец Домела Ньювенгейс предложил свой оригинальный план борьбы с войной, который состоял в том, чтобы в ответ на ее объявление начать одновременно во всех странах всеобщую стачку протеста. В Брюсселе Ньювенгейс остался в одиночестве, но в августе 1893 г. он повторил свое предложение на Цюрихском конгрессе II Ин-

тернационала. И здесь его главным оппонентом выступил Плеханов.

На этот раз он приехал в Цюрих с двумя совершенно «законными» мандатами — от петербургской группы «Освобождение труда» (студенческой организации, к которой принадлежал Юлий Цедербаум) и Русского социал-демократического общества в Нью-Йорке. Засулич и Аксельрод присутствовали на Цюрихском конгрессе в качестве гостей.

Плеханов был избран в комиссию по военному вопросу, от имени которой и выступил на пленарном заседании конгресса. Выбор на него пал не случайно, ибо Россия была в то время в глазах Интернационала олицетворением реакции, а русские казаки оставались пугалом для всей Европы. Поэтому позиция русских марксистов представляла для международного социалистического сообщества особый интерес. Плеханов заявил, что глубинные причины войн кроются в самой природе капитализма и поддержал немецких социал-демократов, считавших, что нельзя видеть в антимилитаристской всеобщей стачке универсальное и дающее полную гарантию успеха средство борьбы с военной опасностью. Он не оставил у своих слушателей ни тени сомнения в том, что русские социалисты в случае европейской войны никогда не будут заодно с царем. «Уже давно пора покончить с русским царизмом, позором всего цивилизованного мира, с постоянной опасностью для европейского мира и прогресса культуры. И чем больше наши немецкие друзья (имеется в виду прежде всего A. Бебель. — $C.\ T.$) нападают на царизм, тем более должны мы быть благодарны. Браво, мои друзья, бейте его сильнее, сажайте его на скамью подсудимых возможно чаще, нападайте на него всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами, — заявил Плеханов. — Что же касается русского наpoda, то он знает, что наши немецкие друзья желают его свободы» 1 .

Вскоре после конгресса Плеханов изложил основные положения своих выступлений в Цюрихе в открытом письме в редакцию французского социалистического журнала «L'Ere Nouvelle». Здесь он прямо поставил вопрос о том, чем было бы чревато принятие плана Ньювенгейса в случае войны между Россией и Германией. «Предположим, что в случае войны между Россией и Германией наши немецкие товарищи сумеют организовать военную забастовку, —

135

рассуждал Плеханов, — тогда русская армия покорит Центральную Европу, и вместо торжества социализма мы увидим торжество казацкой нагайки. Вот почему голландское предложение является не просто утопией, а *реакционной* утопией, осуществление которой было бы очень вредно для дела свободы. Дело идет не о том, чтобы проповедовать крестовый поход против северного деспота. Кровь пролетариата слишком дорога, чтобы

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. IV. С. 331.

нам пришла в голову подобная идея; кроме того, рабочие Западной Европы имеют и без того много дела у себя дома. Но пусть русское правительство держит себя спокойно, — социалисты будут первыми борцами против всяких воинственных тенденций. И если это ненавистное правительство не будет держаться смирно, если оно попробует наложить свою тяжелую лапу на соседние народы, тогда всякое воздержание будет преступным, тогда нужна будет война, смертельная война, война без отдыха и пощады! И эта война против нашего правительства будет в то же время войной за освобождение нашего народа» ¹.

Выступление Плеханова в Цюрихе вызвало очень бурную реакцию. Голландские и часть французских делегатов прерывали его возгласами: «Да здравствует анархия!» и обвинениями в предательстве. Ньювенгейс обвинил Плеханова в шовинизме и заявил, что его устами говорил сам Бисмарк. Обстановка в зале конгресса накалилась до предела. Плеханов стоял на трибуне с высоко поднятой головой и блестящими от возбуждения глазами. Один из немецких делегатов подбежал к трибуне и обнял Георгия Валентиновича со словами: «Plechanoff, das ist deine Schlacht!» («Плеханов, это твоя битва!» — нем. ²). В итоге в Цюрихе Плеханов вышел победителем, а Ньювенгейс потерпел очередное поражение.

Во время конгресса и после его окончания состоялись встречи членов группы «Освобождение труда» с Энгельсом, который вновь покорил их своей простотой и мудростью. Отношения Плеханова и Энгельса в первой половине 90-х годов составляют интереснейшую страницу в истории российского и международного социалистического движения. Очень содержательны, в частности, письма, которыми они обменивались в 1893—1895 гг. ³ Круг поднимавшихся в них вопросов был очень широк: экономическое положение России и первые шаги молодого царя Николая II, позиция либеральных

народников и сложные взаимоотношения Плеханова с молодым и довольно богатым польским социал-демократом Лео Иогихесом ¹ и переводчиком плехановских работ на немецкий язык Борисом Кричевским, материальная помощь больной Засулич и т. д.

Очень интересны, в частности, мысли Энгельса и Плеханова о перспективах социально-экономического развития пореформенной России. Характеризуя его, Плеханов писал: «...Мы страдаем от капитализма и еще страдаем от того, что капитализм недостаточно развит. Страдание на страдание — это учетверяет наши экономические бедствия,

¹Плеханов Г. В. Соч. Т. IV. С. 162.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 70 — 71.

³ Характерно, что вначале Плеханов все время называл Энгельса «учителем». В ответ тот заметил, что просит избавить его от такого титула и что его зовут просто Энгельс. После этого Георгий Валентинович стал обращаться к нему более демократично: «Мой дорогой гражданин Энгельс!», а затем перешел на новое, несколько шутливое обращение: «Мой дорогой генерал!» (так звали Энгельса друзья за его большие познания в военном деле). См.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. С. 313, 323, 325, 328. 136

не говоря уже о нашем политическом положении, которое превосходит все, что можно было бы сказать скверного на его счет» ². При этом он старательно внушал своему знаменитому лондонскому корреспонденту, что крестьянская община лишь тормозит капиталистическое развитие России, а значит, и развитие русской революции. Недаром, писал Плеханов, один из главных идеологов самодержавия К. П. Победоносцев убежден в том, что именно община спасет Россию от рабочего движения и социализма. Плеханов склонял также Энгельса к более решительному осуждению сторонников народнических взглядов, в частности старого знакомого Маркса и Энгельса Н. Ф. Даниельсона, который выпустил в 1893 г. в Петербурге книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Однако Энгельс довольно туго поддавался на уговоры Плеханова и не собирался ввязываться в бой с Даниельсоном, хотя, разумеется, и не защищал его взгляды на возможность реформировать Россию на базе крестьянской общины и «народного производства». Выше нам уже приходилось говорить о высоких оценках, которые давал Энгельс Плеханову после того, как ближе познакомился с этим выдающимся русским революционером и мыслителем. Тем не менее, как можно заключить из некоторых мемуарных источников, Энгельса порой несколько смущала та чрезмерная страстность, с которой его русский знакомый полемизировал со своими оппонентами. Так, посетивший в 1893 г. Энгельса Алексей Воден вспоминал, что тому очень хотелось, чтобы Плеханов занялся аграрным вопросом в России, и притом в сугубо исследовательском, а не в полемическом плане. Энгельс просил передать Плеханову, что не одобряет его стремления без крайней необходимости обострять конфликт с революционными народниками. Видимо, Энгельса настораживали и некоторые диктаторские нотки, звучавшие порой у Плеханова (по словам того же Водена, Плеханов говорил, что когда «мы» будем у власти, то никому, кроме «нас», никаких

137

свобод не предоставим). Чувствовалось, что Энгельс боится сектантства и расколов в среде русских революционеров. Однажды, коснувшись вопроса о полемике Плеханова с народниками, он со смехом сказал по-русски: «Кто Плеханова обидит, не обидит ли всякого сам Плеханов?» ¹ Но высказывались все эти опасения и советы в самой деликатной, порой даже шутливой форме.

На рубеже 1893 — 1894 гг. Плеханов пережил еще один тяжелейший душевный кризис. Неожиданно заболела менингитом и умерла пятилетняя Машенька. За дни болезни и похорон дочери Георгий Валентинович постарел лет на десять, осунулся, сгорбился.

¹ Взяв на себя расходы, связанные с издательской деятельностью группы «Освобождение труда», Иогихес повел себя затем весьма некорректно и претенциозно, что послужило в конце концов причиной разрыва Плеханова с польским революционером.

²Группа «Освобождение труда». Сб. 2. С. 326.

Он не плакал, был молчалив, внешне спокоен, хотя в душе у него клокотал настоящий ад. Плеханов был особенно нежен с женой и старшими дочерьми, но чувствовалось, что он находится на пределе своих сил. Трудно сказать, смог ли бы он устоять перед вызовом судьбы без поддержки друзей. П. Б. Аксельрод, разделивший горе друга, написал ему письмо, в котором называл Плеханова «избранником истории» и умолял его крепиться и помнить о своем высоком предназначении. В ответ Георгий Валентинович написал Аксельроду 23 января 1894 г.: «Твое выражение «избранник истории» заставляет меня смеяться. Как убедиться в том, что такой-то человек был избран историей? Это возможно только по отношению к прошедшему, а по отношению к настоящему это немыслимо, и только хвастуны и плуты могут смотреть на себя сквозь столь лестные очки. А я, я, вероятно, просто неудачник, годный теперь только в помойную яму... Я болен, не знаю чем, должно быть отчаянием, и, право, таков, как я теперь, я никуда не гожусь; следовательно, о чем же толковать? Выжатый лимон надо выбросить в помойную яму и забыть его поскорее, вот и все. Твоя вера в меня делает честь твоему идеализму.., но если она продолжится, она будет смешна: кто идеализирует выжатые лимоны! Теперь я болен, и вообще мое положение скверно, а что дальше — неизвестно» ².

На помощь снова пришло испытанное средство — работа. Уже 2 марта 1894 г. Плеханов писал В. Либкнехту: «Я не буду больше касаться постигшего меня несчастья. Я много страдал, но главное — это то, что я в состоянии сейчас приняться за работу, а раз человек может работать, то он еще не погиб духовно» ³.

В 1894 г. в Германии была издана брошюра Плеханова «Анархизм и социализм», написанная по заказу правления германской социал-демократии. Партии II Интернационала уже давно были обеспокоены ростом анархистских настроений в Западной Европе. Что касается самого Плеханова, который отдал в молодости дань

увлечения одной из разновидностей анархизма — бакунизмом, то у него давно уже зрела мысль «отомстить» Бакунину за его нападки на Маркса и Энгельса. Несовместимость марксизма и анархизма была настолько очевидна, что Плеханов, не раздумывая, принял предложение, полученное из Германии. Он проанализировал взгляды «отца анархии» Макса Штирнера, Прудона, Бакунина и их последователей, включая Кропоткина. Конечно, Плеханов не исчерпал в своей брошюре всех аспектов темы, в том числе и вопроса об отношении пролетарской революции к государственной власти, но и того, что он написал, было достаточно, чтобы его объявили «пожирателем» анархистов. Брошюра Плеханова трижды издавалась на немецком языке, была переведена на английский,

¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 3-е изд., доп. М., 1988. Ч. 2. С. 92-94.

 $^{^2}$ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1 С. 94. Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II. С. 122.

французский, итальянский, венгерский и болгарский языки, и повсюду имела большой успех.

Между тем в первые месяцы 1894 г. стала вырисовываться реальная угроза высылки Плеханова теперь уже из Морнэ. После того как на Цюрихском конгрессе II Интернационала он позволил себе откровенно осудить франко-русский союз, французская полиция стала преследовать русского эмигранта. На квартире Плеханова был устроен обыск. Каждый день можно было ожидать приказа покинуть Морнэ.

Плеханов всерьез стал подумывать о том, чтобы переехать в Болгарию или даже в Соединенные Штаты Америки, куда его приглашал Сергей Ингерман — единственный вновь принятый член группы «Освобождение труда», который стал одним из организаторов «Русского социал-демократического общества» в США. Однако Америка была слишком далеко от России, и на семейном совете Плехановы решили, что ехать туда не стоит. Обсуждался также план переезда в Англию и даже на остров Ява. Пока же Георгий Валентинович нелегально вернулся в Женеву. Но уже в июле 1894 г. он вместе с Засулич тайно отправился в Лондон, где жил его старый друг С. М. Кравчинский. Летом того же года там состоялись последние личные встречи Плеханова с Энгельсом.

В Лондоне Плеханов вновь встретился и с Александром Потресовым, который предложил ему подготовить книгу с изложением основ марксизма для легального издания в России. Предложение было неожиданным, срок работы — предельно коротким, замысел издания — дерзким, но Плеханову идея Потресова понравилась. К тому же у него был уже собран большой подготовительный материал: с 1892 г. он работал над второй частью книги «Наши разногласия» с критикой либеральных народников и прежде всего кумира тогдашней русской интеллигенции и студенческой молодежи, редактора журнала «Русское богатство» Н. К. Михайловского. Кроме того, в письменном столе у Плеханова лежали главы для «Истории социалистического движения во Франции», заказанной ему Каутским. Этого задела оказалось достаточно, чтобы буквально за несколько недель подготовить книгу с кратким изложением истории

Работа шла быстро. Потресов переписывал рукопись сам, чтобы в случае осложнений на границе сказать, что это его собственная будущая книга. В середине октября он покинул Лондон, увозя с собой почти всю плехановскую монографию. Недостающую часть Плеханов выслал ему вскоре по почте. Был выбран и изящный литературный псевдоним — Н. Бельтов, и длинное, довольно неуклюжее, но «проходное», с точки зрения царской цензуры, название — «К вопросу о развитии монистического взгляда на

историю». В январе 1895 г. книга Бельтова, довольно легко проскочив цензуру (помогла некоторая неразбериха, царившая в правительственных канцеляриях в связи со смертью и похоронами Александра III), появилась на прилавках петербургских книжных магазинов. Ее тираж составлял 2 тыс. экз.

В 1917 г., когда готовилось новое издание книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов разъяснил, почему он вынужден был дать своей работе такое нарочито туманное название. Проще всего было бы назвать ее «В защиту материализма», но тогдашняя царская цензура терпеть не могла этого слова, и Плеханов решил замаскировать основное содержание своего труда малопонятным непосвященному сугубо академическим заголовком ¹.

В работе Плеханова собран богатейший материал, показывающий, что исторический материализм Маркса и Энгельса возник на базе идей французских материалистов XVIII в. историков эпохи Реставрации, социалистов-утопистов и немецких философов-идеалистов первой половины XIX в. При этом Плеханов знакомил читателей с основными положениями марксистского диалектико-материалистического взгляда на историю, что имело огромное значение для распространения марксизма в России. Он многократно цитировал Маркса и Энгельса, сочинения французских энциклопедистов XVIII в., Гегеля, Сен-Симона, Чернышевского, Дарвина. Богатейший подстрочник пестрит ссылками на книги, изданные на французском, немецком, английском языках, не говоря уже о многочисленных работах русских авторов.

«Монистический взгляд...» — сугубо полемическое, «задорное», по выражению самого Плеханова, произведение. Автор был убежден, что без борьбы в области идеологии не рождается ничего нового, и прав был В. Г. Белинский, когда писал в свое время: «Гадки и пошлы ссоры личные, но борьба за понятия — дело святое, и горе тому, кто не боролся» ². Во времена Плеханова одним из самых больных общественных вопросов, которые, говоря слова-

140

ми того же неистового Виссариона, «смущают покой ночной, отравляют пищу, кипятят и прохлаждают кровь», стал вопрос о судьбах капитализма в России.

Полемизируя с народническими публицистами во главе с Н. К. Михайловским, Плеханов на основе анализа материалов, характеризующих российскую действительность 80 — 90-х годов XIX в., делал вывод: у нас нет данных, позволяющих надеяться на то, что Россия скоро покинет путь капиталистического развития, на который она вступила после 1861 г. Стараясь донести до читателей суть разногласий между народниками и марксистами, он использовал несколько необычный в серьезной научной книге прием,

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 3 — 4.

² Там же. С. 4.

включив в текст сказку о «добром молодце», в котором легко угадывался типичный русский народник. «Привели доброго молодца, — пишет Плеханов, — в каменный острог, посадили за запоры железные, окружили стражей неусыпной. Добрый молодец только усмехается. Он берет заранее припасенный уголек, рисует на стене лодочку, садится в нее и... прощай, тюрьма, прощай, стража неусыпная, добрый молодец опять гуляет по свету белому. Хорошая сказка! Но... только сказка. В действительности нарисованная на стене лодочка еще никогда, никого и никуда не уносила. Уже со времени отмены крепостного права Россия явно вступила на путь капиталистического развития. Гг. субъективисты прекрасно видят это, они сами утверждают, что старые экономические отношения разлагаются у нас с поразительною, все более и более увеличивающеюся скоростью. Но это ничего, говорят они один другому: мы посадим Россию в лодочку наших идеалов, и она уплывет с этого пути за тридевять земель, в тридесятое царство. Гг. субъективисты хорошие сказочники, но... «вот и все!». Вот и все, — а ведь этого страшно мало, и никогда еще сказки не изменяли исторического движения народа по той же самой прозаической причине, по которой ни один еще соловей не был накормлен баснями» 1.

Хотелось бы обратить внимание и еще на одну характерную особенность книги Плеханова, связанную с решительным осуждением автором всякого рода вульгарных толкований марксизма. Не надо думать, писал Плеханов, будто человечество похоже на ту чиновницу из рассказа Глеба Успенского, которая даже в предсмертном бреду повторяла главную заповедь своей жизни: «В карман норови, в карман». Марксизм, подчеркивал он, отнюдь не отрицает значения идей и идеалов, а лишь старается выявить те общественно-экономические причины, которые вызывают их появление именно в ту, а не в другую историческую эпоху. Диалектический материализм — это отнюдь не фатализм, а философия действия, ибо, познав объективные законы, по которым живет человек, он может обуздать их, сделав «необходимость послушной

141

рабой *разума*». Развивая эту мысль, Плеханов в полемике с Михайловским, который жаловался, что марксизм «приговаривает Россию к капитализму», подчеркивал: диалектический материализм никаких стран ни к чему не приговаривает и не указывает пути, обязательного для всех народов. Развитие всякого данного общества всегда зависит от соотношения общественных сил внутри него, и поэтому «всякому серьезному человеку надо, не гадая и не ноя по поводу какой-то фантастической «обязательности», изучить прежде всего это соотношение; только такое изучение и может показать, что «обязательно» и что «необязательно» для данного общества» ¹.

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. І. С. 713.

Книга Бельтова произвела огромное впечатление на читающую публику и сыграла поистине выдающуюся роль в пропаганде марксистских идей в России. Целое поколение русских марксистов после знакомства с «Монистическим взглядом... » признало Плеханова своим учителем. Что привлекало тогдашнюю молодежь в книге Плеханова? Несомненная научность и логичность изложения, убежденность автора в существовании объективных закономерностей исторического процесса и распространении их на Россию, его бескомпромиссное западничество. Как пишет известный американский историк Л. Хеймсон, из «Монистического взгляда на историю» молодые читатели Плеханова «могли вынести не только мысль о неизбежности того развития, посредством которого Россия присоединится к дороге западных наций и в конце концов пойдет к социализму, но и убеждение, что они сами, в силу более высокой сознательности, были «избраны» действовать в качестве агентов по претворению в жизнь этих неизбежных исторических законов» ².

Сейчас к этой работе Плеханова обращаются в основном лишь специалисты, да и сам термин «монизм», означающий признание основой всех явлений мира какое-то одно, либо материальное (как у Плеханова), либо духовное начало, не пользуется особой популярностью, все чаще уступая место методу так наз. многофакторного анализа, призывам к синтезу марксистских и немарксистских подходов или к полному отказу от доктрины Маркса. Проще говоря, современные российские обществоведы склонны в какойто мере вернуться к идеям Н. К. Михайловского и других оппонентов Плеханова, считая их пресловутый «субъективизм» более надежным инструментом познания общественных явлений, чем марксизм (особенно в его поздней, вульгаризированной форме) с его пятичленным формационным делением истории человечества и классово-партийным подходом ко всем историческим процессам, грешившим порой еще большим субъективизмом и отходом от принципов подлинной научности.

В общем и целом подобную ситуацию можно объяснить реакцией на былую монополию марксистских, а чаще квазимарксистских догматов в советском обществоведении. Разумеется, как это уже было в 1920 —1930-х годах, когда марксисты ниспровергали так наз. дворянско-буржуазную науку об обществе, дело опять не обходится без полемических передержек и конъюнктурщины, причем идущие на смену историческому материализму теории мировых цивилизаций, евразийства и т. д. разработаны пока явно недостаточно. Так или иначе, спешка и бескомпромиссность были бы здесь, видимо, неуместны.

Можно лишь гадать, как отнесся бы герой этой книги к тому, что происходит в оте-

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 691, 707-708.

 $^{^{2}}$ Хеймсон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции Россия XXI. 1995. № 7-8. С. 174.

чественном обществоведении сто лет спустя после выхода в свет его «Монистического взгляда... » Скорее всего он в очередной раз предал бы анафеме любые сомнения в истинности марксизма и безжалостно высмеял бы его критиков. Но не будем забывать, что для диалектического метода, которому Плеханов всегда поклонялся, нет ничего святого, незыблемого, «вечного», «абсолютного». Это относится и к марксизму, хотя сам Георгий Валентинович — надо отдать ему должное, — умел наполнять марксистские схемы богатым конкретно-историческим содержанием, а в области русской истории старался соединить Маркса с Ключевским и Соловьевым, за что не раз подвергался потом суровой критике в советское время.

Отвергая сегодня былые претензии марксизма на истину в последней инстанции и универсализм и признавая необходимость критического подхода к трудам его последователей, включая и Плеханова, мы должны признать, что в качестве методологии истории он имеет тем не менее немало сильных, привлекательных сторон и достаточно убедительно объясняет очень многое (хотя и далеко не все) в событиях нового и новейшего времени.

Что касается конкретной полемики Плеханова с Михайловским, Даниельсоном, Кривенко и другими народниками, то сегодня позиция «отца» русского марксизма представляется нам уже совсем не столь бесспорной, как прежде. В сущности говоря, настоящей научной дискуссии с Н. К. Михайловским, например, у Плеханова явно не получилось, причем в ряде случаев он либо не понял, либо сознательно исказил точку зрения своего оппонента. Как писал Н. К. Михайловский в «Русском богатстве» в своем ответе на критику Плеханова, «г. Бельтов человек талантливый и не лишенный остроумия, но оно, к сожалению, часто переходит у него в неприятное шутовство» ¹. Михайловский упрекал Плеханова, в частности, в том, что тот исказил его взгляды на «героев» и «толпу», неправомерно отождествив последнюю с народом, односторонне представил его теорию прогресса и т. д. «Г. Бельтов вообще говорит о многом

ненужном и умалчивает о многом нужном» ¹, — замечал Михайловский, который под пером Плеханова превратился из талантливого и яркого публициста с целой системой продуманных и выстраданных, хотя и не бесспорных взглядов в претенциозного мелкого верхогляда, замахнувшегося на «самого» Маркса. Так или иначе, в книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и в его статье «Несколько слов нашим противникам» (с ответом на возражения Михайловского), мы, к сожалению, не найдем ни объективных оценок творчества крупнейших народнических публицистов, ни беспристрастного изложения всей совокупности их взглядов. Вот почему разговор о

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 8. Стб. 18.

¹⁴³

«субъективной школе» в отечественной социологии конца XIX в., думается, еще далеко не закончен 2 .

Заметим, что к нашумевшему в свое время спору о «героях» и «толпе», затронутому в «Монистическом взгляде на историю», Плеханов вернулся через несколько лет, в 1898 г. в одной из самых известных своих статей, называвшейся «К вопросу о роли личности в истории» и опубликованной в легальном петербургском журнале «Научное обозрение». На материале из истории Франции (Людовик XV, маркиза Помпадур, Наполеон) он развивал здесь мысль о том, что выдающиеся личности — это лишь более или менее талантливые актеры в том большом всемирно-историческом театре, где царит объективная необходимость и строгая закономерность. Плеханов был убежден, что отдельно взятая человеческая личность может изменить лишь индивидуальную физиономию событий, но не общее направление исторического процесса, которое определяется прежде всего развитием материального производства и социокультурной средой, существующей в каждой стране или группе стран. Иначе говоря, даже самый выдающийся деятель далеко не всесилен и является в конечном счете лишь исполнителем воли своей партии, класса, нации, государства, хотя в этих пределах от его способностей, воли и моральных качеств зависит очень и очень многое.

Те, кто придерживаются материалистического понимания истории, находят эту схему вполне разумной, и для них современная корректировка взглядов Плеханова по данному вопросу сводится лишь к некоторой перестановке акцентов в сторону признания большей независимости выдающейся личности от окружающего ее социума. Вместе с тем широко распространены и прямо противоположные взгляды на роль «героев» как подлинных творцов истории, подчиняющих себе «толпу» и выполняющих при этом Божественную волю или волю дьявола, что, естественно, отрицал материалист и атеист Плеханов.

144

Хотелось бы лишь подчеркнуть, что при всем своем монизме и историческом детерминизме Плеханов отвел крупной, богато одаренной личности довольно значительное место во всех сферах общественной жизни. Правда, он ограничился в основном рассмотрением тех случаев, когда эта личность верой и правдой служила общественным потребностям своего времени, а не вставала стеной на их пути. Мало касался Плеханов морально-этической стороны проблемы «героев», которая все больше выдвигается сегодня на первый план. В итоге плехановская статья «К вопросу о роли личности в истории», конечно же, дает ответы далеко не на все вопросы, волнующие современного чи-

¹ Михайловский Н. К. Указ. соч. Стб. 32.

 $^{^2}$ См., например: Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Н. К. Михайловский и К. Маркс: диалог о «русском пути» // Отечественная история. 1996. № 6.

тателя. Однако и сегодня пройти мимо нее невозможно, хотя занимают нас уже судьбы совсем иных персонажей — Ленина, Сталина, Гитлера и т. д.

Трудно удержаться от того, чтобы не привести здесь яркую, очень образную характеристику, которую дает Плеханов выдающимся историческим личностям, двигающим вперед человеческий прогресс. Соглашаясь с известным английским историком и публицистом XIX в. Томасом Карлейлем, назвавшим великих людей «начинателями», Плеханов писал: «Это очень удачное название. Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила 1 .

И еще одну очень важную и обычно остающуюся как бы за кадром мысль Плеханова, высказанную в той же работе, хотелось бы здесь напомнить: «И не для одних только «начинателей», не для одних «великих» людей открыто широкое поле действия, оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних. Понятие великий есть понятие относительное. В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя» ².

В феврале 1896 г. в Петербурге увидела свет еще одна книга Плеханова «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.). Критический этюд», содержание которой было тесно связано с содержанием работы «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». На этот раз Плеханов выступил в легальной

печати под псевдонимом А. Волгин, а тираж книги составил 3 тыс. экз.

Плеханов поставил здесь задачу показать несостоятельность народнических взглядов на перспективы экономического развития России на базе «народной промышленности», минуя капитализм. Он писал о прогрессирующем разложении крестьянской общины, доказывал, что народники ошибаются, говоря об отсутствии у русского капитализма необходимых внутренних и внешних рынков. В известном смысле книга Плеханова подготовила почву для появления в недалеком будущем известной ленинской работы «Развитие капитализма в России».

В целом первая половина 90-х годов оказалась для Плеханова очень плодотворной.

145

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. II. С. 333.

² Там же. С. 334.

Завершился, наконец, и период его скитаний и материальной нужды. Литературные гонорары Георгия Валентиновича и заработок Розалии Марковны, ставшей дипломированным врачом и открывшей в Женеве собственную практику, позволили семье Плеханова забыть о былых лишениях.

В июле 1894 г. доктор Розалия Боград поселилась с детьми на женевской улице Кандоль в доме № 6. Улица была названа в честь крупного ученого-ботаника П. Кандоля, а рядом с домом № б находился один из входов в аудитории Женевского университета. Совсем рядом было кафе Ландольта, где постоянно собиралась русская студенческая молодежь, за которой бдительно следили агенты швейцарской и русской полиции. В квартире на улице Кандоль, состоявшей из нескольких комнат, у Георгия Валентиновича впервые в жизни появился, наконец, свой рабочий кабинет. Его стены, оклеенные светлыми, золотистыми обоями, опоясывали высокие книжные полки. Письменный стол кустарного изготовления тоже был очень простым. Рабочие тетради и записи Плеханова хранились в небольшом шкафчике, а рукописи и домашний архив — в стенном шкафу. Кабинет соединялся с альковом, где размещалась и часть библиотеки. Деревянное кресло, несколько стульев и кушетка дополняли обстановку комнаты. У Розалии Марковны тоже был свой кабинет, где она принимала пациентов. Эту женевскую квартиру Плехановы не меняли уже до отъезда в Россию весной 1917 г., а обстановка кабинета и библиотека находятся ныне в Доме Плеханова в Петербурге.

Когда выяснилось, что в Лондоне для Розалии Марковны вряд ли найдется работа, вопрос о переезде всей семьи в Англию отпал сам собой, и швейцарские друзья помогли Плеханову добиться сначала временного, а через десять лет, в 1904 г. и постоянного разрешения на проживание в Женеве. Поэтому новый, 1895 год встречали в новой квартире уже всей семьей. Плеханов вернулся из британской столицы бодрым и оживленным. Он много рассказывал о встречах с Энгельсом и дочерью Маркса Элеонорой Эвелинг, которая переводила на английский язык брошюру Плеханова «Анархизм и социализм» и находила, что стиль ее автора чем-то

146 похож на стиль Маркса ¹. Предметом особой гордости Георгия Валентиновича стал привезенный из Лондона третий том «Капитала» с надписью: «Товарищу по борьбе — Плеханову. Ф. Энгельс. Лондон. 11. XII. 1894».

В жизни Плеханова и его семьи начиналась более счастливая, хотя и далеко не безоблачная полоса. Новый этап начинался и в развитии русского марксизма: он входил в моду, приобретал все новых и новых сторонников, получил некоторые возможности для легального распространения. Более реальными становились и перспективы создания в России марксистской рабочей партии, о которой так мечтал Плеханов.

ГЛАВА IV

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

К сорока годам Плеханов стал одной из живых достопримечательностей Женевы. Туристам из России непременно хотелось взглянуть на знаменитого соотечественника и обменяться с ним хотя бы несколькими фразами. Среди них были самые разные люди, в том числе и праздные обыватели, рассказывавшие потом о Плеханове всякие небылицы. Были и интеллигентные «всезнайки», любившие задавать умные, по их мнению, вопросы, и люди с революционным прошлым, которым, по меткому выражению самого Георгия Валентиновича, хотелось «помериться с ним плечами». Обычно Плеханов относился к незваным гостям с большим терпением и снисходительностью, излагал им свои взгляды, советовал, что читать. Но иногда он начинал нервничать и, выведенный из себя, говорил: «Видите, молодой человек, я начал работать по этим вопросам, когда вы были совсем дитятей, когда под стол пешком ходили или еще раньше, когда ваш папенька только ухаживал за вашей маменькой. Поучитесь, и тогда потолкуем» ¹.

Плеханов тянулся к революционно настроенной молодежи, понимая, что за ней будущее. Ему доставляло, например, несомненное удовольствие беседовать о философии и искусстве с 20-летним студентом Цюрихского университета Анатолием Луначарским. Они встретились впервые в 1895 г. в Цюрихе. Затем их беседы были продолжены в Женеве, на квартире у Плеханова или за кружкой пива — а их меняли за вечер по несколько раз — в знаменитом кафе Ландольта. Вспоминая позже об этих встречах, Луначарский не без юмора писал: «Я был мальчишка начитанный, неглупый и весьма задорный. Несмотря на свое благоговение перед Плехановым, я петушился и, так сказать, лез в драку, особенно по разным философским вопросам (Луначарский уже тогда стал увлекаться махизмом. — С. Т.). Плеханову это нравилось, иногда он шутил со мной, как большая собака с щенком, каким-нибудь неожиданным ударом лапы валил меня на спину, иногда сердился, а иногда весьма серьезно разъяснял» ².

В глубине души Плеханов не мог не сознавать, что, сохраняя свой замкнутый, сугубо элитарный характер, группа «Освобождение труда» вряд ли сможет серьезно влиять на ход революционного движения на родине. Но и «разбавлять» этот узкий кружок не обстрелянной зеленой молодежью ему, видимо, тоже не хотелось, тем более что Георгий Валентинович уже не раз обжигался на бойких молодых людях с большим самомнением

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 404.

 $^{^2}$ Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 262.

вроде поляка Лео Иогихеса или одессита Давида Гольдендаха (впоследствии известного Рязанова), который при первой же встрече в 1890 г. стал буквально кричать ему: «Не вы из-за границы будете нам указывать, как действовать, а мы вам укажем путь» ¹. А летом 1895 г. раз или два заходил к Плеханову 16-летний студент Евно Азеф, учившийся тогда в Германии. Он произвел впечатление очень неглупого, начитанного молодого человека, но было в его внешности что-то такое, что не располагало к продолжению знакомства ².

В 1894 г. по инициативе группы «Освобождение труда» был создан «Союз русских социал-демократов за границей», в который вступили Плеханов и его товарищи. Члены группы взяли на себя редактирование изданий «Союза». Однако отношения с его молодыми руководителями складывались довольно сложно. Кроме того, создание «Союза» не решало проблему контактов с родиной.

Вот почему вопрос об установлении прочных связей с Россией приобретал в середине 90-х годов для Плеханова особую остроту. И здесь сама жизнь, казалось, пошла ему навстречу, забросив весной 1895 г. в Женеву молодого русского «путешественника», который сыграл затем в жизни Георгия Валентиновича совершенно особую роль.

В мае 1895 г. в Швейцарию приехали два русских социал-демократа — москвич Евгений Спонти и 25-летний помощник присяжного поверенного из Петербурга Владимир Ульянов. По свидетельству Н. В. Валентинова, который в 1904 г. был в хороших личных отношениях с лидером большевиков и сохранил для нас многие его уникальные признания автобиографического характера, В. И. Ульянов впервые познакомился с сочинениями Плеханова еще в начале 1889 г., когда жил в Казани ³.

К моменту личной встречи с Георгием Валентиновичем тот был для него самым авторитетным после Маркса и Энгельса теоретиком пролетарского социализма, изучение трудов которого дало мощный импульс процессу его становления как революционерамарксиста. Восхищение, преклонение, восторг — так можно охарактеризовать те чувства, которые испытывал Владимир Ульянов к своему духовному наставнику. Вот почему встреча с Плехановым занимала едва

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 403.

² Исторический архив. 1996. № 2. С. 215.

³ См.: Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 245. *149*

ли не самое важное место в программе его первого заграничного путешествия. Создание марксистской партии в России требовало объединения усилий всех социал-демократических кружков и групп, действовавших как внутри страны, так и в эмиграции. Поэтому рано или поздно жизненные пути Плеханова и Владимира Ульянова не могли не пересечься.

Что касается Георгия Валентиновича, то для него новый гость из России был лишь одним из многих соотечественников, настойчиво добивавшихся встречи, и интерес к нему, быть может, подогревался только одним дополнительным обстоятельством: это был брат казненного в 1887 г. Александра Ульянова. Не исключено, что Плеханов уже слышал о В. И. Ульянове от А. Н. Потресова, однако каких-либо документальных подтверждений этой версии у нас нет. Главное же заключалось в том, что контакты с представителями социал-демократического движения в России — независимо от их личных достоинств — открывали перед Плехановым и его товарищами возможность более активно включиться в процесс распространения марксистских идей на родине и принять участие в создании той самой революционной рабочей партии, о которой они мечтали еще в начале 80-х годов. Поэтому если не сердечный, то благожелательный и корректный прием у Плеханова был молодому Ульянову обеспечен.

Надо сказать, что связи между группой «Освобождение труда» и первыми социалдемократическими кружками, возникавшими непосредственно в России, были довольно слабыми, хотя попытки наладить их предпринимались неоднократно. Существовали, в частности, контакты с петербургской социал-демократической организацией «Рабочий союз», которой руководил М. И. Бруснев, а в 1892 г. посланец группы «Освобождение труда» С. Г. Райчин приезжал в Москву с большим транспортом ее изданий и конкретными предложениями о налаживании сотрудничества между плехановцами и русскими социал-демократами. Однако из-за арестов Райчина и ряда москвичей эти планы остались тогда неосуществленными. Контакты с Россией шли через Варшаву, а также через некоторых российских социал-демократов, приезжавших в Швейцарию (А. Н. Потресов, позже А. В. Луначарский, Н. Э. Бауман, В. К. Курнатовский, В. Д. Бонч-Бруевич и др.). Издания группы «Освобождение труда» распространялись в 80 —90-х годах XIX в. почти в 40 городах и населенных пунктах Российской империи 1. Однако Плеханову хотелось значительно большего. Ведь еще в упоминавшемся выше отчете редакции «Социал-демократа» Брюссельскому конгрессу ІІ Интернационала (1891 г.) говорилось: русские марксисты

¹ См.: Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. С. 214.

стремятся к тому, чтобы покрыть всю Россию сетью рабочих обществ ¹.

К сожалению, нам неизвестны подробности первой, видимо короткой, женевской встречи Плеханова с гостем из Петербурга. Ульянов передал ему свою нелегальную гектографированную брошюру «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (третий выпуск этой работы был много десятилетий спустя обнаружен в библиотеке Плеханова) и легально изданный в российской столице сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», где были напечатаны две статьи самого Плеханова и статья К. Тулина (псевдоним В. И. Ульянова) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» ².

После встречи с Плехановым Ульянов направился в Цюрих, где жил П. Б. Аксельрод. Целую неделю провели они в горной деревушке Афольтерн, причем Аксельрод сразу же расположил к себе еще заметно смущавшегося молодого россиянина. Ульянов импонировал своей начитанностью, умением самостоятельно мыслить и вместе с тем несомненной скромностью и готовностью прислушиваться к мнению старших товарищей. В итоге даже много лет спустя, после ожесточенных политических баталий с Лениным Павел Борисович описывал их встречи в 1895 г. как «истинный праздник» и один из самых светлых моментов в истории группы «Освобождение труда».

Правда, вскоре выяснилось, что по некоторым вопросам взгляды собеседников несколько расходятся. Так, например, Ульянов весьма скептически относился к возможности политического союза социал-демократов и либералов, тогда как и Плеханов, и Аксельрод проявляли здесь гораздо больше оптимизма. Когда последний сказал об этом Ульянову, тот, улыбаясь, заметил: «Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: "Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом"». Впрочем, Владимир Ульянов готов был признать (возможно, здесь была и некоторая доля дипломатии), что группа «Освобождение труда» в данном случае ближе к истине, чем он ³.

После того, как в июле 1895 г. Ульянов вернулся из Парижа в Швейцарию, он вновь встретился в местечке Ормон с Плехановым. В этих беседах приняли также участие приехавший из Петербурга Александр Потресов и близкий в то время к социал-демократам Алексей Воден. Позже Потресов рассказывал, как, поселившись в глухой деревушке, они проводили долгие часы в прогулках и бесконечных разговорах. Ничто не нарушало гармонии этих мирных бесед у подножья Альп. Ульянов с восторгом и благоговением

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. IV. С. 113.

² См.: Лениниана. Л., 1981. С. 55-57.

 $^{^3}$ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 269-275.

без сочувствия смотрел на способного революционера-практика, чем-то напоминавшего ему друга юности, великого мастера по части конспирации и организации Александра Михайлова. Однако, если верить Потресову, «переварить» статью Ульянова с критикой Струве, Плеханов так и не смог. «Это не написано, как говорят французы. Это не литературное произведение, это ни на что не похоже», — говорил он. Но Плеханов смотрел на Ульянова как на человека, который лишь в виде исключения взялся за перо, и поэтому не склонен был слишком придираться. Потресову по крайней мере казалось, что Георгий Валентинович делал ставку на инициативность и организаторские таланты Ульянова и ради них готов был смотреть сквозь пальцы на его «шалости пера».

Уже тогда у Потресова появилось смутное ощущение, что эти два столь непохожих друг на друга человека, два марксиста, два социал-демократа, невзирая на, казалось бы, общую догму, не имеют общего языка и смотрят «как-то по-разному и в разные стороны». Во всяком случае контраст двух натур уже тогда бросался в глаза. «... Если из Плеханова, — пишет Потресов, — как из неиссякаемого кладезя мудрости, можно было черпать мысли и сведения по самым различным отраслям человеческого знания, беседовать с ним, с поучением для себя, не только о политике, но и об искусстве, литературе, театре, философии..., то с Лениным, при всей его осведомленности в русской экономической литературе и знакомстве с сочинениями Маркса и Энгельса, тянуло говорить лишь о вопросах движения. Ибо малоинтересный и неинтересный во всем остальном, он, как мифический Антей, прикоснувшись к родной почве движения, сразу преображался, становился сильным, искрящимся и в каждом его соображении сказывалась продуманность, след того жизненного опыта, который, несмотря на всю его кратковременность и относительную несложность, успел сформировать из него настоящего специалиста революционного дела и выявить прирожденную даровитость» ¹.

Воспоминания Потресова были написаны через много лет после швейцарских встреч 1895 г. и, конечно же, несут на себе отпечаток последующих событий. Примерно то же самое произошло и с самим Плехановым, который в 1895 и в 1917 г. дал диаметрально противоположные оценки молодого Ульянова. По горячим следам от первой встречи он писал жене: «Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди». При этом он отмечал большой ум, образованность, ораторские способности своего гостя ². А вот летом 1917 г. в беседе с Н. В. Валентиновым Плеханов

говорил уже совсем иное: «Аксельрод, бывший на седьмом небе от того, что довелось видеть человека оттуда и находящегося в самом центре рабочего движения Петербурга, меня усиленно убеждал, что за Ульяновым-Тулиным нужно ухаживать, так как он са-

¹ Коммунист. 1990. № 6. С. 116-117.

² Исторический архив. 1958. № 6. С. 209.

мый видный представитель работающих в России социал-демократов, а их тогда можно было пересчитать по пальцам двух рук. И мы за Ульяновым действительно ухаживали, носились с Ульяновым, как дураки с писаной торбой. Однако к сей почтенной категории людей я не принадлежу, и потому сразу разглядел, что наш 25-летний парень Ульянов — материал совсем сырой и топором марксизма отесан очень грубо. Его отесывал даже не плотничий топор, а топор дровосека. Ведь этот 25-летний парень (Плеханов несколько раз повторил «этот парень») был очень недалек от убеждения, что если некий Колупаев-Разуваев построил в какой-нибудь губернии хлопчатобумажную фабрику или чугуноплавильный завод, то дело в шляпе: страна уже охвачена капитализмом и на этой базе существует соответствующая капитализму политическая и культурная надстройка. Мысли Тулина вращались именно в подобных примитивных рамках, а разве это марксизм?» ¹

Но, оставаясь на почве историзма, мы не должны «опрокидывать в прошлое» более поздние высказывания Плеханова, густо замешанные на недоброжелательстве, подозрительности и стремлении унизить и даже очернить своего идейного противника. К тому же не будем забывать, что эти оценки дошли до нас в пересказе Н. В. Валентинова, у которого с Лениным тоже были, как известно, свои серьезные личные счеты. Думается, что в письме к Р. М. Плехановой Георгий Валентинович был искреннее и объективнее, чем 22 года спустя, когда Ленин стал его политическим врагом.

В результате швейцарских переговоров было решено, что под редакцией П. Б. Аксельрода за границей будет издаваться для России сборник «Работник», куда молодые российские социал-демократы и прежде всего Ульянов будут регулярно присылать статьи и другие материалы. В 1896 г. в первом номере «Работника» был напечатан написанный Ульяновым некролог «Фридрих Энгельс» и листовка к рабочим и работницам петербургской фабрики Торнтона. В 1897 — 1899 гг. при участии группы «Освобождение труда» в Швейцарии были изданы еще несколько работ В. И. Ульянова и его товарища по созданному в 1895 г. петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» Юлия Цедербаума (все они в целях конспирации, естественно, выходили без указания автора).

Как вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова, брат «был очень доволен своей поездкой (в Швейцарию. — $C.\ T.$), и она имела для него большое значение. Плеханов пользовался всегда большим авторитетом в его глазах; с Аксельродом он очень сошелся тогда; он

¹ Валентинов Н. В. Наследники Ленина. С. 189—190.

обоих Владимир Ильич очень дорожил... » ¹ Несмотря на арест В. И. Ульянова в декабре **1895** г., его связи с группой «Освобождение труда» не прекратились, хотя и носили достаточно случайный характер. В свою очередь, Плеханов с воодушевлением встречал каждое новое известие о росте стачечного движения в России и деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Когда в мае — июне 1896 г. в российской столице прошла крупная по тем временам стачка текстильщиков, Плеханов инициировал сбор за рубежом денежных средств для помощи бастующим и их семьям.

По мере роста рабочего движения в России рос и престиж российских социалдемократов за рубежом. Недаром Плеханов писал Аксельроду: «... Будет нам уже играть
роль бедных родственников, теперь мы сами с усами: посмотри-ка, что делается в Петербурге» ². Накануне четвертого конгресса II Интернационала, который состоялся летом 1896 г. в Лондоне, Плеханов получил мандаты от петербургского «Союза борьбы» и
еврейских рабочих Минска. Кроме него, в состав российской делегации входили П. Б.
Аксельрод (мандат из Киева), В. И. Засулич (мандат из Москвы), В. А. Бухгольц, представлявший рабочих Иваново-Вознесенска, а также Р. М. Плеханова, Б. А. Гинзбург
(Кольцов), А. Л. Гельфанд (Парвус). Отчет конгрессу от имени российских социалдемократов был подготовлен Плехановым при участии одного из руководителей петербургского «Союза борьбы» А. Н. Потресова и напечатан на немецком, английском, а
затем и на русском языках.

В нем подробно рассказывалось о самых крупных стачках последнего времени в России и о листовках «Союза борьбы», давалась краткая информация о ходе рабочего движения не только в Петербурге, но и в Москве, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Одессе. Авторы отчета подчеркивали, что среди рабочих России растет сознание общности их интересов с пролетариатом других стран. Об этом свидетельствовали, в частности, празднование дня международной солидарности трудящихся 1 Мая и обращение рабочих Москвы и Петербурга к французским братьям по классу в связи с 25-летием Парижской коммуны. В заключении доклада говорилось, что ближайшей задачей передовых рабочих и марксистской интеллигенции России является создание единой социал-демократической организации в масштабах всей страны. Лондонский конгресс принял специальную резолюцию, в которой приветствовал пробуждение российского пролетариата к сознательной жизни, отметил «чрезвычайно важный и небывалый до сих пор факт присутствия представителей от рус-

¹ Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957. Т. 1. С. 42-43.

² Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 170.

сии он видит «лучшую гарантию против царской власти, являющейся одной из последних опор европейской реакции» 1 .

Несмотря на полицейские преследования, социал-демократическое движение в России продолжало набирать силу, хотя процесс этот шел довольно сложно. С одной стороны, часть марксистской интеллигенции, выступавшая на страницах легальной печати, все больше подменяла революционный марксизм сильно смягченным в духе буржуазного прогрессизма марксизмом «легальным», быстро эволюционировавшим при этом в сторону буржуазного либерализма (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков и др.). Они делали акцент на признании прогрессивной исторической миссии капитализма в борьбе с остатками средневековья, готовы были идти на союз с марксистами против народников, но стремились всячески приглушить революционное звучание марксистских идей. Вот почему В. Ульянов сразу же подверг «легальных марксистов» острой критике, хотя и считал возможным заключать с ними временные тактические соглашения.

С другой стороны, среди социал-демократов появились так называемые «экономисты», выдвигавшие на первый план борьбу за удовлетворение сиюминутных экономических требований рабочих и отодвигавшие политическую борьбу пролетариата в более отдаленное будущее, когда рост классового самосознания позволит ему на равных с интеллигенцией и либералами включиться в активную борьбу с самодержавием.

Весной 1898 г. в революционном движении России произошло важное событие: в Минске состоялся учредительный съезд Российской социал-демократической рабочей партии. На нем было всего 9 делегатов, представлявших Петербургский, Московский, Киевский и Екатеринославский «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса», группу «Рабочей газеты», издававшейся в Киеве, и еврейский Бунд. 3 марта, в последний день работы съезда, его делегаты и несколько минских социал-демократов собрались на прощальный вечер. Разговор зашел и о том, что скоро исполнится 15 лет со времени выхода в свет первой марксистской работы Плеханова «Социализм и политическая борьба». В итоге было решено послать приветствие группе «Освобождение труда», и вскоре от имени избранного на съезде ЦК РСДРП в адрес «Союза русских социал-демократов за границей» ушло письмо с информацией о съезде и его решениях. Была в нем и такая фраза: «Принимая во внимание плодотворную литературную деятельность товарищей В. И. Засулич, Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, съезд глубоко чтит в них основателей русской социал-демократии» ².

² Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958. С. 100.

 $^{^{1}}$ См.: Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 177-178.

были перепечатаны написанный Петром Струве по просьбе ЦК РСДРП манифест новой партии и решения ее первого съезда. В комментарии к ним подчеркивалось, что образование РСДРП знаменует собой крупный шаг вперед в развитии российского рабочего движения. «Мы убеждены, — говорилось далее, — что общая организация русских социал-демократов будет все больше расти и крепнуть, пока движение рабочего класса не превратится в громадный поток, который... снесет, наконец, своим могучим течением тяготеющий над Россией политический гнет и расчистит дорогу для свободной, широкой борьбы за полное всестороннее освобождение всех трудящихся» ¹.

Однако у только что родившейся социал-демократической партии еще не было ни программы, ни устава, а избранный в Минске ЦК был вскоре арестован. В рабочем движении все громче звучал голос «экономистов», идеями которых увлеклись руководители «Союза русских социал-демократов за границей» (Б. Н. Кричевский, В. П. Иваншин, Ц. М. Копельзон, В. П. Акимов, П. Ф. Теплов и др.). Резкие столкновения эмигрантской молодежи с плехановцами привели в апреле 1900 г. к выходу группы «Освобождение труда» из «Союза» и созданию новой организации под названием «Социал-демократ». Членами стали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Б. А. Гинзбург (Кольцов), Г. Д. Лейтейзен (Линдов), И. С. Блюменфельд, И. П. Гольденберг (Мешковский) и др.

Начавшаяся еще в 1896 г. изнурительная война с молодыми членами «Союза русских социал-демократов за границей» стала одной из самых драматических страниц в истории группы «Освобождение труда». Руководители «Союза» упрекали Плеханова и его друзей в том, что они оторвались от рабочего движения в России, не понимают его запросов, не могут популярно писать для рабочих. Началась настоящая травля членов группы «Освобождение труда» и особенно Плеханова, который занимал по отношению к «экономизму» наиболее жесткую и непримиримую позицию. Аксельрод и Засулич пытались как-то примирить враждующие стороны, но это вызывало лишь раздражение и протесты со стороны Плеханова. Жизнь членов группы «Освобождение труда» становилась порой просто невыносимой: взаимные обиды, грязные инсинуации руководителей «Союза», прибравших к рукам типографию и материальные средства этой организации, постоянные намеки на то, что плехановцы стали живым анахронизмом, — все это изматывало Плеханова, лишало его душевного покоя.

Складывается, однако, впечатление, что и позиция Плеханова во всей этой истории несла на себе отпечаток его личных амбиций и желания сохранить за собой и группой «Освобождение труда» в целом лидирующее положение в российском социал-демократичес-

ком движении. Так или иначе, программа журнала «Рабочее дело», который с апреля 1899 г. стали издавать в Женеве «молодые» из «Союза русских социал-демократов за границей», не давала оснований говорить о преуменьшении ими роли политической борьбы и тем более об отрицании ее значения в духе пресловутого «Credo» Е. Д. Кусковой или некоторых статей из газеты «Рабочая мысль» ярко выраженного «экономистского» направления. Тем не менее определенный эклектизм и непоследовательность в воззрениях «молодых» были налицо, что и позволяло Плеханову прибегая к некоторым натяжкам и передержкам, обвинить их в оппортунистических шатаниях, невероятной путанице в мыслях и т. п. «Молодые», естественно, протестовали, и в итоге разрыв стал неизбежным.

Крайнее раздражение Плеханова объяснялось и тем, что он без труда узнавал во взглядах русских «экономистов» отголоски того самого западноевропейского ревизионизма, борьба с которым стала в те годы едва ли не главным делом его жизни.

Когда в 1896—1898 гг. Эдуард Бернштейн выступил со своими откровениями о постепенной эволюции Маркса и особенно Энгельса в сторону реформизма и о несоответствии революционного марксизма реалиям конца XIX в., это вызвало в партиях II Интернационала настоящую бурю. Одни язвительно говорили об «интеллектуальном переутомлении» Бернштейна; другие откровенно посмеивались над *его* простодушием, поскольку он открыто сказал то, о чем обычно предпочитали молчать; третьи, в том числе и Плеханов, прямо называли одного из ближайших соратников Энгельса — Бернштейна изменником революционному делу.

Правда, Бернштейн стремился представить свои идеи не как отказ от марксизма, а как продолжение и развитие заложенных в нем гуманистических тенденций, подчеркивал, что речь должна идти о демократическом пути к социализму без насильственных революций, слома буржуазной государственной машины и диктатуры пролетариата. Диалектику с ее учением о противоречиях как источнике развития Бернштейн считал «предательской ловушкой» и призывал вернуться к Канту, заменив категории исторической необходимости и объективной закономерности категориями абстрактной справедливости, свободы, добра и т. д.

Как теоретик Бернштейн, по всеобщему признанию, был довольно слаб, причем его неоднократно ловили (в том числе и Плеханов) на вульгаризации идей Маркса, очень неглубоком знакомстве с его теорией, разного рода передержках и прямой фальсификации ¹. Однако в противовес марксистам-ортодоксам, у которых верность

¹ Характерны некоторые замечания Плеханова на работах Бернштейна: «Боже, какой вздор!», «Какая глупость!!», «...Скотина, ты, скотина!», «Черт знает, что за чепуха», «Слона-то ты и не заметил??» и т. д.

заветам учителей нередко переходила в откровенный догматизм, Бернштейн верно подметил в зародыше те новые тенденции в развитии капитализма, которые делали его структуры более долговечными, гибкими и эластичными, чем это казалось Марксу в середине XIX в.

Ситуация в мире к концу XIX в. действительно была достаточно противоречивой. С одной стороны, налицо была определенная стабилизация капитализма после поражения Парижской коммуны, большие парламентские успехи международной социал-демократии, рост профсоюзного движения, ослабление катастрофических последствий экономических кризисов, постепенное улучшение положения рабочих, сохранение многочисленных средних слоев населения. С другой — капитализм не становился от этого более гармоничным и гуманным, продолжалась яростная конкуренция монополий и различных групп финансового капитала, росло стачечное движение, появлялись все новые очаги международной напряженности, усиливался милитаризм. Словом, делать далеко идущие выводы о том, что Маркс «устарел» и время революций ушло в прошлое, было еще рано. Вместе с тем было очевидно, что ряд классических марксистских представлений о путях и темпах мирового развития оказался под вопросом.

Кстати говоря, Плеханов, глубоко возмущенный изменой Бернштейна революционному марксизму, отнюдь не считал, что любое высказанное им положение — это ересь. В феврале 1898 г. он писал Аксельроду. «Что касается сомнений, одолевавших меня в последнее время, то они вызваны были статьями Бернштейна... Ведь это полное отречение и от революционной тактики, и от коммунизма. Нечего сказать, очень кстати пришлись эти статьи в 50-ю годовщину «Манифеста Коммунистической партии». Я чуть не заболел от этих статей; всего досаднее, что Бернштейн кое в чем прав: так, например, на близкое осуществление социалистического идеала, разумеется, нельзя рассчитывать. Но истиной можно пользоваться для разных целей; Бернштейн пользуется ею для того, чтобы поскорее украсить себя филистерским колпаком. Или филистер-то и есть Normalmensch (нормальный человек. — С. Т.) будущего? От этого вопроса у меня мороз пробегает по коже, и мне хочется сказать с Гоголем: скучно на этом свете, господа!» 1

Аксельрод воспринял бернштейниаду гораздо спокойнее, тем более что уже давно был с Бернштейном в приятельских отношениях. Он ответил Плеханову, что филистерски-черепашье движение, рекомендуемое Бернштейном, имеет даже некоторые преимущества перед методом Sturm und Drang (бури и натиска. — нем.): меньше крови, меньше поводов для зазнайства целых наций. Путь скучный,

 $^{^{1}}$ Философско-литературное наследие Γ В. Плеханова. Т. II. С. 304—305.

заключал Аксельрод, но ведет-то он в конечном счете к тому же, что и путь революционный 1 .

Очень своеобразно откликнулась на выступление Бернштейна Вера Засулич. В феврале 1898 г. она писала Плеханову, что бернштейновские статьи взволновали бы ее года 3 — 4 назад, а теперь она этот кризис уже пережила. У Засулич сложилось убеждение, что экономическое развитие ведущих западных стран, в частности Англии, «идет не к худу для капитализма, а к постепенному его излечению от кризисов и вообще от "анархии производства"». В полемике с Бернштейном по экономическим вопросам революционные марксисты, по мнению Засулич, могли рассчитывать лишь на частичный успех, хотя и он имел бы большое значение для социал-демократического движения. «Но не думайте, чтоб я очень пессимистично на будущее смотрела, — добавляла Вера Ивановна. — Не очень. И революция, и коммунизм для меня вовсе уж не до такой степени "прощай"». Однако здесь она возлагала свои надежды не столько на автоматическое действие экономических законов, сколько на субъективный фактор общественного движения, который зависит от экономики «лишь в самых широких чертах» ².

Не будет преувеличением сказать, что кризис марксизма на рубеже XIX и XX вв. застал теоретиков II Интернационала врасплох: мешала привычка жить за счет старых теоретических положений Маркса и последних работ Энгельса, трудно было решиться на критику Бернштейна, в котором многие видели душеприказчика Энгельса, да и в самой реальной действительности все было настолько запутано и противоречиво (в 1900 г., например, совсем «некстати» для Бернштейна начался новый мировой экономический кризис), что торопиться с окончательными выводами явно не стоило, хотя и молчание по спорным вопросам могло обернуться для социалистического движения непредсказуемыми последствиями. Поэтому неудивительно, что Бернштейн сразу же обрел и яростных противников (Плеханов, Роза Люксембург, Меринг, Бебель, Парвус), и более сдержанных и осторожных критиков, готовых благодарить его за постановку дискуссионных проблем (Каутский), и откровенных единомышленников (Фольмар, Давид, Мильеран).

Плеханов оказался в первых рядах критиков Бернштейна, сосредоточив внимание прежде всего на философских проблемах, в которых он разбирался гораздо лучше, чем в экономике и к которым другие теоретики II Интернационала, в том числе и Каутский, наоборот, были достаточно равнодушны. Он опубликовал на немецком языке статьи «Бернштейн и материализм», «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», «Материализм и кантианизм», «О мнимом кризисе марксизма», «За что нам его

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 195.

благодарить» и др. Начатая еще в 1898 г., плехановская критика Бернштейна была продолжена в 1899—1901 гг. Кроме того, в 1898 г. Плеханов выступал в Женеве и других городах Швейцарии, а также в Италии с лекциями на эту тему. Написал он и большое предисловие к новому русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», превратившееся в большую самостоятельную работу под названием «Первые фазы учения о классовой борьбе» (она увидела свет в Женеве в 1900 г., а в 1902 г. была напечатана и в журнале «Die Neue Zeit», где также шла острая полемика с Бернштейном).

Плеханов ставил вопрос подчеркнуто резко: либо Бернштейн похоронит социалдемократию, либо социал-демократия похоронит Бернштейна ¹.

При этом Плеханов был убежден, что по отношению к таким «вероотступникам», как Бернштейн, любой другой подход — а германские социал-демократы, как известно, не исключили его из своих рядов — был бы совершенно неоправдан. Плеханов не скрывал, что ревизионизм Бернштейна вывел его из душевного равновесия. Это и понятно, если учесть, каким трудным был его собственный путь к марксизму, как выстрадал он каждое его основное положение. Рассудком Георгий Валентинович, конечно, понимал, что Маркс и Энгельс отнюдь не непогрешимы, что у них могли быть ошибки, противоречия, слабости. Однако сердце Плеханова поднимало бунт каждый раз, когда нужно было перейти от подобного гипотетического допущения к поискам конкретных просчетов основоположников марксизма. К тому же он прекрасно использовал теоретическую неряшливость Бернштейна, его логические ошибки, явную односторонность многих его суждений.

Плеханов категорически отверг тезис о «затухании» классовой борьбы, высмеивал реформистское «штопание» дыр буржуазного общества, считал принципиально неверным отказ от насильственных способов установления диктатуры пролетариата, хотя и подчеркивал, что социал-демократы заинтересованы в том, чтобы свести потрясения при переходе к социализму к минимуму2. Вместе с тем он признал, что Маркс преувеличил темпы развития капитализма и забежал вперед, предсказывая его скорый крах ³. Плеханов высказал также мнение, что грядущая победа пролетариата не будет связана со всеобщим хозяйственным кризисом, как казалось одно время Марксу ⁴. Признавая замедление европейского революционного процесса во второй половине XIX в., Плеханов тем не менее никогда не ставил под сомнение основополагающий вывод Маркса

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. II. С. 373.

² См.: там же. С. 496, 498, 618-619.

³ Там же. С. 382.

⁴ Там же. С. 371.

об исторической обреченности буржуазного способа производства. В этих своих убеждениях он был непоколебим.

Плеханов последовательно защищал принципы диалектического и исторического материализма, критиковал агностицизм и эволюционизм Бернштейна. Словом, в отличие от Каутского, он был убежден, что Бернштейна совершенно не за что благодарить и на его ереси нужно поставить крест, чтобы другим неповадно было выискивать в марксизме противоречия и «узкие» места, подрывая тем самым веру пролетариата в грядущую победу.

Осудил Плеханов и попытку французского социалиста Александра Мильерана осуществить идеи Бернштейна на практике, войдя в 1899 г. в состав буржуазного правительства Вальдека Руссо (ситуация усугублялась тем, что членом этого кабинета был и генерал Галифе — палач Парижской коммуны). «Казус Мильерана», как стали называть его беспрецедентный поступок, вызвал, пожалуй, не меньший шум, чем статьи Бернштейна. Французская газета «La Petite Republique Socialiste» даже провела анкету по этому вопросу. Отвечая на вопросы ее корреспондента, Плеханов заявил, что участие социалистов в буржуазном правительстве принесло бы больше вреда, чем пользы, затемняя революционное сознание пролетариата. Лишь в отдельных, исключительных случаях, заявил он, отдельные социалисты по решению своей партии могли бы стать министрами с единственной целью — ускорить разложение капиталистического общества ¹.

В сентябре 1900 г. Парижский конгресс II Интернационала вновь вернулся к этому вопросу, причем Жан Жорес даже назвал действия Мильерана началом «политической экспроприации буржуазии». Революционные марксисты осудили поступок Мильерана, однако предложенная Каутским «каучуковая», как ее иронически назвали делегаты конгресса, резолюция квалифицировала «казус Мильерана» как совершенно нетипичный, исключительный случай, который не может служить примером для социалистов других стран, хотя и признала, что в виде исключения вступление социалиста в буржуазное правительство все же возможно. Особенно вызывающе звучала при этом преамбула резолюции, где утверждалось, что завоевание пролетариатом политической власти не может быть результатом каких-либо насильственных действий, а станет итогом «длинной и трудной работы в области политической и экономической организации пролетариата, а также результатом его физического и нравственного возрождения и постепенного проникновения избранных им представителей в муниципальные советы и законодательные собрания».

Плеханов, который был одним из 24 русских делегатов Парижского конгресса, уча-

резолюции по вопросу о завоевании пролетариатом политической власти. Сначала он пробовал доказать Каутскому, что революционное насилие все же остается одним из факторов превращения пролетариата в правящий класс, а затем предложил дополнить резолюцию заявлением, в котором говорилось бы, что социалист обязан выйти из состава буржуазного правительства, если оно «обнаружит пристрастие в своем отношении к борьбе труда и капитала». Кстати говоря, здесь был заключен прозрачный намек на то, что Мильерану давно пора было оставить свой пост, поскольку правительство Вальдека Руссо вело ярко выраженную антирабочую политику и дважды санкционировало расстрелы стачечников.

В конце концов Плеханов голосовал за проект резолюции, предложенный французским социалистом Ж. Гедом, где признавалась возможность как мирной, так и насильственной экспроприации буржуазии, но зато запрещалось всякое участие социалистов в буржуазном правительстве, хотя сам Плеханов полагал, что в некоторых случаях, во имя защиты насущных интересов рабочего класса, такое участие было бы все же полезным. Но большинство голосов набрал все же проект резолюции Каутского.

На конгрессе было впервые создано Международное социалистическое бюро, которое должно было осуществлять координацию действий рабочих партий различных стран в промежутках между конгрессами II Интернационала. Г. В. Плеханов и Б. Н. Кричевский стали его членами от России.

Между тем в феврале 1900 г., отбыв свой срок ссылки, в Центральную Россию возвратился из Сибири В. И. Ульянов. А уже в июле он выехал за границу, чтобы совместно с группой «Освобождение труда» наладить там выпуск общерусской социалдемократической газеты «Искра» и теоретического журнала «Заря». В августе 1900 г. в Женеве и ее окрестностях проходили переговоры между В. И. Ульяновым и А. Н. Потресовым, представлявшими молодые марксистские силы России, и Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом и В. И. Засулич. Обе стороны были очень заинтересованы друг в друге и в успехе затеваемого ими предприятия, да и почва для достижения соглашения как будто была подготовлена: ведь Засулич совсем недавно вернулась из России!, где виделась с Ульяновым и Потресовым, и заверила Плеханова, что Ульянов, по его собственным словам, не просто марксист-ортодокс, но и «плехановец». А это означало, что общее идейное руководство группы «Освобождение труда» признавалось Ульяновым и его товарищами безоговорочно. Казалось, все предвещало успех, но путь к нему оказался, однако, гораздо более тернистым, чем можно было предположить.

¹ Она находилась там с декабря 1899 по апрель 1900 г., жила по болгарскому паспорту на квартире известной книгоиздательницы А. М. Калмыковой и через нее установили связь с В. И. Ульяновым.

Широко известен уникальный документ дневникового характера, написанный В. И. Ульяновым по горячим следам переговоров с Г. В. Плехановым и названный автором «Как чуть было не потухла «Искра»». Из него явствует, что Плеханов проявил во время переговоров властолюбие, неоправданную подозрительность к молодым товарищам и нетерпимость к их мнению. С другой стороны, по-человечески можно было понять и «стариков», чувствовавших стремление Ульянова и Потресова играть в новых изданиях достаточно самостоятельную роль и разместить редакцию в Мюнхене, подальше от Швейцарии (ссылаясь на то, что она кишит агентами русской полиции). При этом Ульянов сам признавался — разумеется, не для печати, — что «старики» слишком нетерпимы и вдобавок не могут вести черновую редакторскую работу ¹. Налицо был, таким образом, один из вариантов старого, как мир, конфликта между отцами и детьми, разрешить который можно было лишь путем взаимных уступок, а не криком и угрозами.

К тому же Плеханов находился весной 1900 г. в крайне взвинченном состоянии, объяснявшимся его резкими столкновениями с членами «Союза русских социал-демократов за границей» и полным неприятием Петра Струве, с которым Георгий Валентинович собрался, наконец, начать серьезный теоретический спор. В. И. Ульянов, наоборот, не терял еще надежды на возможность совместной работы как с «экономистами», так и со Струве, что нашло отражение в проекте заявления об издании «Искры» и «Зари», который он привез в Швейцарию и дал на просмотр Плеханову. Если последний видел в Струве лишь отступника от марксизма, сотрудничество с которым для революционера совершенно недопустимо, то Ульянов подходил к «Иуде» (так называли тогда Струве в группе «Освобождение труда») уже как к буржуазному либералу, чисто деловые отношения с которым принесли бы известную пользу революции. По его мнению, бывшие «легальные марксисты» могли помочь «Искре» и «Заре» как литературными и документальными материалами, так и в финансовом отношении.

Кроме того, Ульянов считал, что в эволюции Струве в сторону бернштейнианства и либерализма есть и доля вины Плеханова, поскольку тот своевременно не восстал в печати против его теоретических заблуждений. Наконец, был и еще один аргумент в пользу временного союза со Струве и другими «легальными марксистами» — удачный опыт совместной борьбы с народничеством в середине 90-х годов XIX в., от которой в конечном счете выиграл революционный марксизм. Однако Плеханов в ультимативной форме заявил Ульянову, что ему придется выбирать: либо он, либо Струве.

Георгий Валентинович откровенно капризничал: он то соглашался быть рядовым сотрудником «Искры», то начинал вести себя как

 1 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 342. $\emph{163}$

единоличный редактор будущей газеты. Выглядела эта торговля за места в редакции настолько неприлично, что наступил момент, когда Ульянов и Потресов решили прервать переговоры и уехать в Россию. «Никогда, никогда в моей жизни, — писал Ульянов, — я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением.., ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка»». И еще: «Ослепленные своей влюбленностью, мы (Ульянов и Потресов. — С. Т.) держали себя в сущности как рабы, а быть рабом — недостойная вещь, и обида этого сознания во сто крат увеличивалась еще тем, что нам открыл глаза «он» самолично на нашей шкуре... » ¹

По-своему переживал надвигавшийся разрыв с «молодыми» и Плеханов, понимавший, что союз с ними — может быть, последний шанс активно включиться в революционное движение на родине. В решающий момент он все-таки пошел на уступки. «Искра» и «Заря» должны были издаваться в Германии. Их редакторами становились Ульянов, Мартов и Потресов, а членам группы «Освобождение труда» отводилась роль литературных сотрудников «с правом голоса по редакционным вопросам» (в дальнейшем эта хитрая формулировка была отброшена, и Плеханов, Аксельрод и Засулич тоже стали полноправными редакторами). Больше того, Плеханов даже согласился на ведение переговоров о сотрудничестве со Струве. В целом это была, несомненно, победа «молодых», хотя они и старались не демонстрировать ее слишком явно. Однако интуитивно Ульянов, наверное, чувствовал, что столь бурное начало его деловых контактов с Плехановым будет иметь не менее бурное продолжение. Так оно и случилось.

Вначале все шло как будто хорошо. В декабре **1900** г. вышел первый номер «Искры», а начиная со второго Плеханов стал регулярно сотрудничать в новой газете, опубликовав в ней в **1900** — **1905** гг. более 50 статей и заметок, посвященных анализу внутренней и внешней политики царизма, стратегии и тактике РСДРП, развитию рабочего движения в России и за рубежом, критике эсеровского терроризма, «экономизма» и т. д. ² 20 материалов Плеханова были опубликованы в «Заре». Конечно, личный вклад Ленина и Мартова в издание первой общерусской марксистской газеты был более солидным, чем вклад Плеханова, но здесь, видимо, сказался и возраст Георгия Валентиновича, и то, что он жил вдали от редакции «Искры», находившейся сначала в Мюнхене, а потом

В

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 345.

В «Искре» до раскола партии было опубликовано 26 статей Плеханова, 47 — Ленина, 54 — Мартова, 9 — Потресова, 8 — Засулич, 5 — Аксельрода. 3 меньшевистской «Искре» Плеханов напечатал 28 статей, Мартов 56, Потресов — 11 (см.: Политические партии России. Конец XIX —первая треть XX века. Энциклопедия-. М., 1996. С. 229).

мартовским предприятием и предпочитал играть роль не главного редактора, а мэтратеоретика, стоящего несколько в стороне от будничной редакционной работы, но зато оставляющего за собой последнее слово в крупных принципиальных вопросах.

Вместе с тем Плеханов участвовал в подборе «искровских» авторов, высказывал конкретные замечания по отдельным рукописям, а иногда даже приезжал в Мюнхен и Лондон. При этом он не раз одобрительно отзывался об организаторских и редакторских способностях Ульянова, называя его в личной переписке с Аксельродом «славным малым» («жаль только, что чисто административная работа мешает ему много читать и писать», — добавлял он ¹). Стоит также отметить, что Аксельрод и постоянно болевший Потресов делали для «Искры» гораздо меньше Плеханова, а Засулич, которая вела большую работу в редакции и делила все ее радости и горести с Лениным и Мартовым, сама писала довольно редко. Но вскоре между членами редакции стали возникать трения. Так, познакомившись в июле 1901 г. с рукописью статьи Ульянова «Гонители земства и Аннибалы либерализма» с критикой Струве, Плеханов написал автору, что в статье «кое-что надо «смягчить». Теперь Плеханов и Ульянов как бы поменялись ролями: первый перестал, наконец, считать Струве марксистом и «принял» его как желательного либерального союзника «Искры», а второй, наоборот, сильно охладел к бывшим «легальным марксистам» и перешел к беспощадной критике их взглядов. Обращаясь к Ульянову, Плеханов подчеркивал: мы должны относиться к либералам как к возможным союзникам, а ваш тон, надо сознаться, совсем не союзнический. «Смягчите его, голубчик, статья сама по себе прекрасная, и было бы очень жалко, если бы производимое ею впечатление было отчасти испорчено некоторыми слишком резкими выражениями по адресу либерализма. Вы говорите как враг, а надо говорить как союзник (хотя бы только в возможности)» 2 .

Примерно в том же ключе было выдержано и письмо Плеханова к Аксельроду, где говорилось, что тон Ульянова по отношению к либералам слишком недоброжелателен, и хотя в его отзывах о них много справедливого, но «третировать их так, как он, не годится». Тем не менее Плеханов считал, что статью Ульянова можно печатать, предварительно смягчив «сомнительные» места. По мнению же Аксельрода, ее следовало бы радикально переделать, но он советовал Плеханову не настаивать на этом, ибо Ульянов «еще не совсем отделался от некоторых элементов примитивного социал-де-

165

мократизма» ¹. Поскольку автор статьи соглашался сделать в ней только небольшие поправки, категорически отказавшись менять ее общую тональность, в конце концов было решено напечатать ее в «Заре» в авторской редакции.

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. Т. II. С. 146.

² Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. І. С. 118.

В декабре 1901 г. исполнилось 25 лет со времени знаменитой демонстрации 1876 г. у Казанского собора в Петербурге, во время которой впервые публично прозвучало революционное слово Плеханова. Ленин (так теперь стал подписывать свои статьи В. И. Ульянов) составил текст приветствия юбиляру от имени редакции «Искры» и «Зари», в котором, в частности, говорилось: «Пусть послужит это празднование к укреплению революционного марксизма, который один только способен руководить всемирной освободительной борьбой пролетариата и противостоять натиску так шумно выступающего под новыми кличками вечно старого оппортунизма. Пусть послужит это празднование к укреплению связи между тысячами молодых русских социал-демократов, отдающих все свои силы тяжелой практической работе, и группой «Освобождение труда», дающей движению столь необходимые для него: громадный запас теоретических знаний, широкий политический кругозор, богатый революционный опыт. Да здравствует революционная русская, да здравствует международная социал-демократия!» ²

Юбилей Казанской демонстрации довольно широко отмечался русскими революционерами-эмигрантами и обучавшимися за границей студентами в Берлине, Цюрихе, Берне, Женеве, Париже. О цюрихских торжествах рассказал в шутливой форме в письме, адресованном Плеханову, его старый друг Аксельрод. Он писал: «...Я уже теперь полумертвый из-за того, что тебе угодно было 25 лет тому назад, именно 6 декабря произнести речь на Казанской площади, да сверх того еще стать основателем русской социал-демократии и наследником или преемником Маркса-Энгельса. Не поехал я в Берн и думал туда только телеграмму послать. А на мое несчастье нашлось даже в деморализованном Цюрихе около двух дюжин сочувствующих, так что я сам по собственной инициативе приободрился на устройство вечеринки и произнес почти речь, в которой хвалил тебя, само собой разумеется. А из-за всего этого я две ночи не спал...» ³

Но особенно торжественно прошел праздничный вечер в Женеве. Здесь юбиляра приветствовали более тысячи человек. Особенно тронули Плеханова приветствия студенческой молодежи, в частности юного болгарина Николы Стойнова. В этот праздничный день Георгий Валентинович и сам как будто помолодел, повторив шутку

Вильгельма Либкнехта и сказав, что ему не 45 лет, а два раза по двадцать два с половиной. Закончил же он свою ответную речь предсказанием близкого конца царского самодержавия ¹.

Эта мысль очень перекликалась с концовкой одной из самых ярких «искровских» статей Плеханова «На пороге двадцатого века», где говорилось о ближайшей задаче

^{— &}lt;del>Переписка Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрода. Т. II. С. 154, 157.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 368.

 $^{^{3}}$ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. II. С. 163.

российского пролетариата — завоевании политической свободы, которая одновременно будет и первым крупным культурным завоеванием России в новом столетии 2 .

Как и положено на юбилеях, Плеханову был поднесен памятный подарок — портфель. Принимая его, Георгий Валентинович заверил собравшихся, что этот портфель никогда не сделается портфелем министра, намекая тем самым на французского социалиста Александра Мильерана.

Новый, 1902 год редакция «Искры» встречала в преддверии обсуждения проекта программы РСДРП, разработка которой являлась одной из важнейших ее задач. Еще в июле 1901 г. Ленин писал Аксельроду, что, кроме него и Плеханова, за это дело взяться некому, поскольку подготовка проекта требует спокойного сосредоточения и обдумывания. Как известно, сам Ленин уже делал предварительные наброски партийной программы в 1895 — 1896, 1899 и 1900 гг. Однако он хорошо понимал, что было бы по меньшей мере бестактным не предложить эту почетную, хотя и очень трудную работу Плеханову, составившему в 80-х годах XIX в. несколько вариантов программы группы «Освобождение труда», получивших, как уже отмечалось выше, в целом очень высокую оценку Ленина. К тому же Плеханов и не думал отказываться от выполнения этой задачи, будучи, очевидно, уверен в том, что подходит для этой работы лучше, чем кто-либо другой.

В январе в Мюнхене собралась вся редакция «Искры», кроме Потресова, чтобы ознакомиться с текстом вводной, теоретической части программы, написанной Плехановым. Здесь проявились такие характерные черты плехановских произведений, как высокий общетеоретический уровень, логичность и последовательность изложения при явном тяготении автора к созданию внешне непротиворечивой, законченной, но довольно абстрактной конструкции, скрадывающей многообразие форм реального исторического процесса ³. При этом бросалось в глаза, что создавалась эта схема с прицелом на западноевропейскую модель капитализма, а не на конкретные условия России. Так, Плеханов, как и подобает правоверному марксисту, писал о социальной революции, диктатуре пролетариата,

167

замене капиталистического производства товаров социалистическим производством продуктов. Однако вся специфика российской ситуации нашла у него отражение лишь в одной фразе о видоизменении ближайших целей рабочего класса России в связи с наличием многочисленных остатков докапиталистических крепостнически-общинных порядков, а о крестьянстве первоначально вообще даже не упоминалось ¹.

 $^{^{1}}$ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. І. С. 64 — 65.

² См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XII. С. 66.

 $^{^{3}}$ См.: Тарновский К. Н. Революционная мысль, революционное дело. М., 1983. С. 152.

Ленину текст Плеханова явно не понравился. Очевидно, он ждал гораздо большего, но его критика носила вполне корректный по форме, аргументированный и, главное, конструктивный характер. Похоже, что другие члены редакции «Искры», собравшиеся 21 января 1902 г. на квартире Ленина, тоже не пришли в восторг от плехановского проекта. Так или иначе, было решено продолжить работу, и в начале февраля Ленин представил свой вариант первого раздела программы, который, в свою очередь, был встречен в штыки Плехановым.

Если отбросить чисто вкусовые моменты, то его не устраивала четко прослеживавшаяся у Ленина тенденция представить российский капитализм в виде уже сложившейся общественно-экономической формации, а пролетариат — единственным революционным классом, претендующим на то, чтобы «командовать» другими. Плеханову не без оснований казалось, что Ленин слишком прямолинеен и нетерпелив, не улавливая или пренебрегая всей сложностью процесса перехода России на рельсы буржуазных отношений. Позже Ленин признал, что действительно преувеличивал сначала степень проникновения капитализма в деревню и не представлял до конца, насколько силен там антагонизм между всеми слоями крестьянства и помещиками. Но главное заключалось, пожалуй, даже не в этом, а в том, что у Ленина уже постепенно складывалось в начале ХХ в. представление об особом типе капиталистического развития России, в результате чего там возник и совершенно новый тип освободительного движения, тогда как Плеханов в общем и целом считал путь России к вершинам буржуазного прогресса лишь запоздалой и бледной копией классической западной модели. Однако по-настоящему осознать все это участникам спора было дано лишь в исторической ретроспекции. К тому же дискуссия омрачалась не только столкновением личных амбиций, но часто и простым взаимным непониманием, рождавшим в свою очередь бесконечные колкости, придирки и озлобление.

Так, в начале марта 1902 г. Плеханов писал Засулич, что ленинский проект программы «в полном смысле слова невозможен» и «не сделает чести группе «Освобождение труда»». ² 12 марта он повторил в письме к Аксельроду, что, если проект Ленина будет принят,

ему придется заявить о его неудовлетворительности и получится «что-то вроде нового раскола». В конце письма Плеханов добавил, что Ленину он не пишет, потому что тот просто бесит его «своими *куцыми* взглядами». Он заявил, что безусловно отрицает ленинский проект в его принципиальной части («такой программы я не могу признать своею»), хотя в большинстве случаев и согласен с конкретными поправками Ленина к

¹ См.: Ленинский сборник II. С. 17 — 18.

² Группа «Освобождение труда». М. -Л., 1926. Сб. 5. С. 302.

своему собственному тексту ¹.

Захваченный духом творческого соревнования, подхлестываемый обидой и своим колоссальным, честолюбием, Плеханов не стал — и это делало ему честь — цепляться за свой первоначальный текст, а подготовил в первой половине марта новый, гораздо более удачный вариант проекта, в котором были, правда, и некоторые досадные потери. Так, исчезло вдруг положение о диктатуре пролетариата, что дало историкам повод говорить позже о каких-то «шатаниях» Плеханова, хотя в действительности этот странный шаг объяснялся скорее психологическими, чем политическими мотивами. Поэтому, когда Ленин предложил восстановить это место проекта, Плеханов легко согласился. В письме к Засулич он объяснял этот казус так: «против прибавки, касающейся диктатуры пролетариата, я ничего не имею. Фрей (Ленин) нашел в бытность мою в Мюнхене, что в моем первом пункте проекта о ней говорилось слишком «крикливо». Я заменил выражение диктатура пролетариата выражением власть пролетариата: это одно и то же, ибо в политике кто имеет власть, тот и диктатор. Но выходит, что теперь у меня сказано недостаточно «крикливо». Прибавьте «крику» ².

Во втором проекте Плеханова появился ряд важных теоретических положений, которые значительно обогатили весь текст. Теперь здесь говорилось о пролетариате как передовом представителе всех трудящихся и эксплуатируемых и о том, что международная социал-демократия стоит во главе освободительного движения ³ (в дальнейшем этот тезис в духе идеи гегемонии пролетариата опять исчез из окончательного текста программы). Шагом вперед было более конкретное определение целей социалистической революции: экспроприация эксплуататоров, передача средств производства и его продуктов в общественную собственность, плановая организация общественного производства для удовлетворения нужд как всего общества в целом, так и отдельных его членов. Наконец, не без влияния ленинской критики появилась у Плеханова и такая формулировка: капитализм в России все более и более становится преобладающим способом производства ⁴.

169

Однако страсти в редакции «Искры» продолжали накаляться. Коса, что называется, нашла на камень, и Ленин опять назвал проект Плеханова растянутым и абстрактным, сделав множество конкретных замечаний. Так, например, он считал, что капитализм уже стал преобладающим способом производства, а мелкое хозяйство неуклонно вытесняется крупным. Кроме того, Плеханов, по мнению Ленина, слишком завысил революционный потенциал мелкой буржуазии, в поведении которой отчетливо прослежи-

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. II. С. 166—167.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 303.

³ Ленинский сборник II. С. 59.

⁴ Там же. С. 60.

ваются консервативные и даже реакционные черты. В этой связи Ленин писал, что при диктатуре пролетариата по отношению к крестьянству — этим «ненадежным и двуличным элементам» — надо будет употребить и власть (на что Засулич на полях заметила не без ехидства: «Над миллионами-то! Попробуй-ка! Позаботься, чтобы приняли, зови» ¹). Ленину очень хотелось также, чтобы в проекте отчетливо прозвучало положение о том, что пролетариат один только является действительно революционным классом, как сказано в «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса, что сначала ему нужно отгородиться от всех непролетарских слоев трудящихся, а уже потом звать их к сотрудничеству.

По правилам литературной дуэли право на очередной выстрел было теперь за Плехановым. И он не преминул им воспользоваться, категорически отвергнув новые поправки Ленина. 19 марта 1902 г. Георгий Валентинович излил свои чувства в большом письме Засулич, жалуясь ей на то, что ленинская формулировка о господстве капитализма в России «топит» всякое различие между нашей страной и Западом, тогда как в реальной действительности «русские экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма». При этом Плеханов припомнил, как еще в 1895 г. «один товарищ» (Ульянов) говорил ему, что в России был *такой же* феодализм, как и на Западе. Тогда Плеханов заметил своему молодому собеседнику, что сходства здесь не более, чем между «русским Вольтером» Сумароковым и Вольтером настоящим.

Ответил Плеханов и еще на одно замечание Ленина, который считал, что нельзя быть уверенным в том, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат в социалистической революции. В противовес своему скептически настроенному оппоненту Плеханов был убежден, что в борьбе с буржуазией пролетариат сможет привлечь на свою сторону и некоторые другие слои эксплуатируемой массы. И когда В. И. Засулич напомнила ему о том, что в «Коммунистическом манифесте» все другие классы, кроме пролетариата, названы реакционными, он ответил ей: «Но ведь Манифест имел в виду тогдашнего немецкого клейнбюргера; теперь обстоятельства значительно изменились, и я думаю, что чем дальше будет развиваться

капитализм в передовых странах, тем более часть мелкой буржуазии и мелкого крестьянства будет вынуждаться к переходу на сторону пролетариата. *Мы не обязаны думать, как Маркс, там и тогда, где и когда сам Маркс думал бы иначе.* Кроме того, я очень хорошо помню, как едко Энгельс насмехался над теми геноссами (товарищами. — нем.), которые воображают, что мелкая буржуазия неизбежно должна быть реакцион-

¹ Ленинский сборник II. С. 83.

ной» 1 .

Чем дальше шла дискуссия, тем яснее становилось членам редакции, что единственный выход из создавшегося положения — это передача проектов Плеханова и Ленина в согласительную комиссию для доработки без участия самих авторов. Так и было сделано. В апреле работа над комиссионным вариантом была закончена, причем в основу проекта комиссии был положен текст Плеханова, на который как бы «накладывались» поправки и дополнения Ленина, Засулич и Мартова. В апреле в Цюрихе в отсутствие Ленина (он уехал в Лондон, куда из-за полицейской слежки в Мюнхене перебралась вскоре и вся редакция «Искры») и больного Потресова прошло новое совещание, на котором проект программы был, наконец, одобрен и утвержден. Затем по тексту еще раз прошлось перо «золотого редактора» — Плеханова, а после этого на его последней странице появилось написанное рукой Георгия Валентиновича сакраментальное слово «Аминь». В таком виде проект и решено было опубликовать в июне 1902 г. в «Искре», предоставив одновременно двум главным «разработчикам» — Плеханову и Ленину — право выступить в журнале «Заря» с необходимыми комментариями.

Таким образом, проект программы РСДРП явился в полном смысле слова плодом коллективного творчества. В частности, усилиями Мартова, а также Засулич, Дана и Дейча была создана та его часть, где излагались конкретные требования РСДРП в различных областях политической и социальной жизни стран. Аграрный раздел программы был написан Лениным. Сам Ленин позже особо выделял роль Плеханова, а тот, по словам Розалии Марковны, в шутку говорил: программа моя, «слегка испорченная Лениным» ².

Споры по программным вопросам в редакции «Искры» были спорами в рамках революционного марксизма, обнаружившими, однако, разное понимание некоторых принципиальных положений марксистской теории. При этом в ряде случаев в роли новатора выступал Ленин, в других — борцом против излишнего «догматизма» в трактовке марксистского наследия был Плеханов. Наконец, нельзя не отметить, что по некоторым вопросам, поднятым в 1902 г. при обсуждении проекта программы РСДРП, споры идут и по сей день, причем сегодня историки склонны соглашаться с осторожны-

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 369; Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 418.

¹Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 303.

Последним отзвуком программных баталий 1902 г. стало обсуждение статьи Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии», подготовленной им в качестве редакционного комментария к аграрному разделу программы, автором которого он являлся.

Напомним, что поскольку масштабы будущего крестьянского движения и степень социального раскола крестьянства были тогда еще неясны, а уровень развития капитализма в деревне (и в помещичьем, и в крестьянском хозяйстве) многими русскими марксистами, включая Ленина, завышался, то и аграрный раздел партийной программы был сформулирован очень осторожно. Акцент в нем делался на возвращении крестьянам так наз. «отрезков», то есть земель, отнятых у них при проведении реформы 1861 г. Тем самым молчаливо признавалось, что «отрезки» — это главный пережиток крепостничества, а трогать перестроившиеся или быстро перестраивающиеся на капиталистический лад помещичьи латифундии значило бы идти не вперед, а назад.

Революция 1905 — 1907 гг. показала ошибочность подобных взглядов и заставила РСДРП изменить свою аграрную программу. Но нельзя забывать, что уже в 1902 г. Ленин допускал, что крестьяне потребуют себе всю помещичью землю, и на этот случай предлагал отразить, хотя бы в комментарии к программе, мысль о прогрессивном значении национализации земли еще в рамках буржуазного строя, т. е. при сохранении частной собственности на орудия и средства производства как в городе, так и в деревне. В 80-х годах XIX в. подобная идея казалась Плеханову вполне разумной. Однако позже он вслед за Каутским стал считать национализацию земли при капитализме шагом ненужным и вредным, ибо она, по его мнению, могла бы лишь усилить буржуазное государство и тем самым повредить интересам народа. Кроме того, чем дальше, тем больше Плеханов склонялся к мысли о том, что по своему общественному строю Россия и без того слишком напоминает древние восточные деспотии, где государство было верховным собственником земли. Вот почему национализация земли в условиях России представлялась ему особенно опасной и сомнительной мерой.

Эти свои взгляды Плеханов внушил и другим членам редакции «Искры», и когда на том же самом апрельском совещании в Цюрихе, где подводились итоги дискуссии по программным вопросам, на обсуждение была поставлена статья Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии», внимание автора было обращено именно на то место его рукописи, где говорилось о национализации земли. Однако Ленин настаивал на своем, и тогда в мае 1902 г.

<u>172</u> рукопись поступила на вторичный просмотр к Плеханову и Аксельроду. И здесь у Плеханова произошел нервный срыв, вызванный, видимо, чрезмерными для него психоло-

гическими перегрузками зимы и весны 1902 г. Он испещрил весь текст рукописи мелочными замечаниями, стал придираться и к стилю статьи, и даже к расстановке кавычек. Словом, обошелся с Лениным, как с провинившимся школьником, без всякого стеснения излив весь свой гнев по поводу его строптивости и «зазнайства».

Ленин, по свидетельству Крупской, тоже заметался. Получив замечания Плеханова, он написал прямо на рукописи статьи: «Автор замечаний напоминает мне того кучера, который думает, что для того, чтобы хорошо править, надо почаще и посильнее дергать лошадей. Я, конечно, не больше «лошади», одной *из* лошадей, при кучере — Плеханове, но бывает ведь, что даже самая задерганная лошадь сбрасывает не в меру ретивого кучера» ¹.

14 мая 1902 г. Ленин написал Плеханову резкое письмо, которое заканчивалось горькими, но справедливыми словами: «Если Вы поставили себе целью сделать невозможной нашу общую работу, — то выбранным Вами путем Вы очень скоро можете дойти до этой цели. Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно испортили или вернее: добились их полного прекращения» ².

Редакция «Искры» стояла перед реальной угрозой распада. Настроение у всех было подавленное. В. И. Засулич, которая особенно переживала все случившееся, предложила просто выбросить из статьи Ленина то место, где говорилось о национализации, а на других поправках не настаивать. 20 июня Плеханов направил Ленину после долгого молчания письмо, в котором писал, что оба они «несколько зарвались в споре о программе», что у него тоже были некоторые основания считать себя обиженным, но это частное дело нужно теперь отложить в интересах дела *общего*. «Поверьте одному, — заканчивал Георгий Валентинович, — я глубоко Вас уважаю и думаю, что на 75% мы с Вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам «коллегии», на остальные 25% есть и разница, но ведь 75 втрое больше 25, и во имя *единомыслия* следует позабыть о *разногласии*». Он выражал готовность дать Ленину любое удовлетворение, если он того захочет, лишь бы «не раздражать товарища, который так полезен делу» и которого он уважает от всей души ³.

Плеханов даже просил Засулич передать Ленину, что он согласен на публикацию его статьи об аграрной программе без всяких изменений, если ему будет предоставлено право в своем коммента-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 448.

² Там же. Т. 46. С. 186.

³ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 1. С. 134.

резки», несколько отличный от ленинского ¹.

Однако Ленин, у которого нервы были, по его собственному признанию, истрепаны «в лоск», решил закончить все это дело как можно скорее и предоставил Плеханову право снять из корректуры статьи те места, которые он сочтет «лишними». Георгий Валентинович воспользовался этим правом, убрав упоминание о национализации земли и несколько строк из раздела об «отрезках» (речь шла у Ленина о том, что они должны быть возвращены, если служат орудием хозяйственного закабаления крестьян помещиками, а Плеханов, Засулич и Аксельрод настаивали на возвращении любых «отрезков»). Маленькую купюру сделал Плеханов и в своей статье.

Инцидент был исчерпан, но у Ленина он оставил очень горький осадок. Плеханов явно пытался говорить с ним с позиций силы, «нажимать», ставить в неравные по сравнению с собой условия. Вряд ли можно согласиться с Н. А. Бердяевым, который в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» пишет, что разочарование в Плеханове с присущими ему чертами мелкого самолюбия, честолюбия и горделиво-презрительного отношения к товарищам якобы было для Ленина «разочарованием в людях вообще» ². До этого дело, к счастью, не дошло, и приписывать Плеханову такое демоническое влияние на Ленина, как нам кажется, оснований нет. Но то, что он влиял на Ленина не в лучшую сторону, — несомненно.

Сестра Мартова, Лидия Цедербаум-Дан вспоминала, что диктаторские замашки Плеханова и его склонность ставить ультиматумы повергали Ленина в полное отчаяние и он иногда серьезно начинал подумывать о том, чтобы бросить все, оставить «Зарю» Плеханову, а самому «сматывать удочки» и возвращаться в Россию, где и попытаться наладить издание общерусской газеты ³. Вероятно, это были только минуты обычной человеческой слабости, но переживал их Ленин очень тяжело.

В августе 1902 г. в четвертом номере «Зари» был напечатан комментарий Плеханова к проекту программы РСДРП. В нем подчеркивалось, что в данный момент обстоятельства складываются для российской социал-демократии на редкость благоприятно, но для того, чтобы быть на высоте положения, ей нужны крепкая подпольная организация типа «Земли и воли» и «Народной воли», а также стройная и последовательная марксистская программа. По мнению Плеханова, РСДРП с удесятеренной энергией должна отстаивать идею классовой борьбы, убеждать рабочих в неизбежности социальной революции и в практической осуществимости социалис-

¹ Ленинский сборник III. С. 432.

² Цит. по: Ленин: человек, мыслитель, революционер. М., 1990. С. 366.

³ См.: Из архива Л. О. Дан. From the Archives of L. O. Dan. Amsterdam, 1987. С. 41.

вширь, уровень эксплуатации наемных рабочих повышается, а вместе с этим обостряется и классовая борьба. Поэтому Плеханов не хотел делать никаких уступок Бернштейну и решительно отвергал выдвинутые им тезисы о прекращении кризисов перепроизводства и устойчивости среднего и мелкого товаропроизводителя в условиях капитализма.

Заметим, что в распоряжении Плеханова и других русских и зарубежных марксистов того времени был еще слишком недостаточный материал для столь безапелляционных суждений глобального характера. Жизнь показала, что процесс концентрации производства имеет определенные пределы, за которыми сохранение среднего и мелкого производства оказывается необходимым и выгодным для самих капиталистических монополий. Правда, и тогда процесс разорения мелких и средних производителей остается неизбежным спутником капиталистической системы, но место разорившихся немедленно занимают новые средние и мелкие хозяева.

Обратим внимание и еще на один момент: признавая факт образования нового среднего сословия, к которому он относил так наз. «чиновников капитала» (не являющихся собственниками в полном смысле этого слова, но получающих от капиталистов «коекогда и кое-где» довольно значительные милости), Плеханов тем не менее считал, что рано или поздно их ждет возвращение в категорию простых рабочих или даже в нищих. Читатель сам может судить о том, в какой мере оправдался этот прогноз Плеханова.

В полной мере разделял он и господствовавший тогда в марксистской среде взгляд на социализм как на бестоварное хозяйство, ставя знак равенства между товарным производством и анархией в народном хозяйстве. Столь же однозначным было и мнение Плеханова о неизбежности диктатуры пролетариата, без которой невозможно будет становление социалистического общественного строя даже в самых демократических странах. Однако он подчеркивал, что социалистическая революция нарушит интересы лишь незначительного меньшинства нации, а диктатура пролетариата вовсе не будет означать попрания прав всех остальных классов общества, в том числе и крестьян. Если бы Плеханов мог хотя бы краешком глаза заглянуть тогда в послеоктябрьскую Россию, то наверняка воздержался бы от столь розовых прогнозов.

Не обошел Плеханов молчанием и вопрос о национализации земли. «В руках нашего полицейского государства, — писал Плеханов, — и теперь уже сосредоточивается слишком значительная часть производительных средств нашей страны. Содействовать переходу к нему всех тех земель, которыми оно не может теперь распоряжаться как своей собственностью 1 , значило бы способство-

¹ В подстрочном примечании Плеханов отмечал, что общинные земли и земли однодворцев государство всегда рассматривало в России как свою собственность.

кая политика *соответствует* интересам нашей бюрократии, но она коренным образом противоречит интересам революционной партии, а с ними также всей трудящейся и эксплуатируемой массы» ¹.

При этом Плеханов ссылался на мнение реакционных «Московских ведомостей», которые утверждали, что в России государство фактически уже является собственником всех земель и поэтому идея их национализации сама по себе отнюдь не революционна. Была у Плеханова и ссылка на «Аграрный вопрос» Каутского, где против национализации выдвигалась целая батарея различных аргументов, среди которых далеко не последнюю роль играло то соображение, что национализация потребовала бы денежного вознаграждения владельцев земли и, таким образом, разного рода дополнительных платежей со стороны трудящегося населения. В итоге Плеханов вслед за Каутским утверждал, что вопрос о национализации земли можно ставить лишь на социалистическом этапе революции, когда будут национализированы все средства производства.

В заключение Плеханов кратко остановился на характеристике политической части программы-минимум РСДРП, обратив внимание читателей на требования демократических свобод, отделения церкви от государства и школы от церкви, права наций на самоопределение. Особо подчеркнул он требование демократической республики и установления народоправства, закончив статью красноречивой цитатой из известного стихотворения Пушкина:

Самовластительный злодей,

Тебя, твой род я ненавижу,

Твою погибель, смерть детей

Я с злобной радостию вижу!..

На время в редакции «Искры» воцарились как будто мир и тишина. Ленин, Мартов и Засулич жили и работали в Лондоне, Плеханов и Аксельрод — в Швейцарии, а Потресов — в основном лечился от туберкулеза. Поздней осенью 1902 г. Плеханов совершил давно планировавшуюся, но каждый раз откладывавшуюся поездку в британскую столицу. Во время этого визита в Лондон он познакомился с недавно бежавшим из сибирской ссылки Львом Троцким, пробовавшим теперь свои литературные силы на страницах «Искры». Сохранились воспоминания Л. Д. Троцкого о его первой встрече с Плехановым в Лондоне в конце 1902 г.:

«Вечером я зашел к нему. В маленькой комнатке, кроме Плеханова, сидели довольно известный немецкий писатель социал-демо-

176

крат Бер и англичании Аскью. Не зная, куда меня девать, так как стульев больше не было, Плеханов — не без колебания — предложил мне сесть на кровать. Я считал это в порядке вещей, не догадываясь, что европеец до конца ногтей Плеханов мог только ввиду крайности обстоятельств решиться на такую чрезвычайную меру. Разговор шел на немецком языке, которым Плеханов владел недостаточно и потому ограничивался односложными замечаниями... Бер и Аскью вскоре ушли. Георгий Валентинович вполне основательно ожидал, что уйду с ними и я, так как час был поздний и нельзя было беспокоить хозяев квартиры разговором. Я же, наоборот, считал, что теперь-то только настояшее и начинается.

- Очень интересные вещи говорил Бер, сказал я.
- Да. Насчет английской политики интересно, а насчет философии пустяки, ответил Плеханов.

Видя, что я не собираюсь уходить, Георгий Валентинович предложил мне выпить по соседству пива. Он задал мне несколько беглых вопросов, был любезен, но в этой любезности был оттенок скрытого нетерпения. Я чувствовал, что внимание его рассеяно. Возможно, что он просто устал за день, но я ушел с чувством неудовлетворенности и огорчения» ¹.

Легко представить себе эту достаточно комичную ситуацию: явно нервничающий, хотя и сохраняющий внешнюю приветливость Плеханов, шокированный бесцеремонностью своего молодого гостя, и не блещущий воспитанием, достаточно самоуверенный и наивно воображающий, что может говорить с Георгием Валентиновичем на равных, — Троцкий. Первая встреча, от которой во многом зависели их будущие взаимоотношения, прошла «комом», потянув за собой целую цепочку из взаимной неудовлетворенности, настороженности и недоброжелательства, которые переросли вскоре в открытую вражду.

Весной 1903 г. Ленин, который в этот период в общем и целом относился к Троцкому с симпатией и по достоинству оценил его энергию и талант, предложил Плеханову ввести молодого, но подающего немалые надежды публициста в состав редакционной коллегии «Искры». Однако Георгий Валентинович категорически воспротивился этому слишком быстрому, по его мнению, выдвижению Троцкого на ответственную партийную работу. Действительно, по сравнению с каждым из шести искровских соредакторов Троцкий выглядел еще желторотым юнцом, которому нужно было расти и расти, чтобы удостоиться чести определять политическое направление первой общерусской марксистской газеты. Не исключено, что сыграли здесь свою роль и неблагоприятные впечат-

177

ва от первой встречи с Троцким. Так или иначе, было решено отложить этот вопрос до II съезда РСДРП, который был уже не за горами.

В начале 1903 г. был создан организационный комитет по его созыву, а в апреле члены редакции «Искры» перебрались в Женеву. И ничто, казалось, не предвещало бури, но она неотвратимо надвигалась на молодую российскую социал-демократию.

<u>ГЛАВА V</u>

РАСКОЛ

17(30) июля 1903 г. в Брюсселе открылся с таким нетерпением ожидавшийся всеми российскими марксистами II Съезд РСДРП, делегаты которого представляли 26 социалдемократических организаций, включая группу «Освобождение труда». Состав участников съезда был достаточно пестрым: «твердые» и «мягкие» искровцы, бундовцы, «экономисты», представители Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Из 57 делегатов лишь трое были рабочими от станка, тогда как остальные являлись профессиональными революционерами-интеллигентами со своими амбициями и претензиями на лидерство, ярко выраженными чертами разных национальных характеров, нетерпимостью к инакомыслию. Все это, несмотря на тщательную подготовку съезда, предвещало довольно острую борьбу, которая началась с первых же заседаний.

Вступительная речь Плеханова была проникнута неподдельным пафосом. «Положение дел настолько благоприятно теперь для нашей партии, — сказал он, — что каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть...: «Весело жить в такое время!» И какой бы трудной ни была предстоящая работа, есть все основания надеяться, что она будет успешно доведена до конца и II съезд РСДРП составит эпоху в ее истории 1

Вместе с Лениным и Петром Красиковым Плеханов был избран в состав бюро съезда и по очереди с ними председательствовал на заседаниях, выступая на каждом из них по нескольку раз. В дни работы II съезда РСДРП авторитет Плеханова был высок как никогда. Да и отношения его с Лениным внешне выглядели в тот момент совершенно безоблачными. Ведь в появившейся в июне 1903 г. в «Искре» статье Плеханова «Ортодоксальное буквоедство» деятельности будущего лидера большевиков была дана самая лестная оценка.

Поводом для появления этих полемических заметок Плеханова послужили резкие нападки на «искровский» проект программы партии со стороны руководителя неболь-

шой эмигрантской социал-демократической группы «Борьба» Давида Рязанова (Гольдендаха), литературный псевдоним которого «Буквоед» должен был символизировать его приверженность аутентичному, ортодоксальному

1 См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XII. С. 411-412.

179

толкованию марксизма. По мнению Рязанова, Ленин выступил в редакции «Искры» в роли библейского «змия-искусителя», соблазнившего якобы членов группы «Освобождение труда» и толкнувшего их на путь ревизии учения Маркса. В своем ответе Плеханов едко высмеял эту фантастическую версию. «Змий-искуситель, — писал он, — вообще никогда ничего не навязывал нам, а всегда действовал в идейном согласии с нами, как товарищ-единомышленник, нисколько не хуже нас понимавший великое значение правильной теории в нашем деле и нимало не склонный приносить ее в жертву *практике*. И если проект программы, предлагаемый нами российской социал-демократии, имеет свои недостатки, то за эти недостатки мы, то есть П. Аксельрод, В. Засулич и я, ответственны ничуть не меньше, чем Ленин» 1.

Больше того, Плеханов несколько раз повторил в этой статье ленинскую формулировку о капитализме как уже господствующем в России способе производства, очень сочувственно отнесся к высказанной Лениным в «Что делать?» мысли о том, что социал-демократы должны поднимать на протест против самодержавия все классы общества, и даже защищал ленинскую «отрезочную» аграрную программу, оговорив лишь, что РСДРП поддержит и более радикальные требования крестьян в земельном вопросе. Таким образом, Плеханов всячески старался подчеркнуть, что его разногласия с Лениным — это уже пройденный этап.

Примерно в том же плане выступал Георгий Валентинович и на II съезде РСДРП. Так, когда Владимир Акимов (Махновец), представлявший «Союз русских социалдемократов за границей», который в свое время попортил Плеханову немало крови, попытался вбить клин между руководителями «Искры», он сразу же получил резкий и притом весьма остроумный отпор. «У Наполеона, — с веселым огоньком в глазах заметил Плеханов, — была страстишка разводить своих маршалов с их женами. Иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона — он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что он не намерен разводиться со мной» (в протоколах съезда после этой фразы появилась секретарская ремарка: «Тов. Ленин, смеясь, качает отрицательно головой» ²).

Если бы Плеханов и Ленин могли тогда знать, что произойдет всего через пару меся-

цев после этого эпизода... Пока же Георгий Валентинович твердо защищал Ленина и его книгу «Что делать?», в которой, впрочем, очень скоро он тоже будет находить только теоретическую путаницу и ошибки.

При обсуждении на съезде партийной программы вновь встал сложнейший и особенно болезненный в условиях России вопрос о процессе соединения марксизма с массовым рабочим движением. Как известно, сам Ленин признавал, что, говоря о внесении социалистического сознания в пролетарскую массу революционной интеллигенцией, он в полемике с «экономистами» перегнул палку в другую сторону, ибо в реальной действительности передовые рабочие не просто принимали «дары» партийных теоретиков, но и сами активно участвовали в этом процессе, прекрасно сознавая, что в полной мере удовлетворить свои классовые интересы они смогут лишь в будущем социалистическом обществе. Не будем забывать, что в начале XX в. оно представлялось рабочим как синоним социальной справедливости, равенства возможностей и подлинного товарищества в труде и повседневной жизни. Больше того, нередко рабочие считали себя даже большими социалистами, чем интеллигенты, добиваясь чуть ли не искусственной изоляции пролетариата от влияния его образованных доброжелателей.

С другой стороны, нельзя было сбрасывать со счетов и стремления значительной части рабочих пойти по пути наименьшего сопротивления и как-то приспособиться к капиталистическому строю, добиваясь лишь определенной социальной защиты в рамках существующей системы. В то же время и «русские Бебели», то есть рабочие, способные самостоятельно овладевать марксистской теорией, были в тогдашней России еще редчайшим исключением, тогда как основная пролетарская масса действительно нуждалась в идеологах, пропагандистах и организаторах со стороны. В свете этих фактов становится ясно, что любые попытки упростить картину взаимоотношений между радикально настроенной социал-демократической интеллигенцией и рабочей массой, абстрагироваться от попыток профессиональных революционеров командовать и даже манипулировать пролетариатом и от стремления последнего как-то отстоять свои позиции и играть вполне самостоятельную роль в жизни собственной, рабочей по названию партии, были бы равносильны дальнейшему запутыванию и без того крайне сложной и противоречивой ситуации.

В концепции Ленина, конечно, таилась угроза сектантства, идеологической зашоренности и нарушения демократических принципов в организационных вопросах. Однако немало негативных моментов было и во взглядах его оппонентов — «экономистов», а затем и меньшевиков (узкий практицизм, нарушение необходимого баланса между эко-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XII. С. 373.

² Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 136-137.

номическими и политическими требованиями рабочих, занижение роли субъективного фактора исторического процесса и т. д.). Вот почему Плеханов оказался в очень трудном положении, хотя на первых порах он все же склонен был поддержать Ленина, видимо, чувствуя, что его черно-белая идейно-организационная схема сулит на данном этапе партийного строительства более осязаемые результаты, чем ставка на сугубо стихийные, неизбежно

замедленные «органические» процессы развития пролетарского сознания без руководящего вмешательства партийной интеллигенции.

Выступая на съезде, Плеханов допускал, что по крайней мере два ленинских тезиса из книги «Что делать?» не вполне удачны. Речь шла об утверждении Ленина о том, что «стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии», и о его выводе, согласно которому «история всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тредъюнио-нистское... » Однако Плеханов готов был сделать скидку на то, что Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую работу против «экономистов». Поэтому он убежденно защищал автора «Что делать?» от нападок А. С. Мартынова, с сарказмом сравнивая последнего с одним цензором, говорившим: «Дайте мне «Отче наш» и позвольте мне вырвать оттуда одну фразу, — и я докажу вам, что его автора следовало бы повесить» ¹. Характерно, что через несколько месяцев под влиянием изменившейся внутрипартийной конъюнктуры позиция Плеханова в данном вопросе тоже станет гораздо более жесткой, бескомпромиссной и уже однозначно антиленинской.

Большой резонанс на съезде и после него вызвало выступление Плеханова против абсолютизации некоторых демократических ценностей, например, всеобщего избирательного права и неприкосновенности избранного народом парламента. Для революционера, сказал он, высшим критерием правильности проводимой им политической линии является то, в какой мере обеспечивает она успех революции. И если бы ради этого успеха потребовалось временно ограничить всеобщее избирательное право или досрочно распустить «неудачный» по составу, с точки зрения революционеров, парламент, то на подобные вынужденные меры следовало бы без колебаний пойти. При этом он сослался на пример разгона Кромвелем в 1653 г. так наз. «долгого» парламента, умеренное большинство депутатов которого вступило в конфликт с английской революционной армией.

Часть делегатов II съезда РСДРП аплодировала Плеханову, другая — неистово негодовала, полагая, что исторические прецеденты, относящиеся к эпохе господства бур-

жуазии, не могут служить примером для пролетариата. Тем не менее Георгий Валентинович продолжал стоять на своем, оговорив лишь, что вся ситуация с нарушениями принципов демократии мыслится им как чисто гипотетическая. Кстати говоря, когда в январе 1918 г. большевики и левые эсеры разогнали Учредительное собрание, в котором преобладали несогласные с ними правые эсеры, ссылаясь, помимо всего прочего, и на авторитетное мнение Плеханова, высказанное им на II

1 Второй съезд РСДРП. Протоколы. С. 125.

съезде РСДРП, тот категорически отказался признать целесообразность такого акта. Тем самым он существенно скорректировал свой тезис 1903 г., действительно дававший возможность весьма произвольного толкования такого понятия, как «благо революции».

В конце концов делегаты партийного съезда единогласно (воздержался лишь Акимов) приняли с небольшими редакционными поправками «искровский» проект программы РСДРП. И этот факт с огромным удовлетворением был отмечен Плехановым, который подвел итог съездовским дискуссиям по этому кардинальному вопросу.

Под занавес брюссельской части II съезда РСДРП, который из-за преследований со стороны бельгийских властей после первых тринадцати заседаний пришлось спешно перенести в Лондон, был рассмотрен вопрос об отношении социал-демократов к либералам. Надо сказать, что либеральное движение в России в начале 900-х годов было на подъеме. В нем участвовали часть помещиков-земцев, многочисленные представители интеллигенции, служащие, студенты, отдельные офицеры. Их идеалом было введение в России конституции, парламента и создание правового государства на базе реформ, проводимых под давлением общественного мнения царским правительством. В 1902 г. за границей стал выходить либеральный журнал «Освобождение» под редакцией бывшего «легального марксиста» П. Б. Струве, ставившего своей целью объединение всех либерально-демократических сил России для борьбы с самодержавием. Таким образом, либералы-«освобожденцы» выступали как прямые политические конкуренты марксистов, претендовавших на гегемонию в российском освободительном движении. Вот почему на II съезде РСДРП и был поставлен вопрос о взаимоотношениях с либералами вообще и с «освобожденцами» в частности.

На рассмотрение делегатов были представлены два параллельных проекта резолюции. Автор первого, А. Н. Потресов, считал, что соглашение с либералами возможно, если последние выполнят ряд условий, в частности поддержат требование всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Автор второго, Плеханов, ставил вопрос жестче: не отрицая необходимости поддержки пролетариатом оппозиционных выступлений либералов, он требовал не забывать об их половинчатости и

разоблачать ее перед лицом пролетариата, не делая исключения и для представителей самого левого фланга либерального движения — сторонников «Освобождения». Из-за нехватки времени для детального обсуждения обоих проектов съезд одобрил как тот, так и другой.

В Лондоне, где состоялись еще 24 заседания съезда, в центре внимания делегатов оказался проект устава партии. Его обсуждение стало для участников съезда буквально роковым. За безобидными, на первый взгляд, расхождениями между формулировками первого

параграфа, предложенными Лениным и Мартовым ¹, постепенно проступали контуры двух различных подходов к самой модели построения создаваемой в России партии рабочего класса.

Формально речь шла лишь о мере требовательности при отборе будущих членов партии, о степени их подчинения партийной дисциплине. Однако в условиях подполья, в которых вынуждена была существовать марксистская партия в России, от состава ее организаций и их дисциплинированности напрямую зависела боеспособность российской социал-демократии и эффективность всей ее работы. Конечно, пока РСДРП грозили не столько карьеристы, сколько просто необязательные, эгоистичные люди, не умеющие или не желающие подчиняться партийной дисциплине. Однако в специфических условиях подполья, в которых работали социал-демократы в России, было особенно важно с самого начала поставить заслон для вступления в партийные ряды тех, кто хотели бы чувствовать себя некими «вольными стрелками» от революции, работающими (или не работающими) в партии в зависимости от политической коньюнктуры или собственного настроения. Потенциальными носителями подобных взглядов была прежде всего часть радикально настроенной интеллигенции с ее индивидуализмом и богемно-анархистскими привычками, несовместимыми с конспиративной революционной работой.

Кроме того, при обсуждении проекта устава в некоторых выступлениях выявилась тенденция к ограничению роли ЦК партии и его полномочий и, соответственно, к расширению автономии местных комитетов РСДРП. По существу вопрос стоял так: строить ли марксистскую партию в России «сверху», предоставив максимум полномочий ее руководящим центральным органам и существенно ограничив права местных комитетов и тем более отдельных членов социал-демократических организаций, или, наоборот, «снизу», сделав партийных функционеров всех рангов лишь исполнителями воли рядовых партийцев? В принципе все твердые искровцы были тогда безусловными централистами, однако в рамках этой единой концепции партийного строительства, естественно,

существовали некоторые оттенки, которые в полной мере выявились несколько позже, когда в ходе революции 1905 — 1907 гг. появилась реальная возможность перехода РСДРП на полулегальное положение и расширения внутрипартийной демократии.

¹ Ленин считал, что каждый член партии должен не только признавать ее программу и платить членские взносы, но и принимать личное участие в работе одной из партийных организаций. Мартов же предлагал видоизменить заключительную часть этой уставной формулы, считая достаточным регулярное личное содействие партии под руководством и контролем одной из партийных организаций.

184

В наши дни острота дискуссии, разгоревшейся на II съезде РСДРП по организационным вопросам, кажется многим явно не адекватной сути самой проблемы, тем более что уже через пару лет сторонники Мартова практически признали правоту Ленина в том, что касалось формулировки первого параграфа партийного устава, а сторонники Ленина во весь голос заговорили о внутрипартийной демократии. Тем не менее в 1903 г. у делегатов съезда было такое ощущение, что они оказались вдруг перед гамлетовским вопросом: быть или не быть? Может быть, организационные вопросы, в отличие от программных, не были в достаточной мере проработаны до съезда. Возможно, сказалось огромное нервное перенапряжение делегатов и особенно руководящего съездовского ядра. Или прорвалось, наконец, сквозь броню несколько показной искровской солидарности все то, что годами копилось в душе у редакторов «Искры» — взаимные обиды, неудовлетворенные амбиции... Так или иначе, согласие, царившее среди редакционной шестерки в Брюсселе, вдруг рухнуло.

Против ленинской формулировки параграфа 1 устава была выдвинута целая батарея, казалось бы, очень весомых аргументов. Мартов говорил, например, что чем шире будет количественный состав партии, тем лучше, ибо тогда и друзья, и враги будут видеть, насколько она сильна и популярна. Аксельрод предлагал подумать о тех, кто вполне сознательно, но не очень активно примыкает к РСДРП. Бундовец Либер напомнил, что есть люди, которые могут принести партии больше пользы, оставаясь вне ее организаций, чем входя в их состав. Однако Ленин не склонен был менять свою точку зрения, подчеркивая, что в России особенно важно отделить работающих от «болтающих» и что более жесткие условия приема в РСДРП уже сами по себе станут стимулом к организации социал-демократически настроенных рабочих и интеллигентов. В этом его поддержал и Плеханов, сославшийся, в частности, на пример «Народной воли», страдавшей от чересчур широкой трактовки членства в ее организациях. Рабочие, сказал он, не побоятся вступить в партию при условии соблюдения строгой внутрипартийной дисциплины. Другое дело интеллигенты, насквозь проникнутые духом индивидуализма и являющиеся главными носителями оппортунистических тенденций. «Проект Ленина может служить оплотом против их вторжения в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма», — закончил свою речь Плеханов ¹.

И все же с перевесом в шесть голосов победу в данном вопросе одержал Мартов, хотя все остальные параграфы устава были приняты в ленинской редакции. Но этим дело не кончилось. Ситуация еще больше обострилась во время выборов членов редакции

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XII. С. 426-427.

185

«Искры» и ЦК РСДРП. Еще до съезда Ленин предложил оставить в редакционной коллегии лишь трех самых работоспособных, по его мнению, редакторов — Плеханова, Мартова и себя. Плеханов поддержал этот план, хотя и рисковал оказаться в проигрыше перед лицом очень дружного прежде тандема Ленин — Мартов. Не возражали как будто против редакционной «тройки» и Мартов с Потресовым. Однако на самом съезде Мартов неожиданно заявил, что он ничего не знал о планах Ленина ¹ и что отсечение от руководства «Искрой» Аксельрода, Засулич и Потресова совершенно неприемлемо по этическим соображениям и легло бы неизгладимым пятном на его, Мартова, политическую репутацию.

После нервного и шумного обсуждения вопроса состоялось голосование. Предложение Троцкого оставить в редакции «Искры» всех прежних редакторов не прошло. В итоге баллотировались Плеханов (за него было подано 23 голоса), Мартов (22), Ленин (20) и Кольцов (3). После того, как Мартов категорически отказался войти в новый состав редакции, в ней остались фактически лишь Плеханов и Ленин, которым съезд предоставил право кооптировать позже третьего члена редакционной коллегии.

В ЦК были избраны сторонники Ленина — Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник и В. А. Носков. Поскольку новый устав РСДРП предусматривал также создание Совета партии — высшего партийного учреждения, действующего в период между съездами, прошли выборы одного из его членов (четыре других должны были делегироваться ЦК и редакцией «Искры»). Выбор пал на Плеханова: он получил 20 из 24 голосов и стал затем председателем Совета. Многие сторонники Мартова при этом от голосования воздержались.

В соответствии с итогами выборов центральных руководящих органов партии определилось деление делегатов на «большинство» (сторонники Ленина и Плеханова) и «меньшинство» (сторонники Мартова), которых позже стали называть большевиками и меньшевиками. Группа «Освобождение труда» прекратила свое существование.

По словам Троцкого, Ленин на II съезде РСДРП «завоевал Плеханова, но ненадежно; одновременно он потерял Мартова, и навсегда» ². Мы не знаем, что думал при этом Плеханов, но события на съезде, видимо, заставили его взглянуть на Ленина новыми глазами. Характерно, что он сказал тогда о нем Аксельроду: «Из такого теста делаются

Робеспьеры» ³.

186

Из Лондона Ленин и Плеханов уезжали как боевые товарищи, настроенные на продолжение совместной работы. И взятый ими курс на единство действий приобретал тем большее значение, что в жизни молодой российской социал-демократии опять наступал очень трудный и крайне болезненный этап идейных шатаний и раздоров.

Надо сказать, что Ленин и Плеханов сразу же после окончания работы II съезда РСДРП предприняли несколько шагов, направленных на примирение с меньшевиками. Так, они поддержали предложение члена ЦК В. А. Носкова кооптировать в редакцию «Искры» всех четырех ее старых членов при условии, что из двух представителей «Искры» в Совете партии один обязательно будет большевиком. Однако мартовцы на это не пошли. В дальнейшем Ленин и Плеханов не раз вели переговоры о сотрудничестве с Мартовым, Засулич, Аксельродом, Потресовым, предлагали им изложить свои взгляды на возникшие разногласия на страницах «Искры», но каждый раз получали отказ.

По возвращении в Женеву началась, по образному выражению Н. К. Крупской, «тяжелая канитель». Хлынула эмигрантская публика из других заграничных колоний, буквально замучив Ленина и Плеханова бесконечными расспросами: «Что случилось на съезде? Из-за чего был спор? Почему раскололись?» Потянулись в Швейцарию и посланцы партийных комитетов из России. При этом среди эмигрантов явно преобладали сторонники меньшевистской фракции.

Недавние товарищи собирались теперь уже отдельно друг от друга. Так, «большинство» устраивало свои совещания в женевском кафе Ландольта, где встречались В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, В. В. Боровский, М. М. Литвинов, С. И. Гусев, П. А. Красиков, Н. Э. Бауман и др. Характерно, что самую непримиримую и воинственную позицию на этих сходках занимал Плеханов, говоривший Ленину, что он на 85 — 90% солидарен с ним ¹.

В первые недели после съезда Плеханов был абсолютно убежден в том, что они с Лениным просто не могли действовать иначе, а меньшевики ведут себя совершенно возмутительно. По словам Плеханова, ему и в голову не приходило, что получившие отставку редакторы «Искры», в том числе и его старые друзья Аксельрод и Засулич, могут обидеться (ведь Аксельрод много раз сам хотел уйти из редакции, ссылаясь на состояние здоровья и низкую работоспособность, а о Засулич Георгий Валентинович как будто «забыл»). Если бы можно было предвидеть, к каким печальным результатам приведет этот редакционный переворот, говорил Плеханов, то они с Лениным уж как-нибудь

¹ В этом сомневалась даже сестра Мартова, Л. О. Цедербаум. См.: The Making of three Russian Revolutionaries: Voices from the Menschevik Past. P. 112.

² Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 165.

³ Там же.

187

товарищами, хотя те и грешили склонностью к «расплывчатости» ¹. Но все случилось так неожиданно...

Характеризуя отношения Плеханова и Ленина в тот период, близкая к семье Плехановых Л. И. Аксельрод писала: «Ленин и Георгий Валентинович оба очень упорные и очень воинственные люди. Неправда, что, как думает оппозиция (меньшевики. — $C.\ T.$), Георгий Валентинович подчинился Ленину. Нет, в таких случаях эти два человека всегда будут солидарны, и между ними и теперь существует искреннее и сознательное согласие» $^2.$

Следующим крупным этапом внутрипартийной борьбы стал II съезд Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, объединявшей всех эмигрантов — членов РСДРП. Меньшевики решили использовать его для атаки на большевиков и превращения Лиги в опорный пункт меньшевизма. Съезд проходил 26 — 31 октября (н. ст.) 1903 г. в Женеве. Преобладали на нем меньшевики, что во многом предопределило ход прений. На Ленина, а заодно и на Плеханова обрушился поток самой настоящей брани и оскорблений. В ход пошли «устные мемуары», намеки, сплетни. Мартов, например, явно бил по самолюбию Плеханова, рассказав о том, как в частной беседе Ленин предлагал ему заключить союз против руководителя группы «Освобождение труда», говоря: «Разве ты не видишь, что, если мы будем вместе, мы будем держать Плеханова в меньшистве и он ничего не сделает?» ³

Плеханов на съезде Лиги поддерживал Ленина до конца, резко возражал Мартову, Троцкому, Дейчу, протестовал против обвинения большевиков в «бюрократизме», «помпадурстве» и т. п. Такой склоки и ругани, как на съезде Заграничной лиги, у российских социал-демократов, пожалуй, еще не было: яростные выкрики меньшевиков, искаженные злобой лица, топанье ногами, бешеный стук пюпитрами... Дело дошло до того, что оскорбленный Мартовым Плеханов предложил ему драться на дуэли, но не опускаться до уровня «охотнорядских молодцов» ⁴. Кончилось же все тем, что после отказа меньшевиков представить устав Лиги (а он давал ей право самостоятельно издавать литературу и отправлять ее в Россию) на утверждение ЦК Ф. В. Ленгник от имени этого последнего объявил съезд незаконным, а большевики и Плеханов покинули зал заседаний.

Вечером 31 октября состоялось неофициальное совещание большевиков — участников съезда Лиги. Плеханов пришел мрачным,

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-4 (письма Л. И. Аксельрод к сестре, И. И. Аксельрод).

² РЦХИДНИ. Ф. 257. Оп. 1. Д. 3. Л. 72.

188

нервным, расстроенным и заявил: «Надо мириться!» Это было полной неожиданностью для всех собравшихся. Между тем Георгий Валентинович взволнованно продолжал говорить о том, что не может стрелять по своим, что иногда, ради мира в семье, нужно уступать «капризным женам», что порой на уступки идет даже самодержавие («Тогда и говорят, что оно колеблется», — моментально подала реплику одна из присутствовавших на собрании большевичек) ¹. Трудно сказать, что стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Плеханова, который до этого стойко защищал Ленина. Возможно, здесь сыграли свою роль упоминавшиеся выше «откровения» Мартова на съезде Лиги, возможно, Плеханова действительно ужаснула перспектива раскола с его склоками, руганью, взаимными оскорблениями и подсиживаниями. Кто знает...

В глубине души Плеханов не мог не чувствовать, что аргументы Ленина в пользу сокращения численного состава редколлегии «Искры» достаточно уязвимы. Ведь именно болезненному и тяжелому на литературный подъем П. Б. Аксельроду «Искра», быть может, была обязана своим появлением на свет и дальнейшим существованием, поскольку он не раз мирил Плеханова с Лениным и Ленина с Плехановым, когда они, казалось, уже стояли на пороге окончательного разрыва. Вдобавок Аксельрод делал в редакции уйму не всегда заметной, но очень важной подготовительной и организационной работы, которая компенсировала его недостаточную авторскую активность. Кроме того, как мог забыть Плеханов ту материальную и нравственную поддержку, которую Павел Борисович оказывал ему в самые трудные, порой трагические моменты его жизни?

То же самое можно сказать и о В. И. Засулич, которой Плеханов был обязан, может быть, своей жизнью. Да и работа Веры Ивановны вместе с Лениным и Мартовым в Мюнхене и Лондоне принесла общему «искровскому» делу и всей партии огромную пользу. Наконец, и Потресов тоже имел право на поддержку со стороны Плеханова, которому он помог издать знаменитый «Монистический взгляд на историю». Напомним в этой связи об одном письме Георгия Валентиновича своему молодому товарищу по партии, где он называл себя «преданным другом» Потресова и заверял последнего, что никогда его не забудет ².

Так или иначе, «сдавать» этих людей Ленину без боя Плеханов морального права не имел. Но законы политической игры, в которую он активно включался летом и осенью 1903 г., продиктовали

 $^{^3}$ Протоколы 2-го очередного съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. Женева, 1904. С. 63 - 64.

⁴ См.: Бонч-Бруевич В. Д. Соч. М., 1961. Т. 2. С. 298-299.

¹ См.: Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957. С. 81.

² См.: Социал-демократическое движение в России. Материалы. Т. 1. М. -Л., 1928. С. 48-49.

ему совсем иное решение, уже известное читателю. Однако не исключено, что чувство раскаяния, пусть запоздалого, было все же не чуждо «отцу» русского марксизма, хотя его последующий разрыв с А. Н. Потресовым и П. Б. Аксельродом в 1908 — 1909 гг. наводит на мысль, что Плеханов был явно не сентиментальным человеком (в этом плане Ленин во многом напоминал Георгия Валентиновича, хотя к Мартову, например, он даже после прекращения всяких личных отношений сохранял какое-то особое отношение, чего нельзя сказать о Плеханове).

31 октября 1903 г. Плеханов по существу предъявил ультиматум: либо Ленин дает согласие на восстановление редакции «Искры» в прежнем, досъездовском составе, либо он, Плеханов, уходит в отставку со всех партийных постов. На следующий день Ленин в присутствии члена ЦК Ф. В. Ленгника безуспешно попытался уговорить его отказаться от своего намерения, а затем передал ему записку, в которой говорилось: «Я, право же, вполне и вполне понимаю Ваши мотивы в пользу уступки мартовцам. Но я глубочайше убежден, что уступка в настоящий момент — самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче гораздо вернее, чем война с мартовцами. Это не парадокс... Ради единства, ради прочности партии — не берите Вы на себя этой ответственности, не уходите и не отдавайте всего мартовцам» ¹. Однако Плеханов был неумолим, и вечером того же дня Ленин написал заявление о выходе из редакции «Искры». Тем самым он предоставлял Плеханову возможность беспрепятственно осуществлять свои миротворческие акции, желательность которых Ленин в принципе не отрицал. Кроме того, подобная тактика позволяла ему избежать малоприятной ситуации, когда он оказывался в положении той самой «брошенной жены», за спиной которой вкривь и вкось судачат о том, что она сама виновата в развале семьи. (Именно так, кстати говоря, истолковал этот жест Ленина Плеханов. По его словам, если бы он сам ушел из редакции, то каждый мог бы сказать: очевидно, Ленин неправ, если с ним разошелся даже Плеханов. Правда, сам Ленин такую версию отрицал, но не исключено, что Плеханов в данном случае был близок к истине).

Заметим, что Ленин отнюдь не рассматривал свою отставку как уступку меньшевикам, ссылаясь на пример известного английского политического деятеля Чемберлена, который вышел из состава правительства, чтобы упрочить свои позиции ². И действительно, в двадцатых числах ноября Ленин был кооптирован в состав ЦК и с удвоенной энергией продолжил там борьбу против меньшевиков.

190

Первые недели ноября ушли на переговоры, в ходе которых меньшевики выдвинули ряд дополнительных условий примирения, потребовав кооптировать их представителей

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 313-314.

² Плеханов Г. В. Соч. Т.. XIII. С. 43-44.

в ЦК, дать им два места в Совете партии и признать законность съезда Заграничной лиги. В конце концов 18 ноября 1903 г. Ленин прислал Плеханову заявление о своем выходе из редакции «Искры» с просьбой опубликовать его в газете. Это был окончательный разрыв, развязавший руки Плеханову. Он кооптировал всех старых редакторов «Искры», и 20 ноября вышел ее очередной, 52-й номер уже без участия Ленина, хотя сообщения о его отставке в газете еще не было.

Центральное место в номере занимала статья Плеханова «Чего не делать?», в которой он попытался как-то объяснить свою позицию. Уже само название статьи звучало как вызов Ленину — автору известной книги «Что делать?» Плеханов писал, что в руководящем партийном центре нужны люди, отличающиеся не только смелостью, решительностью и настойчивостью (этими качествами, по его мнению, Ленин обладал в полной мере), но и огромной осмотрительностью (а вот ее Плеханов у него, очевидно, не находил). Плеханов подчеркивал, что партийные руководители должны быть мудры, как змии, обладать большой гибкостью и диалектическим складом мышления. Он советовал не смешивать твердость характера с упрямством, предостерегал от прямолинейности и односторонности. Выдвигался и довольно оригинальный тезис, согласно которому борьба с ревизионизмом не всегда равнозначна вражде с ревизионистами. При этом Плеханов давал понять, что видит в бывших «экономистах», а ныне меньшевиках, людей, которые уже становятся товарищами марксистов-ортодоксов. Что касается партийной дисциплины, то, признавая ее огромное значение, особенно в условиях подполья, Плеханов тем не менее решительно возражал против смешения ее с дисциплиной казарменной и предостерегал от «несвоевременной требовательности». Мы обязаны избегать новых расколов, подчеркивал он, ибо в противном случае рабочие перестанут нас понимать и мы окажемся в печальном и одновременно смешном положении штаба без армии, деморализованного вдобавок внутренней борьбой. К счастью, заключал Плеханов, в наших рядах царит ныне такое единомыслие (?), что новый раскол не имел бы никакого серьезного оправдания 1.

Ленин воспринял поворот Плеханова к союзу с меньшевиками как предательский удар в спину. Характеризуя позже зигзаги политической линии Плеханова, он писал о его позиции: «1) 1903, август — большевик; 2) 1903, ноябрь (№ 52 «Искры») — за мир с

— Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 3-10.

191

И хотя «большевизм» Плеханова в августе — октябре 1903 гг. был весьма относительным и его последующий переход на сторону меньшевиков тоже сопровождался рядом оговорок, тем не менее внешняя картина политической эволюции Плеханова в этот

[«]оппортунистами» — меньшевиками; 3) 1903, декабрь — меньшевик и ярый» ¹.

критический для РСДРП период нарисована здесь Лениным верно.

Со своей стороны, меньшевистские руководители не скрывали радости по поводу перехода Плеханова на их сторону. «Плеханов пришел к нам с «белым флагом», — писал Мартов Аксельроду 4 ноября 1903 г. При этом Плеханов заявил, что решил пойти на уступки, лишь бы избежать открытого раскола, и предложил меньшевикам вести вместе с ним в «Искре» войну против ЦК 2 .

В 53-м номере «Искры» (декабрь 1903 г.) было, наконец, помещено объявление о выходе Ленина из редакции газеты и его небольшое открытое письмо по поводу статьи Плеханова «Чего не делать?» Ленин писал, что статья ему понравилась и партии действительно нужно как можно больше гласности во всем, что связано с расколом на ІІ съезде РСДРП и в последующий период. По мнению Ленина, партия должна знать о деятельности каждого кандидата на роль своего руководителя, чтобы правильно распределить между ними роли: одному вручить сентиментальную скрипку, другому — свирепый контрабас, а третьему — дирижерскую палочку ³.

Реакция Плеханова на эту юмористическую, но весьма многозначительную ленинскую фразу была мгновенной: в том же номере «Искры» появился его ответ, где оспоривался буквально каждый тезис Ленина. Стоило лидеру большевиков заговорить о гласности в партийных делах, как Плеханов тут же язвительно замечал, что «свет свету рознь», прозрачно намекая, что вряд ли стоит «вглядываться в мелочи и дрязги кружковой жизни». В противном случае прекрасный девиз Гете «Света, больше света!» мог бы привести, по его мнению, лишь к «затмению». Апелляция Ленина к пролетариату как к высшему судье во всем, что касается партийного раскола, вызвала в ответ реплику Плеханова о самом худшем из всех видов псевдодемократизма. Фразу Ленина о том, что партия должна видеть каждое поражение того или иного своего руководителя, он воспринял как камешек в свой огород, предложив заняться этим лет через тридцать в какой-нибудь «Русской старине».

Но особенно задела Плеханова пресловутая «дирижерская палочка». Он явно заподозрил Ленина в претензиях на обладание всей полнотой партийной власти и заявил, что сама постановка

этого вопроса, как свидетельствует, например, опыт немецкого рабочего движения времен Лассаля, характерна лишь для периода сектантской кружковщины и утрачивает значение по мере роста классового самосознания пролетариата. Кроме того, небольшому оркестру — а насчитывавшую в лучшем случае несколько тысяч членов РСДРП в то

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 222.

 $^{^2}$ Письма Ю. О. Мартова и П. Б. Аксельрода. Берлин, 1924. С. 96 — 97.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 93-97.

время можно было сравнить именно с ним — вообще вряд ли нужен особый «дирижер». Так или иначе, писал Плеханов, «мы обязаны принять все меры к тому, чтобы вопрос о том, кому махать этой палочкой, не делал нас упрямыми, прямолинейными, близорукими, узкими, подозрительными, неуживчивыми...», намекая тем самым, что Ленин и другие большевики грешат именно по этой части. Заканчивал же Плеханов свой «Ответ на письмо тов. Ленина» новым призывом к единству партии, объявляя его не только возможным, но и совершенно обязательным 1.

Нельзя не сказать, что реакция на эти статьи Плеханова в партийных кругах была в целом отрицательной, поскольку «тушинские перелеты» никогда не были в почете у русской интеллигенции.

Так, в ноябре 1903 г. Дан писал Аксельроду: «...Репутация его (Плеханова. — C.~T.) в глазах именно наиболее порядочных из числа бывших сторонников его весьма подорвана...» 2

Знаменательно, что Плеханов не любил объяснять причины, побудившие его столь резко порвать с Лениным. Жена Г. Е. Зиновьева, Злата Лилина вспоминала, как после II съезда РСДРП жившие в Берне русские социал-демократы попросили Плеханова прочитать доклад о положении дел в партии. Один из членов большевистской группы прямо спросил Георгия Валентиновича: «Не можете ли объяснить нам, чем руководствовались вы, когда на съезде пошли с большевиками, а после съезда перешли к меньшевикам?» Плеханов вспылил, но по существу вопроса ничего не ответил ³.

А в январе 1904 г. он выступил в «Искре» со статьей «Грустное недоразумение», навеянной критическими отзывами читателей газеты на статью «Чего не делать?» Плеханов не счел нужным оправдываться, фактически лишь повторив то, что уже писал в наделавшей столько шума статье «Нечто об «экономизме» и об «экономистах» (мысли вслух по поводу Второго съезда РСДРП)» ⁴. Он вновь и вновь предостерегал от излишней подозрительности к инакомыслию в рамках марксизма, от искушения судить обо всем происходящем на основании двух — трех формул, якобы заключающих в себе всю квинтэссенцию «ортодоксии», от примитивных метафизических рассуждений по схеме:

да—да, нет—нет, а что сверх того, то от

193

лукавого. Плеханов призывал встать выше формального подчинения букве партийного устава и придерживаться не юридической, а более широкой, политической точки зрения. Примером такого широкого, непредвзятого подхода к проблемам внутрипартийной жизни он считал и изменение собственной позиции в конце 1903 г.

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 11-13.

² Дан Ф. И. Письма (1899-1946). Амстердам, 1985. С. 68.

³ См.: Ленин: человек, мыслитель, революционер. М., 1990. С. 114.

⁴См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 14-22.

«Я принадлежал на съезде к большинству, которое... и произвело выборы в партийные центры, — писал он. — Но большинство это было совершенно незначительное большинство. До того незначительное, что когда на одном из последних заседаний один из наших перешел к меньшинству, то съезд оказался разделенным на две равные части... — Выходило, что люди, выбранные одной половиной, должны были руководить всеми. Я тогда же почувствовал, что это было ненормально. Но я еще не знал тогда, к каким практическим неудобствам поведет такая ненормальность. Впоследствии я увидел, что неудобства эти страшно велики, и постарался устранить их, насколько это от меня зависело. Я сделал известную товарищам кооптацию». Больше того, Плеханов был убежден, что аналогичную операцию нужно проделать и с ЦК партии, ибо в противном случае, оставаясь чисто большевистским, он останется, так сказать, «эксцентричным», тогда как ему нужно сделаться действительно Центральным ¹. Таким образом, Плеханов и дальше предлагал уступать меньшевикам.

Между тем положение в партии становилось все более напряженным. Мартов выпустил брошюру «Борьба с «осадным положением» в РСДРП», наполненную самыми яростными обвинениями против Ленина и его единомышленников. Еще резче критиковал Ленина Троцкий. Фракционная борьба шла теперь полным ходом и в России.

Тем временем на Дальнем Востоке началась русско-японская война. В ночь на 8 февраля (н. ст.) японская эскадра напала на русские военные корабли, стоявшие на рейде Порт-Артура, серьезно повредив два броненосца и один крейсер. Россия была в этом конфликте тоже далеко не безгрешна, ибо при царском дворе с одобрения Николая II давно действовала довольно влиятельная группировка, выступавшая за войну с Японией. Рост революционного движения в стране подталкивал правящие «верхи» к мысли о том, что «маленькая победоносная война», как выражался министр внутренних дел В. К. Плеве, поможет предотвратить революцию. Однако неудачи сначала на море, а потом и на суше стали преследовать Россию с самого начала кампании. К ней оказались не подготовленными

ни армия, ни флот. Первая волна патриотизма быстро уступила место разочарованию, апатии, а у части общества, включая либералов, — и откровенно «пораженческим» настроениям.

Свое отношение к начавшейся войне Плеханов выразил в статье «Строгость необходима», опубликованной в первомайском номере «Искры» за 1904 г. Обдумывая ее на-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 54-55. Выступая 2 сентября 1904 г. на собрании членов РСДРП в Женеве и развивая эту мысль, Плеханов говорил: «Продолжать политику так называемого «большинства» значило организовать в партии гражданскую войну, упорную и крайне вредную для нашего дела, борьбу между почти равными силами» (там же. С. 376).

звание, Плеханов использовал слова известного издателя газеты «Новое время» А. С. Суворина, который в связи с поражениями русской армии и флота на Дальнем Востоке призвал своих читателей быть строгими к самим себе, чтобы «не повторить наших ошибок, заблуждений... и пороков, чтобы не жить так, как мы жили». Отвечая Суворину, Плеханов согласился с ним в том, что так, как жила Россия раньше, ей больше жить нельзя и что строгость действительно необходима, но прежде всего по отношению к царизму, бросившему страну в костер бессмысленной войны.

Он подчеркнул, что у русских революционеров не может быть ни продолжительного мира, ни короткого перемирия с царским правительством. Ход рассуждений Плеханова при этом выглядел так. В войне столкнулись русский и японский империализм, и ведут ее не народы, а правительства России и Японии. С точки зрения международной социал-демократии, победа как той, так и другой стороны будет куплена ценою огромных жертв, приведет к усилению милитаризма и шовинизма и потому может рассматриваться как зло. Но если из двух зол нужно выбирать меньшее, то этим меньшим злом является поражение царизма, ибо он служит оплотом международной реакции, давит Польшу, травит «жидов», нарушает конституцию Финляндии и представляет собой величайшую угрозу мировому освободительному движению.

Нужно как можно скорее покончить с царским правительством, позорящим Россию в глазах всего цивилизованного мира, продолжал Плеханов. Нет и не может быть таких исключительных обстоятельств, которые позволили бы тем, кому дороги честь и интересы России, идти хотя бы несколько шагов рядом с царизмом. И во время войны интересы народа самым коренным образом расходятся с интересами правительства, а те огромные бедствия, которые она несет народным массам, являются лишь новым доказательством того, что России нужно как можно скорее освободиться от гнета самодержавия. Справившись с внутренним врагом — царизмом и став, наконец, свободным народом, мы уже сравнительно легко уладим свои дела со всеми внешними врагами, заканчивал статью Плеханов 1.

Несколько очень интересных мыслей, раскрывающих подход Плеханова к проблеме патриотизма, можно найти в черновых набросках к статье «Строгость необходима». «Нам говорят — вы

195

враги России, — писал он. — На это мы ответим: мы стоим на точке зрения международного социализма, но это нисколько не мешает нам всем сердцем любить Россию. Нам глубоко жаль тех матросов и солдат, кровь которых льется на Дальнем Востоке, а осиротелые семьи мыкают горе на родине по прихоти шайки бандитов, управляющих

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 94-100.

Россией. Мы сочувствуем работникам, одетым в военные мундиры, так же горячо, как и всему трудящемуся населению этой страны. Но мы знаем, что у этого населения нет более злого и опасного врага, чем царское правительство, и что за победоносный исход войны, затеянной этим правительством, тяжелее всего поплатилось бы это население. Поэтому мы прямо и смело говорим, что не могли бы радоваться такому исходу. Из этого, однако, не следует, что мы могли бы или хотели бы помогать японцам» ¹.

Таким образом, Плеханов выступил в период русско-японской войны не просто как революционер-пацифист, провозглашающий лозунг мира в сочетании с призывом к свержению самодержавия (именно так поступали Мартов и другие члены редакции «Искры»), а как политик, который видит в военных неудачах царизма средство приблизить начало революции. И в этом он явно сближался с большевиками, которые тоже выступали в 1904 — 1905 гг. за поражение царизма в войне как пролог революции. Однако Плеханов проявлял в данном вопросе очень большую щепетильность. Примером этого может служить его отношение к участию в Парижской конференции революционных и либерально-оппозиционных партий и организаций России, состоявшейся осенью 1904 г. Инициатором ее созыва был видный финский общественный деятель Конни Зиллиакус, связанный, как выяснилось позже, с японским военным атташе в Петербурге полковником Акаши и получавшим от него довольно крупные суммы денег на работу по «разложению» царской империи изнутри. Сначала ничего не подозревавший Плеханов как председатель Совета РСДРП переписывался с Зиллиакусом и даже несколько раз лично встречался с ним на предмет участия российских социал-демократов в Парижской конференции. Однако к началу сентября в Швейцарии была получена информация о том, что предполагаемые партнеры по переговорам — польские социалисты-пепеэсовцы во главе с Ю. Пилсудским и Финляндская партия активного сопротивления во главе с Зиллиакусом связаны с японцами. После этого Совет РСДРП срочно пересмотрел свое прежнее решение, и 15 сентября 1904 г. Плеханов сообщил Зиллиакусу об отказе участвовать в конференции, намекнув, что некоторые из ее будущих участников не чужды определен-

 $^{^{-1}}$ См.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. II. С. 34.

ного политического авантюризма «в вопросе, касающемся победы японского буржуазного правительства» 1 .

В ряде статей, посвященных анализу ситуации на Дальнем Востоке, Плеханов, используя материалы отечественной и иностранной печати, показал закономерность военных поражений России, порожденных глубоким кризисом самодержавного строя. Просчеты русской дипломатии, авантюризм придворной камарильи, бездарность генералов,

коррупция, плохое снабжение армии — все это соединилось вместе, чтобы продемонстрировать миру гнилость существующей в России политической системы и страшную отсталость ее общественно-экономического строя, которые уже невозможно было компенсировать храбростью, выносливостью и послушанием русского солдата. Кстати говоря, обо всем этом Плеханов знал не только из газет. Летом 1904 г. на курорте Беатенберг он познакомился с командиром ставшего легендарным крейсера «Варяг» Всеволодом Рудневым, который приехал лечиться в Швейцарию после ранения и контузии. Не раз они гуляли вместе вдоль берега Тунского озера, беседуя о войне и положении дел в России. Это была очень колоритная пара: обласканный царем новоиспеченный флигельадьютант и злейший враг самодержавной системы. Однако взаимная симпатия победила, и беседы, которые они вели на отдыхе, оказались приятными и полезными обоим.

Несколько позже, летом 1905 г., когда русско-японская война уже шла к концу, Плеханов откликнулся на просьбу редакции французского журнала «La vie socialiste» высказать свое мнение по вопросу об отношении социалистов к проблеме патриотизма. Его статья так и называлась «Патриотизм и социализм». Как марксист-ортодокс Плеханов защищал еще здесь даже весьма двусмысленный и сомнительный тезис Маркса и Энгельса о том, что рабочие не имеют отечества. Однако он делал акцент на том, что интернационалистская позиция социал-демократов вовсе не тождественна равнодушию к национальной культуре, языку, традициям и обычаям, наконец к родной земле как естественной среде обитания каждого народа. И при коммунизме, продолжал Плеханов, ссылаясь при этом на известного французского социалиста Жана Жореса, национальные различия останутся естественными гранями «великого коммунистического человечества завтрашнего дня», когда идея «Отечества» отступит перед несравненно более широкой идеей Человечества.

Сознательный пролетарий каждой данной страны, продолжал Плеханов, чувствует себя несравненно ближе к пролетарию другой

 $^{^1}$ См.: Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905 — 1907 гг. М., 1984. С. 235-237; Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 43-46.

страны, чем к своему соотечественнику-капиталисту. «А так как по условиям современного мирового хозяйства социалистическая революция... должна быть международной, то в умах сознательных рабочих идея отечества, — объединяющего в одно солидарное и полное «исключительности» целое все классы общества, — по необходимости должна уступить место бесконечно более широкой идее солидарности революционного человечества, т. е. «пролетариев всех стран». И чем шире делается могучая река современного рабочего движения, тем дальше отступает психология патриотизма перед психологией интернационализма» ¹.

Конечно, Плеханов как правоверный марксист рисовал здесь крайне идеализированную картину. Пройдет десять лет, и он сам поймет, что интернационалистские тенденции общественного развития и интернациональные чувства пролетариата еще совсем не так сильны, как представлялось ему раньше, ибо динамика процесса интернационализации и реальный ход сближения наций были много сложнее и противоречивее любых книжных схем. Вместе с тем Плеханов совершенно справедливо подчеркивал, что интернационализм «вполне совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны», т. е. с патриотизмом, но это отнюдь не означает, что в вопросах войны и мира, международной торговли и колониальной политики социалисты всегда и во всем должны поддерживать правительство собственной страны, поскольку интересы прогресса и революции (а для Плеханова они были неотделимы друг от друга) — превыше всего ².

А тем временем в российской социал-демократии продолжал раскручиваться маховик межфракционной и внутрифракционной борьбы, причем центристская позиция Плеханова, хотя и с явным креном в сторону поддержки меньшевизма, вызывала неудовлетворенность и раздражение обеих враждующих сторон. Большевики видели в нем перебежчика, бросившего их в самый драматический момент раскола, а меньшевики, и прежде всего их лидеры, не могли забыть о позиции Плеханова на ІІ съезде РСДРП и подчеркнутой независимости некоторых его последующих суждений. Не налаживались и личные отношения Плеханова с Мартовым, Аксельродом, Даном и особенно с Троцким.

Одно из первых столкновений в редакции меньшевистской «Искры» произошло уже в декабре 1903 г., когда Плеханов попытался доказать, что не стоит печатать протоколы II съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии и ту часть протоколов II съезда РСДРП, которая фиксировала споры, разгоревшиеся при выборах центральных учреждений партии. По его

198

мнению, широкая гласность в подобных вопросах могла повредить престижу партийных лидеров и партии в целом и вызвать неблагоприятную реакцию у рядовых социалдемократов. Такая позиция свидетельствовала о том, что внутрипартийную демократию Плеханов понимал довольно своеобразно, но остальные члены редакции «Искры» настояли на необходимости полной публикации партийных документов.

Весной 1904 г. отношения Плеханова с меньшевиками еще больше обострились. На этот раз причиной конфликта послужила публикация в марте статьи Троцкого «Военная кампания "Искры"» где он упрекал ЦК РСДРП и ряд большевистских партийных коми-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 269.

² Там же. С. 269-270.

тетов в России в том, что они в своих листовках взяли слишком «антибуржуазный» тон, тогда как в действительности русская буржуазия не имела к дальневосточной авантюре царизма никакого отношения и была настроена против войны. Плеханов не разделял подобных взглядов и использовал факт публикации статьи Троцкого без его ведома как повод для крупного разговора с Мартовым и другими меньшевистскими лидерами. Он заявил, что не может работать в коллегии, систематически пропускающей статьи Троцкого, который «понижает своими писаниями литературный уровень «Искры». При этом вопрос ставился Плехановым ультимативно: либо Троцкий перестанет сотрудничать в газете, либо он сам уйдет из редакции, поскольку для него «морально невозможно работать при сотрудничестве Троцкого» ¹.

Сам по себе вопрос об отношении различных слоев российской буржуазии к войне с Японией и о том, в какой мере царизм учитывал ее интересы при выработке своего внешнеполитического курса, достаточно сложен и требует гораздо более гибкого и дифференцированного подхода, чем тот, который продемонстрировали Троцкий и Плеханов. Первый склонен был, по-видимому, отождествлять буржуазию с теми либералами, которые подобно П. Б. Струве стояли на грани «пораженчества», что было явным преувеличением, а второй слишком прямолинейно представлял себе взаимоотношения «базиса» и «надстройки», приписывая самодержавному государству роль чуть ли не слуги российского и международного капитала, что также сильно упрощало ситуацию.

Но на первый план при этом выходил все же чисто личный момент. Дело в том, что Плеханова уже давно раздражала сама манера поведения Троцкого, его цветистый литературный стиль,

излишняя самоуверенность и нескромность. Любовь Аксельрод писала об одном из заседаний редакции и сотрудников «Искры»:

«На последнем собрании сотрудников мне ужасно не понравился Троцкий. Он нахален до неприличия, очень легкомысленный и очень уж большой Streber (карьерист. — нем.). К тому же он крайне банален, чем в значительной степени и обусловливаются его моментальные успехи. На все статьи он предлагает свои услуги, лезет и несносен. Понимаю вполне, почему его так невзлюбил Георгий Валентинович» ¹.

Для понимания внутриискровских конфликтов большой интерес представляет еще одно письмо той же Любови Аксельрод к сестре Иде, датированое апрелем 1904 г. Она сообщает, что Плеханов подал в отставку, ибо страшно недоволен хозяйничаньем в

¹ Письма Ю. О. Мартова и П. Б. Аксельрода. С. 102. В очень интересных неизданных воспоминаниях «Телега жизни» М. А. Сильвин, кооптированный в 1904 г. в ЦК РСДРП, писал, что Плеханов совершенно не выносил Троцкого. «Писатель!! Скажите лучше — писец!» — говорил он о нем (РЦХИДНИ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1. Л. 141).

«Искре» меньшевиков. Со слов Плеханова, Л. И. Аксельрод сообщает, что в газете появлялось много бестактных статей, которые ему даже не показывали. Особенно не нравились Плеханову статьи Троцкого. Недоволен он был и тем, что в редакции недоброжелательно относились к самой Л. И. Аксельрод, которую Плеханов считал своей ученицей. Слышала Л. И. Аксельрод от Плеханова и жалобы на В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода, якобы систематически «изменявших» ему после приезда за границу Ленина и Мартова. В итоге у Плеханова постепенно созрело решение отойти от редакционных дел и заняться исключительно разработкой теоретических вопросов. «Стала невыносима ему эта вечная драка то с одним, то с другим, — писала Л. И. Аксельрод. — Это, конечно, чрезвычайно печально для партии, но для него действительно выхода нет... Казалось бы, что они (меньшевики. — $C.\ T.$) должны были держаться Георгия Валентиновича, а они вместо этого старались всеми силами столкнуть его» 2 .

Надо сказать, что меньшевики хладнокровно и со знанием дела просчитали все возможные варианты разрешения редакционного конфликта. Допустим, рассуждали они, требования Плеханова будут выполнены, но без Троцкого «Искра», несомненно, потускнеет, а Георгий Валентинович, войдя во вкус, станет предъявлять все новые и новые претензии, пока не превратит редакцию в послушную исполнительницу своей воли. Если же уйдет Плеханов, то общественный резонанс от такого шага будет явно не в пользу меньшевиков, и, учитывая его высокий авторитет в РСДРП и во ІІ Интернационале, можно ожидать возникновения весьма невыгодной для меньшевистских лидеров ситуации и в России, и за границей. Не исключался и такой вариант, при котором в отставку уходил уже не Плеханов, а все другие редакторы «Искры». Можно было,

200

наконец, передать ведение газеты в руки Ленина, который довел бы ее, как самоуверенно думали меньшевики, до полного банкротства. Один из вариантов предусматривал передачу Плеханову журнала «Заря».

В конце концов возобладало мнение, что разрыв с Плехановым, который помимо работы в редакции «Искры» выполнял еще обязанности председателя Совета партии, переложил бы ответственность за углубление партийного кризиса на меньшевиков. Поэтому при посредничестве П. Б. Аксельрода начались поиски взаимоприемлемого решения, и в итоге Троцкий на время уехал в Германию, а Плеханов, наотрез отказавшись стать единоличным редактором «Искры», остался членом ее редакционной коллегии.

Тем не менее напряженность в отношениях с меньшевиками сохранялась. Дан, например, прямо говорил о Плеханове: «Не свой». В ноябре 1904 г. Плеханов еще раз «взбунтовался», резко выступив против издания параллельно с «Искрой» популярной

¹РЦХИДНИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 17. Л. 21.

² Там же. Л. 13. Л. 11-12.

рабочей газеты «Социал-демократ» с участием Рязанова, Троцкого и других «сомнительных» литераторов. При этом он опять пригрозил выходом из редакции. Наконец, в начале 1905 г. возникли трения из-за планов кооптации в редакцию «Искры» Ф. И. Дана, которого Плеханов тоже недолюбливал.

Формально Плеханов не раз бравировал своим «беспристрастием» в партийных делах, заявив, например, на январской сессии Совета партии в 1904 г., что не принадлежит ни к «большинству», ни к «меньшинству» ¹. Однако в выигрыше от этой позиции Плеханова неизменно оказывались в тот период меньшевики.

Возьмем для примера статью Плеханова «Централизм или бонапартизм?», опубликованную в первомайском номере «Искры» за 1904 г. С «меньшинством», писал он там, у нас нет ни программных, ни тактических разногласий. В самом деле, разве Аксельрод, Засулич, Мартов и Потресов не принимали самого деятельного и плодотворного участия в выработке и защите нашей программы? А каким химическим реактивом можно открыть «ересь» в резолюции Потресова об отношении к либералам, принятой на ІІ съезде чуть ли не всеми большевиками? Предложенная Мартовым формулировка первого параграфа устава действительно хуже ленинской, но все же это частный вопрос по сравнению с тем, из-за чего борются во всем мире ревизионисты с ортодоксами. «На том основании, что я с большим одобрением отнесся бы к исключению из списков социал-демократии господина Бернштейна, отрицающего все основы революционного социализма, вовсе еще не следует, что я должен враждовать с т. Мартовым, предложившим свою формулировку первого параграфа. Господин Бернштейн — неисправимый ревизионист, и

201

мы обязаны до конца бороться с ним в интересах пролетариата; а т. Мартов — непримиримый враг ревизионизма, ортодокс чистейшей воды, и мы обязаны идти с ним рука об руку и плечо с плечом в интересах того же самого класса. По отношению к господину Бернштейну надо быть как можно более неуступчивым, а по отношению к товарищу Мартову надо быть уступчивым как можно более», — писал Плеханов ¹.

Совсем иную характеристику давал он большевикам, упрекая их в том, что они, подобно одному старому попугаю, который и в дождь, и в зной повторял заученную им фразу: «Скверная погода!», тоже все время кричат по адресу меньшевиков: «Оппортунизм, оппортунизм!» Ссылаясь на письмо в «Искру» членов большевистских Уфимского, Среднеуральского и Пермского комитетов РСДРП, где говорилось о праве ЦК «раскассировать» любой партийный комитет и лишить прав любого члена партии, Плеханов нарисовал следующую картину ленинской диктатуры над партией: «Вообразите, что за

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1. Л. 107.

Центральным комитетом всеми нами признано пока еще спорное право «раскассирования». Тогда происходит вот что. Ввиду приближения съезда ЦК всюду «раскассировывает» все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему «Ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас действительно не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха. Щедрин говорит, что, когда Мак-Магонша спросила у этого повелителя «твердых» магометан, издавна пользующегося правом «раскассирования», какая из европейских стран нравится ему больше всех остальных, он, не колеблясь, ответил: «Россия» — и тотчас же кратко пояснил свою мысль: «Јата роlitique, toujours hourra! et puis фюить!» («Никакой политики, всегда «Ура!» и потом — фюить!» — С. Т.). У нас тогда будет как раз это самое: Jamais politique, toujours hourra! et puis... раскассирование... » ²

Полная реализация ленинского организационного плана, как считал Плеханов, привела бы к тому, что в рядах партии «очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов, в ней сидели бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да Центральный Журавль, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой» ³.

Читая эти саркастические плехановские строки, невольно думаешь, что их автор сумел заглянуть далеко вперед, увидев, что станет с большевистской партией после принятия в 1921 г. знаменитой резолюции X съезда РКП(б) о запрещении фракций и особенно после прихода к власти Сталина. По отдельным, как будто вскользь брошенным замечаниям Ленина, разбросанным в его публицистике и выступлениях 1903—1904 гг., меньшевики могли судить об опасных тенденциях, уже тогда таившихся в его плане построения партии. Напомним, что Ленин называл неисправимыми утопистами тех, «кто хочет широкой организации рабочих с выборами, отчетом, всеобщими голосованиями и пр. », осуждал «неуместное и неумеренное применение выборного начала», выступал за оплачиваемый из партийной кассы аппарат социал-демократических функционеров и т. д. ¹ И все же, отдавая должное интуиции Плеханова, Аксельрода, Мартова и Троцкого, следует сказать, что до 1917 г. указанные ими отрицательные черты большевизма находились еще в начальной стадии развития. Здесь сыграли свою роль широкое движение за демократизацию внутрипартийной жизни в 1905—1907 гг. и объединение с меньше-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 85-86.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 92. Плехановым использована здесь басня И. А. Крылова «Лягушки, просящие царя».

виками и национальными социал-демократическими партиями в 1906 г., сопровождавшееся принятием более демократичного устава РСДРП. Наконец, надо учитывать, что в 1908 — 1911 и 1914 — 1916 гг. в силу объективных условий влияние большевистского центра на партийную периферию было вообще невелико. Тем не менее уже в дооктябрьский период достаточно определенно просматривалась тенденция к сосредоточению в руках Ленина и его ближайшего окружения мощных рычагов воздействия на партийный аппарат и рядовых членов большевистской фракции (бесконтрольное распоряжение денежными средствами, устранение с руководящих постов людей, проявлявших нелояльность к вождю, выдвижение партийного «молодняка» по принципу личной преданности лидеру, стремление к монополизации идеологического руководства и т. д.). Не случайно после Первой русской революции из большевистского руководства исчезли А. А. Богданов, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский, позволявшие себе не соглашаться с Лениным. С другой стороны, именно Ленин способствовал продвижению по партийной иерархической лестнице такой сомнительной личности, как Виктор Таратута, не говоря уже об оказавшемся провокатором Романе Малиновском. Общеизвестна также неразборчивость большевистского руководства в средствах пополнения партийной кассы (экспроприации).

Что касается Ленина, то в 1904 г. в своих печатных работах и публичных выступлениях он старался не задевать лично Плехано-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 119-120, 133; т. 7. С. 7.

ва. Его сдержанность объяснялась как чисто тактическими соображениями, так и сохранявшимся у большевистского лидера уважением к своему сопернику¹. Однако это лишь подзадоривало Плеханова. В мае 1904 г. он обратился с открытым письмом к ЦК РСДРП, где преобладали тогда «примиренцы», подбивая их на то, чтобы отнять у Ленина право представлять ЦК за границей (это, кстати говоря, и было сделано в июле 1904 г.). Кроме того, Плеханов позволил себе совершенно недопустимую, особенно для председателя Совета партии, который по долгу службы обязан был иметь дело с обеими фракциями, выходку. На страницах «Искры» он адресовал Ленину следующие строки Некрасова:

Слыл умником и в ус себе не дул,

Поклонники в нем видели мессию,

Попал на министерский стул

И — наглупил на всю Россию! 2

В ответ большевики М. Н. Лядов и Н. В. Валентинов (он выступил под псевдонимом Нилов) направили в редакцию «Искры» два очень резких, граничащих с грубостью письма.

Лядову Плеханов ответил в подчеркнуто издевательской манере: «Что касается собственно Ваших *допросных пунктов*, то я, не служащий дворянин Тамбовской губернии, Георгий Валентинов сын Плеханов, у исповеди и святого причастия давно уже не бывавший, не токмо за страх, но и за совесть отвечаю…» И далее Плеханов заявлял, что в случае необходимости будет объясняться только лично с Лениным, а не с его ходатаем «советником Лядовым» ³.

Что касается второго письма (а к его составлению, если верить Валентинову, был непосредственно причастен и Ленин) 4 , где говорилось, в частности, что один из сводных братьев Плеханова, Григорий служит исправником в г. Моршанске, то Плеханов расценил его как откровенную брань, а редакция «Искры» отказалась печатать подобное «произведение», приравняв его к анонимке 5 .

¹ Н. В. Валентинов, который в 1904 г. был достаточно близок к Ленину, вспоминал, что тот говорил о Плеханове: «Это человек колоссального роста, перед ним приходится съеживаться» (Валентинов Н. В. Встречи с Лениным. С. 196, 251 — 252). Плеханов импонировал Ленину, как никто другой, больше, чем Каутский или Бебель. Все, что он говорил, писал, делал, крайне интересовало Ленина, который весь обращался в слух, когда речь заходила о Плеханове. Ленин безоговорочно поддержал его в философских спорах с Валентиновым.

² См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 108.

³ Там же. Т. XIII. С. 111-112.

⁴См.: Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 268.

⁵ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 114-115.

В обстановке все усиливающейся конфронтации между большевиками и меньшевиками Плеханов счел нужным вновь вернуться и к вопросу о своем отношении к книге Ленина «Что делать?». В большой статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция», увидевшей свет в двух августовских номерах «Искры», он заявил, что заметил в «Что делать?» довольно много теоретических ошибок еще тогда, когда познакомился с рукописью Ленина. Плеханов якобы даже настаивал тогда на переработке ряда мест, где шла речь о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении. Однако члены редакции «Искры» стали говорить Плеханову, что он слишком строг к Ленину, что тот, несмотря на отдельные неудачные выражения, строго придерживается ортодоксального марксизма, а сам Ленин пообещал ему внести в рукопись необходимые исправления (но не сделал этого). Вот почему Плеханов не стал в то время выступать против автора «Что делать?» публично, о чем он позже очень сожалел.

Позиция Ленина в промежуток времени между выходом в свет книги «Что делать?» и II съездом РСДРП давала основание Плеханову надеяться на то, что его «инстинктивный» марксизм быстро превращается в марксизм сознательный и он уже исправил старые ошибки. Именно этим Плеханов и объяснял свое стремление не касаться на съезде старых разногласий. Тем не менее он признал, что зашел в своем «обелении» Ленина слишком далеко. «Иногда я говорил так, как говорят няньки о напроказивших детях, которых они хотят исправить, не прибегая к наказаниям. «Это не Ваня (или, там, не Володя) шалил, это шалила кошка, а Володя (или, там, Ваня) — умный мальчик, он шалить не будет». Этот старый педагогический прием был ошибкой, о которой я теперь очень сожалею... », — писал Плеханов 1.

По его словам, он даже не предполагал, что сторонники Ленина сделают из «Что делать?» столь далеко идущие выводы о совершенно исключительной роли, которую призваны играть в пролетарской партии «профессиональные революционеры», несущие рабочим свет социалистической мысли и заодно безраздельно царящие в партийных комитетах. Однако реальная действительность превзошла все его опасения. «Только после съезда, — писал Плеханов, — наблюдение показало мне, что взгляд Ленина на рабочую массу как на «неисторический элемент истории», как на «Материю», движимую к социализму действующим извне «Духом», что этот ошибочный взгляд в значительной мере определил собою тактические и организационные понятия как самого Ленина, так и многих наших «твердых» практиков. Наконец, только после съезда понял я, как горько я ошибался, приписывая Ленину движение «вперед». На самом деле он и не думал идти в этом направлении. Как нельзя

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 138.

более довольный той популярностью, которую создало ему его отклонение от марксизма, сделавшее его идеи более доступными для наименее подготовленных к пониманию марксизма «практиков», он не только не отложил в сторону палки, искривленной им в полемике с «экономистами», но сел верхом на эту кривую палку и обнаружил самое недвусмысленное намерение ехать на ней — при восторженных кликах всех советников Ивановых нашей партии ¹, — в сторону... *«диктатуры»*. Все это коренным образом изменило в моих глазах положение дел, и я решил бороться и спорить, следуя неоспоримо верному в данном случае правилу: лучше поздно, чем никогда» ².

Что касается существа проблемы, то Плеханов справедливо возражал против утверждения Ленина о том, что теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения. При этом он ссылался на пример Маркса и Энгельса, которые, несомненно, отразили в своем идейном развитии рост рабочего движения в Германии, Франции и Англии, а также на эволюцию взглядов той группы народников (сначала землевольцев, а потом чернопередельцев), к которой принадлежали он сам и П. Б. Аксельрод. «...Мне, игравшему некоторую роль в истории возникновения группы «Освобождение труда», — напоминал Плеханов, — приходилось, когда я еще был народником и принадлежал к организации «Земли и воли», главным образом, «заниматься с рабочими»; я убежден, что именно опыт, приобретенный мною в этих «занятиях», подготовил меня к усвоению марксизма» ³. По мнению Плеханова, Ленин разошелся в «Что делать?» с Марксом, Энгельсом и Каутским, когда утверждал, что сами по себе, без революционной интеллигенции, рабочие не могут пойти дальше тредъюнионистских взглядов. Между тем рабочие испытывают инстинктивное влечение к социализму, вырастающему из самих жизненных условий, в которые поставлен наемный работник. Интеллигенция же ускоряет этот процесс, делает его более осмысленным, но в то же время и сама учится у пролетариата 4.

Вряд ли есть необходимость повторять здесь то, что уже было сказано по данному вопросу выше, когда мы анализировали работу II съезда РСДРП. Напомним лишь, что в 1905 г. Ленин сформулировал свое понимание соотношения стихийности и сознательности в

рабочем движении уже не так, как в книге «Что делать?»: «Рабочий класс, — писал он с учетом опыта революции, — инстинктивно, стихийно социал-демократичен, а более

¹ Советник Иванов — персонаж одного из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, который был так мал ростом, что не мог вместить в себя никакого «пространства». Синоним ограниченного, примитивно мыслящего человека. Этот образ Плеханов неоднократно применял по отношению к большевикам.

² Плеханов Г. В Соч. Т. XIII. С. 139-140.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 132.

²⁰⁶

чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж немало сделала для превращения этой стихийности в сознательность» ¹. И думается, что Плеханов вряд ли стал бы возражать против подобного подхода к вопросу о роли марксистской партии в социалистическом воспитании рабочего класса.

В августе 1904 г. состоялся шестой по счету, Амстердамский конгресс II Интернационала. Первоначально предполагалось, что его делегатами от РСДРП будут все члены Совета партии, включая Ленина. Однако последний решил передать свой мандат большевикам М. Н. Лядову и П. А. Красикову, в задачу которых входило и распространение большевистских «Материалов к выяснению партийного кризиса в РСДРП», составленных при участии Ленина в противовес официальному меньшевистскому докладу о состоянии российского социал-демократического движения и причинах раскола РСДРП (автором его был Ф. И. Дан). В итоге в Амстердам приехали Плеханов, Аксельрод и Дан. Что же касается большевиков Лядова (а его Плеханов имел теперь основания считать своим личным врагом) и Красикова, то Георгий Валентинович был против их включения в состав делегации РСДРП. Однако Международное социалистическое бюро решило вопрос о представительстве на конгрессе в пользу большевиков.

В целом Амстердамский конгресс стал незаурядным событием в истории международного рабочего движения. Поскольку он происходил в разгар русско-японской войны, делегаты решили избрать заместителями председателя конгресса представителей обеих воюющих держав — Плеханова и Сэна Катаяму. Под дружные аплодисменты всего зала они обменялись товарищескими рукопожатиями, и эта маленькая, но очень трогательная демонстрация пролетарского интернационализма, которую реакционная газета «Московские ведомости» тут же назвала актом «национальной измены» со стороны Плеханова, дала соответствующий настрой всей последующей работе конгресса. В своей речи, встреченной бурными аплодисментами делегатов, Плеханов резко критиковал внутреннюю и внешнюю политику царизма. Конгресс осудил политику захватов, которую вели на Дальнем Востоке как Япония, так и Россия.

В Амстердаме были приняты также резолюции о возможности участия социалистов в буржуазных правительствах (этот вопрос был решен отрицательно) и о всеобщей стачке пролетариата как крайнем средстве борьбы за изменение существующего строя или отпора посягательствам на права рабочих со стороны реакционных

207

сил. Плеханову больше импонировала резолюция Лилльского съезда французских социалистов, предусматривавшая возможность перехода от всеобщей стачки к восстанию. Но в такой плоскости вопрос на Амстердамском конгрессе не обсуждался, и ему остава-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 86.

лось лишь выразить надежду, что рано или поздно международная социал-демократия решит данную проблему более радикально 1 .

Обсуждался на конгрессе и еще один вопрос, имевший самое прямое отношение к России, — вопрос о единстве социалистического движения. Как известно, в начале 900-х годов в Англии, Франции, России было по несколько партий, объявлявших себя социалистическими. Конгресс же решил, что в принципе такая ситуация не может считаться нормальной и в каждой стране должна быть только одна социалистическая партия. Плеханов очень скептически относился к единству революционеров и оппортунистов. Так, например, комментируя решение Болонского съезда итальянских социалистов, он писал весной 1904 г. в «Искре»: разногласия по вопросу о реформах - и революции вырыли уже такую глубокую пропасть между реформистами и революционерами, что им нельзя идти вместе. Когда положение дел принимает такой оборот, раскол представляется совершенно естественным явлением. Однако в России, по мнению Плеханова, ситуация была принципиально иной. Здесь меньшевики были якобы вполне согласны с большевиками в программных и тактических вопросах, но ленинцы стремились к расколу ². В заметках о работе Амстердамского конгресса Плеханов опять повторил, что в РСДРП влияние оппортунизма равно нулю ³.

Разумеется, у Ленина была на сей счет совсем иная, прямо противоположная плехановской, точка зрения. Не случайно, в самом конце 1904 г., когда в России началась так называемая банкетная кампания в связи с 40-летием судебных уставов 1864 г. и редакция «Искры» предложила рабочим поддержать эти конституционные по своему духу выступления либеральной и демократической общественности, Ленин и Плеханов дали подобным рекомендациям совершенно разную оценку. Для Ленина налицо было своего рода «удвоение» меньшевистского оппортунизма, который из области организационных вопросов перешел теперь в сферу тактики. Плеханов же, выпустивший в начале 1905 г. небольшую брошюру «О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом (письмо к ЦК РСДРП)», наоборот, горячо выступил в ее защиту.

Он считал, что меньшевистская «Искра» по существу предлагает рабочим то же самое, за что агитировал в свое время сам Ленин в «Что делать?»: будоражить общество, использовать любой повод для изложения пролетарских требований, толкать либералов

208

влево

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XVI. С. 350-351.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 339.

и тем самым делать их оппозицию самодержавию более эффективной. Нам предстоит буржуазная революция, главную роль в которой суждено будет сыграть, однако, проле-

тариату, предупреждал Плеханов. И социал-демократы должны своевременно позаботиться о том, чтобы в этой революции приняли активное участие все те буржуазные элементы, которые могут в ней участвовать. Иначе может случиться так, что в то время как пролетариат будет, не щадя живота, сражаться с самодержавием, буржуазия будет сложа руки ожидать исхода битвы, а затем приберет к рукам добытые рабочими плоды победы ¹.

Но неужели Ленин был против этого? — может спросить читатель. Конечно, нет. Но его гораздо больше волновал теперь не вопрос о том, как «разбудить» спящих либералов и прибавить им смелости, а вопрос о самостоятельной классовой линии пролетарского движения, увеличении его влияния на крестьянство, критике непоследовательности и шаткости «проснувшихся» либералов. Россия стояла на пороге первой в своей истории революции, которая и должна была решить, кто же в конечном счете прав — большевики или меньшевики, Ленин или Плеханов?

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 182-183.

ГЛАВА VI

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ГРОЗА НАД РОССИЕЙ

Для профессионального революционера революция — это воплощение его мечты, реальная возможность проверить и скорректировать свои теоретические схемы и вместе с тем — суровый экзамен на историческую дееспособность. Это время тревог и ожиданий, время беспрестанного горения, когда сама жизнь как бы «пришпоривает» мысль и волю (выражение Розы Люксембург), постоянно рождая что-то новое, неожиданное, порой парадоксальное. Но сколько же ловушек таит в себе этот революционный вихрь: соблазн излишней торопливости, угрозу сектантства, увлечение радикализмом или, наоборот, крен в сторону сомнительных компромиссов, пассивной, выжидательной тактики... Революционер постоянно вынужден маневрировать между «авангардизмом» и «хвостизмом», опасностью слишком забежать вперед, оторваться от масс, превратиться в генерала без армии и перспективой остаться простым регистратором стихийного хода событий. И чтобы пройти между Сциллой революционного романтизма и Харибдой трезвенного политиканства, он должен обладать не только опытом и осмотрительностью, но и смелостью, чувством нового, иметь холодный ум и горячее, страстное сердце борца.

Помимо всего прочего, революция была и своеобразным турниром политических лидеров. Кто из них окажется на высоте положения? Кто сумеет в наибольшей степени повлиять на ход революционных событий? Кто сможет не только «учить революцию», но и учиться у нее? Ответ на эти вопросы могла дать только жизнь.

Беспрецедентная по жестокости, бессмысленности и цинизму правящих кругов России трагедия «Кровавого воскресенья» 9(22) января 1905 г., давшая толчок к началу Первой российской революции, всколыхнула либерально-демократическую общественность всего мира. За границей, в том числе и в Швейцарии, началось движение солидарности с революционной Россией, сбор средств для помощи жертвам 9 января, митинги и демонстрации протеста против расстрела сотен беззащитных людей. Активное участие в этой кампании принимал и Плеханов, являвшийся членом Международного социалистического бюро от РСДРП.

Буржуазно-демократический, по марксистской терминологии, характер начавшейся революции был совершенно очевиден и большевикам, и меньшевикам. Для господствующих классов России она стала наказанием за систематическое опоздание с радикальными реформами, самоуверенную великодержавность, бесконечное пре-

зрение к нуждам людей труда. Народу она давала шанс вырваться из беспросветной нужды и получить элементарные гражданские права. Непосредственной целью революции была всесторонняя демократизация страны, радикальное перераспределение земли в пользу крестьян, улучшение материального положения рабочих, решение национального вопроса, прекращение войны на Дальнем Востоке. Обо всем этом говорилось в той петиции, с которой петербургские рабочие и члены их семей шли 9 января к Зимнему дворцу под руководством священника Георгия Гапона. Шли мирно, с иконами и портретами царя, с надеждой на его милость. Ответом властей были, как известно, пули и нагайки.

В начале февраля (по н. ст.) скрывшийся из Петербурга Гапон появился в Женеве. Вскоре после приезда, в начале февраля 1905 г. он явился на улицу Кандоль к самому авторитетному руководителю РСДРП. Плеханов немедленно послал за Аксельродом, Засулич, Дейчем и Даном. Гапон немедленно объявил себя социал-демократом, а затем зачастил к Георгию Валентиновичу, постоянно оказывая ему знаки внимания и уважения ¹. Однако Гапон был слишком невежествен в политике и очень тщеславен. Он начал заигрывать с эсерами, встречался с Лениным. Все это не нравилось Плеханову, и вскоре он потерял интерес к новому знакомому, хотя и считал его человеком искренним и в чем-то привлекательным.

Необычайная популярность Гапона в России и за границей в первые месяцы 1905 г. и вместе с тем слухи о его провокаторстве и двойной игре, метания главного героя «Кровавого воскресенья» между марксистами и эсерами, его попытки объединить действия всех революционных партий России и встать «над» ними — все это будоражило вооб-

ражение, сбивало с толка, вызывало недоуменные вопросы. Кто он, отец Гапон — союзник, соперник, враг? Как относиться к нему? Как отвечать на его инициативы?

Неудивительно, что Ленин и Плеханов, не сговариваясь, выступили в своих партийных органах со специальными статьями, посвященными этому неординарному человеку. Статья Плеханова называлась «Священник Г. Гапон» и была опубликована в «Искре» в марте 1905 г. Георгий Валентинович защищал его от критики, называл революционером, советовал учиться. Тем не менее претензии Гапона на роль всероссийского революционного вождя были отвергнуты, и меньшевики отказались участвовать в созванной им в Женеве в первой декаде апреля конференции социал-демократических и неонароднических партий и организаций (Ленин, увидев явный поворот Гапона к эсерам, ушел с самой конференций).

² Подробнее см.: Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 45-47.

211

Интересен рассказ Плеханова о его последней встрече с Гапоном в 1905 г. Тот уже не скрывал, что перешел к эсерам, которые учат его стрелять, ездить верхом, начинять бомбы и т. п. По его, Гапона словам, у эсеров идет настоящая революционная работа — не то, что у социал-демократов, которые только читают книги. «Вы смотрите, батя, эсеры хитры! — потешался над Гапоном Плеханов. — Самого главного они, верно, вам не показывают». Гапон насторожился. «Чего же именно?» — спросил он. «А вот по воздуху на воздушном шаре летать. Наверное, про это ничего не говорили?» — продолжал шутить Плеханов. Гапон ушел очень обеспокоенный, и больше его Георгий Валентинович не видел ¹.

Летом 1905 г. Гапон ездил в Финляндию, участвовал в организации известной операции по закупке и перевозке в Россию оружия на пароходе «Джон Графтон», затем вернулся в Швейцарию, снова пытался войти в доверие к большевикам, заходил к Плеханову, но тот был в отъезде, и Розалия Марковна не дала адреса мужа.

Когда в декабре 1905 г. стало известно, что вернувшийся по амнистии в Россию Гапон вошел в контакт с Председателем Совета министров С. Ю. Витте и призывает русских революционеров заключить некое политическое соглашение с главой царского правительства, Плеханов написал открытое письмо в газету французских социалистов «L'Humanité». В нем он предостерегал европейскую общественность от увлечения Гапоном, который, заявляя о верности идеям международного социализма, в то же время призывает своих сторонников не полагаться больше ни на одно из существующих в России политических течений и ориентироваться только на правительство. «Очень возможно, что отец Гапон имеет хорошие намерения. — Писал Плеханов. — Но не надо

¹ См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 12. Л. 15-17; Дейч Л. Г. Герой на час // Современный мир. 1909. № 1. С. 134; Усыскин Г. С. Плеханов и Гапон // III Плехановские чтения. С. 85 — 90.

забывать, что весь ад вымощен хорошими намерениями» ².

В начале 1906 г. Плеханов уже прямо называл Гапона конченным человеком, которого удивительно дешево купили царские власти 3 . Как известно, в марте 1906 г. окончательно запутавшийся в своей авантюрной игре Гапон был убит эсерами на даче под Петербургом.

Между тем революция в России в январе и феврале 1905 г. стремительно шла на подъем. 10 февраля на страницах «Искры» появилась большая и очень яркая статья Плеханова под названием «Врозь идти, вместе бить», посвященная обоснованию тактики российской социал-демократии в свете последних событий. Нарисовав драматическую картину гражданской войны, начатой 9 января самим царским правительством, Плеханов затронул здесь, пожалуй,

212

самую актуальную для того времени тему — тему народного восстания. «Вопрос о вооруженном столкновении нашего пролетариата с царским правительством ставится на очередь неотвратимой логикой истории. Мы, со своей стороны, можем сделать только одно: *постараться разрешить его в пользу пролетариата»*, — писал он ¹.

Шансы на успех пролетарского восстания в России, по мнению Плеханова, были бы достаточно высоки, ибо рабочие могут рассчитывать здесь на поддержку «общества», частью которого является офицерский корпус, в свою очередь влияющий на поведение солдатской массы. Второе важное условие победы повстанцев он видел в дезорганизации правительственного аппарата власти с использованием даже такого крайнего средства, как революционный террор (!). Но самое главное, подчеркивал Плеханов, состоит в том, чтобы предстоящее восстание стало выступлением вооруженных народных масс, ибо только в этом случае оно сможет покончить с самодержавным режимом.

Вот лишь несколько наиболее ярких выдержек из этой статьи Плеханова, характеризующих его настроение после «Кровавого воскресенья»:

«Горе нашей стране, если она не возмутится ввиду всех этих кровавых подвигов царских людоедов!... Ответ на кровавые бесчинства бандитов, управляющих Россией, может быть только один: громкий, дружный, единодушный крик, призывающий к вооруженному сопротивлению всех мужественных людей российского государства, всех врагов царского самодержавия».

«И пусть не говорят нам, что нынешняя усовершенствованная военная техника заранее осуждает народное восстание на неудачу. Если бы это стояло даже вне всякого со-

¹Сверчков Д. Ф. На заре революции. М., 1921. С. 249; см. также: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Л. 12. Л. 17.

²Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 63 — 64.

³ См.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1974. Т. III. С. 240.

мнения, то и тогда нам все-таки не следовало бы отказываться от мысли о поддержке такого восстания, потому что пассивное отношение нашего народа к гнусностям, совершаемым его правителями, было бы самым ужасным из всех возможных видов его поражения, сделав его неизлечимым рабом и осудив его на вечную политическую незрелость».

«Если на Западе изолирован — до поры, до времени — пролетариат, то у нас в изолированном положении оказывается как раз тот враг, с которым мы ведем теперь борьбу не на жизнь, а на смерть, т. е. царское правительство. Это в огромной степени увеличивает шансы восстания» ².

Таким образом, Плеханов выдвигал перед социал-демократами триединую задачу: ускорить политическое воспитание пролетариата, подготовить путем проведения целого ряда агитационно-пропагандистских и организационно-технических мероприятий победу народного восстания и координировать действия всех антисамодер-

жавных сил под лозунгом «Врозь идти, вместе бить». Характерно, что, познакомившись со статьей Плеханова, Ленин отметил: фактически Плеханов проводит те же взгляды, на которых настаивала всегда большевистская фракция и ее печатный орган — газета «Вперед» ¹. Одновременно Ленин подчеркивал, что, несмотря на внешнюю солидарность Плеханова с позицией меньшевистской «Искры», он по существу опровергает взгляды ее редакции, в частности Мартова, который делал акцент на стихийной стороне развития революционного процесса в России.

В этой связи следует подчеркнуть, что в 1905 г. Плеханов начинает все больше и больше расходиться с меньшевиками и занимать позицию, названную Лениным «особой» и не совпадавшую целиком ни с меньшевистской, ни с большевистской. Это был своеобразный центризм, если понимать под ним не беспринципное политиканство и демагогическое использование левой фразы для маскировки своей соглашательской политики (а именно так нас учили понимать его прежде), а поиск реалистического и сбалансированного подхода к решению революционных задач, далекого как от левого экстремизма, так и от откровенного реформизма. Причем по некоторым вопросам (подготовка вооруженного восстания, отношение к крестьянскому движению) Плеханов был в 1905 г. ближе к большевикам, а по некоторым («захват власти», оценка либеральнобуржуазного движения) — к меньшевикам.

Характеризуя позже свои взаимоотношения с меньшевиками, Плеханов признавал, что, хотя ему приходилось в редакции «Искры» и не сладко, он не мог не поддерживать их, поскольку Ленин и большевики совершенно уклонились от тактической линии

213

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 191.

² Там же. С. 189, 191, 192.

группы «Освобождение труда», а меньшевики в общем и целом лучше понимали его взгляды и стремились сохранить верность плехановской платформе. Правда, и они понимали Плеханова несколько «дубовато», что и вызывало в их отношениях «некоторые, так сказать, антракты» ². Один из них как раз и пришелся на 1905 г.

В марте Плеханов стал печатать в Женеве «Дневник социал-демократа Г. В. Плеханова», прототипом для которого послужил «Дневник писателя», издававшийся в 1876—1881 гг. Ф. М. Достоевским. Первый номер «Дневника» состоял всего из трех статей. В них анализировались причины поражения царской армии на полях Маньчжурии («Мукден»), рассказывалось о росте крестьянского движения в России («Мужики бунтуют»), подчеркивалось значение марксистской теории, пренебрежением к которой, по мнению автора, особенно грешили большевики.

Исключительно большое значение имели в то время высказывания Плеханова по крестьянскому вопросу. «... Мы сделали бы

214

страшную, непоправимую ошибку, если бы остались равнодушны к начинающемуся теперь революционному движению в деревне... Деревня становится революционной; мы обязаны поддержать революционную деревню», — писал Плеханов в статье «Мужики бунтуют» ¹. Он подчеркивал, что настало время поддержать требования крестьян об экспроприации помещичьего землевладения. Крестьянство выступает теперь как революционная сила, писал Плеханов, и именно в этом качестве должны поддержать его социал-демократы, ибо по мере спада революции крестьянин — «этот мелкий мещанин земледелия» — будет превращаться в опору буржуазного строя и уже не сможет вызвать подобного энтузиазма со стороны пролетарской партии ².

Пройдет немногим более полугода, и аграрная революция примет в России такие размеры, что Плеханов с уверенностью скажет: «Крестьянин составляет чрезвычайно сильный резерв русской революции... » ³ Взяв помещичью землю, он станет решительным революционером, «а этого достаточно, чтобы мы не опасались за судьбу русской революции. Революционному пролетариату, поддерживаемому революционным крестьянством и имеющему все основания рассчитывать на поддержку международного пролетариата, не страшны будут ни «внутренние» враги, ни внешние...» ⁴

По мнению Плеханова, в сложившихся в России условиях предпочтительнее всего была бы «муниципализация» земли, которую предложил еще в 1902 г. социал-демократ П. П. Маслов и которая предусматривала сдачу перешедших в распоряжение земств помещичьих земель в аренду крестьянам. В случае, если бы этот вариант по каким-то причинам реализовать не удалось, Плеханов предлагал осуществить «черный передел» с

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 287.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 386.

передачей помещичьих земель крестьянам на правах собственности. Что касается национализации земли, то ее Плеханов по-прежнему отрицал.

Начавшаяся революция с особой остротой поставила вопрос о созыве нового партийного съезда. После долгих проволочек на это согласился, наконец, и ЦК РСДРП, а точнее говоря избежавшие ареста в феврале 1905 г. два его члена — Л. Б. Красин и А. И. Любимов. Местом проведения съезда был выбран Лондон, а пригласить на него решили все большевистские и меньшевистские организации. Получил приглашение и Плеханов. Однако он предпочел уклониться от поездки в британскую столицу, объясняя это тем, что подготовку съезда взяла в свои руки лишь одна фракция РСДРП — большевистская, которая и будет на нем хозяйкой, тогда как меньшевики окажутся в положении мальчиков для битья. Плеханов

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 247-248.

шутил, что большевики собираются поступить с ним так же, как с персонажем известного рассказа Тургенева «Бежин луг». Напомним, что там один мальчик зовет другого: «Иди сюда, черт, ле-ш-и-и-й... Тебя тятька высечь хочи-и-и-т... » ¹

В итоге одновременно состоялись III съезд РСДРП (большевистский) в Лондоне и Первая общерусская конференция партийных работников (меньшевистская) в Женеве, заседавшие в конце апреля — начале мая 1905 г. Плеханов после долгих колебаний примкнул к меньшевикам и активно работал в образованных делегатами меньшевистской конференции комиссиях по аграрному вопросу и по вопросу о профессиональном движении.

Заметим, что у большевиков уже сложилась к тому времени достаточно стройная концепция Первой русской революции. Они отводили роль гегемона в ней пролетариату и его социал-демократической партии, главного союзника рабочих видели в крестьянстве, а либералов категорически исключали из революционного лагеря. Основной своей задачей в данный момент большевики открыто объявляли всестороннюю, прежде всего военно-техническую, подготовку всероссийского вооруженного восстания. Ставился ими и вопрос о превращении начавшейся революции, в случае ее победы, в революцию социалистическую как часть общеевропейской, а может быть, и мировой пролетарской революции.

Стратегия и тактика меньшевиков к апрелю 1905 г. тоже в значительной мере уже определились. Они не расходились с большевиками по вопросу о характере революции, готовы были признать ее гегемоном пролетариат, не сбрасывали со счетов крестьянское движение за землю и тоже призывали к восстанию. Но меньшевики склонны были рас-

215

² Там же. С. 251.

³ Там же. С. 350.

⁴ Там же. С. 349.

ширить рамки общенационального антиправительственного фронта, включив в него и либеральную буржуазию. Особый акцент делался ими на развитии революционной самодеятельности рабочих масс и разного рода внепартийных демократических организаций, а также на «самовооружении» народа, поскольку социал-демократия никогда не сможет создать боеспособную сеть вооруженных дружин «сверху». Таким образом, меньшевики делали ставку на стихийное развитие революционного процесса, отказ от всякого сектантства и максимальное поощрение инициативы «снизу». При этом меньшевистская концепция революции, в выработке которой значительную роль играли Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. С. Мартынов, Ф. И. Дан, строилась на базе опыта Великой французской революции, европейских революций 1848 — 1849 гг. и освободительного движения в самой России, причем западные образцы имели для меньшевиков приоритетное значение.

¹ См.: Правда. 1940. 25 апреля (воспоминания М. Г. Цхакая).

Возвращаясь к работе Женевской конференции меньшевиков, следует отметить, что круг ее участников был достаточно узок: делегаты от 8 комитетов и союзов РСДРП (на большевистском съезде был представлен 21 комитет), редакция «Искры», несколько приглашенных из эмигрантских меньшевистских групп. Протоколов конференции не велось, и о выступлениях на ней Плеханова мы знаем сравнительно немного. Так, например, известно, что в отличие от ряда делегатов, не скрывавших своих опасений в случае подъема массового стихийного крестьянского движения, Плеханов выступил в поддержку аграрных требований крестьянства вплоть до конфискации всех помещичьих земель и передачи их в руки крестьян. По предложению Плеханова делегаты обязали всех рабочих-меньшевиков принимать самое активное участие в работе профсоюзов, а местные партийные организации — поддерживать с ними постоянный контакт и помогать в их борьбе за удовлетворение экономических требований пролетариата.

Участники конференции стремились найти среднюю линию между позицией Мартова, развивавшего идею «самовооружения» народа, и взглядами Плеханова, призывавшего социал-демократов сделать все возможное, чтобы в решающий момент «народ был вооружен не церковными хоругвями и крестами (как это было 9 января. — С. Т.), а чемнибудь более серьезным и действенным» ¹. И если основная резолюция по данному вопросу была выдержана в духе «искровских» статей Мартова, то в дополнительной резолюции «О вооружении» шла речь о выделении средств на приобретение оружия для боевых дружин, обсуждении на рабочих собраниях планов нападения дружинников на важнейшие правительственные объекты и склады с оружием, создании при партийных организациях специальных технических групп и т. п., т. е. практически использовались

советы Плеханова.

Принципиально важна была и принятая в Женеве резолюция о поддержке РСДРП всех антиправительственных выступлений других революционных и оппозиционных партий и организаций, во многом воспроизводившая основные положения известной резолюции Потресова об отношении к либералам, утвержденной на ІІ съезде РСДРП. В качестве условий такой поддержки фигурировали признание требования созыва Учредительного собрания и активное участие в деле вооружения народа. Подобное решение вполне устраивало Плеханова, так же как и отрицательное отношение участников конференции к идее участия РСДРП во Временном революционном правительстве, которую развивал тогда Ленин.

Однако когда на конференции было решено объявить ее делегатов представителями лишь одной, меньшевистской фракции РСДРП и заменить ЦК и Совет партии новым руководящим орга-

217

ном — Организационной комиссией, состоящей из видных меньшевиков-практиков, Плеханов, остававшийся таким образом «без работы», взбунтовался. Прошло несколько недель, и 29 мая 1905 г. он в знак протеста сложил с себя обязанности члена редакции «Искры» и председателя Совета партии, заявив, что остается верным постановлению единственно законного пока общепартийного II съезда РСДРП о структуре ее центральных учреждений. И хотя В. И. Засулич готова была, по ее собственным словам, «разорваться на пять кусков», лишь бы не допустить такого «безобразия», как отставка Плеханова, ее товарищи по редакции «Искры» решили на этот раз не проявлять особой настойчивости в обращенных к Георгию Валентиновичу призывах сменить гнев на милость. Да и сам он, похоже, не склонен был менять своего решения. Разрыв, как помнит читатель, назревал давно, и теперь уже явно пора было переходить от слов к делу. Правда, Мартов, Потресов и Засулич направили Плеханову коллективное письмо с предложением взять свое заявление обратно, однако тот твердо стоял на своем, и его отставка стала фактом ¹.

Тягостную ситуацию немного скрашивали лишь новые литературные успехи Плеханова. В марте в партийной типографии вышел сборник его статей «На два фронта», в который вошли «Социализм и политическая борьба» и ряд других работ. Почти одновременно в Петербурге появился в магазинах еще один сборник статей Плеханова «За двадцать лет» — увесистый том объемом 650 страниц, где были собраны его экономические, философские, исторические и литературоведческие эссе конца XIX в. Наконец, в августе в Женеве была завершена работа над первым томом «Сочинений Г. В. Пле-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 191.

ханова», куда вошли его работы 1878—1884 гг.

Ухудшение отношений Плеханова с членами редакции «Искры» оживило надежды большевиков на возможность возобновления деловых контактов с ним. Как вспоминал Г. Е. Зиновьев, который был тогда одним из руководителей Бернской группы большевиков, весной 1905 г. Ленин дал ему поручение повидаться с Л. И. Аксельрод (Зиновьев был знаком с ней еще с 1902 г.) и дать ей понять, что большевики очень ценят Плеханова и будут рады, если он вновь станет сотрудничать с ними. Одновременно рекомендовалось подчеркнуть, что махизм отнюдь не является официальной идеологией большевизма, хотя Богданов и занимает среди большевиков очень видное положение. Очевидно, это поручение было дано Зиновьеву еще где-то в конце марта, поскольку в начале апреля он уже сообщил Ленину о результатах состоявшейся встречи с Л. И. Аксельрод, которая должна была передать все услышанное ею Плеханову ².

² См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 168, 181-182.

19 мая 1905 г. состоялось устроенное через все ту же Аксельрод свидание Плеханова с пятью делегатами III съезда РСДРП. По свидетельству Аксельрод, Георгий Валентинович остался очень доволен этой беседой и выразил согласие вести дальнейшие переговоры с большевиками!. В начале июня Л. И. Аксельрод посетил большевик Г. Л. Шкловский, который делал авансы и своей собеседнице, и Плеханову, уверяя, что Ленин охотно уступил бы ему пост ответственного редактора центрального партийного органа. «Хитрые люди это большинство, но уважаю их за то, что они хотят людей притягивать, а не отталкивать... » — писала Л. И. Аксельрод сестре Иде ².

Однако договориться с Плехановым большевикам так и не удалось. Георгий Валентинович был глубоко обижен тем, что в извещении о III съезде РСДРП говорилось, будто неявка Плеханова и других членов Совета партии на съезд равносильна отказу выполнить волю партии и что тем самым они поставили себя вне ее рядов. Узнав об этом, Плеханов сказал Γ . Л. Шкловскому: «Плеханова, батенька, нельзя исключить из партии, ибо Плеханов — это программа партии, ее знамя». Не нравилось Георгию Валентиновичу и то, что Ленин не хочет рвать с Богдановым и Луначарским. В итоге переговоры зашли в тупик 3 .

Вскоре после III съезда РСДРП большевистский ЦК принял решение о том, чтобы поручить Плеханову представительство в Международном социалистическом бюро и редактирование научного органа партии по типу журнала «Заря», если он признает законность большевистского съезда и его решения (как известно, меньшевистская конференция постановила считать их незаконными). Возможность сближения с Плехановым не исключалась большевиками вплоть до осени 1905 г., однако его новые публичные

¹ Подробнее см.: Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. М., 1983. С. 52-56.

нападки на Ленина, а также антиплехановские настроения во многих большевистских организациях в самой России сделали реализацию этого плана невозможной. В августе 1905 г. Плеханов выпустил второй номер «Дневника», в котором наряду с несколькими прекрасными статьями («Патриотизм и социализм», «Князь Потемкин-Таврический») были опубликованы и «Выбранные места из переписки с друзьями», где автор в очень резкой форме полемизировал с Лениным, упрекая большевиков в игнорировании прямых указаний Энгельса о недопустимости участия социалистов в буржуазном революционном правительстве.

Заметка Плеханова о восстании на броненосце «Потемкин», где он поставил вопрос о том, что для победы революции над старым режимом нужен переход хотя бы части армии на сторону народа и

219

что такой переход вполне возможен, получила неожиданное продолжение. Дело в том, что после того как в июле 1905 г. мятежный корабль был интернирован в Румынии, часть его команды разъехалась по различным странам мира, причем группа матросовпотемкинцев, среди которых был и один из руководителей восстания Афанасий Матюшенко, прибыла в Женеву, где встречалась с Лениным и Плехановым. Георгий Валентинович и члены его семьи помогали морякам в поисках работы и жилья. Рассказ матроса Михаила Соломина о ходе восстания был записан в доме Плеханова одним русским студентом и напечатан в 1906 г. в петербургском журнале «Современный мир» под псевдонимом Матросов. Бывал у Плехановых и одесский меньшевик Константин Фельдман, принявший активное участие в восстании на «Потемкине». По предложению Плеханова он тоже написал воспоминания о потемкинской эпопее, ставшие ценным историческим источником. В дальнейшем К. И. Фельдман поддерживал связь с Плехановым и в 1917 г. стал видным членом возглавлявшейся им группы «Единство».

Осень 1905 г. принесла с собой невиданный еще подъем революционного движения в России. Во время Всероссийской октябрьской политической стачки с 2 млн. участников судьба романовской монархии висела буквально на волоске. Царь оказался перед выбором: либо установление военной диктатуры, способной потопить революцию в крови, либо переход хотя бы к какому-то подобию конституционного правления. 17 октября Николай II вынужден был выбрать второй вариант: «дарованная» в августе законосовещательная Государственная Дума превращалась теперь в законодательную, народу были обещаны гражданские права и свободы, а вскоре была объявлена и частичная политическая амнистия. Начались «дни свобод», когда РСДРП смогла перейти на полуле-

¹РЦХИДНИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 19. Л. 19-20.

² Там же. Л. 67-68.

³ См.: Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 200-202; там же. 1927. № 1. С. 12-15.

гальное положение, свободно проводились митинги и собрания, открыто продавались революционные газеты и т. д.

В этих условиях возникли реальные предпосылки для возвращения лидеров русской революционной эмиграции на родину. В дорогу собирались и большевики, и меньшевики, и эсеры. Заговорили о возвращении в Россию и в доме на улице Кандоль, где жили Плехановы. Именно в это время большевики сделали еще одну попытку договориться с Георгием Валентиновичем, причем Ленин счел необходимым даже специально запросить санкцию русской части ЦК на ведение таких переговоров. Обаяние имени Плеханова, его огромный авторитет в российских революционных кругах и во ІІ Интернационале, мощный плехановский интеллект, как магнит, манили большевиков, стремившихся любой ценой перетянуть его на свою сторону. Поэтому в самом конце октября 1905 г., за несколько дней до своего отъезда в Россию, Ленин обратился к Плеханову с большим письмом. Он предложил встретиться для обсуждения вопроса о возможности возобновления сотрудничества после возвращения из эмиграции на родину. Поводом для письма послужило

<u>220</u> решение большевиков приступить к изданию в Петербурге легальной социалдемократической газеты «Новая жизнь». К участию в ее редакционной коллегии предполагалось привлечь, в случае согласия, и Плеханова, тем более что в России полным ходом уже шло объединение большевистских и меньшевистских организаций.

«Что мы, большевики, страстно желаем работать вместе с Вами, это мне вряд ли нужно повторять Вам, — писал Ленин. — ... Я знаю прекрасно, что все большевики рассматривали всегда расхождение с Вами как нечто временное, вызванное исключительными обстоятельствами. Спору нет, борьба часто увлекала нас на такие шаги, заявления, выступления, которые не могли не затруднять будущего соединения, но готовность объединиться, сознание крайней ненормальности того, что лучшая сила русских с. -д. стоит в стороне от работы, сознание крайней необходимости для всего движения в Вашем руководящем, близком, непосредственном участии, — все это было у нас всегда. И мы все твердо верим, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра наше соединение с Вами все же состоится, несмотря на все трудности и препятствия».

Пожалуй, Ленин из дипломатических соображений несколько переборщил, написав Плеханову, что тот на девять десятых согласен с большевиками (может быть, он вспомнил, как летом 1902 г., после той бури, которая разразилась в редакции «Искры» при обсуждении проекта программы партии, Плеханов написал ему, что на 75% они ближе друг к другу, чем ко всем остальным редакторам газеты ¹). Но в чем Ленин был безусловно прав, так это в том, что революция с поразительной быстротой сметала тактиче-

ские разногласия между большевиками и меньшевиками. В заключение Ленин еще раз подчеркнул, что все большевики уверены в пользе, важности и необходимости совместной работы с Плехановым. Письмо было составлено с соблюдением всех правил вежливости: оно начиналось с официально-торжественного обращения «Многоуважаемый Георгий Валентинович!» и кончалось не менее почтительными словами: «Искренне уважающий Вас В. Ульянов» ².

Вероятно, Плеханов прочитал это послание не без тайного удовольствия: как никак, а Гора все-таки пришла к Магомету! Однако ему вряд ли понравилось, что среди будущих редакторов «Новой жизни» Ленин назвал А. А. Богданова и А. В. Луначарского, философские позиции которых явно не устраивали Плеханова своей неортодоксальностью. Несомненно, кольнула его и неосторожно брошенная Лениным фраза: «При таких условиях, кажется мне, Ваш переход к нам вполне возможен, и дело будущего объединения он не затруднит, а облегчит и ускорит». Ведь Плеханову совсем не

221 хотелось бы, чтобы его сближение с большевиками рассматривалось как «переход» на сторону последних.

По признанию самого Плеханова, он долгое время хранил ленинское письмо, но «отклонил лестное предложение принять руководящее участие в работе товарищей большевиков» ¹. Неизвестно, было ли сделано это в форме ответного письма или Плеханов просто промолчал. Так или иначе, встреча Ленина и Плеханова не состоялась — иначе об этом помнили бы и ее участники, и их близкие. Своеобразным публичным ответом Плеханова на ленинское письмо стала его заметка «Новая жизнь» в третьем, ноябрьском номере «Дневника социал-демократа». В ней не без злорадства отмечалось, что в новой большевистской газете Ленин сотрудничает уже не только с философами-идеалистами, но и с литераторами-декадентами. Это был намек на то, что в «Новой жизни» печатались один из зачинателей русского символизма Н. Минский (Н. М. Виленкин), поэт К. Д. Бальмонт и др. Однако не следует забывать об одном немаловажном обстоятельстве, во многом объяснявшем столь «странное», по мнению Плеханова, сотрудничество лидера большевиков с более чем далекими от марксизма писателями и поэтами: увлеченные вихрем революции, они искренне восхищались в то время борьбой рабочих и посвятили ей несколько ярких произведений, очень созвучных настроениям широких демократических кругов русского общества. Напомним, что стихотворение Константина Бальмонта «Русскому рабочему» начиналось словами: «Рабочий, только на тебя надежда всей России», а в «Гимне рабочих» Минского были такие строки:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. І. С. 134.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 103-106.

Наша — сила, наша — воля, наша — власть.
В бой последний, как на праздник, наряжайтесь!
Кто не с нами, тот — наш враг, тот должен пасть...

И хотя сегодня становится как-то неуютно от последнего поэтического лозунга, его приходится воспринимать уже не просто как проявление большевистского максимализма и нетерпимости к инакомыслию, а как отражение определенного психологического настроения значительной части русского общества, в том числе и интеллигенции в период революционного вихря.

Так или иначе, никакого организационного сближения между Плехановым и Лениным в конце 1905 г. не произошло, а вскоре этот вопрос сам собой сошел с повестки дня.

Наступившее в октябре — ноябре 1905 г. временное равновесие правительственных и революционных сил не могло сохраняться долго, поскольку обе противоборствующие стороны стремились к победе. В ноябре в Петербурге прошла еще одна массовая полити-

222

ческая стачка, огромное влияние приобрел столичный Совет рабочих депутатов, где тон задавал появившийся нелегально в России еще в феврале Троцкий и периодически появлялись возвратившиеся после издания манифеста 17 октября на родину Ленин, Мартов, Засулич, Дейч. В ноябре произошло новое крупное восстание на Черноморском флоте под руководством лейтенанта Петра Шмидта. Разрасталась аграрная революция. Чувствовалось, что дело идет к решающему открытому столкновению революционеров с царским режимом. Недаром в третьем, ноябрьском номере своего «Дневника» Плеханов писал, что рабочие-дружинники по примеру народовольцев 70 — начала 80-х годов прошлого века должны срочно учиться владеть оружием. «Умение хорошо владеть оружием должно стать в нашей среде предметом законной гордости со стороны тех, которые им обладают, и предметом зависти со стороны тех, которые его еще не достигли. Ввиду неслыханных зверств, совершаемых контрреволюционерами, мы в свою очередь должны быть готовы на все. Конечно, кровопролитие не может быть привлекательно ни для кого, кроме озверевших и опьяневших горилл из черных сотен; но оно начато не нами, и еще покойный П. Л. Лавров справедливо сказал, обращаясь к русскому революционеру: «Не ты виной, когда в бою кровь неповинная польется! Без жертв, без крови, без борьбы народам счастье не дается» 1.

В то же время Плеханов предупреждал, что к восстанию нельзя относиться легкомысленно, особенно в такое время, когда «ружья и револьверы начинают стрелять сами

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 388.

собой». Поэтому 3(15) декабря 1905 г. в письме, направленном в редакцию французской социалистической газеты «L'Humanité», Плеханов предостерегал русских социал-демократов от преждевременного, неподготовленного восстания, которое могло бы в создавшихся условиях лишь спасти старый режим, дав реакции предлог для усиления репрессий. Звать рабочих к неподготовленному восстанию, по мнению Плеханова, значило бы толкать их к поражению ².

Плеханов все чаще и чаще думал теперь о возвращении в Россию. В ноябре он побывал в русском консульстве в Берне, чтобы похлопотать о получении паспорта и встретил там весьма благожелательный прием, услышав что-то вроде того, что теперь в России нужны именно такие люди, как он. Казалось, все шло как нельзя лучше, но тут Плеханов тяжело заболел. Врачи подозревали, что у него начинается туберкулез гортани, и Георгий Валентинович вынужден был поселиться в Монтре и ездить оттуда на лечение в Лозанну.

Мучительнее всего была даже не сама болезнь, а те нравственные страдания, которые испытывал при этом больной. Состояние

неопределенности, тоски, какой-то безнадежности буквально давило Плеханова. 4 декабря 1905 г. он писал в Женеву жене, своему «милому Розику», которая, пожалуй, одна до конца могла понять, что творится у него в душе: «Ох! Надо мне ехать. Поедем, невмоготу мне здесь. Меня тянет в Россию. Я теперь точно дезертир, и все мне противно, я даже работать почти не могу, а это редко бывает со мною. Поедем, а то я с ума сойду. Мое место теперь в России... Будем спешить, а то я дойду Бог знает до чего. Право, я теперь кажусь себе дезертиром, а это самая презренная порода людей. Не затем я жил и работал, чтобы сидеть теперь спокойно, когда там идет борьба» ¹.

18 декабря 1905 г. Плеханов направил в Петербург письмо, в котором сообщал, что, несмотря на запреты врачей, советующих ему либо делать операцию, либо лечиться в Алжире, он решил ехать в Россию. «Поездку в Россию все считают безумием, — писал Плеханов. — Но мы недаром переживаем безумное время. Я еду... » ²

Одновременно Плеханов изложил свои взгляды на тактику российской социалдемократии в создавшейся ситуации. Он подчеркнул, что для пролетариата выгоднее всего было бы отсрочить решительное столкновение с правительством: апеллировать к силе нужно тогда, когда эта сила есть, а когда ее нет, нужно методично и настойчиво наращивать ее путем ведения революционной агитации, сохраняя при этом необходимое хладнокровие. Между тем и большевистская «Новая жизнь», и меньшевистское «Начало» — две самые влиятельные петербургские легальные социал-демократические

223

¹Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 352.

²L'Humanité. 1905. 18 décembre.

газеты того времени — явно хотели как можно скорее довести дело до развязки, что не могло не настораживать Плеханова. Не разделял он и чересчур оптимистических прогнозов Троцкого и Парвуса, ратовавших в «Начале» за «перманентную» революцию и правительство «рабочей демократии», тогда как, по мнению Плеханова, еще не пришло время рвать с теми слоями буржуазии, которые могли бы поддержать натиск народа на абсолютистский режим ³.

Письмо было адресовано Плехановым в редакцию формировавшегося тогда в российской столице социал-демократического журнала «Начало», в котором предполагалось участие Мартова, Дана, Парвуса, Троцкого, Ленина, а Плеханову отводилась роль главного редактора. В ходе переговоров с Э. Л. Гуревичем (Е. Смирновым) Плеханов предложил привлечь еще к участию в журнале Засулич, Маслова, сестер Аксельрод и некоторых других лиц. Однако журнал так и не был создан.

 $^{^{1}}$ Цит. по кн.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 232-233.

²Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 232.

³ Там же. С. 233.

Советы Плеханова, какими бы логичными ни казались они сегодня, уже не могли повлиять на ход событий в России. Первой поднялась сначала на всеобщую политическую забастовку, а потом и на вооруженное восстание пролетарская Москва. Большинство политически активных рабочих самым демократическим из всех возможных способом путем своеобразного открытого референдума — высказалось здесь за то, чтобы дать бой царскому правительству, арестовавшему 3(16) декабря Троцкого, а также других руководителей и многих рядовых членов Петербургского Совета рабочих депутатов. После этого сомнения некоторых социал-демократов, предупреждавших о незавершенности подготовки восстания и недостаточно боевом настроении войск московского гарнизона, были отброшены. Большевики, меньшевики, эсеры, Московский Совет рабочих депутатов все вместе решили начать 7(20) декабря общегородскую стачку и перевести ее затем в вооруженное восстание. Этот план и был реализован. В дальнейшем отдельные, порой довольно значительные очаги восстания возникла на Украине, в Прибалтике, Сибири и в некоторых других местах. Однако этого оказалось явно недостаточно, чтобы сокрушить царизм. Повстанцы потерпели поражение. Началась полоса карательных экспедиций и массовых расстрелов участников революционного движения.

Именно в это время Плеханов сделал шаг, который отозвался в сердцах многих революционеров и передовых рабочих болью, недоумением и открытым возмущением. В конце декабря 1905 г. вышел из печати четвертый номер «Дневника социал-демократа», где появилось следующее заявление Плеханова: «Несвоевременно начатая политическая забастовка привела к вооруженному восстанию в Москве, в Сормове, в Бахмуте и т. д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие» ¹.

Сказано прямо, безапелляционно, даже с вызовом... Но с каким же гневом обрушились на Плеханова за эту его последнюю фразу Ленин и большевики! Ее называли геростратовской, позорной для революционера, ренегатской. С тех пор прошло почти сто лет. Попробуем же разобраться во всем этом более спокойно, без гнева и пристрастия, как любил выражаться вслед за древними римлянами сам Плеханов.

Прежде всего заметим, что он осудил здесь не рабочих, а их вождей, социалдемократов и эсеров, которые не захотели «притормозить» восстание, открыв все шлюзы перед напором народной стихии. Плеханов писал: «Вы скажете мне, может быть, что я хочу тормозить движение. Я спорить и прекословить не буду. Почему и

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 12.

ер, боровшийся с жирондистами, которые несвоевременно призывали к вооруженному восстанию. Ее играл в 1848 г. неисправимый заговорщик и неукротимый революционер Бланки. Ее играл руководимый Марксом Общий совет Международного товарищества рабочих, предостерегавший — в воззвании от 9 сентября 1870 г. — парижский пролетариат от несвоевременных вспышек» ¹.

Правда, при этом Плеханов как будто забыл, что, когда парижские рабочие все же начали восстание, Маркс решительно встал на их сторону, хорошо понимая, что любая попытка заранее учесть шансы революционеров была бы шарлатанством или безнадежным педантизмом и что бывают моменты, когда борьба даже за безнадежное, на первый взгляд, дело необходима для подготовки масс к следующему витку противостояния с властью. А ведь еще совсем недавно, в цитировавшейся нами выше статье «Врозь идти, вместе бить» Плеханов писал то же самое, что и Маркс, прославлявший подвиг парижских коммунаров. Теперь же все переменилось: слова Маркса повторял Ленин, тогда как Плеханов прозрачно намекал, что в Москве революционеры сделали большую глупость, а ее повторение в будущем граничило бы уже с преступлением.

Видимо, каждое новое поколение будет заново отвечать на вопрос о том, нужно или не нужно было браться в декабре 1905 г. за оружие. В советское время его решали, как правило, в духе Ленина, буквально бичевавшего Плеханова за оппортунизм. Сейчас гораздо больше симпатий вызывает позиция Плеханова, ошибочно воспринимаемая многими как его принципиальный якобы отказ от насильственных методов борьбы, что явно не соответствует действительности, но зато отвечает сегодняшним настроениям наших сограждан. А что будет дальше?

Оставаясь на, почве исторических фактов, следует признать, что в конце 1905 г. и царское правительство, и революционеры вместе с частью рабочих активно стремились к открытому вооруженному столкновению, которое должно было склонить чашу политических весов в ту или другую сторону. При этом правительство не только отвечало на удары революционеров, но и само провоцировало обострение ситуации в Москве (разгон массового митинга в саду «Аквариум» 8 декабря и нападение на штаб-квартиру московских дружинников в училище Фидлера 9 декабря). В действиях с обеих сторон эмоции, амбиции и доктринальные соображения постоянно брали верх над здравым смыслом и заботой о жизни и безопасности людей. Поэтому судить о московских событиях только с позиций «чистого разума», исходя из соотношения количества дружинников и правительственных войск, их вооружения и т. д., как это делал из своего швейцарского далека Плеханов, было тогда просто нельзя,

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 12.

ибо у этих событий была своя иррациональная, не поддающаяся разумному объяснению «подкладка».

И это, кстати говоря, понимали не только Ленин, считавший, что восстание лучше было бы отложить по крайней мере до весны 1906 г. и видевший все просчеты и ошибки руководителей вооруженного выступления в Москве, но и такой осторожный и трезвый политик, как Милюков, или более эмоциональный и откровенный Петр Струве. Последний по горячим следам восстания писал, что в московских событиях, при всей их бессмысленности, было что-то роковое, когда злоба и ожесточение угнетенного народа соединились с безумием, охватившим ожесточенную самодержавием интеллигенцию. По мнению Струве, в Москве были лишь «бутафорские» баррикады и «отчаянно храбрая, геройская борьба нафантазированных, обрекших себя гибели рабочих», а не народное восстание как таковое. Но характерно, что Струве пишет далее не о том, что «не нужно было и браться за оружие», а бескомпромиссно осуждает правительство, допустившее, чтобы «с бессмысленностью и беспощадностью беспримерной в истории разрушались дома, убивались люди, и участвовавшие и не участвовавшие в движении... », и чтобы после подавления восстания началась бессмысленная и злостная расправа не с «бунтовщиками», а с мирным гражданским населением ¹.

П. Н. Милюков в статье «Мораль Московского восстания» позже занял аналогичную позицию, осудив не революционеров, а власть, обреченную из-за своего полного разрыва с обществом на гибель ². Согласитесь, что на таком фоне слова Плеханова выглядели уже совсем не так безобидно, как казалось самому Георгию Валентиновичу. Ведь неожиданно для себя он оказался в положении человека, больно задевшего лучшие чувства тех, кто дрался на баррикадах, помогал дружинникам или просто сочувствовал им. А таких обид, как известно, не прощают, хотя сам Плеханов был убежден, что сказал только правду, стараясь предотвратить новые человеческие жертвы в случае попытки повторения неподготовленного восстания и защищая честь своей партии, на которую после декабрьской трагедии 1905 г. многие стали смотреть как на кучку безответственных «вспышкопускателей». Можно почти не сомневаться и в том, что если бы плехановские оценки Московского восстания прозвучали на несколько месяцев позже, то они не встретили бы столь яростного неприятия, как в конце 1905 — начале 1906 г., когда зарево пожаров над Пресней и грохот артиллерийской канонады, образно говоря, еще стояли перед глазами и звучали в ушах свидетелей тех памятных событий. Так или иначе, форма и время, выбранные Плехановым для подведения итогов Московского восстания, оказались крайне неудачными, и ему и при жизни, и осо-

¹ Полярная звезда. 1905. 30 декабря. № 3.

² См.: Милюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905 — 1906. СПб., 1907. С. 176-178.

бенно после смерти долго еще поминали вошедшую при советской власти в школьные учебники и ставшую исторической фразу «Не нужно было и браться за оружие».

С другой стороны, шансов на победу дружинников в Москве в декабре 1905 г. действительно было очень мало. Да и победа в одном городе, пусть даже во второй столице империи, еще не могла стать залогом победы революции в целом, поскольку соотношение сил в масштабах всей страны складывалось в конце 1905 г. еще отнюдь не в пользу революционеров. И это отнюдь не было секретом для многих из тех, кто принимал решение о начале Московского восстания. Тем не менее эти люди никогда не казнили себя впоследствии за призывы к оружию, ссылаясь на то, что московские рабочие в тот момент сами буквально рвались в бой. Можно ли было удержать их, уговорить повременить с восстанием, пока не будет обеспечено благоприятное для народа соотношение вооруженных дружинников и царских войск и полиции? Вряд ли, особенно если вспомнить, например, реакцию петербургских рабочих на большевистскую антигапоновскую агитацию накануне Кровавого воскресенья. Да московские революционеры и не собирались заниматься подобными уговорами, ибо в их сознании к концу 1905 г. уже прочно укрепилась мысль о том, что восстание необходимо и неизбежно, а его жертвы окупятся грядущей победой народа. Это и решило в декабре 1905 г. дело.

Подобных примеров не только в отечественной, но и в мировой истории множество. В исторической ретроспекции многое видится совсем не так, как в исторической перспективе. Но люди и целые политические партии живут не только головой, но и сердцем. Так было и так, видимо, будет и впредь, нравится это нам или нет.

Вместе с тем неправильно было бы истолковывать плехановскую оценку Московского восстания как доказательство его перехода на реформистские позиции и принципиального отказа от вооруженной борьбы с правительством. Другое дело, что декабрьская неудача еще больше подогрела в Плеханове чувство осторожности при выборе времени и места будущего восстания, что ярко проявилось, в частности, в его выступлении на IV съезде РСДРП весной 1906 г.

В середине января 1906 г. Плеханов должен был выехать в Россию, где его уже ждали и революционеры, и власти. Пограничной страже на станции Вержболово было дано указание: «Возвращающийся в Россию эмигрант Плеханов аресту не подлежит» (за ним предполагалось установить секретное наблюдение ¹). Однако начавшиеся в Петербурге массовые аресты и новый приступ болезни Плеханова перечеркнули все эти планы. Чуть приоткрывшаяся было дверь на родину вновь захлопнулась на целых одиннадцать лет...

¹ ГАРФ. Ф. 102. 1906. Отд. 1. Оп. 235. Д. 753. Л. 80, 83 об.

Но жизнь продолжалась. Продолжалась и революция, вступившая после поражения декабрьских восстаний в свою нисходящую стадию, растянувшуюся, однако, на целых полтора года. При этом в ней появились и новые моменты, связанные с выборами и работой первого российского парламента — Государственной Думы.

Однако Плеханов долго не мог оправиться от пережитого в конце 1905 г. потрясения. И здесь мы должны сделать одно небезынтересное отступление от основной линии нашего повествования.

В феврале 1906 г. Плеханов познакомился на Итальянской Ривьере, где он лечился, со знаменитым русским композитором и пианистом Александром Николаевичем Скрябиным. Встреча произошла в Больяско (близ Генуи) в доме польского социал-демократа В. А. Кобылянского, жена которого училась у Скрябина в Московской консерватории. На первый взгляд Скрябин и Плеханов были настолько разными людьми, что сближение их казалось просто невероятным. Тонкое, почти женственное лицо композитора, его мечтательный взгляд, физическая хрупкость и незащищенность резко контрастировали с несколько пуританской, суровой внешностью Плеханова, со всем его обликом сильного, стареющего орла, привыкшего всегда и во всем быть первым. Диаметрально противоположными были и их мировоззренческие позиции: Скрябин был типичным идеалистом, тяготевшим вдобавок к мистике, тогда как Плеханов непоколебимо стоял на почве материализма. Трудно было заранее сказать, понравится ли Георгию Валентиновичу и музыка Скрябина — детище бурного, нервного, построенного на диссонансах двадцатого столетия. Ведь у Плеханова уже давно сложился свой, четко очерченный круг любимых музыкальных произведений — Патетическая соната и Третья (Героическая) симфония Бетховена, «Осуждение Фауста» Берлиоза, «Гибель богов» и «Зигфрид» Вагнеpa...

Но Скрябин и Плеханов сразу же нашли общий язык и понравились друг другу. Оказалось, что композитор, который с 1904 г. жил и концертировал за границей, пристально следит за событиями на родине, сочувствует революционерам и их борьбе против самодержавия. Музыка Скрябина — а он играл в тот вечер свои этюды, вальсы, «Божественную поэму» и части еще не законченной «Поэмы экстаза» — привела Плеханова в восхищение. Скрябин смущенно сказал, что последнее произведение навеяно революцией в России, а эпиграфом к нему он хотел бы взять строку из революционной песни — «Вставай, подымайся, рабочий народ!».

Плеханов и Скрябин встречались после этого еще много раз — и на Ривьере, и в Швейцарии, куда Плеханов вернулся в середине июня 1906 г. после двух заграничных поездок — сначала во Флоренцию и Рим вместе с дочерью Лидией, а затем на IV съезд

РСДРП в Стокгольм, откуда он заехал еще в Берлин и Гамбург. Композитор все больше покорял сердце Георгия Валентиновича: он просил называть себя «товарищем», начал читать по совету Плеха-

нова марксистскую литературу, включая «Капитал», хотя и яростно спорил по философским вопросам, оставаясь на идеалистических позициях. Как вспоминала Р. М. Плеханова, во время одной из прогулок Скрябин, например, всерьез заявил, что поскольку мир создается волей и творческим духом человека, неподвластными действию физических законов, в частности закона всемирного тяготения, то он может броситься с моста вниз и не упасть благодаря силе своей воли. «Попробуйте, Александр Николаевич», — невозмутимо сказал ему Плеханов. Однако от демонстрации рискованного опыта после некоторого препирательства Скрябин все же отказался. Что касается социализма, то композитор считал его лишь ступенью на пути к каким-то высшим, космическим идеалам.

Встречи с Плехановым духовно обогащали Скрябина, помогали шире взглянуть на окружающий мир. В свою очередь, беседы со Скрябиным вызывали у Плеханова, по его собственному признанию, приятное и полезное умственное возбуждение. Через 10 лет, уже после смерти Скрябина (1915 г.), Плеханов писал его другу, доктору В. В. Богородскому: «Когда я встретил его в Больяско, он был совершенно незнаком с материалистическим взглядом Маркса и Энгельса на историю. Я обратил его внимание на важное философское значение этого взгляда. Несколько месяцев спустя, встретившись с ним в Швейцарии, я увидел, что он, отнюдь не сделавшись сторонником исторического материализма, успел так хорошо понять его сущность, что мог оперировать с этим учением гораздо лучше, нежели многие «твердокаменные» марксисты как в России, так и за границей».

Как бы подводя итог своим встречам с выдающимся музыкантом, Плеханов писал: «Александр Николаевич Скрябин был сыном своего времени. Видоизменяя известное выражение Гегеля, относящееся к философии, можно сказать, что творчество Скрябина было его временем, выраженным в звуках. Но когда временное, преходящее находит свое выражение в творчестве большого художника, оно приобретает постоянное значение и делается непреходящим» ¹.

Сохранились и экземпляры двух книг Плеханова с дарственными надписями Скрябину — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и сборник статей «За двадцать лет» (на ее обложке мы читаем: «А. Н. Скрябину от автора в знак искреннего уважения. 1 июля $1906 \, \Gamma$. » 2).

Чтобы закончить это «музыкальное» отступление от основной темы нашего повест-

вования, отметим, что несколько позже, в марте 1909 г. Г. В. Плеханов познакомился в Ницце с великим русским певцом Ф. И. Шаляпиным, который даже побывал в гостях у Георгия Валентиновича и Розалии Марковны. После этого они получи-

ли фотографию певца с надписью: «Милейшим супругам Плехановым на память о свидании и в знак искренней симпатии. Федор Шаляпин». Однако финал знакомства оказался совершенно неожиданным. 1 марта 1911 г. Плеханов возвратил упомянутую выше фотографию Шаляпину вместе с запиской такого содержания: «Возвращаем за ненадобностью. Г. Плеханов. Р. Плеханова». Что же произошло? Дело в том, что за границей стал известен эпизод с коленопреклонением Шаляпина перед царской ложей, когда хористы обратились к Николаю II с просьбой о повышении своего жалованья. Плеханов не стал разбираться в мотивах этого поступка, который сам Шаляпин объяснял позже тем, что он ничего не знал о намерениях хористов, растерялся и тоже стал на колени. Для Плеханова был важен сам факт унижения Шаляпина, несовместимый, по его понятиям, с чувством человеческого достоинства и совершенно неприемлемый для него как революционера и демократа 1.

Но вернемся к событиям 1906 г. В марте вышел из печати очередной, пятый выпуск плехановского «Дневника». Здесь были напечатаны статья «К аграрному вопросу в России», где Плеханов снова критиковал идею национализации земли и выступал в поддержку программы «муниципализации», заметки о съезде австрийских профсоюзов и о русских «черносотенцах», а также письмо товарищу С., в котором Георгий Валентинович критиковал большевистскую тактику бойкота выборов в І Государственную Думу. Правда, он еще не ставил здесь вопроса об участии РСДРП в думской работе, поскольку был уверен, что в партии все равно возьмут верх бойкотистские настроения, но подчеркивал важность участия социал-демократов в избирательной кампании как эффективного средства политического просвещения народа.

С начала 1906 г. быстро пошел процесс нового сближения Плеханова с меньшевиками и меньшевиков с Плехановым. Явный поворот меньшевистских лидеров вправо после декабрьских событий 1905 г. создавал реальную основу для наведения мостов между женевским изгнанником и его духовными «детьми» на родине. Не случайно накануне открытия IV (Объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме группа меньшевистских делегатов обратилась к Плеханову с письмом, в котором называла его и Аксельрода основателями и самыми видными идейными вождями партии и просила их обязательно приехать в шведскую столицу.

Съезд происходил в Стокгольме с 23 апреля по 8 мая 1906 г. в помещении Народного

¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 2. С. 494-495.

²См.: Бэлза И. Александр Николаевич Скрябин. М., 1987. С. 64.

дома, предоставленного русским товарищам шведскими социал-демократами. У большевиков было 46 делегатов с решающим голосом, у меньшевиков — 62. Четверо делегатов представляли внефракционный «центр», но при решении основных вопросов повестки дня примыкали к меньшевикам.

¹ См.: Шаляпин Ф. И. Маска и душа. М., 1990. С. 260-261.

231

Обстановка на съезде была сложной и очень нервозной. Даже не верилось, что делегаты собрались для завершения того затянувшегося объединительного процесса, который начался в РСДРП почти год назад. Пик его пришелся на последние месяцы 1905 г., а к моменту открытия объединительного съезда настроение в «верхах» и большевистской, и меньшевистской фракций было таково, что впору было не объединяться, а снова расходиться и, пожалуй, даже дальше, чем в 1903 — 1904 гг. Однако «низы» партии выступали за единство, и это решило дело, хотя характер дискуссий, которые шли в Стокгольме, не оставлял сомнений в том, что объединение будет весьма непрочным и достаточно формальным.

Очень интересную характеристику положения дел в РСДРП накануне съезда мы находим в письме одного из лидеров большевизма той поры Л. Б. Красина. В период революционного «вихря», в октябре — декабре 1905 г. меньшевики, по его словам, ничуть не меньше большевиков увлекались забастовками и вооруженной борьбой. Однако после разгрома Декабрьского вооруженного восстания меньшевики пришли к выводу, что «все это была ошибка» и что все «бредни» на этот счет пора бросить, сосредоточив усилия на использовании легальных возможностей. По словам Красина, «большинство» и «меньшинство» в Стокгольме отделились друг от друга, как масло от воды, а «при таких условиях весь смысл съезда свелся почти исключительно только к противопоставлению двух позиций и закреплению их в протоколах на поучение будущему историку» ¹.

Формально Плеханов не был делегатом IV съезда РСДРП и присутствовал на нем лишь в качестве «приглашенного» наравне с П. Б. Аксельродом, участником I съезда РСДРП П. Л. Тучапским и известным в прошлом «экономистом» В. П. Акимовым (Махновцем). Тем не менее еще до приезда в Стокгольм — а Георгий Валентинович запоздал к открытию съезда — его заочно избрали в президиум, хотя из-за болезни он не председательствовал ни на одном заседании и эту роль выполняли поочередно В. И. Ленин и меньшевик Ф. И. Дан. Характерно, что при выборах президиума Плеханов получил наибольшее количество голосов (71), тогда как за Дана проголосовали 67 делегатов, а за Ленина — 60.

Появление Плеханова и Аксельрода на четвертом заседании съезда было встречено аплодисментами делегатов, а председательствовавший в этот день Ленин приветствовал

их как родоначальников русской социал-демократии. На следующем заседании Плеханов пережил еще несколько приятных минут во время приветственного выступления представителя болгарских социалистов Бара. С болгарским освободительным движением у русских революционеров были давние связи: здесь сказывалась и близость национальных культур, и особая роль России в освобождении Болгарии от турец-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 596. Л. 1-2.

кого ига. Немало общего было и в процессах развития рабочего движения в Болгарии и России. Поэтому первые марксистские работы Плеханова оказались очень созвучными настроениям многих болгарских социалистов, а болгарин Димитр Благоев открыл длинный список болгарских корреспондентов группы «Освобождение труда», в котором были также Георгий Бакалов, Христиан Раковский, Роман Аврамов и др. Свыше 60 работ Плеханова были переведены на болгарский язык и напечатаны в различных социал-демократических изданиях. Кроме того, несколько статей и заметок Георгий Валентинович написал специально для болгарской социалистической печати. Многочисленные болгарские студенты, учившиеся за границей, также помогали распространению взглядов Плеханова у себя на родине. Обо всем этом напомнил делегатам IV съезда РСДРП представитель болгарских социалистов, вызвав в зале овацию в честь Плеханова.

А затем на протяжении целых пяти дней делегаты съезда обсуждали изменения в аграрной части программы РСДРП, которые необходимо было внести после бурных событий 1905 г., показавших, что прежняя «отрезочная» программа безнадежно устарела, поскольку все слои крестьянства — от самых зажиточных до самых бедных — требуют полной ликвидации помещичьего землевладения. Поэтому уже в 1905 г. и большевики, и меньшевики заявили, что будут поддерживать самые радикальные требования крестьян вплоть до конфискации всех казенных, монастырских, удельных и помещичьих земель. Обе фракции РСДРП были едины и в том, что все конкретные проблемы, связанные с землевладением и землепользованием, будут решать на местах избранные демократическим путем крестьянские комитеты, а потом — Всероссийское Учредительное собрание. Но оставался открытым, пожалуй, главный вопрос — вопрос о том, кому должна принадлежать в России земля.

Мнения здесь разделились. Часть большевиков во главе с Лениным выступала за национализацию всей земли, включая крестьянские наделы. Они были убеждены в том, что такая радикальная мера снимет все преграды на пути развития капитализма в деревне, удовлетворит крестьян, не приемлющих в массе своей частную собственность на землю, и создаст благоприятные предпосылки для будущей коллективизации сельского хозяйства после победы пролетарской революции. При этом большевики подчеркивали,

что непременным условием успеха национализации земли является полная и радикальная (вплоть до выборности всех чиновников народом) демократизация политического строя России в результате народной революции.

Часть большевиков и меньшевиков отдавала предпочтение разделу земли в собственность крестьян. Но основная часть меньшевистских делегатов съезда поддержала программу «муниципализации», предложенную П. П. Масловым и предусматривавшую передачу крупных и средних помещичьих имений в распоряжение органов

вопроса в России.

Достоинство «муниципализации» меньшевики видели в том, что она давала известные гарантии от диктата «центра» по отношению к отдельным регионам страны, прежде всего национальным, где аграрный вопрос решался не так, как в чисто русских губерниях. По мнению меньшевиков, степень демократизации всех общественных структур на местах могла быть значительно выше, чем на общегосударственном уровне, особенно если учесть традиционную силу и крайнюю живучесть российской бюрократической системы. Поэтому даже в случае отката революции назад и реставрации самодержавия, как считали меньшевики, на местах можно было хотя бы частично сохранить демократические завоевания, и «муниципализация» земли помешала бы восстановлению помещичьих латифундий и прежней системы аграрных отношений.

Бесспорно, в этих рассуждениях было определенное рациональное зерно. Однако нетрудно видеть, что никаких абсолютных гарантий от реставрации «муниципализация» земли не давала (по мнению Ленина, здесь могла бы помочь только победа социалистической революции на Западе). Больше того, были достаточно веские основания полагать, что в случае возврата к самодержавному строю были бы быстро ликвидированы и демократические органы местного самоуправления, и принадлежащая им муниципальная собственность, в том числе и земельная. Можно было усомниться и в том, что крестьяне с радостью примут «муниципализацию», ибо в подавляющем большинстве своем они хотели получить помещичью землю немедленно, бесплатно и без всяких посредников, а к земствам относились достаточно скептически.

Плеханов выступил на съезде как один из докладчиков по аграрному вопросу. Он поддержал идею «муниципализации» земли, не зарекаясь, впрочем, и от возможности ее раздела, но категорически отверг большевистскую программу национализации, акцен-

тируя внимание делегатов на том, что в случае поражения революции она лишь укрепит позиции самодержавия. На первый взгляд, забота Плеханова о том, чтобы программа партии по аграрному вопросу была «подкована на все четыре ноги» и предусматривала не только оптимальный вариант развития революционных событий, но и возможное поражение революционеров, выглядела очень привлекательно. Однако никаких серьезных аргументов в пользу программы «муниципализации» Плеханов не привел, не поскупившись зато на резкие выпады в адрес Ленина. Он обвинял его в анархизме, эсеровщине, претензиях на захват власти и назвал требование национализации земли антиреволюционным. В свою очередь большеви-

234

ки И. В. Сталин, Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский, И. А. Теодорович, С. И. Гусев очень резко и далеко не всегда справедливо обвиняли Плеханова в слабости аргументации, «кадетских замашках», «неофобии» (боязни новизны) и т. д.

Наиболее серьезный и аргументированный ответ Плеханову дал в своем заключительном слове Ленин. По существу почти все оно было посвящено полемике с Плехановым. Особенно подробно Ленин остановился на вопросе о «гарантиях от реставрации», заявив, что до тех пор, пока на Западе не победит пролетариат, в России будет существовать угроза реставрации царского режима, ибо сами по себе ни национализация, ни «муниципализация», ни раздел земли абсолютных гарантий от возврата к старому дать не могут. Если же говорить о гарантиях относительных и условных, то их может обеспечить лишь решительная победа народа над самодержавием, подчеркнул лидер большевиков.

Плеханов выступал с заключительным словом после Ленина, что позволило ему немедленно откликнуться на ленинские замечания. Держался он непринужденно, уверенно и даже остроумно пошутил по поводу реплики одного из делегатов, сказавшего, что в жизни Плеханова-революционера наступили осенние дни: под общий смех Георгий Валентинович сравнил текущий этап своей деятельности с «бабьим летом». А ответ Ленину он начал несколько необычно: «С Лениным мне пришлось уже сломать не одно копье во взаимной борьбе. Тем приятнее мне, что я могу начать свое возражение ему с комплимента. Он прекрасно говорил. Слушая его, я припоминал, как покойный Лавров говорил мне: в вас пропал прекрасный адвокат. В т. Ленине, поистине, пропал превосходный адвокат. Тов. Ленин сказал в защиту своего проекта все, что можно было сказать. Но видно слабо то дело, которое защищает этот превосходный адвокат, если защита все-таки оказалась слабой. Тов. Ленина можно назвать, по известному французскому выражению, аvocat d'une cause perdue (защитником проигранного дела. — фр.). Его дело потеряно перед судом логики. Если т. Ленин, говоривший 3/4 часа, не мог ничего суще-

ственного сказать в пользу своего проекта, то ясно, что в его пользу и сказать нечего»!, — заявил Плеханов.

Однако вслед за столь многообещающим началом не последовало ни одного серьезного аргумента в пользу проекта «муниципализации». Вместо этого Плеханов вновь вернулся к вопросу о гарантиях от реставрации и с победоносным видом сказал: видите, Ленин сам признал, что абсолютной гарантии от реставрации национализация земли не дает. Не убедили Плеханова и слова Ленина о том, что единственно реальной, хотя и относительной гарантией от возврата к старым порядкам могла бы послужить лишь полная победа революции. При этом он сослался на то, что во Франции ни якобинская

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 73.

235

диктатура, ни беспощадная плебейская расправа с феодальным строем не предотвратили тем не менее реставрации Бурбонов после свержения Наполеона.

По мнению Плеханова, национализация земли в России лишь упрочила бы то азиатское, восточно-деспотическое начало, которое всегда было традиционно сильно в ее истории, и помешала бы процессу европеизации страны, горячим сторонником которого он был. В высшей степени характерно и то, что Плеханов по существу отказался серьезно обсуждать проблему национализации земли, допуская эту меру лишь в рамках социалистического переустройства общества. Иначе говоря, он не проявил себя как серьезный экономист, трезво взвешивающий все «за» и «против» национализации или «муниципализации» земли, предпочитая перевести всю дискуссию в чисто политическую плоскость, что было явно недостаточно.

Формально Плеханов мог торжествовать победу, ибо большинством голосов съезд одобрил аграрную программу, предусматривавшую «муниципализацию» помещичьих земель. Ленин снял свой проект, проголосовав вместе с большевиками-практиками за раздел (эта программа, кстати говоря, тоже не набрала необходимого количества голосов). Но, несмотря на бурные прения и работу специальной комиссии, членом которой был и Плеханов, принятый съездом итоговый документ страдал расплывчатостью, недоговоренностью и объединял «муниципализацию» с национализацией части земель, лесов и водных ресурсов, имеющих общегосударственное значение. В тактической резолюции по аграрному вопросу, принятой параллельно с программой, предусматривалась — опять-таки в соответствии со взглядами Плеханова — возможность раздела тех помещичьих земель, на которых «фактически ведется мелкое хозяйство». Однако, как бы разумна сама по себе ни была подобная многовариантность предложенного решения аграрного вопроса, она не вносила ясности во многие весьма существенные детали. Не очень понятно было, например, что понимается под «крупными органами местного са-

моуправления», в руки которых должна была поступить конфискованная у церкви, удельного ведомства и помещиков земля, как и на каких условиях получат эти земли крестьяне, кто будет считаться собственником наличных крестьянских наделов, какая судьба ждет крестьянскую общину и т. д. Все это свидетельствовало о серьезных изъянах аграрной программы РСДРП, принятой в Стокгольме, и авторитет Плеханова, который считался одним из ее авторов, положения здесь явно не спасал.

К сожалению, в протоколах съезда не нашла полного отражения дискуссия по вопросу о текущем моменте, в том числе и выступление Плеханова. Но судя по речам других делегатов, он попытался ответить на прямые обвинения в оппортунизме, высказанные в партийной печати еще накануне IV съезда РСДРП. В изданном в 1906 г. московскими большевиками сборнике «Текущий момент» была, в частности, опубликована статья И. И. Скворцова-Степанова

236

с критикой третьего и четвертого номеров плехановского «Дневника». Отдавая должное прошлым революционным заслугам Плеханова, автор писал, что, находясь в эмиграции и «наблюдая непосредственную жизнь издали», он оказался во власти своего рода «ошибок зрения», которые в свое время сыграли известную роль и в повороте к оппортунизму Бернштейна. Продолжая эту мысль, Скворцов-Степанов отмечал и еще одну черту сходства между позициями Бернштейна и Плеханова: первого хвалила немецкая буржуазия, второго — русская ¹.

Как известно, русские марксисты всегда считали, что любая похвала в их адрес, исходящая от политического противника, — это верный признак сползания адресата подобного комплимента к оппортунизму. Этой максималистской точки зрения придерживался и Плеханов, пока сам не оказался в положении человека, которому подают руку с «того берега». Надо сказать, что русская либерально-буржуазная печать с восторгом встретила плехановские оценки Декабрьского вооруженного восстания в Москве и особенно его статьи, направленные против бойкота Государственной Думы. «Если бы все «товарищи» Плеханова понимали то, что понимает самый выдающийся из их вождей, и если бы они так же мало, как он, «смущались похвалами либеральной буржуазии». Боже мой, как это упростило бы выяснение нашей текущей политической задачи и как сильно продвинулось бы ее разрешение! Мы можем только пожелать, чтобы на сегодняшний день это верное понимание того, что требует марксизм от своих последователей, одержало верх над пониманием шаблонным» ², — писала кадетская «Речь».

Прочитав статью Скворцова-Степанова, Ленин не отказал себе в удовольствии заметить: «Про Плеханова замечательно верно сказал тов. Степанов... что с ним приключилось нечто подобное Бернштейну. И как Бернштейна в свое время на руках носили не-

мецкие либералы и превозносили до небес все «прогрессивные» буржуазные газеты, так нет теперь в России либеральной газеты, даже либеральной газетной статьи... которые бы не обнимали, не целовали, не миловали мудрого и дальновидного, рассудительного и трезвого Плеханова, имевшего мужество восстать против бойкота» ³.

Задетый за живое, Георгий Валентинович решил ответить на эти выпады в свой адрес на партийном съезде, заявив, что в отличие от Бернштейна он никогда не делал теоретических уступок буржуазной идеологии, а кадеты «любят» его только за тактику. Однако большевиков, в том числе и Ленина, этот ответ явно не удовлетворил.

¹ Текущий момент. М., 1906. С. 1-2.

² Речь. 1906. 20 марта (2 апреля). См. также: Речь. 1906. 20 февраля (5 марта); Полярная звезда. 1906. № 10 С. 680

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 273.

Съезд рассмотрел и два очень важных тактических вопроса. Один из них достался ему по наследству от грозового 1905 г. и был связан с отношением социал-демократии к вооруженному восстанию, второй касался линии поведения РСДРП в связи с предстоявшим 27 апреля 1906 г. открытием I Государственной Думы.

Официально лозунг вооруженного восстания не был снят партией вплоть до конца революции, однако неудача декабрьских боев в Москве и ряде других районов страны заметно поубавила энтузиазм тех, кто занимался в РСДРП военно-боевой работой. На смену революционной романтике приходил более трезвый, взвешенный анализ недавних событий, в результате которого яснее становились недоработки и просчеты партии. Ведь в техническом отношении декабрьские восстания 1905 г. были подготовлены явно недостаточно, момент для их начала был выбран не лучшим образом, а партийному руководству вооруженной борьбой не хватало таких качеств, как решительность, четкость, стабильность, компетентность.

Вот почему совершенно необходимо было обсудить весь комплекс вопросов, связанных с военно-боевой работой партии, с учетом новой ситуации, которая возникла в стране после декабря 1905 г. К сожалению, съезд приступил к их рассмотрению уже под занавес своей работы и вынужден был сильно сократить время дискуссии, отведя на нее лишь два заседания. Правда, перед этим в течение двух дней заседала специальная комиссия под председательством Плеханова, однако ни к какому определенному решению она не пришла. Большевики были убеждены, что новое восстание — вопрос нескольких ближайших месяцев и необходимо сделать все возможное для его практической подготовки с учетом неудачного опыта декабря 1905 г. Меньшевики же так явно не считали, повторяя свой излюбленный тезис о «самовооружении» народа, важности агитации за восстание и предостерегая от попыток вовлечь пролетариат в вооруженную борьбу с правительством при неблагоприятных для рабочих условиях.

Плеханов тоже выступил при обсуждении данного вопроса, причем красной нитью через всю его речь проходила мысль о том, что новое восстание — это дело далекого будущего и народ еще не прошел школу всесторонней подготовки к предстоящим боям. При этом он сослался на опыт подготовки пруссаков к борьбе с Наполеоном после про-игранного ими в 1807 г. Иенского сражения, которая заняла не один год. Он призвал делегатов съезда голосовать за проект меньшевиков, который и был принят большинством голосов с некоторыми редакционными поправками.

Активно участвовал Плеханов и в обсуждении вопроса о думской тактике РСДРП. Здесь он снова чувствовал себя победителем, поскольку съезд отменил тактику бойкота Думы, призвал социал-демократов принять участие в выборах там, где к моменту рабопартийного съезда они еще не закончились, и фактически санкционировал создание думской фракции РСДРП. Выступая на съезде, Плеханов подчеркнул, что Дума стоит на столбовой дороге революции и пренебрегать ею как важным, хотя и не главным, средством политического воспитания народа было бы большой ошибкой.

Плеханову было поручено закрыть IV съезд РСДРП. Он приветствовал объединение партии и вступление в РСДРП польских, литовских, латышских социал-демократов и бундовцев. Говоря о серьезных разногласиях, выявившихся на съезде, Плеханов подчеркнул, что, несмотря ни на что, большевики и меньшевики все же стоят ближе друг к другу, чем к кому-либо из тех, кто находится за пределами РСДРП. «Борьба становится все более и более жесткой; жертв будет много; но если погибнут отдельные личности, то дело наше не погибнет. Мы победим! Уверенность в этом наполняет сердца всех нас, и вот почему, заканчивая съезд, все мы сольемся в единодушном крике: Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия, да здравствует российский пролетариат, да здравствует великая российская революция, да здравствует международная социал-демократия!» — эти слова Плеханова потонули в аплодисментах и звуках Интернационала ¹.

После съезда Плеханов заезжал в Берлин и Гамбург, где встречался с руководителями германской социал-демократии. В Берне и Цюрихе он прочитал доклады о IV съезде РСДРП перед русскими политическими эмигрантами, а лето 1906 г. провел в деревушке Шарне на берегу Женевского озера. Здесь он оставался до конца сентября 1906 г., когда вернулся в Женеву.

После Объединительного съезда Плеханов уделял особенно много внимания тактике РСДРП в связи с созывом І Государственной Думы (27 апреля —8 июля 1906 г.). Он неоднократно выступал в то время на страницах петербургской меньшевистской газеты «Курьер», где были опубликованы, в частности, два его «Письма о тактике и бестактности» (все пять писем вышли затем в издательстве Марии Малых в Петербурге отдельной брошюрой). Плеханов призывал рабочих поддержать борьбу Думы с правительством, одобрил выдвинутый кадетами лозунг создания ответственного перед ней кабинета министров и положительно оценил выступления кадетских депутатов в защиту демократических прав и свобод. После досрочного роспуска Думы царем он не солидаризировался ни с меньшевистским планом проведения всеобщей политической забастовки в ее защиту, ни с эсеровскими призывами к немедленному вооруженному восстанию, ни с кадетским лозунгом гражданского неповиновения царским властям, к которому присоединилась во время известного Выборгского совещания депутатов распущенной

Думы и фракция РСДРП ¹. Плеханов советовал терпеливо ждать того момента, когда революционное настроение овладеет всем народом и значительной частью армии и когда «общество» поддержит усилия революционеров. Нужно, чтобы вся крестьянская Россия испытала на себе революционизирующее воздействие пролетарской партии. «Мы не можем победить, не сделав этого; а сделав это, мы не можем не победить», — считал он ².

В июльском и августовском выпусках своего «Дневника» (№ 6 и 7) Плеханов сделал явный поворот влево, выдвинув лозунг созыва Учредительного собрания и установления самодержавия народа. Он считал, что роспуск І Думы изменил соотношение сил в пользу революции, частично рассеял конституционные иллюзии и убил всякую надежду на мирное разрешение переживаемого страной кризиса. Однако дальнейшее развитие событий показало, что Плеханов и предсказывавший новое вооруженное восстание осенью 1906 г. Ленин ошиблись. Июльский политический кризис привел не к ослаблению, а к укреплению самодержавного режима. В стране были введены военно-полевые суды. Премьер Столыпин торжествовал победу над революционерами, хотя окончательно подавить революцию еще не смог.

В этих условиях Плеханов начинает опять поворачивать вправо, возлагая теперь все надежды на выборы во II Государственную Думу. Выступая на страницах левой беспартийной петербургской газеты «Товарищ» (которую большевики считали органом левых кадетов и резко осудили поэтому Плеханова за публикации в «буржуазной прессе»), Георгий Валентинович обратился 31 октября 1906 г. к рабочим с призывом не допустить прихода в новую Думу правых депутатов и блокироваться для этого с оппозиционными непролетарскими партиями, т. е. прежде всего с кадетами. Лозунгом такого блока должен был стать девиз: «Полновластная Дума!» Однако кадеты предпочитали теперь занимать более осторожную позицию и вовсе не торопились поддержать идею Плеханова, хотя на практике блоки социал-демократов и кадетов на выборах во II Думу были более частым явлением, чем так наз. «левый блок» социал-демократов с неонародническими партиями (в 42 городах взяла верх тактика соглашения с кадетами, а в 40, включая Петербург и Москву, — тактика «левого блока») ³.

Плеханов оказался в очень сложном положении: с одной стороны, он пошел значительно дальше решений IV съезда и Таммерфорсской конференции РСДРП, которые считали, что на первой

¹ Подробнее см.: Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М, 1991.

²Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 167.

 $^{^3}$ См.: Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. С. 122. $240\,$

стадии выборов блоки с кадетами недопустимы, тогда как Плеханов их откровенно одобрял; с другой, — лозунг «Полновластная Дума!» не был поддержан кадетами, увидевшими в нем чуть ли не призыв к государственному перевороту, тогда как они хотели законодательствовать, а не митинговать в новой Думе. В итоге разразился скандал, сопровождавшийся шумными обвинениями Плеханова в оппортунизме со стороны большевиков и не без труда замятый преобладавшими тогда в ЦК РСДРП меньшевиками ¹.

Лейтмотивом всех выступлений Плеханова в период отступления революции могли бы стать его слова из первого «Письма о тактике и бестактности», где говорилось: «Трудность состоит не в том, чтобы сознать противоположность интересов буржуазии и пролетариата. В наших рядах сознание этой противоположности приобрело уже, можно сказать, прочность предрассудка. Трудность состоит в том, чтобы, сознавая эту противоположность и поступая всегда и вполне сообразно этому своему сознанию, определить те приемы нашей деятельности, которые дали бы нам возможность использовать — в интересах освободительного движения пролетариата — нынешнее оппозиционное настроение нашей буржуазии» ².

С точки зрения формальной логики это был прекрасный план. Беда состояла, однако, в том, что в реальной жизни степень поляризации классовых интересов российского пролетариата и буржуазии была уже такова, что полноценные политические блоки между представлявшими их партиями оказались в 1905 — 1907 гг. и позже невозможными. Буржуазии, которая привыкла ориентироваться в России на правящие «верхи», а не на компромиссы с трудящимися классами, не нужен был столь строптивый и сильный союзник, как российский пролетариат. В свою очередь, сочувствовавшие революции рабочие слишком хорошо знали истинную цену либерализму отечественной буржуазии, чтобы принимать его всерьез в своих политических расчетах. Не случайно тактические планы Плеханова не встретили понимания ни у большевиков, ни у основной массы меньшевиков, которым его политическая линия казалась слишком прокадетской.

Не больше понимания нашли взгляды Плеханова и среди западноевропейских социалистов, которые, казалось бы, должны были прекрасно понимать его желание создать в России общенациональный фронт борьбы с абсолютизмом.

В первой половине октября 1906 г. Плеханов разослал ряду видных деятелей международного социалистического движения анкету с вопросами о характере русской революции и тактике РСДРП. Такое анкетирование было широко распространено тогда во II Интернационале и являлось одной из форм обсуждения наибо-

¹ Члены ЦК от большевиков Л. Б. Красин и А. А. Богданов предлагали указать Плеханову на нарушение им партийной дисциплины.

² Плеханов Г. В Соч. Т. XV. С. 95.

лее актуальных и спорных вопросов теории и практики международного социализма. Сам Плеханов не раз участвовал в подобных опросах ¹, а теперь сам решил подкрепить свою позицию в споре с большевиками мнением западных марксистских авторитетов.

Анкета включала в себя три вопроса: «1. Каким представляется общий характер русской революции? Стоим ли мы перед лицом буржуазной или же социалистической революции? 2. Ввиду отчаянных усилий, прилагаемых русским правительством для изореволюционного движения, какова должна ЛЯЦИИ быть позиция социал-демократической партии по отношению к буржуазной демократии, которая по-своему тоже борется за политическую свободу? 3. Какова должна быть тактика социалдемократической партии при выборах в Думу, чтобы, оставаясь на точке зрения амстердамской резолюции 2, она могла использовать для борьбы с нашим старым режимом силы буржуазных оппозиционных партий?» ³

Результаты опроса явно разочаровали Плеханова. Август Бебель и Жан Жорес — а они были в то время особенно популярны среди западноевропейских социалистов — вообще предпочли уклониться от ответа. Письма, полученные от итальянца Филиппо Турати и редактора английского социалистического еженедельника «Justice» Гарри Квелча, были предельно лаконичны и уклончивы по содержанию, а Карл Каутский, наоборот, ответил длинной статьей, опубликованной в теоретическом органе германской социал-демократии журнале «Die Neue Zeit», за которую с огромной радостью ухватились большевики, увидевшие в ней подтверждение правильности своей стратегии и тактики. Недаром они издали ответ Каутского на анкету Плеханова в виде отдельной брошюры, предисловие к которой написал сам Ленин.

Лишь старый друг Плеханова Жюль Гед пролил бальзам на его душевные раны, заявив, что не надо бояться соглашений с кадетами, поскольку в России и пролетариат, и буржуазия борются с самодержавием. «Какое нам дело до того, что пули будут пущены не из наших ружей, лишь бы метили они в нашу цель и разили то, что нам надо поразить!» — писал он ⁴. Секретарь Международного социалистического бюро бельгиец Камиль Гюисманс подошел к вопросу о возможности соглашения социал-демократов с либералами уже более осторожно: он подчеркнул, что поведение кадетов не дает оснований рассчитывать на реальность их «демократических

чувств», но в тех случаях, когда на выборах в Думу сталкиваются два буржуазных кандидата, рабочие должны подавать свой голос против более опасного для них политического противника ¹. Председатель Международного социалистического бюро Эмиль Вандервельде обошел вопрос о взаимоотношениях социал-демократов с кадетами, но призвал русских товарищей проявлять поменьше «теоретической щепетильности» и не только принять участие в работе Думы, но и придать ей максимально возможную революционную окраску, заставив либеральные элементы считаться с социалистами ².

Характерно, что почти все ответившие на анкету так или иначе признали значительное своеобразие русской революции по сравнению с ее «классическими» предшественницами, связав его прежде всего с той выдающейся ролью, которую играли в борьбе с царизмом пролетариат во главе с РСДРП и крестьянство. Что касается Каутского, то он прямо заявил, что к революции, происходящей в России, не подходит ни один из старых шаблонов: ее нельзя считать ни буржуазной в общепринятом смысле этого слова, поскольку буржуазия уже не является ее движущей силой, ни социалистической, ибо она не ведет непосредственно к установлению диктатуры пролетариата. Скорее всего, продолжал Каутский, русскую революцию можно охарактеризовать как своеобразный процесс, происходящий на границе между буржуазным и социалистическим обществом: он способствует ликвидации первого, готовит условия для возникновения второго и дает толчок прогрессивному развитию всех стран буржуазной цивилизации.

РСДРП, по мнению Каутского, не может заранее отказываться от мысли о возможности своей победы. Больше того, она должна стремиться победить и может победить, хотя ей, разумеется, и не удастся немедленно ввести в России социализм. Но такая победа станет возможна лишь тогда, когда российский пролетариат добьется поддержки всех слоев трудящегося населения страны и прежде всего крестьянства, с которым его связывают общие экономические интересы. Что же касается совместных действий рабочих с либералами, то они допустимы лишь там и в такой форме, где это не помешает совместным действиям пролетариата и крестьянства. При этом Каутский рисовал довольно радужную для русских марксистов перспективу: по мере обострения аграрного вопроса либерализм изживает себя, в деревне растет влияние социалистических партий и в конце концов социал-демократы, сплотив вокруг себя массы, одерживают победу ³.

¹ Известны его ответы на вопросы, связанные с возможностью участия социалистов в буржуазных правительствах, проблемой всеобщей стачки, отношением пролетариата к патриотизму и интернационализму и др.

² Имеется в виду резолюция Амстердамского конгресса II Интернационала 1904 г., осуждавшая участие социалистов в буржуазных правительствах.

 $^{^{3}}$ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. И. С. 355 — 356.

⁴Современная жизнь. 1906. Декабрь. С. 201 — 202.

¹Современная жизнь. 1906. Ноябрь. С. 199.

² Там же. С. 223-225.

 3 См.: Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. М. -Л., 1926. С. 28 — 29. Каутский вообще сильно полевел под влиянием Первой российской революции, отказавшись даже от своих прежних пессимистических взглядов на возможность победы вооруженного восстания (см.: Тютюкин С. В. Первая российская революция и Γ . В. Плеханов. С. 296-298, 205).

Плеханов, сделав хорошую мину при плохой игре, отреагировал на это так: «Я не думаю, чтобы мой друг Каутский далеко разошелся со мною в этом случае: в интересующих нас статьях его мнение выражено слишком неопределенно, чтобы можно было составить себе о нем точное понятие. Но если бы — что, повторяю, кажется мне маловероятным — он согласился с гг. «большевиками», то я, в свою очередь, не согласился бы с ним, как не согласился в 1900 г. по вопросу о Мильеране. Мне это было бы тяжело, но я думаю, что события оправдали бы меня, как уже оправдали они мою критику парижской резолюции Каутского» ¹. Плеханов подчеркнул, что остается при своем прежнем мнении о нежелательности преждевременного прихода РСДРП к власти, и заметил, что Каутский преувеличивает степень революционности русского крестьянства и идеализирует его взаимоотношения с пролетариатом, поскольку их экономические интересы далеко не совпадают. Что касается кадетов, то они, по мнению Плеханова, еще не стали консервативной партией и остаются пока партией «народной полусвободы».

Очень знаменательно, что Плеханов предпочел не обращаться к представителям левого крыла II Интернационала — Розе Люксембург, Карлу Либкнехту, Генриетте Роланд-Гольст, позиция которых казалась ему близкой к большевизму. Ответы Ф. Турати, Г. Квелча, Э. Вандервельде, К. Гюисманса, Э. Анселя, Ж. Геда, П. Лафарга, Э. Вайана, Э. Ферри, женевского профессора Э. Мильо, а также русского эмигранта Ф. Ротштейна, который жил тогда в Англии, были опубликованы в ноябре — декабре 1906 г. в московском журнале меньшевистского направления «Современная жизнь», где Плеханов сотрудничал в 1906—1907 гг. Кстати говоря, от имени редакции этого органа Плеханов и рассылал свою анкету. Ответ К. Каутского в «Современной жизни» опубликован не был. В целом Плеханов не добился поставленной цели: международная анкета не укрепила его позиций ни в российском социал-демократическом движении, ни за рубежом, где многие смотрели на социалистические потенции русской революции с гораздо большим оптимизмом, чем «отец» русского марксизма ², хотя этот оптимизм в исторической ретроспекции представляется нам не слишком обоснованным.

Вопросы, поставленные в анкете Плеханова, обсуждались в мае 1907 г. и в Лондоне, где заседал V съезд РСДРП. Его недаром назвали «путешествующим»: ведь сначала делегаты направились в Копенгаген, потом, когда датские власти под нажимом царского правительства запретили проведение съезда, было решено переехать «по соседству» в Швецию, и только после того, как и этот план был сорван, пестрая, разноплеменная

компания революционе-

ров из России прибыла в британскую столицу. Англичане уже не раз давали приют борцам против самодержавия — Герцену и Огареву, Кропоткину и Степняку-Кравчинскому, редакции «Искры», делегатам II и III съездов РСДРП. Но такого многочисленного революционного «десанта» на берега туманного Альбиона, пожалуй, не высаживалось еще никогда — более 300 делегатов представляли Российскую социал-демократическую рабочую партию, насчитывавшую к тому времени 150—170 тыс. членов. Среди делегатов было 89 большевиков, 88 меньшевиков, 55 бундовцев, 45 представителей социал-демократии Польши и Литвы, 26 латышей. Блок большевиков с национальными социал-демократическими организациями обеспечил им доминирующие позиции на Лондонском съезде.

Заседания проходили в Бразерхудчерч — церкви Братства в рабочем квартале северовосточного района Лондона. Ее настоятелем был один из английских социалистов, согласившийся помочь русским товарищам.

Вместе с делегатами в работе съезда участвовало около полусотни гостей, среди которых были вдова трагически погибшего в 1895 г. в Лондоне Сергея Кравчинского, Фанни Степняк, и давний знакомый Плеханова, член исполкома «Народной воли» Аарон Зунделевич. Вообще на встречи со старыми товарищами Плеханову тогда очень повезло. На съезде был представлен весь цвет российской социал-демократии. Почти в полном составе собралась вновь редакция «старой» «Искры» (не приехала только Вера Засулич, вернувшаяся в ноябре 1905 г. в Россию и на время как бы ушедшая в тень). Из Грузии прислали мандаты для Плеханова, Аксельрода и Потресова, Ленин был делегатом от Верхне-Камской организации, Мартов — от Петровской. Делегатом с совещательным голосом стал и бывший член группы «Освобождение труда» Лев Дейч. По воле судьбы в церкви Братства Плеханов встретился также с малосимпатичными ему Троцким, Мартыновым и Даном, а также с руководителями польских социал-демократов Розой Люксембург и ее гражданским мужем Лео Иогихесом (Тышкой), отношения с которым оставались у него натянутыми еще с 90-х годов XIX в.

ЦК РСДРП поручил открыть съезд Плеханову, который призвал делегатов «без гнева и пристрастия» рассмотреть спорные вопросы. При этом он заявил, что попытки достигнуть договоренность облегчаются тем, что в российской социал-демократии «почти совсем нет ревизионистов». Как вспоминал потом Горький, этой фразой Плеханов страшно рассмешил Ленина: он согнулся, лысина его покраснела, а плечи затряслись в беззвучном смехе. Рабочие, сидевшие вокруг, тоже заулыбались, а из конца зала кто-то

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 301.

 $^{^{2}}$ Подробнее см.: Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. С. 288-300.

спросил: «А по ту сторону (имелись в виду скамьи меньшевиков. — C. T.) — какие сидят?» 1

245

Плеханова встретили и проводили аплодисментами, однако при выборах президиума он получил лишь 120 голосов, тогда как Ленин собрал 144, а Дан — 143. Больше же всего голосов было у латыша Ф. Розиня — 272, поляка Л. Иогихеса — 188 и видного бундовца В. Д. Медема — 187. В итоге в состав президиума, состоявшего из пяти человек, Плеханов не вошел.

Вообще чувствовалось, что вокруг него в зале заседаний все чаще образуется какаято опасная пустота. Многих делегатов, особенно большевиков, коробили самоуверенность Плеханова, его менторский тон, манера прерывать своих оппонентов язвительными репликами. Недаром Горький сравнивал Плеханова с протестантским пастором, который говорит, как законоучитель, уверенный в том, что его мысли неоспоримы, а каждое слово и даже паузы между словами — драгоценны. Он требовал к себе внимания и почтения, сердито посматривая на тех, кто во время его выступления осмеливался перешептываться с товарищами.

Плеханов поддержал предложение меньшевиков не обсуждать на съезде острые теоретические вопросы, чтобы вновь не поссорить объединившиеся год назад фракции большевиков и меньшевиков. При этом он выразил сомнение в том, что съездовская дискуссия — часто стихийная и хаотичная — может привести к обогащению марксистской теории. «То, что вы называете выработкой теории, -говорил он, обращаясь к большевикам, — уподобило бы нас английскому парламенту XVII века, вырабатывавшему и принимавшему большинством голосов английский... молитвенник. Политическая партия такими делами заниматься не может». Плеханов даже сравнил обсуждение теоретических вопросов на партийных съездах с бесплодными спорами средневековых схоластов о том, сколько ангелов может поместиться на булавочном острие ¹.

Плеханов был, вероятно, прав в том, что многолюдные и дорогостоящие партийные съезды — не лучшее место для больших и серьезных дискуссий при наличии множества самых различных, порой полярно противоположных точек зрения. С другой стороны, было бы элементарным неуважением к высшему партийному форуму сводить его роль лишь к принятию подготовленных заранее резолюций, предоставив решение важнейших вопросов теории только немногим «избранным». Очевидно, оптимальным вариантом было бы сочетание кабинетной работы партийных теоретиков, публичных дискуссий (в печати, на собраниях, во время реферативных выступлений лидеров партии и т. д.) и обсуждения теоретических проблем на заседаниях ЦК, съездах и конференциях

¹ Горький М. Мать. Воспоминания. М., 1985. С. 357.

РСДРП. Однако на практике найти эту «золотую середину» было очень непросто.

Сам Плеханов предпочитал не перегружать свои выступления на съезде теоретическими вопросами. Пожалуй, никогда еще его речи

не изобиловали таким количеством шуток, острот, анекдотов, цитат из литературных произведений, — и все это, несмотря на скверное самочувствие. Георгий Валентинович как будто хотел доказать всем, в том числе и самому себе, что «есть еще порох в пороховницах», хотя весь этот блестящий словесный фейерверк уже не мог прикрыть отсутствия новых оригинальных мыслей, да и шутки Плеханова не всегда были удачны и свежи.

Основная дискуссия на съезде развернулась вокруг вопроса об отношении РСДРП к «непролетарским» партиям. Делегаты заслушали целых четыре доклада — Ленина, Мартынова, Р. Люксембург и бундовца Абрамовича. Особенно досталось Плеханову от Р. Люксембург, которая обвинила его в догматической интерпретации взглядов Маркса и Энгельса на роль либералов в буржуазной революции и в откровенной идеализации русской либеральной буржуазии, явно тяготевшей к соглашению с самодержавием, а не к союзу с силами демократии. Правда, Р. Люксембург сделала комплимент Плеханову, назвав его «почитаемым теоретиком и творцом русского марксизма», однако не преминула тут же заметить, что «революционный русский либерализм — это фантом и что повторение Плехановым тех характеристик буржуазии, которые давали в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс, является применительно к России начала XX в. поразительным примером метафизического мышления и превращения марксизма в окаменевшую догму.

Что и говорить, Плеханов оказался в крайне затруднительном положении: молчать он не мог (это было бы истолковано как признание им своего поражения), но и любая резкость по отношению к даме, пусть даже идейному противнику, уронила бы его не только в общественном мнении, но прежде всего в собственных глазах. Поэтому Георгий Валентинович, как настоящий джентльмен, решил обратить в шутку явно невыгодный для него спор с Р. Люксембург. При этом он искусно обыграл два полемических выпада против нее, содержавшиеся в выступлениях бундовцев Абрамовича и Либера (первый назвал Люксембург бланкисткой, а второй ехидно поинтересовался, на каком стуле она сидит ¹).

Отвечая Абрамовичу, Плеханов сказал, что взгляды Р. Люксембург — это все-таки марксизм («бланкизм надо целиком оставить товарищам большевикам»), но марксизм не «окаменелый», а испарившийся, улетучившийся от жара революционной фразеоло-

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 378-379.

гии. Ответ Либеру выглядел еще более эффектно: «Тов. Либер спросил т. Розу Люксембург, на каком стуле она сидит. Наивный вопрос!

¹ Р. Люксембург была делегатом съезда от Лодзинской организации польских социал-демократов, являлась после Стокгольмского учредительного съезда членом РСДРП и, кроме того, выступала с приветствием от германской социал-демократии, в рядах которой работала уже более десятка лет.

217

Тов. Роза Люксембург не сидит ни на каком стуле. Она, подобно рафаэлевой мадонне носится на облаках... отрадных мечтаний», — под аплодисменты делегатов заявил Плеханов ¹. Этот внешне очень галантный пассаж заключал в себе и немалую дозу яда, ибо сравнение Р. Люксембург с ее маленьким ростом, большим носом и ярко выраженной семитской внешностью с Сикстинской мадонной выглядело довольно комично и звучало полукомплиментом, полунасмешкой над известной революционеркой.

Что касается существа дела, то Плеханов, довольно искусно обойдя вопрос об эволюции взглядов Маркса и Энгельса на роль буржуазии в германской революции 1848 — 1849 гг., заявил, будто они никогда не смотрели на немецкую буржуазию как на революционный класс и относились к ней совершенно так же, как русские марксисты смотрят на свою национальную буржуазию. Мягко говоря, это было большой натяжкой, поскольку позиция Маркса и Энгельса в конце 1840-х годов претерпела немалые изменения², тогда как Плеханов предпочитал цитировать лишь те их высказывания о буржуазии, которые совпадали с его собственными взглядами по данному вопросу. С другой стороны, отвергая упреки большевиков и Р. Люксембург в принижении революционной роли пролетариата, Плеханов несколько напыщенно воскликнул: «Нам говорят: вы делаете пролетариат орудием буржуазии. Это совершенно неверно. Мы делаем буржуазию орудием пролетариата. Прошли те времена, когда пролетариат служил орудием буржуазии, миновали без возврата. Теперь пролетариат является демиургом нашей революционной деятельности. Теперь он — главная сила. И это дает ему особые права, это налагает на него особые обязанности. Гегель говорит в своей «Философии истории», что народ, являющийся носителем великой исторической идеи, может рассматривать все другие народы как орудие для осуществления его великой цели; он может топтать их ногами и может употреблять их как средство. Мы стоим не на национальной, а на классовой точке зрения. Но и мы думаем, что пролетариат, этот носитель великой идеи нашего времени, может топтать ногами все отжившее и пользоваться всем существующим для своей великой цели. Он может и он должен поступать так, ибо он был, есть и будет главным двигателем революции в настоящее время» (Аплодисменты) ³. Вряд ли стоит говорить здесь, насколько самоуверенно звучали слова Плеханова о том, что пролетариат делает буржуазию орудием выполнения своих замыслов. А как режет слух фраза Плеханова о праве (?) пролетариата «топтать

³Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 394.

248

ногами» все отжившее и «пользоваться» всем существующим для достижения своей цели, взятая на вооружение большевиками в 1917 г.! Заметим, однако, что после этого пассажа Плеханову аплодировали. И, видимо, не только большевики!

Как известно, большевикам вместе с делегатами национальных социалдемократических организаций удалось провести на съезде свою резолюцию об отношении к непролетарским партиям, в которой, вопреки мнению Плеханова, было немало
нелестных слов в адрес кадетов и октябристов. Не помогло меньшевикам и выступление
Плеханова в защиту идеи «рабочего съезда», которая была отвергнута большинством
делегатов, считавших, что широкая внепартийная рабочая организация может стать
опасным конкурентом РСДРП. Возможно, такие опасения и имели под собой определенную почву, но думается, что Плеханов, всегда остававшийся патриотом революционной пролетарской партии, был прав, когда предсказывал победу на «рабочем съезде»
социал-демократических идей и видел в нем эффективное средство легализации и расширения пролетарского движения, а не альтернативу РСДРП.

Свои выступления на V съезде РСДРП Плеханов собрал в небольшом сборнике «Мы и они», который был издан в 1907 г. сначала в Женеве, а потом в Петербурге. Сборник открывался предисловием, в котором Плеханов без обиняков раскрыл смысл его названия: «мы» — это меньшевики, которых облыжно обвиняют в ревизионизме; «они» большевики, тактические взгляды которых очень напоминают взгляды Бланки, Бакунина и прочих революционеров-утопистов, что, по мнению Плеханова, даже хуже, чем «пересмотренный» ревизионистами марксизм. Вспоминая о беседе с одним рабочимбольшевиком, который никак не мог понять, как социал-демократы могут входить в соглашение с кадетами, поскольку среди них много капиталистов, Плеханов воспроизвел свой ответ, дающий яркое представление о логике рассуждений всех меньшевиков: «У вас два врага, — говорил Плеханов. — Разумная тактика требует от вас, чтобы вы сначала сосредоточили свои силы на одном из них и, разбив его, устремились на другого. Так всегда поступал великий мастер в деле решения тактических задач, Наполеон І. На кого же вы должны напасть прежде? Очевидно, на правительство. Сосредоточивайте же против него свои силы. Но правительство, — этот враг, который прежде других должен быть разбит вами, — встречает и до поры до времени будет встречать противодействие со стороны кадетов. Это значит, что ваши враги пока ссорятся и между собою. Разумная тактика требует от вас, чтобы вы, сосредоточивая свои силы против правительства, использовали в интересах революции ту оппозицию, которую пока еще делает ему «пар-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 394.

² В 1847 — 1848 гг. Маркс и Энгельс считали еще германскую буржуазию революционным классом, но затем стали резко критиковать немецких либералов.

тия народной свободы». А вы боитесь этого как измены; вопреки здравому смыслу, вы стараетесь помирить друг с другом ваших, пока еще ссорящихся между собою, врагов и потому,

воображая себя верными хранителями революционных принципов, вы наносите серьезный вред революции» ¹.

Плеханов упрекал также большевиков в боязни реформ, которые якобы могут помешать ходу революции. При этом он привел пример их отрицательного отношения к лозунгу ответственного думского министерства, явившегося, по его мнению, настоящей услугой Столыпину. В целом же Плеханов приходил к выводу, что Маркс был бы, пожалуй, в русских условиях чистейшим меныпевиком ².

Между тем Первая российская революция подходила к концу. Первый штурм царизма закончился неудачей, хотя борьба народа была далеко не бесплодной.

Что же принесли годы революции Плеханову? В общем и целом он избежал в эти годы больших взлетов и падений, окончательно закрепившись на позициях кабинетного марксистского теоретика, к советам которого, однако, не слишком прислушиваются марксисты-практики. Плеханов не поддался искушению объявить русскую революцию «перманентной», когда она шла на подъем, но и не видел поводов для отчаяния, когда верх стало брать царское правительство. Он пытался мерить русскую революцию первую революцию ХХ в. — мерками старых марксистских оценок европейских революций 1848—1849 гг. и, прямо скажем, не слишком преуспел в этом, ибо и специфика России, и особенности новой исторической эпохи, в которую мир вступил как раз на рубеже двух столетий, требовали от революционеров принципиально новых подходов и решений. Не подтвердились, в частности, и его ожидания, связанные с российской буржуазией и либерализмом, которые вовсе не собирались бить царизм вместе с революционерами. Сорвались и обе попытки наладить в России нормальную парламентскую работу, поскольку Первая Государственная Дума была распущена царем через 72, а Вторая — через 103 дня после их созыва, хотя по закону им был отпущен пятилетний срок. Не нашли отклика и призывы о сотрудничестве, обращенные Плехановым к партии кадетов. Все это не внушало ему оптимизма, хотя он и был убежден, что когда те, кто был в 1905 г. детьми, подрастут и станут солдатами, в России будет новая революция 3 .

Тяга широких демократических кругов российского общества к социалистической литературе и значительное смягчение цензурных условий привели к тому, что в 1905 — 1907 гг. на отечественном книжном рынке появилось довольно много произведений Плеханова. В 1906 г. сначала в журнале «Образование» (№ 1), а потом отдельной бро-

шюрой был опубликован биографический очерк о Плеханове, написанный меньшевиком А. Ельницким. А. М. Коллон-

250

тай в письмах к Плеханову не раз повторяла, что он очень популярен в России. «Знаете ли Вы, что теперь Вы — один из популярнейших людей в России. Вас боятся, восхваляют, бранят, ненавидят, а все вместе — прислушиваются. А это главное!» — писала Коллонтай Плеханову в январе 1907 г. из Петербурга. А вот выдержка из ее же письма, написанного через месяц: «Ваши «Письма» (имеются в виду «Письма о тактике и бестактности». — $C.\ T.$) производят громадный шум, это обыкновенно «гвоздь» дня: едва сойдутся два человека — начинается грызня, само собою разумеется, поскольку одни приветствуют Ваши слова, постольку другие ими недовольны. Тем не менее прислушиваются все, а волнуются и сердятся, очень сердятся многие» $^1.$

И все же в 1905 — 1907 гг. уже чувствовалось, что будущее — не за Плехановым. В России рождалось новое поколение революционеров, для которых «отец» русского марксизма был уже вчерашним днем революции.

ГЛАВА VII

МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ И НАУКОЙ

3 июня 1907 г. вторично за последние одиннадцать месяцев была досрочно распущена Государственная Дума. Но на этот раз власти пошли значительно дальше, чем в июле 1906 г., изменив без санкции депутатов избирательный закон и арестовав по обвинению в подготовке государственного переворота 55 членов думской фракции РСДРП во главе с Ираклием Церетели. Казалось, повод для народного возмущения был налицо, но силы революции к этому моменту были уже практически исчерпаны. Россия промолчала. Наступал звездный час премьера Столыпина.

Депрессия ощущалась во всем — в экономике, политике, поведении людей. С 1907 г. началось осуществление столыпинской аграрной реформы. Пошла вниз кривая забастовочного движения — этот вернейший показатель прочности существующего режима, настроений рабочих и экономической конъюнктуры. Если за последние семь месяцев 1907 г. как бы по инерции еще бастовало около полумиллиона чел., то в 1910 г. число стачечников не превышало уже 160 тыс. Притихли деревня и армия. Интерес общества к революционерам уступил место новым увлечениям — богоискательству и богостроительству, эмпириокритицизму, поэтам-декадентам, французской борьбе, вопросам сек-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 408.

² Там же. С. 410.

³ См.: РЦХИДНИ. С». 264. Оп. 1. Д. 201. Л. 16.

¹ См.: Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. С. 253.

са. Интеллигенция громко каялась в революционном безумии, а социалистическим партиям приходилось, скрепя сердце, снова уходить в подполье или пополнять ряды политической эмиграции. Быстро шел отток временных попутчиков революции. Усиливалось провокаторство.

Кризисные явления коснулись и обеих фракций РСДРП, пути которых вновь стали расходиться. Среди меньшевиков царили апатия, разобщенность, сомнения. Отдали не-избежную после поражения революции дань этим настроениям и многие большевики.

Характеризуя состояние меньшевистских организаций в конце 1907 г., Ф. И. Дан писал П. Б. Аксельроду: «Меньшевизма как организации теперь попросту в России нет, и собрать его снова механическим путем невозможно. В меньшевизме как направлении происходит, несомненно, разложение. В противоположность большевикам, у которых сохранилась верхушка организации, у нас именно верхушка первая подверглась разложению, и потому у нас нет сил, чтобы собрать те здоровые меньшевистские элементы, которые имеются среди сознательных рабочих в гораздо большем количестве, чем 2 — 3 года назад и даже чем в прошлом году. Для значительной

252

части меньшевистской интеллигенции все прогрессивные лозунги меньшевизма стали постепенно лазейками для того, чтобы нервным, развинченным, расслабленным людям уйти не только от общепартийной, но и от всякой политической работы. Открытые организации, отрицательное отношение к подполью, думская деятельность, использование всех легальных возможностей и пр. и пр. — все это для целой массы интеллигентов стало дорожкой либо к ренегатству, либо к самому низкопробному оппортунистическому культу «малых дел». Не большевистское ухарство грозит нам в этих людях с повисшими носами — куда уж им до ухарства! — а самое обыкновенное либеральное перерождение» ¹.

В социал-демократических организациях все чаще стали произносить новое слово «ликвидаторство», означавшее отказ части меньшевиков от подпольной работы, уход в легальные организации и отречение от наследия 1905 — 1907 гг. У большевиков были свои проблемы, связанные с нежеланием некоторых партийных работников примириться с необходимостью временного отказа от наступательной тактики, боевых дружин, «эксов», бойкота Думы. И хотя основное ядро большевиков продолжало верить Ленину, а меньшевики категорически отказывались ставить знак равенства между меньшевизмом как таковым и «ликвидаторством», кризис в РСДРП, который развивался параллельно с кризисом в партии эсеров и у кадетов, значительно ослаблял революционный лагерь.

Нелегкие времена переживал и герой нашего очерка, хотя внешне его жизнь остава-

лась такой же размеренной, комфортной и интеллектуально насыщенной, как и прежде. При этом затишье на революционном фронте, необходимость осмыслить уроки прошлого и обдумать тактику на будущее, а также усталость от бесконечных фракционных раздоров вызывали у Плеханова вполне объяснимое стремление сосредоточиться на теоретической и литературной работе, хотя о полном отходе от партийных дел, естественно, не могло быть и речи.

В августе 1907 г. Георгий Валентинович, несмотря на болезнь, приехал в небольшой немецкий город Штутгарт, где прошел седьмой конгресс II Интернационала. К сожалению, из-за нездоровья участие Плеханова в его работе свелось в основном к выступлению в комиссии по вопросу о взаимоотношениях социалистических партий с профсоюзами, где он отстаивал идею единства профессионального движения (применительно к России это означало, что не должно быть обособленных социал-демократических, эсеровских и т. п. профсоюзов). Дополнение Плеханова к проекту резолюции членами комиссии было принято.

Вернувшись в Женеву, Плеханов продолжил сотрудничество в петербургской газете «Товарищ». Параллельно с этим он выступил

253

в журнале «Современный мир» с большой статьей, где подробно разбирал книгу итальянца Артуро Лабриолы «Реформизм и синдикализм» с послесловием большевика Луначарского, которому за увлечение синдикалистскими идеями досталось от Плеханова едва ли не больше, чем самому автору книги. Появление целого ряда статей и заметок Плеханова с критикой анархо-синдикализма было продиктовано не только его отрицательным отношением к этому достаточно популярному тогда на Западе и начавшему проникать в Россию течению, но и стремлением нанести еще один удар по большевикам, в тактике которых он усматривал определенное сходство с левацкими лозунгами анархо-синдикалистов (увлечение стачками, экспроприациями, бойкотом легальных организаций и т. п.).

Еще в преддверии V съезда РСДРП Плеханов писал Мартову, что не вредно было бы, если бы дело дошло, наконец, до разрыва с большевиками, поскольку работать с ними вместе совершенно невозможно ¹. Неудивительно поэтому, что он стал и одним из инициаторов создания фракционной меньшевистской газеты «Голос социал-демократа», которая издавалась с февраля 1908 г. сначала в Женеве, а потом в Париже параллельно с центральным общепартийным органом «Социал-демократ». «Газета необходима для борьбы с тем политическим одичанием, которое надвигается на нас», — подчеркивал он

¹ Дан Ф. И. Письма (1899-1946). Амстердам, 1985. С. 184.

^{2,} имея в виду прежде всего взгляды большевиков.

Однако сам Плеханов писал тогда на политические темы сравнительно немного. Так, в 1908 г. он опубликовал «Заметки публициста», предисловие к брошюре бывшего члена Петербургского совета Степана Голубя «Через плотину интеллигентщины» и статью «Уроки прошлого» для изданного в Женеве меньшевиками сборника «Тернии без роз», посвященного деятельности социал-демократической фракции II Государственной Думы. Тем не менее Плеханов сумел поставить здесь ряд вопросов, без уяснения которых критический анализ уроков революции был бы просто невозможен. Так, Георгий Валентинович очень верно заметил, что в 1905 — 1907 гг. революционеры плохо знали, а потому и мало принимали в расчет социальную психологию народных масс, особенно крестьянства, ориентируясь в основном на настроения демократической интеллигенции и узкого политизированного слоя рабочих. На примере июльских событий 1906 г. Плеханов показал, что неправы были тогда не только большевики, предсказывавшие в самое ближайшее время новое вооруженное восстание, но и меньшевики, звавшие народ к всеобщей стачке в защиту распущенной царем І Государственной Думы, поскольку ни те, ни другие не знали по-настоящему настроений широких слоев народа. «... Когда составляются наши

254

«лозунги», резолюции и т. д., — писал Плеханов, — то при их составлении всегда принимается во внимание именно *«интеллигентская»* и к тому же еще **кружковая психология:** такие-то строки вводятся для того, чтобы пояснить дело таким-то «практикам», а такие-то затем, чтоб такой-то **икс** или **игрек** не обвинил нас в оппортунизме и т. п., — в результате получается нечто, может быть, гениальное с точки зрения «интеллигентской» кружковщины, но, несомненно, очень мало пригодное для агитации в широкой массе» ¹.

Разбирая проект аграрной реформы, внесенный в III Думу крестьянскими депутатами умеренно-правого направления, Плеханов обращал внимание на то, что, помимо довольно радикальных земельных требований, которые как будто не очень вязались с их монархизмом, в этом проекте присутствовало и требование создания демократических земельных комитетов, свидетельствовавшее о значительном прогрессе в развитии политического сознания крестьян. Революционерам, подчеркивал Плеханов, нужно очень бережно и умело подойти к самым отсталым крестьянским слоям, чтобы, не запугивая мужика своей «ультрареволюционностью», осторожно, но систематически воздействовать на его сознание, придавая ему силу, подвижность и смелость. Ведь в 1905—1907 гг. крестьян — а вместе с ними и всю революцию в целом — подвела именно политическая темнота и пассивность деревни, без преодоления которых рассчитывать на побе-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 137. Л. 3-4; см. также: ф. 134. Оп. 1. Д. 310. Л. 5.

² Там же. Ф. 264. Оп. 1. Д. 115. Л. 2.

ду народа над самодержавием нельзя. Не нужно забывать, писал Плеханов, что от степени сознательности русского крестьянина зависит во многом и поведение русского солдата, который может либо стрелять в народ, как это и было в основном в 1905—1907 гг., либо повернуть оружие против его угнетателей ².

Большое значение имел также призыв Плеханова к развитию самодеятельности рабочей массы и ее сближению с революционной интеллигенцией, к объединению всех демократических сил страны при сохранении строго пролетарского характера РСДРП, к восстановлению временно утраченного рабочим классом положения гегемона освободительного движения в России ³. Особенно радикально выглядел последний тезис, который, как показали последующие события, не был случайной обмолвкой ради «красного словца» и существенно отличался от позиций многих меньшевиков, отказывавшихся в то время от самой идеи гегемонии пролетариата.

Однако постепенно внимание Плеханова все больше переключалось на теоретикофилософские вопросы. В конце 1907 г. в очень короткий срок он написал статью, приуроченную к исполнявшемуся

255

в марте следующего, 1908 г. 25-летию со дня смерти Карла Маркса. Правда, сборник, для которого предназначалась эта работа, не вышел в свет: слишком пестрым оказался состав его авторов, придерживавшихся порой далеко не ортодоксальных марксистских взглядов в области философии (большевик Луначарский, меньшевик Юшкевич и др.). Но в 1908 г. работа Плеханова была издана в Петербурге в виде отдельной брошюры под названием «Основные вопросы марксизма» (в 1909 г. ее перевели на немецкий язык). Появилась также статья Плеханова о Марксе и в «Голосе социал-демократа».

Плеханов не ограничился приличествующими случаю хвалебными словами в адрес Маркса, а использовал юбилейную дату для того, чтобы еще раз в доступной широкому читателю форме изложить важнейшие положения диалектического и исторического материализма, показать связь марксизма с предшествующим развитием передовой человеческой мысли и вместе с тем тот качественный скачок в понимании сущностных явлений природы и общества, который связан с именами Маркса и Энгельса.

В работе «Основные вопросы марксизма» особый интерес представляют те ее разделы, которые посвящены изложению взглядов Маркса и Энгельса на ход исторического процесса. В частности, Плеханов впервые подчеркнул здесь значение социально-психологического компонента общественного сознания как важного промежуточного звена между социально-политическим строем, который вырастает на базе определенной

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 426.

² Там же. С. 427.

³ См.: там же. С. 433.

системы производственных отношений, и различными идеологическими надстройками. В итоге у него получалась своего рода пятичленная формула, раскрывающая механизм взаимодействия основных факторов, определяющих ход человеческой истории: 1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной социальной основе; 4) психология общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие свойства этой психологии ¹.

Коснулся Плеханов и вопроса о том, возможна ли серьезная, аргументированная научная критика Маркса и марксизма. Он отнюдь не считал великого немецкого ученого непогрешимым, указав, в частности (вслед за Энгельсом), на ошибки основоположников марксизма в 1848 г., когда они, с одной стороны, недооценили способность капитализма к дальнейшему развитию, а с другой — переоценили порыв большинства рабочих к революционному действию. Плеханов признавал, что Маркс и Энгельс не имели времени серьезно заняться изучением истории искусства, религии, философии. Но он был категорически против дилетантской, спекулятивной критики марксизма, нередко основанной на слабом знакомстве со

взглядами Маркса и Энгельса или непонимании сущности марксистского учения. Сам Плеханов (как и Ленин) не склонен был выискивать ошибки и слабости в марксовой аргументации, отвергая также любые попытки замены якобы устаревшего и одностороннего марксизма эклектической смесью отдельных его положений с разного рода «дополнениями», взятыми из модных немарксистских теорий. Таким образом, Плеханов еще раз продемонстрировал свою верность заветам учителей, свой материалистический монизм.

В этом контексте очень органичной выглядела и критика Плехановым в 1908 — 1909 гг. взглядов А. А. Богданова, который вместе с Луначарским, Валентиновым, Юшкевичем и др. попытался соединить марксизм с учением австрийского физика и философа, одного из основателей эмпириокритицизма («философии критического опыта») Эрнста Маха. Надо сказать, что Плеханов уже давно «точил зуб» на русских махистов и прежде всего на Богданова и Луначарского, занимавших в период революции 1905 — 1907 гг. видное положение в рядах большевиков. Еще во время совместной работы с Лениным в «Искре» он не раз обращал его внимание на сомнительные, с точки зрения марксистской ортодоксии, философские выводы Богданова. Против махизма выступала в «Искре» и ученица Плеханова Л. И. Аксельрод. Однако лидер большевиков, безоговорочно признавая авторитет и правоту Плеханова в вопросах философии, по чисто фракцион-

 $^{^1}$ См.: Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. III. С. 179-180.

ным соображениям долгое время воздерживался от философской полемики со своим тогдашним соратником. Тем не менее в 1906 г., прочитав подаренную ему книгу Богданова об эмпириомонизме, Ленин составил не предназначавшийся для печати ответ с замечаниями на эту работу, солидаризировавшись с материалистическими взглядами Плеханова.

После революции Богданов-политик стал быстро отходить от Ленина, превратившись в лидера «левого» большевизма. Он упрекал Ленина в увлечении «легализмом», реформистских иллюзиях и даже в идейном перерождении. Появились и разногласия по вопросам, связанным с финансами партии, которые приобрели в то время особенно большое значение в жизни РСДРП. Словом, Богданов выступил как прямой соперник Ленина в руководящих партийных инстанциях, а этого ему простить уже не могли. В 1909 г. Ленин настоял на том, чтобы вывести Богданова вместе с Красиным из большевистского заграничного центра, а Богданов в ответ создал собственную группу «Вперед» и повел ожесточенную борьбу с лидером большевиков.

В области философии против Богданова и «богдановщины» выступили одновременно и Ленин, и Плеханов. Чашу терпения последнего переполнило открытое письмо к нему, опубликованное Богдановым в 1907 г. в журнале «Вестник жизни» и являвшееся по существу вызовом на серьезный научный турнир. Плеханов уже давно считал махизм разновидностью субъективного идеализма, но все откладывал публичное объяснение с Богдановым, предпочитая

действовать методом мелких словесных уколов вроде замены привычного в партийной среде обращения «товарищ» на презрительное «господин». Но отмалчиваться и дальше было уже опасно, ибо могло сложиться впечатление, что ему просто нечего ответить по существу поставленных Богдановым вопросов. Поэтому в начале 1908 г. Плеханов засел за ответ русским махистам, дав ему выразительный заголовок «Materialismus militans» («Воинствующий материализм»). Первые две части этой работы были опубликованы летом и осенью 1908 г. в «Голосе социал-демократа».

Плеханов давно уже не находился в столь воинственном настроении. Когда П. Б. Аксельрод и А. С. Мартынов стали уговаривать его произвести во второй части «Воинствующего материализма» некоторые сокращения, он написал им 5 октября 1908 г. следующее: «Дорогие товарищи Павел и Александр Самойлович! Я не знаю, сколько именно букв в моей статье, но я знаю, что сокращать ее нельзя, т. е. собственно можно, но только на несколько букв. Но больше не могу сокращать. Войдите же в мое положение: меня просили, — прямо настаивали, — начать полемику с Богдановым. Я долго отнекивался: Дан свидетель. Наконец, я берусь за перо, уничтожаю эту бестию, и теперь мне говорят: «Надо сократить или отложить». Видали ли Вы кота с мышью во рту? Попробуйте посоветовать ему «сократить» или «отложить» его добычу: он только зарычит. Так и я. Ни сокращать, ни откладывать не могу, теперь во мне говорит чувство охотника, от которого может уйти дичь. Я могу предложить только совсем не печатать мою статью фельетоном, а выпустить ее отдельным приложением... Но Богданов должен умереть сейчас и «sans phrases» (без разговоров. — фр.)» 1.

Задор Плеханова, конечно же, подогревался тем, что удар по Богданову был в значительной мере и ударом по Ленину, хотя объективности ради нужно сказать, что Георгий Валентинович не щадил и «еретиков» из числа меньшевиков ². Чувствовалось, что он хочет уничтожить Богданова как философа: обвинения в идеализме и ревизионизме, унизительные сравнения и эпитеты сыпались, как из рога изобилия. При этом Плеханов, видимо, не замечал, что ссылки на Энгельса и материалистов XVIII в. уже не всегда достигают цели, поскольку его оппонент оперировал данными о новейших достижениях мирового естествознания, а здесь Георгий Валентинович, увы, не всегда был на высоте.

В свою очередь, насмешливое высокомерие и язвительность Плеханова вызвали ответную негативную реакцию Богданова, который писал в своей книге «Десятилетие отлучения от марксизма» (1914 г. ¹), что ни по своим познаниям, ни по своему психиче-

¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М, 1938. Сб. 5. С. 312. Третье письмо Богданову увидело свет в 1910 г. в сборнике работ Плеханова с характерным названием «От обороны к нападению». Этот большой (около 700 стр.) сборник включал, помимо работы «Materialismus militans», цикл статей Плеханова с критикой анархо-синдикализма, ряд статей о религии, литературоведческие эссе и рецензии.

² Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. І. С. 232.

скому складу Плеханов не является образцом ученого. Богданов возмущался недобросовестными полемическими приемами Плеханова, находил в его работах неточности и передержки, указывал на конкретные ошибки в трактовке некоторых важных философских вопросов. Отсюда он делал вывод, что Плеханов совершенно случайно попал в разряд теоретиков марксистской философии, поскольку судьбе угодно было сделать его популяризатором идей Маркса и Энгельса. Выполнил Плеханов эту миссию, по мнению Богданова, не без ошибок, но в целом им была проделана большая и полезная работа, да и судить о его ошибках было тогда просто некому. А затем «по привычке вчерашних рабов, наши россияне стали обращаться к Плеханову за авторитетным разрешением всевозможных вопросов, в том числе философских. Так он попал в положение, которое, в конце концов, оказалось довольно фальшивым», — заключал Богданов ².

Переходя к Плеханову-политику, Богданов делал вывод, что за десятилетие 1904 — 1914 гг. в русской социал-демократии не было человека, который, пользуясь своим огромным авторитетом, больше содействовал бы порче партийных нравов ³. При этом он обвинил Плеханова в «генеральстве», неуважении к партийной дисциплине, игнорировании руководящих учреждений партии и т. д. Конечно, пером Богданова водило в данном случае уязвленное самолюбие, но доля истины в его суждениях, несомненно, была. Характерно для сложившейся конфронтационной ситуации и другое: Богданов ответил на плехановскую критику в двух специальных работах — «Приключения одной философской школы» (1908) и «Падение великого фетишизма. Вера и наука» (1909), однако продолжать с ним научную полемику Плеханов не пожелал. Тем самым он как бы подтвердил слова Богданова о том, что Плеханов как защитник марксизма от нападок его идейных противников и как крестный отец РСДРП остался уже в прошлом ⁴.

В нашу задачу не входит критический разбор философского спора Плеханова с Богдановым, которым должны заняться специалисты. Заметим лишь, что сегодня научное сообщество смотрит на Богданова гораздо более благожелательными глазами, чем во вре-

259

мена Плеханова и Ленина ¹. В богдановском эмпириомонизме видят теперь реальную попытку переработки ряда интересных идей современной немарксистской философии в целях обогащения и совершенствования марксизма, а в его тектологии — провозвестницу идей кибернетики и общей теории систем. Признается также, что Богданов до конца оставался убежденным сторонником марксизма, а лейтмотивом всего его научно-

¹ Книга впервые увидела свет лишь через 80 лет после своего создания. См.: Неизвестный Богданов. Кн. 3. М., 1995.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же

го творчества и практической деятельности была ориентация на социалистическую перспективу.

В этом контексте в совершенно ином свете предстает и полемика Богданова с Плехановым, который упрощал, вульгаризировал и в чем-то искажал его взгляды не только по чисто политическим мотивам, но и потому, что оставался в общем и целом выдающимся представителем научных традиций XIX в., тогда как Богданов — пусть не всегда удачно и последовательно — старался уже идти в ногу с новым, двадцатым столетием. И если для Плеханова (и Ленина) высшими авторитетами в области философии всегда оставались Маркс и Энгельс, то Богданов сознательно стремился синтезировать марксизм с философскими концепциями Маха, Авенариуса и ряда других современных ему философов.

Важно отметить и другое. В то время как для Плеханова и Ленина между материализмом и идеализмом лежала пропасть, Богданову подобная постановка вопроса казалась каким-то страшным упрощением. И читая сегодня их полемику, невольно думаешь, что в сущности они говорили уже на разных философских языках: отсюда взаимное непонимание, подозрения, упреки. Взгляды Плеханова и Ленина были проще и понятнее, взгляды Богданова — сложнее и в чем-то тоньше, причем он не всегда умел придать им ясную и доступную пониманию широкого читателя форму. Вопрос состоит лишь в том, стоило ли отлучать его за это от марксизма и социал-демократии? Если следовать старому библейскому принципу «Кто не с нами, тот против нас», — да, если признавать право ученого в процессе поиска научной истины подвергать сомнению абсолютно все, — нет. И трудно отделаться от мысли, что решающее слово в этой полемике принадлежало все же политике, а не принципам высокой науки.

Тесно связаны с работами Плеханова, направленными против Богданова, и его большие статьи из серии «О так называемых религиозных исканиях в России», опубликованные в 1909 г. в трех номерах «Современного мира». Здесь ставятся общие теоретические вопросы о происхождении и сущности религии, дается критика взглядов бывшего «легального марксиста» С. Н. Булгакова, бого-

Гениальное литературное наследие Толстого, его философские и религиозные искания, общественная деятельность, оценка великого писателя и мыслителя представите-

 $^{^{1}}$ См.: Гловели Г. Д., Фигуровская Н. К. Трагедия коллективиста // Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990; Садовский В. Н. Эмпириомонизм А. А. Богданова: забытая глава философской науки // Вопросы философии. 1995. № 8; Шерер Ю. Ленин и Богданов // Россия XXI. 1996. № 5-10 и др. 260

строительских теорий А. В. Луначарского и М. Горького, мистицизма писателя Д. С. Мережковского и поэта-декадента Н. Минского, религиозных мотивов в творчестве Льва Толстого.

лями различных политических течений — все эти вопросы занимали Плеханова на протяжении нескольких десятилетий. Восьмидесятилетний юбилей писателя в 1908 г., а затем его уход из Ясной Поляны и смерть в 1910 г. послужили толчком к появлению новых плехановских статей о нашем великом соотечественнике.

«Что автор «Войны и мира» есть великий писатель русской земли, что русская земля имеет право гордиться им и обязана любить его, что самый факт появления в нашей многострадальной России таких писателей служит нам одним из ручательств за ее лучшее будущее, — все это так, все это верно, все это неоспоримо. Но великий писатель русской земли велик как художник, а вовсе не как сектант. Его сектантство свидетельствует не об его величии, а об его слабости, т. е. о крайней ограниченности его общественных взглядов. И чем больше мы любим и чтим великого художника, тем прискорбнее для нас его сектантские заблуждения», — писал Плеханов ¹.

Он откровенно признавался, что любит Толстого «отсюда и досюда», четко разделяя в нем писателя и «проповедника», художника слова и «учителя жизни», причем в этом последнем своем качестве Толстой был для Плеханова не просто неприемлем, но даже «страшен». Марксист Плеханов с его сугубо классовым, предельно идеологизированным подходом к искусству сравнительно немного говорит о том эстетическом наслаждении, которое несло и несет людям творчество Толстого, и совсем не склонен умиляться его гуманизму и стремлению к самоусовершенствованию: ведь для революционера главный источник всех бед человеческих — это не противоречия, раздирающие грешные души людей, а несправедливость окружающей их жизни. Зато перечень «грехов» Толстого занимает у Плеханова целые страницы: здесь и его идеализм, и метафизичность мышления, и религиозность, и страшная противоречивость в мыслях и поступках. Особенно негодует Плеханов — и это вполне логично в общем контексте его мировоззрения — по поводу толстовской теории «непротивления злу насилием», усматривая в ней объективную помощь эксплуататорам и насильникам, стоящим у руля современного государства.

Между тем на примере взаимоотношений Л. Н. Толстого и П. А. Столыпина хорошо видно, что писатель не принимал ни Столыпина, насаждавшего в деревне частную собственность на землю,

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 350-351.

ни тем более Столыпина-вешателя, а в знаменитой статье «Не могу молчать» (1908 г.), осуждая насилие и террор и «сверху», и «снизу», все же находил некоторые смягчающие обстоятельства для революционеров, тогда как по отношению к власть имущим он был совершенно беспощаден. Заметим в этой связи, что известный ленинский тезис о Толстом как «зеркале русской революции», несмотря на его ярко выраженный революционно-пропагандистский характер, несравненно глубже отражал противоречивый характер толстовства, чем плехановская дихотомия: великий художник — слабый мыслитель, реалист в искусстве — утопист в политике ¹.

Было бы несправедливо отрицать, что Плеханов признавал объективно революционизирующее воздействие многих произведений Л. Н. Толстого на русское общество. Независимо от намерений самого писателя, правдиво нарисованные им картины жизни «верхов» и «низов» России пробуждали у читателя «святое стремление выставить против реакционного насилия революционную силу» ². Но, в отличие от Ленина, эта тема, как и тема «Толстой и русское крестьянство», не получили у Плеханова дальнейшего развития. Толстой остался для него прекрасным бытописателем дворянских гнезд, идеологом дворянской аристократии, «большим барином». Видимо, не разделял он и ленинскую мысль о том, что Толстой, после совершившегося в нем нравственного перелома, перешел на позиции патриархального русского крестьянина. Но в чем Плеханов и Ленин были едины, так это в резком неприятии любых попыток превратить Толстого в «святого», поднять на щит его призывы заменить общественную борьбу индивидуальными поисками душевного мира и согласия, акцентировать внимание на резкой критике великим писателем революционеров. Недаром Ленин писал Горькому: «Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и тут мы сошлись» ³. Заметим, что ряд статей Плеханова о Толстом был написан для большевистских изданий, о чем мы подробно еще будем говорить ниже.

Характерной особенностью рассматриваемого нами периода в жизни и деятельности Плеханова было усиление его интереса к исторической тематике. Он и прежде не раз выступал как историк народнического и социал-демократического движения в России, хорошо знал отечественную и европейскую историю последних двух столетий, особенно историю революций, глубоко изучал процесс перехода от первобытного общества к обществу классовому. Многие

 $^{^{1}}$ Подробнее об отношении Л. Н. Толстого к революции и революционерам см.: Тютюкин С. В. Л. Н. Толстой и первая российская революция // Исторические записки. Т. 113. М., 1986; Зырянов П. Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992 и др.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. XXIV. С. 231.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 11.

его работы были блестящими примерами исторических зарисовок, сделанных по горячим следам событий и прекрасно передававших самый дух эпохи, характерные для нее общественные настроения, социальную психологию современников. Теперь, на рубеже первого и второго десятилетий XX в. пришло время для крупных исторических полотен, которые должны были отразить как сравнительно недавнее, так и более отдаленное прошлое.

В 1908 г. развернулась работа над большим коллективным трудом «Общественное движение в России в начале XX-го века». Это было по тем временам крупномасштабное литературное предприятие, участники которого ставили перед собой задачу осмыслить с марксистских позиций основные тенденции общественно-политического развития России накануне и в период революции 1905 — 1907 гг., роль в ней различных классов и партий, причины ее поражения. Иначе говоря, речь шла о том, чтобы подвести итоги революции, проанализировать стратегию и тактику российской социал-демократии, ее успехи и неудачи и попытаться ответить на главный вопрос: что из опыта революции можно занести в актив партии и использовать в ее дальнейшей деятельности, а что нужно сдать в архив, признать ошибочным, неудачным или даже вредным.

Новое обострение фракционной борьбы в РСДРП и та кризисная ситуация, в которой партия оказалась после первой российской революции, обусловили и подбор будущих авторов, и общую идейную направленность этого труда. Ни большевики, ни Троцкий, ни члены группы «Вперед» к работе не привлекались. Готовить статьи для «Общественного движения... » должны были только меньшевики или идейно близкие к ним люди, а редакторами многотомника стали Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, П. П. Маслов и Г. В. Плеханов¹. Им же вместе с Ф. И. Даном, А. С. Мартыновым, Евг. Маевским, А. О. Ерманским, Н. Череваниным, В. О. Левицким, М. С. Балабановым, А. М. Коллонтай и др. предстояло стать авторами этой фундаментальной работы. По вполне понятным причинам главными источниками при ее подготовке должны были служить не архивные документы, а русская и зарубежная периодическая печать различных направлений, публицистика, историческая и экономическая литература, немногочисленные документальные публикации, воспоминания, т. е. то, что было доступно тогда исследователям, особенно эмигрантам.

Замысел меньшевистского труда был очень обширен: предстояло показать в динамике экономику и общественно-политический строй России на рубеже веков, ход револю-

¹ Плеханов получил предложение об участии в многотомнике через П. П. Маслова в 1907 г. Узнав о предполагаемом составе авторского коллектива, Плеханов не стал скрывать, что у него есть с некоторыми из этих лиц серьезные разногласия. Однако Маслов ответил, что все это выяснится при личном свидании. Больше к этому вопросу тогда не возвращались, и Плеханов стал членом редакционной коллегии (см.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 92.).

ционных событий 1905 — 1907 гг. и участие в них различных классов и партий, национально-освободительное движение, внутреннюю и внешнюю политику правительства. Предполагались и большие экскурсы в историю России XIX в. Полностью реализовать этот план, к сожалению, не удалось: помешала начавшаяся мировая война. Но и те пять объемистых книг, которые увидели свет в Петербурге в 1909 — 1914 гг., стали заметной вехой в отечественной историографии.

Меньшевики рассматривали события 1905 — 1907 гг. как пример неудачной общенациональной революции против абсолютистского режима. На ее судьбе роковым образом сказалось то эмбриональное состояние, в котором находилась тогда в России буржуазная демократия, выступавшая в качестве лидера революций XVIII —XIX вв. на Западе, причем слабость и нереволюционность российской буржуазии не могли быть компенсированы ни усилиями пролетариата, ни стихийным бунтарством крестьянства, ни активными действиями революционных партий. Последние, по мнению меньшевиков, слишком поддавались тем ультрарадикальным настроениям, которыми были охвачены в 1905 г. часть демократической интеллигенции и рабочих, слишком забегали вперед в своих требованиях, слишком «пугали» еще только выходившую на арену политической борьбы буржуазию. Гегемония пролетариата, которая продержалась в ходе революции в лучшем случае лишь до манифеста 17 октября 1905 г., носила как бы вынужденный характер, поскольку пролетариат и социал-демократия лишь заполняли вакуум, образовавшийся в общественно-политической жизни страны в результате слабости и неорганизованности торгово-промышленной буржуазии. Претензии пролетариата на политическую гегемонию в освободительном движении оказались, как полагали меньшевики, явно несостоятельными, и выдвигать их в дальнейшем было бы по меньшей мере неразумно.

Что касается крестьянства, то, признавая большое значение его выступлений против помещиков, меньшевики с опаской смотрели на монархизм и частнособственнические настроения этого класса как на потенциальную угрозу пролетарскому делу. Поэтому дальнейшую эволюцию России в сторону развития буржуазной демократии меньшевистские лидеры связывали с неизбежным, по их мнению, «левением» буржуазии под влиянием ее конфликтов с самодержавием.

Летом 1908 г. Плеханов уже читал статьи В. Г. Громана, А. О. Ерманского и других авторов, предназначенные для первого тома «Общественного движения... » Однако вскоре он отошел от работы в редакции, «споткнувшись» на статье А. Н. Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху»,

где рассматривалась и деятельность группы «Освобождение труда». Отношения с Потресовым складывались у Георгия Валентиновича очень неровно: первые впечатления, связанные с изданием «Монистического взгляда на историю», были самыми благоприятными, в период «Искры» молодой коллега по редакции уже не вызывал прежнего интереса и не без оснований казался слишком «обтекаемым», а его «ликвидаторские» откровения 1906—1907 гг. вызывали у Плеханова уже откровенную неприязнь. Поэтому в 1908 г. Плеханов приступил к чтению рукописи Потресова с вполне определенным предубеждением, которое росло от страницы к странице.

Сразу же стало ясно, что автор статьи решил уделить основное внимание не «подпольному» марксизму, который олицетворяли тогда в России группа «Освобождение
труда» и ее последователи, а марксизму «легальному», самым ярким представителем
которого был Петр Струве. В соответствии с этим замыслом были подобраны Потресовым и источники — в основном это были легальные отечественные журналы 1890-х годов. А идею гегемонии пролетариата Потресов связал прежде всего с именами Струве и
Ленина, даже не упомянув при этом работы Плеханова и Аксельрода. В итоге чисто
личные моменты, помноженные на принципиальные идеологические разногласия, и дали ту «гремучую смесь», которая взорвалась во время обсуждения летом 1908 г. статьи
Потресова на квартире Плеханова в Женеве.

Плеханов прямо назвал концепцию Потресова возвратом к «легальному марксизму» и выразил опасение, что не сможет продолжать работу над «Общественным движением...», если статья не подвергнется коренной переработке. Члены редакционной коллегии попросили Потресова продолжить работу над текстом, а Плеханова — отложить свое окончательное решение до ознакомления с новым вариантом статьи Потресова. И вот в октябре 1908 г. Плеханов получил часть исправленной рукописи Потресова, однако его общее впечатление от нее осталось прежним, поскольку автор ограничился тем, что включил в текст несколько цитат из сочинений членов группы «Освобождение труда», чтобы потешить самолюбие своего строгого критика.

В своей обычной манере Плеханов поставил вопрос очень резко. Он потребовал новой и притом радикальной переделки статьи, подчеркивая, что она не должна быть односторонним изложением хода умственного развития русского общества на рубеже XIX и XX вв. «в пользу Струве». В письме к Мартову, который вместе с Даном был по существу главным «закоперщиком» нового издания, Плеханов напомнил, что еще в 1894 г. Потресов уговаривал его не критиковать Струве, и выражал сожаление по поводу того, что послушался тогда его советов. «Теперь я не повторю ошибки и не сделаю новой уступки духу Струве. Повторяю, я считаю себя нрав-

ственно обязанным требовать переделки пересылаемой Вам части статьи... » — писал Плеханов Мартову 25 октября 1908 г. ¹

Мартов стал уговаривать Плеханова пойти на компромисс, объясняя общую тональность статьи Потресова тем, что он пишет как историк журнальной публицистики, и обещая компенсировать его промахи статьей А. С. Мартынова, где предполагалось осветить историю русского марксизма и группы «Освобождение труда» в более развернутой форме. Однако Плеханов продолжал настаивать на том, чтобы в статью Потресова был дополнительно включен самостоятельный раздел, посвященный критике Струве, упрекал автора в «истинно бернштейнианском» равнодушии к теории и т. д. «В таком виде, какой имеет эта работа теперь, она не только не полезна, а прямо вредна, и я по совести не могу пойти здесь рядом с Александром Николаевичем», — писал Плеханов Мартову 1 ноября 1908 г. ² Не изменилось его мнение и после знакомства с новой редакцией второй части статьи.

Однако Потресов при поддержке Мартова и Дана решил не уступать Плеханову, позиция которого казалась ему и многим другим меньшевикам слишком предвзятой и малообоснованной. Даже Л. И. Аксельрод, которая всегда поддерживала своего учителя, на этот раз не одобрила его атаку на Потресова. «Статью Потресова читала два раза и, кажется, внимательно, — писала она Плеханову. — Нахожу, что легальному марксизму придается в ней большее значение, чем он этого заслуживает. Струве вышел больше ростом, чем он есть; но так как в окончательном итоге легальный марксизм выродился в трусливый земский либерализм, то из статьи все-таки следует, что главное дело делали единственно революционная социал-демократическая партия и единственно революционный класс — пролетариат. Вследствие этого я не могу, дорогой Георгий Валентинович, согласиться с Вами, что в статье проводится та мысль, что нелегальная деятельность ничто в сравнении с легальной». Л. И. Аксельрод считала, что не стоит рвать с Потресовым, ибо он преданный социал-демократ, да и марксизм лучше него усвоили и в России, и за рубежом — всего 4 — 5 человек 3.

Мартов, признавая наличие в статье Потресова ряда недостатков, находил все же ситуацию не столь трагичной, как это виделось Плеханову. Аксельрод, Мартынов и Дан также решили защищать Потресова от плехановского «самодурства». Но Георгий Валентинович был неумолим. 8 ноября 1908 г. он уведомил Мартова, что не сможет больше участвовать в редактировании многотомника, по-

¹ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. І. С. 229.

² Там же. ³ Там же. С. 234.

Плеханов не скрывал своей обиды, ибо принять «гадкую» статью Потресова было бы для него равносильно отказу от того, чему он верой и правдой служил вот уже целых 25 лет. Вы щадите литературное самолюбие Потресова, писал он Дану, а от меня требуете настоящего самоотречения. Это несправедливо 2 .

Тем не менее Мартов и Дан приняли решение направить рукопись Потресова в набор: ведь он, в отличие от Плеханова, был «свой», а интересы меньшевистской фракции и ее внутреннее единство были для ее лидеров превыше всего.

Аксельрод попытался повлиять на Плеханова через Розалию Марковну, но безуспешно. В ответ Георгий Валентинович сообщил ему о своем решении выйти также и из состава редакции «Голоса социал-демократа». «Статья Потресова — это настоящий пасквиль на революционный марксизм, — писал он 29 ноября 1908 г. своему старому другу, который тоже не понимал, за что так достается Потресову. — Появление в печати этого пасквиля было бы для меня равносильно объявлению мне войны. Я твердо решился поднять перчатку Потресова. Но с Потресовым под руку пойдут Дан и Мартов. Отсюда вывод. Если они согласились на напечатание статьи Потресова, то мне надо выйти из редакции «Голоса социал-демократа» ³.

Коса нашла на камень. Попытки найти компромисс успехом не увенчались, и 5 января 1909 г. Плеханов написал письмо в редакцию «Голоса социал-демократа», где извещал читателей, что вышел из состава редакции «Общественного движения... » и подает в отставку с поста члена редакционной коллегии «Голоса». Однако затем он попросил не публиковать этого письма, где, помимо всего прочего, говорилось и о принципиальных разногласиях с Мартовым, и лишь в конце мая 1909 г. в «Голосе социал-демократа» появилось краткое сообщение о том, что Плеханов выходит из состава редакции газеты, в работе которой не принимал участия уже с декабря 1908 г. 4

Несколько позже, в 1910 г. вся эта история и часть связанной с ней переписки были обнародованы Плехановым в его «Дневнике», тогда как противная сторона использовала в этих же целях страницы «Голоса социал-демократа». Полемика получилась острой, но способствовала не столько выяснению истины, сколько окончатель-

ному разрыву между Плехановым и остальными меньшевистскими лидерами, которых Георгий Валентинович считал ответственными за распространение «ликвидаторских» настроений в РСДРП и попустительство ревизионистам.

Отношения с П. Б. Аксельродом больше уже не возобновлялись, а В. И. Засулич,

 $^{^{1}}$ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. І. С. 231.

^{—&}lt;sup>2</sup>См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 88-90.

³ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. І. С. 233.

⁴ Там же. С. 235 — 236, 258. Известно, что Мартов предлагал Плеханову компромиссный вариант: уходит он, а Плеханов остается, однако Георгий Валентинович не принял этого предложения.

жившая в то время в России, после некоторого перерыва все же написала «дорогому Жоржу» весной 1909 г. и получила ответ, свидетельствовавший о стремлении Плеханова к примирению. «Между нами, — писал он, — много пробежало черных кошек (по большей части похожих лицом на Дана), но та нравственная связь, которая была между нами, когда мы изучали вместе того же Гегеля, так велика, что давно пора забыть о кошках, похожих на Дана, и о котятах, смахивающих на Троцкого» ¹.

Ссора с Аксельродом, Мартовым, Потресовым, Мартыновым, Даном оставила у Плеханова очень горький осадок. Он писал жене: «...Настроение духа у меня не праздничное, это правда; но если ты думаешь, что я очень огорчаюсь моим столкновением с теми, кого ты называешь моими друзьями, то ты ошибаешься. У меня есть способность владеть собой. Вероятно, это способность самовнушения. Я говорю себе: с этим надо покончить, то-то надо забыть и забываю, и кончаю... Теперь я сказал себе: надо забыть этих господ. О, поверь, что я их забуду и успокоюсь» ². Вдобавок у Плеханова было всегда под рукой еще одно верное средство борьбы с душевными невзгодами — работа. «Завтра засяду за работу. Голова вылечит сердце», — читаем мы в одном из писем Плеханова к Розалии Марковне этого периода ³. И работа действительно помогала.

В 1909 г. Плеханов приступил к созданию самого капитального своего труда — «Истории русской общественной мысли». Замысел его постепенно вызревал у него на протяжении по меньшей мере двадцати лет: ведь еще в конце 1888 г. он предлагал С. М. Кравчинскому, который был уже к тому времени автором «Подпольной России», написать совместно и издать на английском языке в Лондоне книгу «Правительство и литература в России» — своеобразный мартиролог русской литературы начиная с Новикова и Радищева. Собственно говоря, начать Плеханову хотелось бы даже с фигур еще более древних — знаменитого хорвата Юрия Крижанича (1618—1683), предложившего царю Алексею Михайловичу план государственных преобразований в духе просвещенного абсолютизма и на 14 лет сосланного по не выясненным до конца причинам в Сибирь, и автора книги «О скудости и богатстве», горячего сторонника петровских реформ Ивана Посошкова. Уточняя план будущей работы, Плеханов писал Кравчинскому: «Мы рассказали бы о ли-

268

цемерном либерализме Екатерины II, о неистовствах павловской цензуры, о ссылке Пушкина, Лермонтова, об аресте Тургенева за похвальную статью о Гоголе, о ссылке Грибоедова, об отдании в солдаты Полежаева, о преследованиях Костомарова, Шевченко, Достоевского, М. Михайлова, Чернышевского, о том, что лишь смерть спасла Бе-

 $^{^{1}}$ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. І. С. 235 — 236, 258.

² Цит. по кн.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 279 — 280.

³ Там же. С. 279.

линского от «квартиры у Дубельта», о том, наконец, что почти все талантливые писатели настоящего времени перебывали или еще остаются в ссылке». Мы обязаны указать, заключал он, что деспотизм был всегда самым ярым и непримиримым врагом литературы и всех прогрессивных писателей ¹.

К сожалению, план этот остался тогда неосуществленным. Однако сам Плеханов к 1909 г. уже успел написать и опубликовать несколько работ по истории русской общественной мысли, проанализировав взгляды Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. К. Михайловского, В. П. Воронцова, народнических беллетристов Г. И. Успенского, С. Каронина, Н. И. Наумова и др. Конечно, это были лишь отдельные, хотя и очень важные эпизоды в яркой, сложной и драматичной истории русской общественной мысли XIX в. Однако достаточная компетентность Плеханова во всех этих вопросах не подлежит ни малейшему сомнению.

Трудно сказать, взялся ли бы Плеханов за столь грандиозное предприятие, если бы мог заглянуть на несколько лет вперед. Поставленная им перед собой задача была действительно необъятна. Видимо, не случайно за новый вариант подобного многотомника не рискуют пока браться даже целые академические коллективы ученых, не говоря уже об отдельных исследователях. Неизбежно должны были возникнуть трудности с получением необходимой литературы и источников, многие сюжеты были еще совершенно не разработаны, отсутствовала — если не считать некоторых отправных марксистских положений — даже самая предварительная, предельно общая концепция будущего труда. Как определить само понятие «общественная мысль», каким образом взаимодействуют внутренние и внешние факторы ее движения, как соотносятся во взглядах людей на общество моменты общечеловеческие и социально-классовые, национальные и интернациональные? Ответы на эти и многие другие вопросы могла дать только напряженная, в полном смысле слова исследовательская работа. Но как раз ее Плеханов никогда не боялся: ведь наука с молодости всегда была его страстью, и чем труднее был путь к цели, тем заманчивее она ему казалась.

Нельзя сбрасывать со счетов и заинтересованность Георгия Валентиновича в заработке: европейский комфорт стоил не дешево, дочерям было уже за двадцать, а постоянный источник дохода имела в семье лишь Розалия Марковна.

269

Заказ на историю общественной мысли, как говорится, свалился на Плеханова совершенно неожиданно. В апреле 1909 г. московское издательство «Мир» обратилось к нему с предложением написать книгу по истории русской общественной мысли XIX в. «с точки зрения экономического материализма» объемом примерно в 30 печатных лис-

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 1. С. 145—146.

тов. Плеханов уже сотрудничал с «Миром», опубликовав в «Истории русской литературы XIX века» под ред. акад. Д. Н. Овсянико-Куликовского очерки, посвященные Белинскому, Герцену и Чернышевскому. Положительно отнесся он и к условиям договора, предложенным издательством. Был здесь и еще один немаловажный момент: летом 1908 г. Плеханов безжалостно раскритиковал в журнале «Современный мир» двухтомную работу Р. В. Иванова-Разумника по истории русской общественной мысли XIX в. (статья Плеханова называлась «Идеология мещанина нашего времени»). Теперь сама судьба, казалось, дарила ему уникальную возможность развернуто изложить свои собственные взгляды на этот интереснейший феномен отечественной и мировой культуры. Вот почему Плеханов принял предложение издательства и в конце октября 1909 г. отправил в Москву план предполагаемого труда.

Первоначально Плеханов намечал включить в работу девять следующих разделов: 1. Общее историческое введение; 2. Век Екатерины II (Новиков, Радищев и др.); 3. Павел I и Александр I. Декабристы; 4. Николай I (общий обзор состояния страны и литературы, славянофилы, западники, петрашевцы); 5. Александр II (60-е годы, революционные кружки, народничество, «хождение в народ», народовольчество, катастрофа 1 марта 1881 г.); 6. Александр III (вырождение народничества и возникновение марксизма); 7. Николай II — первая часть (спор народников и субъективистов с марксистами, дифференциация в марксизме, «критика Маркса»); 8. Николай II — вторая часть (политические партии: европеизированный либерализм, социал-демократы, социалистыреволюционеры); 9. События 1905 — 1907 гг. и их влияние на эволюцию русской общественной мысли ¹.

Как видим, Плеханов уже в самом начале предполагал выйти за рамки девятнадцатого столетия, включив в работу, с одной стороны, материал по истории русской общественной мысли конца XVIII в., а с другой — раздел о влиянии на идейную жизнь России
революции 1905 — 1907 гг. Для этого ему требовалось как минимум 46 печатных листов. Однако в дальнейшем нижняя хронологическая граница его труда была отодвинута
к эпохе Киевской Руси, и, написав к 1917 г. текст объемом 56 печатных листов, Плеханов сумел выполнить свой авторский план лишь примерно на 30%. Глава о Радищеве
оборвалась буквально на середине фразы.

Плеханов работал над «Историей русской общественной мысли» в разных местах, но особенно хорошо ему писалось в маленьком итальянском городке Сан-Ремо, близ Ниццы, где начиная с 1909 г. Георгий Валентинович ежегодно проводил зимние месяцы в санатории «Виттория», организованном Розалией Марковной. Дело в том, что зимний

 $^{^1}$ См.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1974. Т. III. С. 255 (развернутый план многотомника см.: там же. С. 127—142. 270

женевский климат был вреден Плеханову, и жена решила, чтобы не расставаться с ним, устроить небольшой лечебный пансионат на берегу моря в Италии, вложив свои сбережения в аренду виллы с парком у некого господина Паганелли ¹ (контракт продлевался каждый год до отъезда Плехановых в Россию весной 1917 г.). Пациентами санатория были члены семей революционеров и политических эмигрантов из России или индифферентная к политике публика, которую привлекала невысокая плата за лечение и отдых, установленная Розалией Марковной. Надежной помощницей матери стала к тому времени дочь Лидия, получившая диплом врача-невропатолога. На лето санаторий закрывался, и семья Плехановых возвращалась в Женеву.

Три первых тома «Истории русской общественной мысли» вышли в свет соответственно в 1914, 1916 и 1917 гг., причем издательство предполагало опубликовать еще 4 тома, о чем и уведомило читателей. Однако осуществить эти планы уже не удалось. О проделанной Плехановым колоссальной работе свидетельствуют десятки папок с самыми различными подготовительными материалами по истории русской общественной мысли — выписками из книг, планами, конспектами, вариантами глав и т. д., хранящиеся в Доме Плеханова в Петербурге.

Огромные трудности пришлось преодолеть Плеханову для того, чтобы получить необходимые для работы источники. Если учесть, что русские книги были тогда в европейских библиотеках довольно редкими гостями, то станет понятно, почему Георгию Валентиновичу нужно было тратить столько времени и энергии, чтобы раздобыть старинные издания. Плеханов буквально осаждал просьбами о присылке в Швейцарию книг и журналов своего заказчика — издательство «Мир», друзей, знакомых, авторов тех или иных сочинений по интересовавшим его вопросам. Он пользовался также литературой из богатейшей библиотеки известного русского библиографа и просветителя эмигранта Н. А. Рубакина в Кларане, а также интенсивно пополнял свою личную библиотеку ². Не случайно пер-

вый том «Истории русской общественной мысли» открывался благодарностью автора всем, кто помог ему в получении необходимых для работы материалов. При этом Н. А. Рубакина, с которым Георгий Валентинович познакомился в 1909 г., он счел своим долгом поблагодарить особо: «Ничто не мешает мне, — писал он, — ... назвать здесь по имени Н. А. Рубакина, с любезностью, поистине беспредельной, предоставившего в мое

¹ См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 44.

² Библиотека Плеханова насчитывала к концу его жизни примерно 16 тыс. названий книг, брошюр, журналов и т. п. на 18 языках. (Каталог библиотеки Г. В. Плеханова. Л., 1965. Вып. І. С. XІІ.). У Плеханова была богатая коллекция марксистской литературы, книги по философии, истории, экономике, эстетике, истории искусства, литературоведению, справочники и словари. В историческом разделе библиотеки было около 600 работ по отечественной и почти тысяча — по всеобщей истории.

полное распоряжение свою богатейшую библиотеку»¹.

И еще один, очень характерный для Плеханова штрих: среди иллюстраций первого тома — а их список непременно согласовывался с автором — были портреты трех выдающихся русских историков — Н. П. Павлова-Сильванского, В. О. Ключевского и С. М. Соловьева, к трудам которых Георгий Валентинович не раз обращался в ходе своей работы. Это был поистине рыцарский поступок подлинного ученого, знак его глубочайшего уважения к своим знаменитым предшественникам, хотя начиная с первых же страниц плехановская «История» носит ярко выраженный полемический характер.

Заметим, что Плеханов использовал также книги таких исследователей, как Н. И. Костомаров, В. И. Семевский, А. П. Щапов, М. П. Погодин, А. С. Лаппо-Данилевский, М. С. Грушевский, С. Ф. Платонов, А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков, М. М. Ковалевский, М. В. Довнар-Запольский, Е. В. Тарле, не говоря уже об историках более скромного калибра. Широко привлекал он и работы западных авторов. Есть в «Истории русской общественной мысли» ссылки на Маркса, Энгельса, Чернышевского.

Перед Плехановым встали также большие трудности концептуального порядка, поскольку работ профессиональных историков марксистского направления по проблемам русского феодализма тогда почти не было (исключение составляли лишь сочинения М. Н. Покровского, к которому Плеханов относился довольно критически, и Н. А. Рожкова). Поэтому автор «Истории русской общественной мысли» вынужден был опираться в первую очередь на труды консервативных, либеральных и народнических авторов. За такой подход Плеханова критиковали потом и справа, и слева, обвиняя в эклектике, подражательности, поверхностности и т. п., хотя в действительности он все же сумел предложить читателю свое, пусть не бесспорное и не всегда достаточно глубокое, но серьезное и во многом оригинальное прочтение отечественной истории с VIII —IX до начала XX в.

Очерк развития русских общественных отношений за этот более чем тысячелетний период, составляющий объемистое введение к первому тому, по существу представляет собой интереснейшую и вполне самостоятельную работу. По мнению Плеханова, история России обнаруживает черты сходства как с историей западноевропейских стран, так и с процессом развития великих восточных деспотий — Китая, Индии, Персии, Египта, сохраняя, однако, свою специфику и неповторимость. При этом если Восток как бы все время тянул Россию назад, в прошлое, то Запад олицетворял ее будущее, хотя интен-

¹ В свою очередь Плеханов помогал Рубакину в редактировании материалов для второго издания его знаменитого библиографического труда «Среди книг». Он просматривал в рукописи или в корректуре наиболее важные разделы по общественным наукам, отмечал фактические неточности или неудачные формулировки, консультировал Рубакина по поводу написанной Лениным заметки «О большевизме» (см.: Философско-литературное наследие Γ. В. Плеханова. Т. І. С. 245-251, 253-254, 257-259).

сивно протекавший со времен Петра I процесс европеизации нашей страны оставался еще далеко не завершенным даже через два столетия после начала петровских реформ.

Свою мысль о постоянных колебаниях России между Западом и Востоком Плеханов проиллюстрировал на примере недавних событий 1905-1907 гг. Взрыв этот, писал он, явился равнодействующей двух совершенно различных по своей природе сил: одна из них была создана процессом европеизации страны, вторую породил ее старый восточный быт, первую олицетворял рабочий класс, вторую — крестьянство. Пока одна сила подкрепляла действие другой, революция шла на подъем, но, когда они стали работать в противоположных направлениях, консервативная сила укрепила позиции защитников старого порядка и тем самым предопределила поражение революционеров ¹.

Как марксист, Плеханов стремился показать прежде всего те материальные факторы, которые обусловили особенности исторического развития России: ее сложные и далеко не всегда благоприятные для человека природно-климатические условия, открытость границ для соседей-завоевателей и кочевников, интенсивные и продолжительные по времени колонизационные процессы, длительное преобладание натурального хозяйства, слабость городов и как результат — относительно медленный темп социально-экономического прогресса страны. По мнению Плеханова, в отличие от Запада на Руси были закрепощены не только крестьяне, но и высшее, служилое сословие, что сближало ее с восточными деспотиями. Основой этих порядков была та своеобразная «национализация» земли, которая утвердилась в России по крайней мере со времен Ивана Грозного, т. е. с середины XVI в., когда царь стал верховным земельным собственником в масштабах всей страны. Аналогичная ситуация существовала в древнем Египте, Китае, Персии, Индии, тогда как на Западе получила распространение частная феодальная собственность на землю.

Плеханов был твердо убежден в том, что царское правительство в России было самым дорогостоящим для подданных и вместе с тем

273

самым неэффективным правительством в мире. Вынужденные отстаивать независимость Русского государства в борьбе с более сильными и экономически развитыми западными соседями, московские великие князья, а затем и цари безжалостно эксплуатировали свое закрепощенное население, причем степень этой эксплуатации значительно превосходила даже самые бесчеловечные восточные нормы. Не приходится поэтому удивляться ни нищете русского народа, ни его забитости. Плеханов не раз отмечал в своих произведениях, в том числе и в «Истории русской общественной мысли», аполитичность, консерватизм и царистские иллюзии крестьянства, а также политическую

¹ См.: Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. І. С. 113.

инертность городского населения в России, что не могло не наложить глубокий отпечаток на весь ход русской истории. Все сказанное выше и обусловило появление ряда своеобразных черт «в ходе нашего умственного развития и в нашем так называемом народном духе».

Большое значение придавал Плеханов такому важному фактору общественного развития, как классовая борьба, борьба сословий и отдельных слоев внутри того или иного класса или сословия. Не случайно во введении к своему труду он особо выделил мысль о том, что «ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т. е., во-первых, их взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, вовторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений» ¹.

Вторая часть этой формулы рассматривалась в советское время как попытка теоретического оправдания той социал-патриотической позиции, которую занял Плеханов в 1914 — 1918 гг. Действительно, будучи возведено в ранг некого общесоциологического закона, это положение достаточно уязвимо и опровергается, например, конкретными фактами из истории России времен Первой мировой войны. Однако в известных пределах тезис Плеханова — хотелось бы того или нет некоторым марксистским ортодоксам — все же отражает исторические реалии: так, в 1904 и осенью 1914 — начале 1915 г. в России, несомненно, имел место резкий спад рабочего движения, который трудно объяснить одним лишь усилением правительственных репрессий в условиях военного времени. В еще большей степени это относится к крестьянскому движению и выступлениям средних городских слоев. Немало аналогичных фактов можно найти и в более отдаленные периоды отечественной истории, например, в 1812 г.

Однако чем острее были социально-экономические противоречия внутри страны, тем относительнее было это достаточно хрупкое национальное единство, которое разрушалось не столько «поражен-

ческой» пропагандой наиболее радикально настроенной части революционеров, сколько далеко не равным распределением физических, материальных и психологических тягот войны между различными социальными слоями нации. Этих важных моментов формула Плеханова явно не учитывала. Неудачным был и термин «дружное сотрудничество», которое употребил в данном случае Плеханов, имея в виду взаимоотношения антагонистических классов в период войн. Вместе с тем его мысль о том, что в некоторых ситуациях базовое этническое начало выступает на первый план по сравнению с социальны-

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. І. С. 11.

ми различиями, была очень продуктивной и заслуживает самого серьезного внимания.

«История русской общественной мысли» — это большое, многоплановое произведение. Здесь есть и широкие исторические обобщения, и детальная фактографическая проработка ряда привлекших внимание автора сюжетов, например, истории знаменитой екатерининской Уложенной комиссии 1767 — 1769 гг. Вполне понятно, что, освещая феодальный период в истории России, Плеханов не мог не уделить большого внимания русской православной Церкви, движению раскольников, различным религиозным сектам. Сотни страниц плехановского текста посвящены детальному разбору наиболее выдающихся памятников отечественной общественной мысли эпохи феодализма, в который умело и тонко вплетается рассказ о жизненном пути их авторов.

Под пером Плеханова ожили образы Ивана Грозного и князя Курбского, патриарха Никона и протопопа Аввакума, служилого человека Ивана Пересветова и одного из первых русских «западников», фаворита царевны Софьи князя Василия Голицына, Петра I и его сподвижников Феофана Прокоповича, историка и государственного деятеля Татищева, купца Ивана Посошкова. А рядом с ними великий русский ученый Ломоносов, писатели и просветители Фонвизин, Сумароков, Новиков... Пожалуй, особенно повезло в «Истории русской общественной мысли» XVIII веку — веку великих реформ и тонких дворцовых интриг, французского вольномыслия и дикого русского барства, просвещенного абсолютизма и крепостного рабства. Обильное цитирование документальных и литературных источников, отобранных с глубоким знанием дела и тонким художественным вкусом, позволило Плеханову передать саму атмосферу той эпохи, показать быт и нравы различных социальных слоев, сложный и противоречивый процесс приобщения русского общества к передовой европейской культуре.

Хотелось бы подчеркнуть, что в «Истории русской общественной мысли» Плеханов выступает как убежденный материалист, просветитель-западник и революционер. Не ограничиваясь общими декларациями в духе исторического материализма, он на богатейшем конкретном материале российской истории показывает, как естественноприродные условия влияли на уровень развития производительных сил, а затем убедительно выстраивает логически завершен-

ную цепочку: система производственных отношений — социальная структура общества — взаимоотношения между классами и их борьба — политическая и идеологическая надстройка. Движение общественной мысли для Плеханова — это отражение общественного бытия. Поэтому совершенно не случайно появление в его работе таких глав: «Движение общественной мысли под влиянием борьбы духовной власти со светской», «Движение общественной мысли под влиянием борьбы дворянства с боярством», «Движение общественной мысли под влиянием борьбы царя с боярством» и т. д.

В то же время Плеханов далек от грубых социологических схем и упрощенного, прямолинейного подхода к такому специфическому явлению, как общественная мысль вообще и русская общественная мысль в особенности. Тот факт, что Россия стояла на границе между Востоком и Западом не только чисто географически, но была и своеобразным цивилизационным мостом между ними, не мог не наложить отпечатка и на развитие ее духовной жизни. Может быть, именно поэтому так велика была роль в ее судьбе разного рода внешних влияний, подражаний и заимствований, которые существенно деформировали естественный ход исторического развития, вызывая в свою очередь в качестве ответной реакции усиление консервативных, «почвенных» тенденций. В этих условиях передовая русская общественная мысль, ориентированная на Запад, часто не находила опоры в реальных общественных отношениях, отрывалась от них, приходила в конфликт с властью и оставалась на уровне «бессмысленных мечтаний», не находя понимания и поддержки ни в «верхах», ни в «низах».

Один из трагических парадоксов российской действительности состоял в том, что, повернувшись в сугубо прагматических целях лицом к Западу, который мог дать России передовую технику и знания, царизм не хотел довести этот процесс до логического конца, не допуская даже мысли об освобождении своего народа от того социального и духовного рабства, в котором он веками пребывал. Отсюда и возникали те «тупиковые» ситуации, в которые постоянно попадала передовая русская общественная мысль, а также личные трагедии многих ее лучших представителей. Как показал Плеханов, эти люди начинали понимать, что «дело русского прогресса будет иметь под собою твердую почву только тогда, когда в России разовьется капитализм» ¹. Но именно этого и не хотел царизм, веками цеплявшийся за феодальные порядки и принципиально отрицавший поэтому идеи свободы и равенства всех граждан.

Легально изданная работа Плеханова тем не менее несла в себе мощный антисамодержавный заряд. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться хотя бы к характеристикам некоторых

 $^{^1}$ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1919. Т. III. С. 247.

царственных особ. Вот как описывает, например, Плеханов Ивана Грозного. Он называет его разнузданным «зверем-человеком», с наслаждением купавшимся в крови своих подданных, говорит о поразительном лицемерии царя, не соглашается с теми, кто считает его талантливым публицистом и полемистом. Плеханов признает, что в ссоре с князем Курбским Грозный предстает как новатор, но добавляет при этом, что «введенная им новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задержива-

ло окончательное превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя, совершенно бесправных как в личном, так и в имущественном отношении» 1.

Эта линия была продолжена затем «просвещенным деспотом» Петром I, который, европеизируя Россию, «доводил до его крайнего логического конца то бесправие жителей по отношению к государству, которое характеризует собою восточные деспотии» ². Отдавая должное Петру как личности и выдающемуся государственному деятелю, Плеханов одновременно подчеркивает, что петровские преобразования надолго оставили в неприкосновенности, а в некоторых отношениях даже упрочили старые основы социально-политического строя России, что европеизация страны оставалась весьма поверхностной, а положение народа было крайне тяжелым³.

Не пощадил Плеханов и Екатерину II. Он писал, что в ее характере было «много черт, сближающих ее с итальянскими тиранами эпохи Возрождения: та же даровитость; та же свобода от «предрассудков»; та же способность интересоваться успехами культуры; та же упругая энергия; то же холодное самообладание; то же бессердечие; то же властолюбие и та же беспредельная неразборчивость в средствах» ⁴. Плеханов отмечал разительное противоречие между красивыми словами и реальной продворянской политикой Екатерины, высмеивал ее либеральную фразеологию в духе французских просветителей, за которой стояла на деле первая помещица России.

Сосредоточив свое основное внимание на духовной сфере жизни российского общества, Плеханов сравнительно скупо освещает основные вехи его политической истории. Однако он хорошо помнит о том, что история любого классового общества — это в определенном смысле история классовой борьбы. С большим интересом читаются и сегодня те страницы плехановского труда, которые посвящены крупнейшим народным восстаниям XVII — XVIII в. под руководством Разина, Булавина, Пугачева. При этом Плеханов подчеркивает

277

глубокий трагизм всех этих движений, состоявший в том, что бунтующий народ не имел еще объективной возможности заменить существующий строй принципиально новыми (читай: буржуазными) порядками и не выдвигал поэтому сколько-нибудь отчетливой программы социально-политического обновления страны, выступая, в частности, за «доброго» царя и обращение всего закрепощенного населения в вольное казачество, повинующееся, однако, этому царю. «Идя за Пугачевым, — писал Плеханов, — народ стремился свалить с себя гнет помещичьего государства и так или иначе, в той или другой мере, вернуться к старым порядкам, существовавшим до того времени, когда это

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. І. С. 192.

² Там же. М., 1915. Т. II. С. 94. ³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. Т. III. С. 128.

государство окончательно сложилось и окрепло. Он смотрел **не вперед** — куда смотрело во второй половине XVIII века третье сословие во Франции, — а **назад,** в темную глубь прошедших времен... Назад смотрели и раскольники, приглашавшие народ умирать за древнее благочестие... Лишь по прошествии продолжительного времени, лишь во второй половине **девятнадцатого** столетия, отдаленные последствия преобразования, связанного с именем Петра, привели к появлению в народной массе сознательных элементов, способных, в борьбе за лучшее будущее, обратить свои умственные взоры не назад, а вперед, не туда, куда смотрели бояре, роптавшие на грозного царя, и раскольники, умиравшие за старую веру, а туда, куда смотрят сознательные слои трудящейся массы во всем цивилизованном мире» ¹.

В целом же Плеханов был убежден в том, что «чем более обостряется взаимная борьба общественных классов, тем быстрее движется вперед общественная мысль» ². Недаром Гегель, к которому Плеханов относился с огромным пиететом, говорил: противоречие ведет вперед. Именно эти противоречия российской действительности и давали в конечном счете основной, решающий импульс процессу развития общественной мысли, который исследовал Плеханов.

Как же был встречен на родине его новый фундаментальный труд? Рецензий было немного, ибо грозные события Первой мировой войны заслонили собой все остальное. Но на отклике крупного российского историка и видного члена кадетской партии профессора А. А. Кизеветтера стоит остановиться подробнее. «Никакие разногласия с общественно-политическими воззрениями Г. В. Плеханова не могут ни в чьих глазах заслонить ни яркого литературного таланта, ни сильного и своеобразного ума и разносторонней эрудиции этого замечательного писателя и крупного политического деятеля, — писал Кизеветтер. — От той или иной книги, написанной Плехановым, можно не получить полного удовлетворения, можно решительно разойтись с ее положениями и выводами, но совершен-

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. III. С. 95 — 96.

² Там же. Т. І. С. 133.

но невозможно не найти в ней пищи для плодотворного возбуждения мысли» ¹.

Рецензент откровенно признавался в том, что не вполне удовлетворен первым томом «Истории русской общественной мысли», хотя и отдавал должное автору, сумевшему создать в высшей степени интересное исследование. По мнению Кизеветтера, Плеханов не сумел дать читателю полного представления о сложности классового строения древнерусского общества. Соглашаясь с основной идеей Плеханова об относительном характере того своеобразия, которым отличалось историческое развитие России, и о процессе европеизации как его магистральном направлении в новое и новейшее время, Кизеветтер тем не менее упрекал его в некотором схематизме и упрощенном подходе к рассматриваемым явлениям. Так, почтенный историк находил слишком прямолинейной плехановскую формулу: Россия=Европа+Азия, поскольку даже в русской азиатчине, по мнению Кизеветтера, гораздо больше европейского, чем представляется Плеханову, и поэтому противопоставление Европы Азии должно быть менее резким, чем это сделано в рецензируемом труде. Кизеветтер полагал, что Россия — это скорее запаздывающая Европа, чем европеизирующаяся Азия, какой изображал ее Плеханов, идущий лишь по опушке фактов, но не заходящий в их чащу, как остроумно и не без язвительности выразился автор рецензии. Было у него и несколько более конкретных замечаний и соображений по поводу первого тома «Истории русской общественной мысли». В заключение Кизеветтер делал не слишком приятный для самолюбивого Плеханова вывод: потребуется еще немало кропотливого труда и монографическое исследование отдельных вопросов, прежде чем можно будет сказать, что проблема, за которую взялся Плеханов, решена 2 .

От себя добавим: сильными сторонами труда Плеханова были многофакторный диалектический анализ развития русской общественной мысли, богатство фактуры, учет достижений отечественной историографии, яркость изложения; слабыми — излишняя схематизация исторического процесса в России, чересчур прямолинейные аналогии со странами Востока, не всегда оправданная детализация изложения. Кроме того, в «Истории русской общественной мысли» можно найти отдельные неточности, можно поспорить и с некоторыми оценками Плеханова. Так, видный философ-плехановед Б. А. Чагин считал, например, что Плеханов несколько недооценил таких русских мыслителей, как Пересветов, Посошков, Фонвизин, Новиков ³. Надо сказать, что Георгий Валентинович предвидел воз-

¹ Голос минувшего. 1916. № 1. С. 325.

² Там же. С. 334

 $^{^{3}}$ См.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. III. С. 12—16.

можность подобных упреков, когда писал: «Для меня несомненно, что в моей работе найдутся те или иные частные промахи. Errare humanum est (человеку свойственно ошибаться. — лат.)» 1 .

Плеханова, видимо, можно упрекнуть и за отсутствие четко выраженной общей концепции развития русской общественной мысли. Можно, наконец, пожалеть и о том, что он не выделил те узловые, общественно значимые проблемы, которые входят в понятие «общественная мысль» (человек и окружающая среда, место человека в обществе и нормы его поведения, власть и общество, политика и мораль, материальный и духовный прогресс, война и мир, классы и классовая борьба, национальное и интернациональное, соотношение религиозного и светского начала и т. д.). Но главное состоит все же в том, что Плеханов создал принципиально новый для своего времени научный труд, не утративший своего значения и поныне. При этом он вновь блеснул здесь своими поистине энциклопедическими знаниями, литературным мастерством, глубиной проникновения в сложнейшие процессы общественного развития. Вот почему «История русской общественной мысли» Плеханова сама стала одним из наиболее значительных ее достижений, и хотелось бы думать, что объективная, подлинно научная оценка ее с позиций современного знания еще впереди.

Параллельно с систематической, порой изнурительной работой над ранними периодами в истории русской общественной мысли Плеханов очень часто обращался в то время и к более поздним ее страницам, относящимся к XIX — началу XX в. Так, еще в 1908 г. он напечатал в «Современном мире» рецензию на книгу М. О. Гершензона о П. Я. Чаадаеве, а в 1909—1914 гг. опубликовал ряд работ о В. Г. Белинском, А. И. Герцене, Н. Г. Чернышевском (большая книга о нем, изданная в Петербурге в 1909 г., подводила итог многолетнему изучению жизни и творчества великого русского революционерадемократа), Н. А. Добролюбове, историке М. П. Погодине, рецензию на сочинения славянофила И. В. Киреевского и др. В известной мере все они могут рассматриваться как творческие заготовки для «Истории русской общественной мысли».

И все же партийные дела по-прежнему оставались в поле зрения Плеханова, то и дело отвлекая его от научных занятий. Он не мог не чувствовать, что ситуация в РСДРП становится все более тяжелой. В рядах меньшевиков набирали силу «ликвидаторские» тенденции. Потресов, например, открыто заявил, что партии как организованного целого на самом деле уже нет, а среди петербургских «ликвидаторов» в ходу даже была поговорка: умные люди теперь в партии не работают ².

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. І. С. 4.

² См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 152, 207.

Больно ранили Плеханова и высокомерно-пренебрежительные высказывания о революционном подполье как о пройденном этапе в истории пролетарского движения в России, складывавшийся в меньшевистских кругах культ легализма, откровенный отказ от ведущей роли пролетариата в борьбе с самодержавием.

Порвав с «Голосом социал-демократа», Плеханов решил возобновить издание своих «Дневников», прерванное на восьмом номере в сентябре 1906 г. При этом он придал своему изданию ярко выраженную антиликвидаторскую направленность. С августа 1909 по апрель 1912 г. читатель получил 8 выпусков «Дневника социал-демократа» с тремя приложениями, причем Плеханов открыл страницы своего органа и для других меньшевиков-партийцев, как стали называть в то время его сторонников.

«Партийный меньшевизм» зародился еще в 1908 г. Помимо самого Плеханова, видную роль среди меньшевиков-партийцев играли за границей В. П. Фомин (Ольгин), Х. Раппопорт, М. Л. Вельтман (Павлович), Ф. О. Цедербаум (Дневницкий), М. Я. Бабин (двое последних выполняли секретарскую и организационную работу по заданиям Георгия Валентиновича). В 1909 г. небольшие группы плехановского направления возникли в Париже, Женеве, Ницце, Сан-Ремо и некоторых других местах. В самой России группы меньшевиков-партийцев сложились в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Екатеринославе, Уфе, Баку. Среди активистов «партийного меньшевизма» были В. П. Затонский, Г. И. Чудновский, Д. М. Шварцман, Я. Д. Зевин, рабочий И. Д. Чугурин, ставшие позже большевиками. В ряде мест меньшевики-партийцы работали в тесном контакте с большевиками.

С весны 1910 г. Плеханов стал сотрудничать и в центральном органе партии — заграничной газете «Социал-демократ», руководителем которой был тогда Ленин, поскольку Мартов и Дан всячески уклонялись от работы в редакции. Всего в течение 1910—1911 гг. Плеханов опубликовал в «Социал-демократе» восемь статей.

Лейтмотивом плехановской политической публицистики этого периода была борьба с «ликвидаторством» и его идейными вождями. Особенно сильное впечатление производит статья «В защиту «подполья»», опубликованная в «Социал-демократе» весной 1910 г. Гневно и страстно ответил в ней Плеханов всем, кто изображал революционное подполье как некое «темное царство», где процветают ограниченность и карьеризм, доносы и провокация, дрязги и склоки. Он напомнил о том, какую большую роль играло революционное подполье в политической жизни России начиная с середины XIX в., как генерировало оно передовые идеи, выковывало кадры борцов против самодержавия. «По русской пословице, суженого конем не объедешь, — писал Плеханов. — При современных условиях нашей практической деятельности «подполья» конем не объедет

ни один социал-демократ, не желающий увязнуть в трясине самого гнилого оппортунизма. Да здравствует наш «подпольный

281

крот»! Да растут и крепнут наши «подпольные» организации! Докажем, что ошибаются господа Гучковы, злорадно возвещающие в Государственной Думе «о том внутреннем разложении, которое охватило наши революционные партии» ¹.

Плеханов считал, что обе фракции РСДРП должны очиститься от своих оппортунистических элементов — «ликвидаторов» у меньшевиков, «отзовистов» и «ультиматистов» ² — у большевиков. Это «генеральное межевание» должно было способствовать сближению всех истинно социал-демократических элементов, признающих подпольные организации ядром марксистской рабочей партии в России. «Такое сближение возродило бы нашу партию, — подчеркивал Плеханов, — и сделало бы ее способной с честью выполнить свою ближайшую историческую миссию: руководительство («гегемония»!) всеми живыми общественными силами в их более или менее близком, но неизбежном столкновении с торжествующей теперь реакцией» ³.

Такая позиция Плеханова очень устраивала Ленина. С другой стороны, на этой почве не могли не возникать постоянные коллизии между Плехановым и «ликвидаторами», борьба с которыми по своей остроте и интенсивности не уступала борьбе Плеханова с большевиками в 1904 г.

Когда перечитываешь сегодня статьи Плеханова против Потресова, Мартынова, Дана, написанные в период борьбы с «ликвидаторством», невольно думаешь: как же силен был в первом русском марксисте дух борца, с каким блеском владел он всеми полемическими приемами от огненного сарказма до ледяного презрения к оппоненту, как умел мобилизовать в нужный момент всю свою поистине колоссальную эрудицию! Это отнюдь не значит, что Плеханов-полемист всегда и во всем одинаково убедителен: как и все русские революционеры, он нередко воюет не только с идеями, но с живыми людьми, задевая при этом их человеческое достоинство; острое словцо подчас заменяет у него весомые аргументы, а демонстрация эрудиции становится самоцелью. Как метко заметил однажды Ленин, речь Плеханова порой напоминает бенгальский огонь: она искрится, сверкает, переливается всеми цветами радуги, но стоит подвергнуть ее строгому логическому разбору, — и сразу становится ясно, как страдает ее содержательная сторона. Бывал

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 135-136.

² Сторонники А. А. Богданова, выступавшие против преувеличения роли легальных организаций, в частности думской фракции РСДРП, и требовавшие предъявить ей ультиматум о безоговорочном подчинении всем решениям ЦК, а в случае отказа — отозвать социал-демократических депутатов из Думы («ультиматисты») или сразу ликвидировать думскую фракцию РСДРП («отзовисты»).

Плеханов и пристрастен, и несправедлив, и откровенно неправ (впрочем, то же самое можно сказать и о многих других русских марксистах, включая Ленина). Но по большому счету в полемике с «ликвидаторами» Плеханов был, несомненно, прав, хотя в очередной раз и несколько перегибал палку, разделяя меньшевиков только на две категории — «партийцев» и «ликвидаторов» и преуменьшая значение центристского ядра меньшевизма во главе с Мартовым, которое грешило примиренчеством по отношению к «ликвидаторству», но никогда не сливалось с ним.

Плеханов резко критиковал в тот период не только откровенных «ликвидаторов», но и тех меньшевиков, которые пытались поставить под сомнение некоторые основополагающие, как считал Георгий Валентинович, идеи русского марксизма. Так было, в частности, с А. С. Мартыновым (Пиккером). Этот 43-летний публицист, за плечами у которого были работа в «Народной воле», аресты, тюрьма, ссылка на Колыму и в Якутию, увлечение «экономизмом», работа в меньшевистской «Искре», считался тогда восходящей новой звездой меньшевизма. Несмотря на свою хромоту, он проявлял колоссальную энергию и в 1907 г. на V съезде РСДРП был избран в состав ЦК РСДРП. Мартынов учился в свое время на юридическом факультете Петербургского университета, занимался у известного историка В. И. Семевского и на всю жизнь сохранил интерес к историческим изысканиям. Несколько раз издавались его «Очерки русской истории», а в начале 1905 г. в Женеве появилась его ставшая знаменитой брошюра «Две диктатуры», где он проводил интересную, хотя и далеко не бесспорную параллель между Великой французской революцией XVIII в. и революцией в России. Не приходится удивляться поэтому, что именно Мартынову, который работал в 1908 г. секретарем редакции «Голоса социал-демократа», было поручено написать для многотомника «Общественное движение... » статью «Главнейшие моменты в истории русского марксизма», призванную сбалансировать слишком уж явные просчеты в упоминавшейся выше статье Потресова, которая вызвала такой гнев Плеханова.

Можно сильно усомниться в утверждении Мартынова о том, что после II съезда РСДРП Плеханов стал «дружить» с ним ¹, однако в 1904 — 1908 гг. каких-либо серьезных столкновений у них не было, и Мартынов щедро раздавал Георгию Валентиновичу комплименты (кажется, именно он первым назвал его отцом русской социал-демократии). Однако, несмотря на все реверансы Мартынова в сторону группы «Освобождение труда», предложенная им интерпретация истории русского марксизма тоже не удовлетворила Плеханова.

¹ См. автобиографию А. С. Мартынова в кн.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 529.

Дело в том, что еще в 1908 г. Мартынов напечатал в «Голосе социал-демократа» большую статью под названием «Движущая сила русской революции», а в 1909 г. поместил там же серию статей «Кто ликвидировал идейное наследство», где изложил свои взгляды по вопросу о генезисе идеи гегемонии пролетариата. Мартынов полемизировал, в частности, с большевиком Л. Б. Каменевым, который выступил в «Пролетарии» со статьей «Ликвидация гегемонии пролетариата в меньшевистской истории русской революции» ¹. Каменев считал родоначальником этой идеи Плеханова, устанавливал преемственность между его взглядами и взглядами большевиков и акцентировал внимание на том, что меньшевики-ликвидаторы стали в этом вопросе отступниками от плехановских заветов. Мартынов возражал Каменеву буквально по каждому пункту: «отцом» идеи гегемонии он считал не Плеханова, а Аксельрода, возникновение ее относил не к 80-м, а к середине 90-х годов XIX в. и объявлял большевиков не хранителями, а вульгаризаторами революционных традиций. По мнению Мартынова, большевики оттолкнули от революции либералов, реставрировали многие положения народнической доктрины, взяли курс на революционную диктатуру, превратили партию в организацию профессиональных революционеров и подменили ею пролетариат как класс. В результате на смену прежней трактовке гегемонии пролетариата в духе идей группы «Освобождение труда», которая предполагала тесное сотрудничество всех демократических и либеральных элементов российского общества при инициирующей роли рабочего класса, пришло гораздо более жесткое ленинское понимание гегемонии как руководящей роли революционной партийной организации, диктующей свою волю всем непролетарским слоям и стремящейся максимально ускорить ход событий во имя захвата власти революционерами, не считаясь при этом с реальными условиями и желанием самих объектов этого социал-демократического воздействия.

Статьи Мартынова вызвали в меньшевистских кругах оживленную дискуссию, в ходе которой его трактовка идеи гегемонии была в основном поддержана ². Не было споров и о том, что осуществить ее в полной мере в 1905 г., не говоря уже о периоде отступления революции (1906—1907 гг.), не удалось. Что касается перспектив на будущее, то здесь мнения разделились: Мартов был убежден, что в новых условиях возврат к гегемонии пролетариата невозможен, другие меньшевистские идеологи считали столь прямолинейное решение вопроса слишком поспешным.

Плеханов, которого Мартынов так неосторожно задел в своей статье, опубликованной в «Голосе социал-демократа», счел нужным немедленно откликнуться на его исторические изыскания в полеми-

¹ См.: Пролетарий. 1909. 5 сентября и 3 октября.

ке, развернувшейся в 1910 г. в «Дневнике социал-демократа», доказывая, что приоритет в постановке проблемы гегемонии принадлежит ему ¹. Но поскольку сам термин «гегемония пролетариата» в его работах 80-х годов еще не употреблялся, Плеханов, естественно, не мог представить оппоненту «справки» о своем первородстве, хотя анализ плехановского идейного наследия показывает, что генезис идеи гегемонии пролетариата действительно нужно начинать с 80-х, а не с 90-х годов прошлого века. Что касается роли П. Б. Аксельрода в разработке концепции гегемонии, то Плеханов заявил, что не видит никаких оснований для противопоставления их взглядов по этому вопросу. До декабря 1908 г. между нами вообще не было серьезных разногласий, писал он, мы были вполне солидарны и, высоко ценя политическое чутье и такт Аксельрода, я всегда смотрел на его согласие со мной как на одну из самых важных гарантий правильности моих тактических взглядов ².

Одновременно Плеханов счел необходимым отмежеваться от большевиков, считавших себя его наследниками в данном вопросе. При этом он заявил, что в условиях политической неразвитости русского крестьянства гегемония пролетариата в ее ленинской интерпретации вела бы лишь к изоляции рабочего класса в борьбе за политические условия дальнейшего развития России на базе капитализма ³.

После того как меньшевики включая Мартынова, ответили Плеханову брошюрой «Необходимые дополнения к дневникам Г. В. Плеханова», Георгий Валентинович решил продолжить разговор в большой статье под названием «Полемическая беспомощность, или сердит, да не силен», опубликованной в июле того же 1910 г. Поскольку Мартынов назвал его критические замечания в свой адрес «заведомым вздором» и прямо связал их с конфликтом в редакции «Общественного движения...» и в «Голосе социал-демократа», Плеханов ответил ему очень резко, сравнив даже с небезызвестным «полицейским» литератором Фаддеем Булгариным. Однако от некоторых щекотливых вопросов он предпочел здесь уйти, ничего не сказав об эволюции самого содержания понятия «гегемония» в конце XIX — начале XX в., роли П. Б. Аксельрода в развитии этой важной идеи ⁴ и об изменении позиции меньшевиков, которые в начале 1905 г. неоднократно называли в «Искре» гегемонию проле-

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 47-50.

² Там же. С. 59-60.

³ Там же. С. 57.

⁴ Так, в брошюре П. Б. Аксельрода «Историческое положение и взаимные отношения либеральной и социальной демократии в России» (Женева, 1898 г.) прямо говорилось о миссии пролетариата как передового отряда всей российской демократии и борца за «национальные интересы капиталистического прогресса России».

тариата характерной особенностью начавшейся революции, затем изгнали этот термин из своего политического словаря, а потом признали устами Мартова, что после октября $1905\,$ г. никакой гегемонии пролетариата в русской революции уже не было 1 . Но ведь каждому вдумчивому читателю плехановских работ было ясно, что между ролью самого активного и смелого борца против самодержавия — а в 80-х годах XIX в. на большее пролетарский авангард и не мог претендовать 2 — и ролью политического руководителя и даже организатора выступлений других партий, классов и общественных слоев, как понимал гегемонию тот же Мартынов 3 , не говоря уже о Ленине, — дистанция немалого размера.

Но если аргументация Плеханова в споре с Мартыновым страдала рядом существенных изъянов, то приверженность идее гегемонии пролетариата в противовес мнению официального меньшевистского руководства в 1910 — 1914 гг. свидетельствовала о твердости его революционных взглядов и, несомненно, сближала Плеханова с Лениным. Больше того, в исторической ретроспекции Плеханов признал, что гегемоном Первой российской революции был пролетариат, хотя раньше он высказывался по этому вопросу достаточно туманно и уклончиво ⁴. Так, в 1910 г. в предисловии к брошюре С. Т. Аркомеда «Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе» Плеханов ставил вопрос: что было бы, если бы революция 1905 — 1907 гг. проходила не под руководством пролетариата, а под руководством буржуазии? И отвечал: «Движение это оказалось бы еще дальше от окончательной победы. Больше того. Можно с уверенностью сказать, что мы не дождались бы и исторического дня 17 октября. Так как во главе нашего освободительного движения стоял пролетариат, то оно обнаружило максимум той силы, которую оно могло обнаружить при данных экономических условиях» ⁵. А в феврале 1914 г. Плеханов уже категорически утверждал, что гегемония в борьбе с самодержавием может принадлежать только партии сознательного пролетариата и что партия кадетов реши-

тельно неспособна сделаться гегемоном освободительного движения в России 1 . При этом он отчетливо сознавал, что главное в гегемонии пролетариата — это воздействие на крестьянство через нелегальную социал-демократическую партию 2 .

 $^{^{1}}$ См.: Мартов Ю. О. К 1 мая // Голос социал-демократа. 1908. № 4 — 5; Рубакин Н. А. Среди книг. СПб., 1913. Т. 2. С. 771-772 (письмо Мартова Рубакину о сущности меньшевизма).

² Примером подобной интерпретации роли пролетариата в России может служить формула Плеханова 80-х годов: дайте нам 500 тыс. сознательных рабочих, и от русского абсолютизма не останется и следа (Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 235-236).

³ См.: Общественное движение в России в начале XX-го века. СПб., 1910. Т. 2. Ч. 2. С. 306.

⁴ В 1907 г. Плеханов писал, например, что в России в 1905 г. было лишь «подобие» гегемонии пролетариата, превращению которого в подлинную гегемонию помешало сектантство и «бойкотизм» большевиков (Соч. Т. XV. С. 290-291).

⁵ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 293.

Сильно доставалось от Плеханова не только Мартынову, не говоря уже о Потресове, но также и Федору Дану, который в значительной мере делал погоду в заграничном меньшевистском руководстве, используя, в частности, и свою близость с Мартовым (он был вторым мужем его любимой сестры Лидии). Поводом к их столкновению послужило сообщение В. П. Фомина (Ольгина) о том, что Дан в его присутствии высказался за перенесение места пребывания ЦК РСДРП из-за границы в Россию с чудовищной для любого честного партийца мотивировкой: там он скорее провалится. Можно представить себе, как взорвался Плеханов, узнав об этой «исторической» фразе меньшевистского лидера, с которым он уже не раз сталкивался по разным малоприятным поводам. Плеханов обнародовал информацию Ольгина, добавив еще один характерный для Дана эпизод: в конце 1903 г. тот очень презрительно отозвался в разговоре с Плехановым о решениях ІІ съезда РСДРП по организационным вопросам, спросив у него, можно ли относиться к ним без улыбки авгура?

Для того, чтобы читатель мог судить о цинизме Дана, напомним, что в Древнем Риме авгурами называли коллегию жрецов, толковавшую волю богов на основании наблюдений за полетом и криком птиц. Таким образом, Дан прозрачно намекал на то, что лишь наивные люди могут принимать решения партийного съезда за чистую монету, тогда как «посвященные» могут толковать их так, как им выгодно.

Дану ничего не стоило сначала называть Плеханова «самым авторитетным товарищем в партии», а потом, когда их отношения испортились, величать его «бедным родоначальником русской социал-демократии». Негодуя на Дана, Плеханов даже сравнил его с шекспировским Яго, заметив при этом: «Скромность заставляет меня признать, что это еще не очень большой комплимент Вам». В статье Плеханова было столько презрения, элегантной колкости, тонкой издевки, что любой другой (но не Дан) надолго замолчал бы после такой отповеди. Заканчивал же Плеханов свое открытое письмо так: «Прося принять Вас уверения в тех чувствах, которые я естественно должен питать к Вам как к выдающемуся кружковому дипломату, остаюсь всегда готовый сказать Вам в глаза горькую правду Γ . Плеханов» ³.

287

Столкновения Плеханова с меньшевиками не могли не сказаться и на его взаимоотношениях с большевиками. Недаром Ленин отмечал, что в «лихолетье» 1908—1912 гг. Плеханов воспевал «подполье» и разоблачал его противников. В свою очередь Георгия Валентиновича не могли не радовать разрыв Ленина с Богдановым и поистине бичующая ленинская критика «ликвидаторства». Так, Л. Б. Каменев, который был достаточно

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 453.

² Там же. С. 289, 291. ³ Там же. С. 387-388.

близок в этот период к Ленину, вспоминал, что последний всегда сохранял к Плеханову особое чувство, никогда не ставил его на одну доску с другими своими идейными противниками, ценил в нем не только большой ум, революционный опыт и громадные знания, но и боевой дух, воинственный пыл подлинного марксиста. Ленин всегда готов был считаться с аргументами Плеханова, в котором, по его словам, «живет подлинный якобинец». А в устах Ленина это было высшей похвалой. Недаром окружающие говорили Ленину: «А ведь Вы, Владимир Ильич, влюблены в Плеханова». Ленин отшучивался, но не возражал ¹.

Надо сказать, однако, что Плеханов шел на новое сближение с Лениным очень осторожно. Сказывались и личные амбиции, и различия в оценке движущих сил революции, и сохранявшиеся разногласия по отдельным тактическим вопросам. Плеханов не торопился изменить свое мнение о Ленине как о бланкисте-заговорщике, потенциальном партийном диктаторе и «дубоватом» марксисте ². Вот почему в июне 1910 г. он писал в одном из писем: «Заключить союз с Лениным? Это было бы нашим самоубийством. Ленина мы поддерживаем всякий раз, когда он поступит умно. *Но и только*. Более тесное сближение с ним невозможно» ³.

Тем не менее в 1910—1911 гг. сближение Плеханова с Лениным все же шло, хотя о переходе меньшевиков-партийцев на большевистские позиции не могло быть и речи. Споры оставались, но ведь спор есть отец всех вещей, цитировал Плеханов великого грека Эфеса Милетского. А это значит, что можно спорить, но стремиться при этом к одной цели: «укреплению нашей партии и к упрочению ее влияния на широкую рабочую массу» ⁴.

29 марта 1910 г. были восстановлены после почти пятилетнего перерыва личные контакты Плеханова с Лениным. Последний прислал из Парижа Плеханову письмо, где говорилось, что он одобряет мысль о сближении всех истинно социал-демократических элементов в борьбе с «ликвидаторами» и «отзовистами» и хотел бы приехать в Сан-Ремо, где жил теперь зимой и весной Плеханов. Начиналось ленинское письмо словами: «Дорогой и многоуважаемый

```
^{1} Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 304 — 305.
```

товарищ!», а заканчивалось: «С товарищеским приветом Н. Ленин» 1.

Вскоре на улице Мари-Роз в Париже был получен ответ: «Дорогой товарищ. Простите, что замедлил ответом: я был нездоров. Я тоже думаю, что единственным средством разрешения кризиса, переживаемого теперь нашей партией, является сближение между марксистами-меньшевиками и марксистами-большевиками. И я считаю, что мне с Вами

² См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 22.

³ РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 152. Л. 1-2.

⁴Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 23-24.

надо лично переговорить. Но я нахожу, что наше свидание будет полезнее, если оно состоится **несколько позже**, когда лучше выяснится настроение обеих фракций. События идут теперь быстро, и время хорошо воспитывает людей. Меньшевики все более и более склоняются к отпору ликвидаторству. Мне хочется думать, что большевики, со своей стороны, склоняются не только к отпору анархо-синдикализму, но и к отказу от того чересчур прямолинейного отношения к легальным рабочим организациям, которые, между нами сказать, сильно способствовали успехам ликвидаторства. А пока будем расчищать поле для взаимного сближения, каждый в своей сфере. Преданный Вам Г. Плеханов» ².

Встреча Плеханова с Лениным состоялась в августе 1910 г. в Париже, куда Георгий Валентинович приехал по пути на Копенгагенский конгресс II Интернационала. На самом конгрессе Плеханов участвовал в работе комиссии по вопросу о профсоюзном единстве и международной пролетарской солидарности. Известно, что в дни работы конгресса Ленин и Плеханов встречались и в неофициальной обстановке. Г. Е. Зиновьев вспоминал, что «Плеханов был очень нежен к Ильичу, а Ильич тоже был очень дружествен тогда к Плеханову» ³. Ту же мысль мы встречаем и в письме Зиновьева большевику Виктору Таратуте: «Копенгагенский конгресс был хорош одним: вполне спелись с Плехановым» ⁴. Одним из проявлений этой «спевки» был и совместный протест Ленина, Плеханова и представителя польских социал-демократов против анонимного выступления Троцкого в немецкой социал-демократов газете «Форвертс» с нападками на большевиков.

Очередное сближение Плеханова с Лениным было закреплено его сотрудничеством в таких большевистских изданиях, как «Рабочая газета» и «Мысль» (1910 г.), «Звезда» (1911 г.), «Правда» (1913 г.), где он опубликовал более 20 статей и заметок по самым разным вопросам, в том числе ряд статей о Л. Н. Толстом.

Однако в целом Плеханов занимал в то время центристскую позицию, пытаясь встать «над схваткой» и защитить партию как единый революционный организм без деления на «фракционные

289

курятники», как он иронически выражался ¹. Именно поэтому так поддержал Плеханов решения январского (1910 г.) пленума ЦК РСДРП, который высказался за ликвидацию фракций и прекращение издания большевистского «Пролетария» и меньшевистского «Голоса социал-демократа». Однако решения эти, как известно, остались только на бумаге.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 243-244.

 $^{^{2}}$ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханов. Т. І. С. 151 — 152.

³ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 42. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 917. Л. 1.

Пытаясь дать оценку своей позиции в партийных делах, Плеханов писал Н. А. Рубакину осенью 1910 г., что его вряд ли можно причислять к меньшевикам. «Я стою на точке зрения идей группы «Освобождение труда», и в каждое данное время я ближе к той из нынешних фракций социал-демократии, которая ближе к этим идеям. Я считаю, что прогресс нашей партии именно состоит в лучшем и лучшем усвоении ею идей группы «Освобождение труда». Такая «формула прогресса» не позволяет зачислять меня ни в одну из фракций» ². Определяя свое отношение к большевикам, Плеханов подчеркивал, что их объединяет идея партийности ³. Привлекала его и революционность большевиков, хотя их тактические принципы, по его мнению, страдали узостью, что приводило к многочисленным ошибкам ⁴. Поэтому Плеханов считал справедливым «раздать всем сестрам по серьгам» (так и называлась одна из его статей) и отстаивать партию как целое, а не какую-нибудь одну из ее фракций 5.

Летом 1911 г. Ленин попробовал привлечь Плеханова к работе организованной большевиками в местечке Лонжюмо под Парижем школы для рабочих и партийных работников разных направлений. В начале июля 1911 г. Георгий Валентинович обещал приехать сюда для чтения лекций о материалистическом понимании истории гденибудь в начале сентября, но затем отказался от этого плана ⁶. Сохранились интересные воспоминания меньшевика-партийца Ивана Чугурина о том, как после окончания занятий в Лонжюмо Ленин посоветовал ему и еще нескольким рабочим съездить в Женеву к Плеханову. По словам Чугурина, Ленин высказал мысль о том, что Плеханову хорошо было бы всецело сосредоточиться на разработке теоретических вопросов и занять в РСДРП такое же положение, которое занимал в германской социал-демократии Каутский. При этом Ленин назвал Плеханова «мировым философом», сравниться с которым в то время было некому.

Приехав в Женеву, рабочие пришли к Плеханову. Завязалась оживленная беседа, в ходе которой рабочие просили его поддер-

```
<sup>1</sup>Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 120.
<sup>2</sup> Исторический архив. 1956. № 6. С. 19.
```

жать большевиков и Ленина. В ответ Плеханов сказал, что Ленин «большой стратег и тактик», но он неправ, когда «хочет всех выгнать из партии». В дальнейшем Плеханов провел с приехавшими к нему четырьмя учениками школы в Лонжюмо и восемью женевскими эмигрантами пять занятий на философские темы 1.

Состояние партийных дел внушало Плеханову большие опасения. В письмах к Каут-

³ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 60.

⁴ Там же. ⁵ Там же. С. 358.

⁶ См.: Исторический архив. 1962. № 5. С. 42 — 43.

скому он характеризовал положение в РСДРП как «отвратительное». «Каждая из обеих фракций нашей партии считает своим долгом не подчиняться постановлениям наших съездов (или конференций), принятых под влиянием противоположной фракции. Если Центральный комитет партии в своем большинстве состоит из меньшевиков, то возмущаются большевики. Если Центральный комитет находится под влиянием большевиков, тогда очередь меньшевиков поднять знамя восстания. И таким образом знать не хотят дисциплины. Скажу больше: дисциплины совсем не существует в партии: она существует только исключительно в пределах фракций. Следовательно, имеются две дисциплины: большевистская и меньшевистская. И каждая из них совсем не хочет повиноваться постановлениям *партии*, когда дело идет о поражении противной фракции» ², — писал Плеханов в марте 1911 г.

К осени, когда развернулась работа по созыву очередной общепартийной конференции РСДРП (решение об этом было принято еще на январском пленуме ЦК в 1910 г.), положение стало критическим. Дело шло к новому расколу. Характеризуя ситуацию, Плеханов писал в конце октября Каутскому: «Положение наше таково: каждая из борющихся фракций хочет созвать конференцию, которая будет окрещена партийной. Это будет ложь, но наши feindliche Brüder (враждующие братья. — нем.) убеждены, что ложь в данном случае совершенно обязательна. Вы знаете, как они ведут борьбу друг с другом. Мартов обвиняет (в своей гнусной брошюре) большевиков. Большевики, в свою очередь, издают брошюру Каменева, в которой обвиняют меньшевиков. Хочется прямо плакать со злости! Что до меня, то я стараюсь воздействовать на общественное мнение нашей партии в смысле созыва только одной конференции, которая в самом деле явилась бы партийной, а не только одной из фракций. Я еще не совсем потерял надежду на успех, но в данный момент мне трудно отвечать за что бы то ни было. Если Вам придется писать о нашем положении, то выскажитесь против раскола и за единство, Вы нам окажете большую услугу» ³

Плеханов не только не участвовал в работе Пражской конференции РСДРП в январе 1912 г. 1 (хотя представители его сторонников, так наз. меньшевиков-партийцев из России там были, а Д. М. Шварцмана даже избрали в новый состав ЦК РСДРП), но и отмежевался от ее решений, предложив 27 марта 1912 г. Международному социалистическому бюро, членом которого он, как и Ленин, являлся по постановлению январского пленума ЦК РСДРП 1910 г., взять на себя посредничество в деле восстановления единства партии, нарушаемого Лениным, с одной стороны, и «ликвидаторами» — с другой ².

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 179. Л. 1-7.

 $^{^2}$ Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 283 — 284. 3 Там же. С. 288. Плеханов имеет здесь в виду брошюры Мартова «Спасители или упразднители?» и Каменева «Две партии».

Осудил Плеханов и созванную в августе 1912 г. в Вене по инициативе Троцкого конференцию, в которой участвовали меньшевики, бундовцы и некоторые национальные социал-демократические организации России. На конференции был создан так наз. Августовский блок, оказавшийся, однако, рыхлым и недееспособным.

С апреля 1912 г. Плеханов стал издавать на свои средства газету «За партию» 3 , но успеха она не имела и в феврале 1914 г. на пятом номере прекратила свое существование.

Однако сложные перипетии внутрипартийной борьбы не могли заслонить для Плеханова интересов, связанных с работой над «Историей русской общественной мысли», очередными статьями и рецензиями для журнала «Современный мир», рефератами. Так, например, в марте 1911 г. он читал в Ницце лекцию «Герцен и крепостное право», приуроченную к 50-летию освобождения крестьян, а в июне 1912 г. — в Париже, Льеже и Цюрихе лекцию «Толстой и Герцен». В апреле 1912 г. Георгий Валентинович принял участие в открытии памятника Герцену в Ницце, где был похоронен великий русский писатель и общественный деятель. В ноябре 1912 г. Г. В. Плеханов читал в Льеже и Париже рефераты на давно уже интересовавшую его тему «Искусство и общественная жизнь». Он обращался к ней еще в своих знаменитых «Письмах без адреса» (1899—1900 гг.), где рассматривал процесс возникновения искусства у первобытных народов, а затем в статьях «Французская

драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии», «Пролетарское движение и буржуазное искусство» (1905 г.) и в ряде других произведений. На этот раз из рефератов родилась большая статья «Искусство и общественная жизнь», опубликованная в петербургском журнале «Современник» в 1912-1913 гг.

Плеханов развивал здесь широко известный тезис философов-материалистов, считающих, что реальная жизнь является в конечном счете первоисточником всех видов искусства и эстетических идеалов, причем одной из важнейших, хотя и не единственной пружиной в механизме воспроизведения объективной реальности в произведениях искусства служит социально-политическая борьба. Но главное внимание он уделил анализу состояния искусства в начале XX в., попытавшись объяснить определенное снижение его уровня уходом многих писателей, художников и артистов от острых социальных

 $^{^{1}}$ Плеханов направил в адрес большевистской конференции письмо, где подчеркивал, что стоит на почве общепартийных интересов и надеется на созыв в скором будущем подлинно всероссийской конференции РСДРП (За партию. 1912. № 1).

²См.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 157. Л. 1-2 (Опубл. в газ. «За партию». 1912. № 1).

 $^{^3}$ От большевиков-примиренцев в редакцию вошли М. К. Владимиров, А. И. Любимов, А. С. Лозовский, а от меньшевиков-партийцев, помимо самого Плеханова, — Х. Раппопорт, М. Я. Бабин и П. Н. Дневницкий. Газета ставила своей задачей борьбу как с «ликвидаторами», так и с большевиками-ленинцами. Плеханов выступал в роли главного редактора газеты и опубликовал в ней несколько материалов, в частности статью «К пятнадцатилетию нашей партии» (№ 4).

проблем, их равнодушием к великим освободительным идеям нашего времени. Сегодня, в конце XX в., когда можно непредвзято сравнивать современное отечественное и мировое искусство и искусство так наз. «социалистического реализма», крайне жесткие, а в чем-то и прямолинейные оценки Плеханова уже не найдут у нас единодушной поддержки. Однако не нужно забывать, что сам Плеханов предостерегал от излишне упрощенных представлений по этому сложному и в высшей степени деликатному вопросу. Он подчеркивал, в частности, что странно было бы думать, будто нынешние буржуазные идеологи окончательно неспособны дать какие-нибудь выдающиеся произведения. Такие произведения возможны, но шансы на их появление роковым образом уменьшаются. А кроме того, даже и выдающиеся произведения носят на себе теперь печать эпохи упадка 1.

Плеханов признавал, например, талант поэтессы Зинаиды Гиппиус и называл очень талантливым художником ее мужа Дмитрия Мережковского, хотя отрицательно относился к религиозным мотивам в его произведениях. При этом само появление декаданса в России, где капитализм, по мнению Плеханова, был еще далек от своего упадка, он связывал с сильным влиянием на русское искусство со стороны Западной Европы.

Весьма неодобрительно относился Плеханов и к современному ему западному изобразительному искусству, о чем свидетельствуют его заметки с шестой международной художественной выставки в Венеции (1905 г.). Основная их черта — предельная искренность: Плеханов пишет то, что думает, не стараясь сказать что-то «умное», отделаться ничего не значащей дипломатической фразой или просто повторить то или иное общепринятое суждение. Воспитанный на лучших произведениях классического искусства — а он побывал за

293

время эмиграции в лучших западноевропейских музеях, — Плеханов воспринимает модерн сдержанно, иногда с легкой иронией, а некоторые особенно замысловатые по содержанию картины прямо называет «ребусами». Отдавая должное профессиональному мастерству художников, Плеханов был глубоко равнодушен к погоне за внешними эффектами и к разного рода модным вывертам, откровенно недоумевая, почему многие живописцы так часто изображают уродливое, неэстетичное, непонятное зрителю. Он не скрывал своей тяги к простоте и естественности в изображении жизни и горячо одобрял обращение художников к социальным мотивам, что случалось в начале XX в. уже совсем не часто. Не будет преувеличением сказать, что плехановская критика в адрес многих художников сохраняет свою актуальность и сегодня с одной лишь оговоркой: высокая социальная идея сама по себе еще не является гарантией создания высокохудожест-

¹ См.: Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 1. С. 193.

венного произведения искусства. Впрочем, с этим не стал бы спорить и Плеханов.

Последним мирным летом 1913 г., словно предчувствуя приближение военной грозы, Георгий Валентинович, который недавно тяжело переболел крапивной лихорадкой, повез жену в Италию, где сам уже не раз бывал прежде (Рим, Флоренция, Болонья, Милан). Два дня они посвятили осмотру достопримечательностей итальянской столицы: побывали в соборе Святого Петра, поклонились Аполлону Бельведерскому, фрескам Рафаэля и Микельанджело, творениям Тициана и Тинторетто. А затем был Неаполь, Помпея и остров Капри, куда их пригласили А. М. Горький и Е. П. Пешкова.

Отношения Плеханова и Горького складывались достаточно сложно. Их первая личная встреча состоялась весной 1907 г. на V съезде РСДРП в Лондоне и подробно описана в широко известном очерке Горького «В. И. Ленин» (заметим, что Р. М. Плеханова расценила его как карикатуру на своего мужа ¹ и во многом была, безусловно, права). Тогда же в журнале «Современный мир» была опубликована статья Плеханова «К психологии рабочего движения», посвященная разбору новой пьесы Горького «Враги». Плеханов называл там Горького «высокоталантливым художником-пролетарием», а саму пьесу — превосходной2. Его особенно заинтересовала социально-психологическая сторона этого произведения, в котором был хорошо показан коллективизм пролетариата, готовность рабочих жертвовать собой ради общего дела, рост в пролетарской среде революционных настроений. Подчеркивал Плеханов и прекрасное владение Горьким великим, богатым и могучим русским языком. Годом раньше Плеханов одобрительно отозвался о пьесе

Таким образом, как художник слова Горький воспринимался в тот момент Плехановым вполне положительно. Однако близость писателя к большевикам, которые и пригласили его на партийный съезд в качестве гостя, не могла не наложить отпечаток на первые впечатления Плеханова от встречи с Горьким. 16 мая 1907 г. он писал жене: «Вчера ко мне подошел Максим Горький, который тоже здесь. Я с ним проговорил довольно долго. Он очень интересный человек. Меньшевиков он ненавидит с фанатизмом ничего не понимающего в политике человека. Мне он наговорил много комплиментов, назвал своим учителем. Просил провести с ним вечер, чтобы поговорить. Я, конечно, согласился» ².

Что касается Горького, то он отозвался о Плеханове гораздо более резко и недоброжелательно: «Наши старички, Плеханов, Аксельрод и иже с ними, оставили во мне жал-

 $^{^{-1}}$ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 33. Л. 18 (воспоминания «Италия и Горький» написаны в 1937 г.).

² Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 2. С. 496.

Горького «Дети солнца», назвав ее автора «знатоком народной психологии» ¹.

кое впечатление людей ослепленных, ошеломленных жизнью. Полубольные, они раздражаются по каждому ничтожному поводу, у них много честолюбия и не чувствуется силы. Их жалко, да, но как это приятно видеть, что жизнь уже отодвигает прочь, в сторону людей, которые еще вчера были далеко впереди многих» ³. Сказано зло, ядовито и, прямо скажем, не очень объективно (примерно так же отзывалась в те годы о Плеханове Роза Люксембург), так что можно лишь порадоваться тому, что Плеханов не знал об этих в высшей степени политизированных оценках.

Был во время работы V съезда РСДРП и один очень забавный эпизод: по просьбе Горького Плеханов пошел вместе с ним к английскому художнику Мошелесу, иллюстрировавшему пьесу «На дне». Рисунки его чрезвычайно не понравились Горькому, который сделал ряд неодобрительных замечаний, сопровождая их выразительной мимикой. На долю Плеханова, выступавшего в роли переводчика, выпала довольно щекотливая миссия смягчить удар по самолюбию художника. Горький восклицал то и дело: «Это черт знает что такое!», «Это безобразие» и т. п. А Плеханов невозмутимо «переводил», уверяя художника, что автор пьесы очень доволен мастерством его проникновения в мир русского «дна» ⁴.

Вместе с тем от проницательного взгляда Плеханова не могла укрыться внутренняя противоречивость творчества Горького, те «ножницы», которые существовали между Горьким-художником и Горьким-мыслителем, не говоря уже о Горьком-политике. В отличие от Ленина, который дал чрезвычайно высокую оценку повести

«Мать», Плеханов назвал ее из рук вон слабым, и, что еще хуже, — фальшивым произведением 1. Вероятно, в такой оценке есть доля преувеличения, но трудно не согласиться с тем, что «Мать» в конечном счете сильна именно своим социально-политическим зарядом, а не художественными достоинствами.

Не менее резко — и на этот раз уже публично — Плеханов отозвался о повести Горького «Исповедь» (1908 г.). Здесь Горький выступил как сторонник так наз. богостроительства, которым особенно увлекался тогда А. В. Луначарский. Последний считал, что политической гегемонии пролетариата должно соответствовать и его духовное воздействие на широкие слои народа вплоть до создания новой, пролетарской религии, обожествляющей народный разум, стремление к справедливости, подлинный коллективизм и социализм. Что касается Горького, который постепенно все больше отдалялся в то время от Ленина и, наоборот, сближался с Богдановым и Луначарским, то он попытался перевести идеи богостроительства на язык художественных образов, однако не добился

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 52. ² Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 33. Л. 17. ³ Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 9. С. 28-29.

⁴ См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

при этом сколько-нибудь значительных результатов, хотя в «Исповеди» есть прекрасные реалистические страницы.

Плеханов, направивший основной огонь своей критики на Богданова и Луначарского, коснулся «Исповеди» Горького лишь попутно, посвятив ее разбору сравнительно небольшой раздел в работе «О так называемых религиозных исканиях в России» (1909 г.). При этом он вновь подчеркнул, что Горький — талантливый и яркий художник, совершенно беспомощный, однако, в области теории (недаром Белинский говорил, что у художников ум уходит в талант). По мнению Плеханова, там, где в произведениях Горького особенно силен партийно-публицистический момент («Мать», очерки «В Америке»), его неизбежно подстерегают неудачи, ибо он не создан для роли проповедника. Как убежденный атеист, Плеханов не скрывал, что не может принять тех богоискательских и богостроительских настроений, которые получили распространение у части русской интеллигенции после поражения революции 1905—1907 гг. Нельзя сказать, что критика «Исповеди» отличалась глубиной и убедительностью, но основная мысль Плеханова о неправомерности и пагубности превращения социалистического учения в новую религию — а именно это произошло в России после 1917 г. — была очень своевременным предупреждением любителям разного рода идеологических игр, которые, к сожалению, оставили его и тогда, и позже без всякого внимания.

Осенью 1911 г. Горький послал Плеханову свою книгу «Жизнь Матвея Кожемякина». В декабре Георгий Валентинович направил

ему ответное письмо, в котором поблагодарил за подарок и высоко оценил новое произведение писателя. Свои впечатления Плеханов сравнил с отзывом Пушкина о рукописи «Мертвых душ» Гоголя: «Боже, как, однако, грустна Россия!» По мнению Плеханова, читатель как будто попадает здесь в то самое «темное царство», которое изображал в своих пьесах еще А. Н. Островский, но в этом царстве уже идет процесс разложения и брожения, мастерски схваченный Горьким. «Кто захочет ознакомиться с этим процессом, тот должен будет прочитать «Кожемякина», как должен прочитать некоторые сочинения Бальзака тот, кто хочет ознакомиться с психологией французского общества времен Реставрации и Луи-Филиппа. Раз это так, — а я уверен, что это так, — то автор может гордиться своим делом», — писал Плеханов 1.

И вот теперь, летом 1913 г. состоялась новая, уже более продолжительная, чем в 1907 г., а главное — в значительной мере очищенная от взаимной фракционной подозрительности и скрытого недоброжелательства встреча двух крупнейших деятелей русской на-

¹ «Горький захотел здесь поучать, а так как он сам учился очень мало, то из ничего ровно ничего путного не вышло», — писал Плеханов в июле 1907 г. Иде Аксельрод (РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 139. Л. 1). 296

циональной культуры.

Горький принимал гостей уже не на старой вилле «Блезус», где все напоминало о ее очаровательной хозяйке, М. Ф. Андреевой (Алексей Максимович расстался с ней в 1912 г.), а в двухэтажном домике в поселке Марина Пикколо, который называли в те времена вилла «Серафина». Беседы с Плехановым проходили в небольшом зеленом саду, окружавшем дом, во время прогулок по живописным окрестностям и в большом кабинете Горького, который занимал половину виллы.

О многом переговорили в те жаркие июньские дни Георгий Валентинович и Алексей Максимович. Италия и итальянцы, новости социалистического движения, дело Бейлиса, положение в РСДРП, последние научные открытия... Можно только пожалеть о том, что от этих многочасовых бесед остались лишь скупые строчки в воспоминаниях Р. М. Плехановой да в письмах обоих собеседников. Так, Горький по горячим следам своих каприйских бесед с Плехановым писал издателю И. П. Ладыжникову: «Свидание очень интересное. Кажется, мы установим добрые отношения, говорили о многом, откровенно и подробно. Идею пересмотра программы в связи с запросами современной русской жизни и включение в нее одним из пунктов борьбу с алкоголизмом он находит очень удачной, своевременной, исполнимой. Находит и возможной и естественной гегемонию в России социалистической идеологии. Вообще — все было очень недурно. Лично он мне понравился, и мне кажется, что с ним можно пиво варить новое» ².

¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 2. С. 516—517.

² Цит. по кн.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 298.

Характеризуя позицию самого А. М. Горького, Р. М. Плеханова вспоминала, что он был настроен против ликвидаторов, но не одобрял и большевиков, склоняясь, видимо, к взглядам Георгия Валентиновича 1 .

Последний тоже был очень доволен поездкой на Капри: «Я видел много людей, — писал он Горькому из Сан-Ремо 2 июля 1913 г., — но редко я выносил из встреч с ними такой заряд бодрости, какой вынес я из последней встречи с Вами. Будьте здоровы, это все, чего можно пожелать Вам, — все остальное у Вас есть: талант, образование, энергия, светлая вера в будущее и прочие, этим подобные, неоцененные блага. Живите еще долго и долго и обогащайте нашу художественную литературу Вашими произведениями» ².

Георгий Валентинович и Розалия Марковна надолго запомнили не только гостеприимную виллу «Серафина», но и поездку в горы, темпераментную тарантеллу, которую танцевали для них местные крестьяне, развалины дворца императора Тиберия. Распростившись с Горьким, Плехановы решили побывать у кратера Везувия. Сначала ехали на повозке, потом на лошадях по кличкам Макарони и Бифштекс, причем Георгий Валентинович удивительно напоминал Дон Кихота, а его маленький и толстенький проводник — Санчо Пансо. Последнюю, наиболее трудную часть пути предстояло проделать пешком. Старики-провожатые предложили нести туристов на руках, но Плеханов категорически отказался. Однако, сделав несколько шагов по извилистой горной тропинке, он вдруг почувствовал себя плохо. Воды не было, и пришлось дать ему несколько глотков дешевенького виноградного вина с поэтическим названием «Христовы слезы», которым запаслись проводники. Георгий Валентинович пришел в себя и настоятельно попросил продолжить восхождение. Розалия Марковна согласилась, но поставила условие: Плеханову придется поступиться принципами и отдать себя в полное распоряжение проводников, которые понесут его на руках.

Георгию Валентиновичу пришлось уступить. Процессия снова тронулась в путь. Солнце палило, пот лил со всех градом, старики то и дело прикладывались к «Христовым слезам». Как вспоминала Р. М. Плеханова, Георгия Валентиновича мучила совесть (на старости лет ему пришлось стать «эксплуататором»), но добродушные старички успокаивали его, говоря, что уже 40 лет зарабатывают таким образом себе на хлеб. Наконец, Везувий был покорен. Перед путешественниками открылся великолепный вид на Неаполитанский залив, Капри, а совсем рядом, подобно зияющей огненной пасти страшного чудовища, зиял дымящийся кратер вулкана... ³

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 33. Л. 10.

 $^{^{2}}$ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 2. С. 517 — 518.

³ См.: Год на родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № И. С. 89-90.

Тогда же, летом 1913 г. Плеханов дал большое интервью корреспонденту русской газеты «Юг», выходившей в Ницце с расчетом на туристов и эмигрантов. Часть вопросов касалась итогов революции 1905 — 1906 гг. (такую хронологию революционных событий предложил журналист, и Плеханов не стал ее оспоривать), часть — текущих событий в России и в российском рабочем и социал-демократическом движении.

События 1905 — 1906 гг. Георгий Валентинович охарактеризовал как «не совсем полную революцию», а точнее как очень сильный подъем революционного движения, вызвавший появление очень глубокой трещины в здании старого порядка, но не поваливший этого здания. Разочарование в итогах революции во многом и объяснялось тем, что на нее возлагали слишком преувеличенные, а потому и неосновательные надежды. Главной, чтобы не сказать единственной, движущей силой русского революционного движения, по мнению Плеханова, является пролетариат, тогда как крестьянство трудно признать революционным в полном смысле этого слова. Конечно, оно поддержало в 1905 г. рабочих и другие революционные элементы городского населения, но поддержка эта была все-таки неполной, поскольку психология мужика оставалась психологией старого, еще допетровского времени и в основе ее лежало твердое убеждение, что царь, наделяющий крестьянина землей, не в пример помещику заботится о нем и поэтому бунтовать против царя нельзя. В этом, по мнению Плеханова, состояла и разгадка поведения армии, в которой большинство солдат составляли те же крестьяне: в общем и целом она осталась верна присяге и спасла старый порядок 1.

Однако в 1907 — 1912 гг. события развивались не совсем так, как того хотелось бы сторонникам самодержавия, а в 1912 — 1913 гг. налицо были уже все признаки нового революционного пробуждения рабочих. Отвечая на вопрос корреспондента об отношении к столыпинской аграрной реформе, осуществление которой началось в России с 1907 г., Плеханов заметил, что условия ее страшно невыгодны для крестьян. «Но мера эта неоспоримо имеет ту выгодную сторону, — продолжал он, — что окончательно разрушает все пережитки общественной психологии, возникшей некогда благодаря аграрной политике Московского государства. Наши реакционеры отстаивали указ 9 ноября (1906 г. — С. Т.) как контрреволюционную меру. На самом деле она принесет в конечном счете революционный результат» ² (Плеханов имел здесь в виду ускорение развития капитализма, крушение общинного менталитета русского крестьянина и его веры в царя как гаранта существующей в России системы землевладения и землепользования).

Правда, Плеханов не

¹См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 552-554.

² Там же. С. 557.

верил в близость нового революционного взрыва, подобного событиям 1905 г., но советовал социал-демократам готовиться к нему, чтобы не оказаться потом в положении тех неразумных евангельских дев, которые не сумели вовремя наполнить свои светильники и достойно встретить женихов.

В этой связи корреспондент задал вопрос: «Думаете ли Вы, что в числе подготовительных мер должно быть и объединение социалистических партий?» «Да! Я убежден в этом», — сказал Плеханов. Российский и международный пролетариат в конечном счете заставят объединиться российскую социал-демократию, а, кроме того, сама жизнь ставит и вопрос о сближении РСДРП с партией эсеров. Заканчивая беседу, Плеханов в шутку заметил: хотя скоро все согласятся с тем, что социализм един и поэтому в каждой стране должна существовать только одна социалистическая партия, это, конечно, не помешает нам в процессе поиска соглашения наговорить друг другу, по издавна установившемуся обычаю, разных крепких слов ¹.

В мае 1914 г. в Петербурге при участии Плеханова стала выходить газета «Единство», в четырех номерах которой были напечатаны его статьи. Издателем газеты был депутат IV Государственной Думы социал-демократ А. Ф. Бурьянов, который вышел из меньшевистской думской фракции и стал выступать в поддержку плехановской позиции, за восстановление единства РСДРП. В редакцию «Единства» входили также Л. И. Аксельрод, Н. В. Васильев. Для этой газеты Плехановым были написаны «Письма к сознательным рабочим», эпиграфом к которым он взял слова Чехова: «Самолюбие и самомнение у нас европейские, а развитие и поступки — азиатские». Это был прозрачный намек на то, что российские социал-демократы никак не дорастут до настоящей партийности, постоянно подменяя ее самой махровой фракционностью.

К этому времени отношения Плеханова с большевиками вновь испортились: Ленин упрекал его в колебаниях, примиренчестве, повороте к «ликвидаторству», а Плеханов, в свою очередь, обвинял лидера большевиков в «ненасытном фракционном аппетите», стремлении подчинить себе все остальные элементы российской социал-демократии, раскольничестве и т. п. ².

Не складывались и отношения Плеханова с основным ядром меньшевистской фракции во главе с Мартовым и Даном. После поражения революции 1905—1907 гг. меньшевики все более откровенно ориентировались на западноевропейскую модель социал-демократического движения (широкая рабочая партия, действующая в легальных условиях и стремящаяся к завоеванию власти чисто парламентским путем). Поэтому Плеханов, воспитанный в традици-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX.

ях революционного подполья и нередко очень неравнодушный к якобинству, постепенно терял былую популярность в меньшевистской среде. Его уважали, иногда боялись, но не любили, а главное — уже не очень нуждались в нем. В результате Плеханов все больше превращался в «икону», в живой памятник уходящей в прошлое эпохи отрочества и юности российской социал-демократии.

В июле 1914 г. в Брюсселе состоялось заседание Международного социалистического бюро, созванное для обсуждения ситуации, сложившейся в РСДРП, где «враждующие братья» вновь стояли в позиции кулачных бойцов. Плеханов занял на совещании ярко выраженную антибольшевистскую позицию. В итоге дискуссии с участием Каутского, Р. Люксембург, Вандервельде и представителей различных течений российской социал-демократии были выработаны рекомендации по восстановлению единства РСДРП. Большевики подчиняться этому решению отказались.

В августе 1914 г. в Вене должен был собраться очередной конгресс II Интернационала. Большевики хотели приурочить к нему VI съезд РСДРП, а меньшевики возлагали большие надежды на то, что международная социал-демократия осудит Ленина как раскольника и заставит большевиков все-таки пойти на новое объединение РСДРП. Однако жизнь перечеркнула все эти планы и расчеты.

ГЛАВА VIII

ЗАЩИТИТЬ РОССИЮ!

То, что произошло 1 августа 1914 г., когда началась Первая мировая война, не было трагической случайностью. Уже на протяжении многих лет Европа, а вместе с ней и весь мир медленно, но неотвратимо вползали в большую и страшную войну. Ряд крупных международных кризисов первого десятилетия XX в., окончательное оформление двух крупных военно-политических блоков во главе с Германией и Англией, Балканские войны 1912 — 1913 гг., роковой выстрел в Сараеве 28 июня 1914 г., австрийский ультиматум Сербии 23 июля, мобилизация русской армии 30 июля — все эти события в конечном счете были звеньями одной большой цепи, именуемой предысторией мировой войны. А дальше события замелькали с кинематографической быстротой: 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России, а 3 августа — Франции, 4 августа в войну с Германией вступила Англия, 6 августа в состоянии войны оказались Австро-Венгрия и Россия, а 23 — Германия и Япония.

Так началась Первая мировая война, имевшая для России поистине фатальные по-

следствия: ведь даже Ленин, никогда не терявший веры в грядущее торжество русской революции, признавал, что, не будь войны, Россия могла бы прожить еще годы и даже десятилетия без революции против капиталистов 1 .

Главной пружиной военного конфликта, который по своим масштабам и жестокости превосходил все, что знала до этого человеческая история, была борьба крупнейших мировых держав, прежде всего Германии и Англии, за передел колоний, рынков и сфер влияния. Нельзя было сбрасывать со счетов и такие факторы, как династические интересы и родственные связи монархов, союзнические обязательства, политические амбиции. Вместе с тем б ходе войны решался и вопрос о судьбах Сербии и Бельгии, народов, входивших в состав Российской, Австро-Венгерской и Османской империй, о восстановлении польской государственности, воссоединении армян. Да и народы великих держав были охвачены вполне понятной тревогой в связи с угрозой их национальным интересам со стороны противника: россияне и французы боялись победы Германии, немцы и австрийцы — победы России и т. д.

1 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. C. 31.

Разобраться в этом сложном, запутанном клубке противоречий было далеко не просто, тем более что на поверхности событий лежали такие бесспорные факты, как австровенгерская агрессия против маленькой Сербии, объявление Германией войны России, вторжение немецких войск в Бельгию и Францию. В действительности же участников войны было очень трудно разделить на праведников и грешников, хотя ответственность за ее начало в первую очередь несла, конечно, Германия. Да и действовал германский империализм более грубо и нагло, чем английский или французский. Тем не менее и Англия, и Франция тоже преследовали в начавшейся войне захватнические цели, а их союзница Россия вела борьбу за обладание Черноморскими проливами и непрочь была «округлить» свои границы и в некоторых других местах.

Для партий II Интернационала война тоже не была неожиданностью, хотя многие годы они находились в плену иллюзий о возможности ее предотвращения объединенными усилиями международного пролетариата. Еще в 1887 г. Энгельс однозначно предсказал, что большая европейская война приведет к целой серии революций 1 . Однако он был твердо уверен, что победа революции в мирное время неизмеримо предпочтительнее победы революции, вырастающей из войны. Вот почему он подчеркивал, что социалисты всех стран стоят за мир 2 .

В дальнейшем по мере обострения международной обстановки II Интернационал не раз обращался к проблемам, связанным с борьбой против милитаризма и угрозы войны. Правда, сторонников крайних, радикальных методов борьбы с военной опасностью вро-

де объявления в ответ на мобилизацию резервистов всеобщей антивоенной стачки с перспективой перевода ее в вооруженное восстание было сравнительно немного, а их предложения расценивались обычно как чистейшая утопия. Тем не менее на довоенных конгрессах Интернационала не раз принимались резолюции о необходимости бороться с угрозой войны всеми доступными социалистам средствами (их выбор предоставлялся на усмотрение каждой отдельно взятой партии и должен был зависеть от конкретных условий). Если бы война все же стала, однако, фактом, социалисты видели свой долг в том, чтобы добиваться ее скорейшего прекращения и использовать созданную ею кризисную ситуацию для ускорения начала пролетарской революции.

Именно об этом шла речь в дополнении, предложенном Р. Люксембург, В. И. Лениным и Ю. О. Мартовым к проекту резолюции по докладу А. Бебеля о борьбе с милитаризмом на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 г. В дальнейшем эти решения были подтверждены на Копенгагенском (1910) и Базельском (1912) кон-

грессах Интернационала. При этом в Базеле надвигавшаяся на Европу война уже прямо характеризовалась как грабительская, чуждая интересам пролетариата. Делегаты конгресса заявили в своем манифесте, что рабочие считают преступлением стрелять друг в друга.

Интересные мысли о связи возможной в будущем войны и пролетарской революции высказал в 1911 г. в статье «Война и мир» ведущий теоретик германской социалдемократии и всего II Интернационала К. Каутский. Если в Европе разразится война, писал он, то можно с уверенностью сказать, что за ней с неотвратимой необходимостью последует социальная революция. Возможно, что она явится также результатом реакции трудящихся масс на гонку вооружений или произойдет в силу каких-либо других причин. Но в любом случае она будет «международным явлением». Если даже вначале революция и ограничится пределами одного государства, то «при современных условиях такое положение не сможет продлиться долго». Революция перебросится и на другие страны, возникнут Соединенные Штаты Европы, а затем и Соединенные Штаты всего цивилизованного мира ¹.

Бесспорно, в исторической ретроспекции многое в предвоенных решениях II Интернационала кажется нам излишне хвастливым, самоуверенным и вместе с тем весьма туманным. Ведь не были определены даже четкие критерии оборонительных и наступательных, справедливых и несправедливых войн, не говоря уже о более конкретной тактике социалистов на случай начала большого многостороннего военного конфликта. Так или иначе, вплоть до августа 1914 г. во II Интернационале царила вера в то, что со-

303

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 361.

² Там же. Т. 22. С. 259.

единенными усилиями международного пролетариата и его социалистического авангарда надвигающуюся войну можно предотвратить или по крайней мере быстро локализовать и завершить.

Нельзя отрицать, что антимилитаристское движение приняло в предвоенные годы довольно широкие масштабы, причем участие в нем принимали не только партии II Интернационала, их парламентские фракции, партийная печать, но и широкие массы рабочих. Митинги и демонстрации проходили в различных странах Европы в связи с Марокканским кризисом и итало-турецкой войной 1911 г., Балканскими »войнами 1912—1913 гг., а также накануне Первой мировой войны в 1914 г. Не стояла в стороне от этого широкого демократического движения и Россия. Лозунг «Долой войну!» стал одним из главных во время осенних стачек 1912 г. В дальнейшем антивоенные мотивы постоянно вплетались в требования передовых рабочих. В июне 1913 г. социал-демократическая фракция IV Государственной Думы отказалась голосовать за военный бюджет.

Надо сказать, что Плеханов вполне разделял взгляды, нашедшие отражение в решениях II Интернационала. В ноябре 1912 г. он заявил, -например, в органе французских социалистов «Le Social-

ізте»: «Для нас высший закон — это интересы международного пролетариата. Война же находится в полном противоречии с этими интересами. Поэтому международный пролетариат должен решительно восстать против шовинистов всех стран... Да, мы за мир. Но мы не пацифисты... Мы не верим в магическую силу слов. Мы знаем, что в мире существует только одна сила, способная поддержать мир, — это сила организованного международного пролетариата. Пусть сколько угодно обвиняют нас в парадоксальности, от этого не станет менее неоспоримым, что только война между классами сможет с успехом противостоять войне между народами» 1.

Плеханов с одобрением относился к резолюции Штутгартского конгресса II Интернационала о милитаризме и международных конфликтах. «В самом деле, — писал он, — она гласит, что в случае надобности все политические партии обязаны употребить в дело все средства, которые им покажутся наиболее подходящими для предупреждения войны. Эта алгебраическая формула обобщает всякие возможности, т. е., между прочим, возможность не только всеобщей стачки, но и вооруженного восстания. А этого достаточно» ².

Особые надежды Плеханов возлагал при этом на эталонную партию II Интернационала — германскую социал-демократию. Однако в жизни все произошло по-другому. Уже 29 июля 1914 г., за три дня до начала войны, правление германской социал-

¹ Die Neue Zeit. 1911 Jg. XXIX. Band II. S. 106-107.

демократии уведомило рейхсканцлера Бетман-Гольвега о том, что их партия не планирует никаких антивоенных акций (всеобщей или частичной забастовки, организации саботажа и т. п.). А 4 августа 1914 г. фракция социал-демократов в рейхстаге единодушно (такова была сила партийной дисциплины) проголосовала за военные кредиты. Нашлось этому и подходящее оправдание: особая реакционность русского царизма, о которой не раз предупреждали еще Маркс и Энгельс. Тем самым был создан прецедент, оказавший огромное влияние на позицию остальных партий II Интернационала, причем во Франции и Бельгии социалисты даже вошли в состав правительств.

Позиция, занятая лидерами германской социал-демократии, больно задела Плеханова. «То, что происходит теперь в Германии, ужасно в полном смысле этого слова, — писал он в начале сентября 1914 г. Иде Аксельрод. — Полное торжество оппортунизма. Вы не можете себе представить, как тяжело подействовало на меня поведение немецкой партии. Я был нравственно болен. Теперь несколько поправился: привык. Бернштейн торжествует, и Каутский молчит или говорит слова, темные, как осенняя ночь. Трудно!» 3

Плеханов стал свидетелем того, как волна национализма и шовинизма буквально захлестнула всю Западную Европу, сразу же похо-

30.

ронив надежды на то, что разум восторжествует над военным безумием. Это был для него тяжелый нравственный удар, заставивший во многом пересмотреть прежние взгляды, расстаться с былыми иллюзиями, остро почувствовать, что его родной стране тоже грозит большая беда. Еще накануне войны Плеханов хорошо сознавал всю опасность создавшейся в Европе ситуации. Когда весной 1914 г. жена заговорила с ним о расширении своего небольшого санатория в Сан-Ремо, он посоветовал ей отложить строительные работы, ссылаясь на неустойчивость международной обстановки.

1 июля Плехановы приехали в Париж, где Георгий Валентинович рассчитывал поработать в Национальной библиотеке над материалами, необходимыми для второго тома «Истории русской общественной мысли». Первый только что вышел в свет в Москве, и Плеханов находился в состоянии хорошо знакомого каждому интеллектуалу творческого возбуждения, когда душа рвется к новой работе. Побывал он и на чрезвычайном съезде французских социалистов, проходившем в Париже 14 — 16 июля. А примерно через неделю маленький пароходик доставил Георгия Валентиновича и Розалию Марковну в Англию: в Лондоне Плеханова ждали богатейшие фонды библиотеки Британского музея. Но 31 июля в Париже был убит великий борец за мир, один из лидеров

 $^{^{1}}$ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II. С. 75.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. XVI. С. 363-364.

³ РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.

французских социалистов, замечательный оратор Жан Жорес. Это был выстрел в самое сердце Интернационала, вызвавший бурю возмущения не только во Франции, но и в других странах. Когда Плеханов прочитал газетное сообщение из Парижа, он смертельно побледнел. Мне показалось, что он вот-вот потеряет сознание, вспоминала Р. М. Плеханова. «Что с тобой? Почему эти новости так расстроили тебя?» — спросила она мужа. «Ты не можешь себе представить, что это будет за война, — ответил он. — Это будет человеческая бойня, и ее жестокость превзойдет все, что человечество пережило до сих пор» ¹.

З августа Плехановы были уже в Париже. В этот день Германия как раз объявила войну Франции, и ее столица — город великих демократических традиций и четырех революций, признанный центр европейской цивилизации, где дух интернационализма буквально витал в воздухе, — оказалась вдруг во власти шовинистических чувств. Париж бурлил, негодовал, проклинал мерзких «бошей» (так французы называли немцев). Толпы народа с криками «На Берлин! На Берлин!» волна за волной катились по Большим бульварам. Нечто подобное происходило в Берлине, Вене, а отчасти и в Петербурге, но Париж благодаря французскому темпераменту и непосредственной угрозе со стороны германских войск побил здесь все рекорды. В городе царила паника, парижане тысячами покидали свою древнюю столицу, устремившись в провинцию. Все это не могло не взволновать Плеханова до глубины души.

Вдобавок в нем заговорил несостоявшийся офицер, на которого весть об объявлении войны подействовала поистине магически. В итоге он сделал свой выбор и стал воинствующим франкофилом, одобрив голосование французских социалистов за военные кредиты и вступление своего друга Жюля Геда и другого социалиста, Марселя Самба в правительство.

А вскоре Плеханов оказался вовлеченным в события, связанные с отправкой на франко-германский фронт добровольческого отряда русских политэмигрантов, проживавших в Париже. Всего в августе 1914 г. в волонтеры записалось около 9 тыс. русских эмигрантов. Республиканский отряд, состоявший из социал-демократов (в том числе и небольшой группы большевиков), эсеров, бундовцев, анархистов, составлял примерно 70 — 80 человек. 21 августа они обнародовали написанную при участии Плеханова декларацию, где подчеркивалось, что роль зачинщиков войны сыграли правящие круги Германии и Австро-Венгрии и что победа Германии может привести к поражению европейской демократии, тогда как победа Антанты, напротив, означала бы торжество демократических идеалов во всех европейских странах, включая Россию. «Да здравст-

¹ Цит. по: Baron S. Plekhanov. P. 322.

вует демократия, германская республика, международный социализм! Долой царизм!» — заканчивался этот документ 1 .

Сохранилось письмо одного из большевиков — члена Парижской секции РСДРП, в котором описывались события, предшествовавшие отправке русского республиканского отряда на фронт: «Плеханов всецело на стороне волонтерства, приходил на последнее наше собрание перед уходом из Парижа, произнес горячую приветственную речь, призывая нас жизнь отдать за «великое, славное дело» защиты демократии» ². В то же время выяснилось, что находившийся тогда в Париже лидер меньшевиков Ю. О. Мартов — убежденный противник волонтерства, считающий его чуть ли не изменой социализму. Не случайно именно он возглавил интернационалистское течение среди меньшевиков, органом которого стала вскоре небольшая русская эмигрантская газета «Наш голос» (затем «Голос», «Наше слово»), издававшаяся в Париже.

Основные мысли, высказанные Плехановым в его напутствии русским волонтерам, были изложены им затем в открытом письме в редакцию кадетской газеты «Речь» от 30 сентября 1914 г., неодно-

² РЦХИДНИ. Ф. 351. Оп. 2. Д. 61. Л. 8.

30

кратно воспроизводившемся затем в России в различных газетах и журналах. Он подчеркнул, что в войне между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Францией, Бельгией и Англией — с другой, «интересы прогресса находятся на стороне трех последних государств и поэтому каждый, дорожащий указанными интересами, должен желать победы именно этим государствам». Далее Плеханов заявил, что хотя он и является принципиальным противником войны, но раз война началась, то желает «поражения виновному, т. е. нападающей стороне. А нападающей стороной, по моему глубокому убеждению, явилась Германия и ее союзница Австро-Венгрия» ¹. По мнению Плеханова, в случае победы Германии она постаралась бы сделать Россию своим экономическим вассалом, а это очень вредно отразилось бы на дальнейшем ходе ее развития по пути к той цели, которую ставит перед собой РСДРП, — демократической республике ².

Обращает на себя внимание тот факт, что вначале Плеханов предпочитал не говорить прямо о своем отношении к участию России в начавшейся войне. Однако скоро подобное молчание стало невозможным.

Война началась для России с крупной неудачи в Восточной Пруссии, где попала в окружение армия под командованием генерала Самсонова. Около 170 тыс. убитых и ра-

¹ Цит. по: Крестовская Л. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, б. г. С. 123—124. Интересно отметить, что германские социал-демократы, проживавшие в Париже, сделали в то же время следующее заявление: «Мы все очень любим свое отечество, но мы не можем более любить отечество, которое нападает на мирный народ. Наши симпатии принадлежат вам, защищающим землю свободы. Да будет победа с вами! Идите, побеждайте преступное берлинское правительство! Да здравствует демократическая Франция!» (Ежемесячный журнал. 1914. № 8 — 9. С. 228).

неных, почти 30 тыс. попавших в плен — и это только за месяц боев! Правда, такой ценой России удалось несколько облегчить положение Франции, но августовская трагедия в Мазурских озерах надолго оставила кровоточащий след в сердцах россиян, хотя вскоре русская армия взяла реванш за это поражение в ходе грандиозной Галицийской битвы на русско-австрийском фронте, когда был взят Львов. Довольно скоро стало ясно, что рассчитывать на быструю победу в войне России не приходится.

Резко изменилась и ситуация внутри страны. Забастовочное движение быстро пошло на спад (здесь сказалась и растерянность рабочих, и боязнь правительственных репрессий, и усиление патриотических чувств), а экстренная однодневная сессия Государственной Думы прошла под знаком патриотического единения всех политических партий за исключением крайне левых. Социал-демократы (и большевики, и меньшевики) выступили в Думе 26 июля (7 августа) 1914 г. с антивоенной декларацией и не голосовали за военные кредиты. Рукопожатие же, которым обменялись в тот день в Таврическом дворце лидер кадетов П. Н. Милюков и черносотенец В. М. Пуришкевич, стало символом временного примирения оппозиционных и консервативных сил перед лицом германской угрозы.

308

В этой обстановке Плеханов остро чувствовал потребность быть вместе с родной страной и ее народом. Конечно, он прекрасно понимал, что политический курс России определяется царизмом с его великодержавными амбициями и неискоренимой враждой к демократии, однако угроза германского нашествия, национального унижения, огромных людских, а возможно, и территориальных потерь была столь велика, что тревога за судьбу родины заслонила на время все остальное. О «пораженчестве» по примеру 1904—1905 гг., когда шла локальная русско-японская война, не могло, по мнению Плеханова, в 1914 г. быть и речи.

Прожив в Париже почти до конца августа, Плехановы вернулись затем в Женеву. Здесь Георгий Валентинович встретился с одной из активисток итальянского социалистического движения, уроженкой России Анжеликой Балабановой, которая всегда была его искренней почитательницей и сторонницей. Но на этот раз их встреча, судя по воспоминаниям Балабановой, проходила в очень напряженной обстановке. Когда Балабанова сказала, что нужно сделать все, чтобы помешать вступлению Италии в начавшуюся войну, глаза Плеханова гневно сверкнули, и он с упреком сказал: «Так вы хотели бы помешать вступлению Италии в войну! А как же Бельгия? И где ваша любовь к России?» Балабанова попыталась возразить: «Что вы имеете в виду, говоря о моей любви к России? Разве должно мое отношение к войне измениться от того, что в нее вовлечена

¹ Речь. 1914. 15 октября; Голос. 1914. 28 октября; Наша заря. 1914. № 7-9. С. 140.

² Там же.

Россия? Разве другие империалистические правительства не действовали бы в Бельгии так же, если бы им было необходимо добиться своих целей? Разве не вы учили меня видеть истинные причины войны? И не вы ли предупреждали нас, что готовится страшная бойня и что мы должны противостоять ей?» Но Плеханов как будто не слышал своей собеседницы. «Что касается меня, — сказал он, — я сам вступил бы в армию, если бы не был так стар и слаб. Колоть штыком ваших немецких товарищей доставило бы мне большое удовольствие» ¹.

Между тем осенью 1914 г. в русской революционной эмиграции шел сложный и мучительный процесс идейного самоопределения и размежевания на патриотов и интернационалистов, оставшихся верными идее пролетарского единства и необходимости борьбы с войной. Абсолютное большинство сторонников Ленина осудило начавшуюся войну как схватку равно виновных империалистических хищников и отказалось наложить мораторий на продолжение классовой борьбы в период военных действий. Война между правительствами и насильственно вовлеченными в нее народами должна была превратиться, по мнению большевиков, в гражданскую войну внутри каждого воюющего государства, в европейскую, а затем и в

¹ Balabanoff A. My Life as a Rebel. New York, 1938. P. 120; Baron S. Op. cit. P. 323-324.

309

мировую революцию, призванную открыть дорогу всеобщему демократическому миру на основе права каждой нации на самоопределение. При этом сам Ленин и наиболее последовательные и решительные большевики провозглашали лозунг поражения царского правительства как меньшего, с точки зрения пролетариата, зла, считая, что аналогичной тактики по отношению к своему правительству должны были бы придерживаться социалисты-интернационалисты каждой воюющей страны.

В меньшевистских организациях картина была более пестрой. Несмотря на преобладание умеренно интернационалистских и пацифистских настроений, смысл которых можно было бы выразить формулой: сначала заключение мира, а потом уже революция, здесь были довольно сильны и различные оттенки оборончества. Существовало у меньшевиков и леворадикальное крыло во главе с Мартовым, однако левые меньшевики-интернационалисты никогда не доходили до таких крайностей, как революционное пораженчество, призывы к расколу с оборончески настроенными элементами меньшевизма или лозунг создания нового революционного Интернационала.

И октября 1914 г. произошло событие, мимо которого не могут пройти ни биографы Плеханова, ни биографы Ленина. В тот осенний день в Лозанне два признанных лидера российской социал-демократии в последний раз скрестили шпаги в очном словесном поединке во время публичного реферата Плеханова «Об отношении социалистов к вой-

не». Дело в том, что местные русские эмигранты-меньшевики уговорили Плеханова специально приехать из Женевы в Лозанну, чтобы поделиться мыслями о начавшейся войне. Плеханов предполагал, что это будет товарищеская беседа в сравнительно узком кругу, но организаторы встречи решили придать ей форму открытого реферата, на который собралось довольно много самой разной эмигрантской публики. Привлекало прежде всего громкое имя референта, да и тема доклада затрагивала за живое каждого слушателя.

Довольно невзрачный зал Народного дома был заполнен до отказа. В первых рядах, как это всегда бывало во время выступлений Плеханова, — сидели нарядные говорливые дамы с пышными прическами, напоминавшими птичьи гнезда. С тех пор, как Георгий Валентинович вошел в моду, этот шлейф дамского поклонения тянулся за ним из города в город, из страны в страну. Вот и теперь почитательницы Плеханова приехали из Женевы, Кларана, Монтре... В зале были люди довольно разных политических взглядов, возраста и национальности, и никто не обращал особого внимания на небольшую группу приезжих, занявших места в последних рядах. Это были Ленин, Бухарин, Зиновьев, Инесса Арманд и несколько других большевиков, которым хотелось, что называется из первых уст, узнать, как относится Плеханов к войне.

Назначенное время давно прошло, а докладчик все не появлялся. По залу уже пошел гулять шепоток: «Не приедет. Не решится!»

Другие возражали: «Раз обещал, обязательно приедет. Вероятно, поезд запоздал». Но вот кто-то радостно сообщил: «Приехал, приехал. Идет сюда!» И действительно в зале показалась все еще статная, несмотря на годы и болезнь, фигура Плеханова, окруженного целой свитой приверженцев и почитателей. Долгожданный гость не спеша прошел к трибуне и начал реферат с удачного экспромта: «Ваше почтенное собрание, — сказал он, — напомнило мне происшествие, имевшее место с Чичиковым, который, путешествуя в гости к Манилову, спрашивал проезжавших мужиков: «Далеко ли тут деревня Заманиловка?» И получил ответ: «Маниловка, может быть, а не Заманиловка? Заманиловки никакой нет... » Вот и мне хочется задать вам тот же самый вопрос». Тем самым он давал понять, что его как бы «заманили» на встречу с такой многочисленной аудиторией.

В отличие от многих других плехановских рефератов, его лозаннский доклад в октябре 1914 г. был довольно подробно записан одним из слушателей (видимо, он владел стенографией) и вскоре опубликован в парижском «Голосе». Сохранились и те записи, которые делал по ходу реферата Плеханова Ленин, а также подробное изложение содержания этого полуторачасового доклада присутствовавшим на нем сотрудником за-

граничной агентуры российского Департамента полиции. Кроме того, все, что происходило в тот день в Народном доме Лозанны, нашло отражение в многочисленных воспоминаниях. Поэтому мы можем довольно точно реконструировать ход мыслей Плеханова.

Он разделил реферат на две части: в первой речь шла об отношении к войне немецких и французских социалистов, во второй — о тактике РСДРП, характере и возможных последствиях военного конфликта. Плеханов констатировал, что единства в международном социалистическом движении больше нет. Идея всеобщей антивоенной стачки потерпела, как и следовало ожидать, полный провал. В Германии произошел гигантский взрыв шовинизма, французские рабочие были подавлены угрозой немецкого вторжения, и в итоге лозунг международной пролетарской солидарности повис в воздухе.

Плеханов не поскупился на краски, чтобы нарисовать яркую картину предательства германских социал-демократов, проголосовавших в рейхстаге за военные кредиты. Он с возмущением говорил о преступлениях германской военщины в оккупированных районах Бельгии и Франции (и это в то время, как треть немецкой армии составляли социал-демократы или сочувствующие им!), рассказал о своей беседе с одним из социал-демократических депутатов рейхстага, без стеснения разглагольствовавшим о радужных экономических перспективах, которые откроются перед Германией после ее победы в войне. Чувствовалось, что Плеханов кипит от нескрываемого гнева, горькой обиды и разочарования. При этом он поставил тактику германских социал-демократов в прямую связь с ревизиониз-

Особый интерес представляет то место плехановского доклада, которое дошло до нас в изложении сотрудника Департамента полиции. «2 августа, — сказал Плеханов, — в Париж прибыл уполномоченный германской социал-демократии тов. Мюллер и заявил французским социалистам, что немецкие товарищи вотировать военного бюджета не будут — часть воздержится, а другая, наибольшая часть и вовсе откажется. Однако, как известно, ничего подобного не произошло, и поэтому Плеханов, говоря о поведении французских социалистов, был склонен во всем признать их совершенно правыми с социалистической точки зрения. Плеханов заявил, что получил от французских социалистов под секретом сообщение, будто, вступая в состав министерства, они поставили правительству условие, что как только неприятельские войска будут вытеснены из пределов Франции, правительство должно тотчас же прекратить войну, не обращая внима-

ния на позорящий Францию договор с русским царизмом. Если же правительство не прекратит войны, то социалистическая партия будет считать себя вправе агитировать против и препятствовать всеми мерами ее продолжению... Все эти соображения о необходимости обороны оправдывают французских социалистов» ¹.

Народ Коммуны, продолжал Плеханов, имеет право на защиту своей национальной самостоятельности. Поэтому французские социалисты могли голосовать в Палате депутатов за военные кредиты, но им следовало сказать всю правду о союзнице Франции — царской России. Нужно было рассказать о том, как французская финансовая олигархия помогла своим золотом задушить русскую революцию 1905 г., как правящие круги Франции поддерживали Николая II и его правительство, которые дезорганизовали политическую и экономическую жизнь России. Вот почему, закончил Плеханов, мы далеко не удовлетворены поведением наших французских товарищей, но они были поставлены в положение законной самообороны, и забывать об этом нельзя ².

После перерыва Плеханов перешел к анализу поведения русских социал-демократов. Обе думские фракции РСДРП, заявил он, поступили так, как и подобало поступить истинным социалистам. Единственное критическое замечание, которое сделал Плеханов по

адресу социал-демократических депутатов, состояло в том, что им нужно было, по его мнению, подчеркнуть, что военная слабость России, выявившаяся с первых же дней войны, — это прежде всего результат политики царизма. «При республиканском правительстве страна проявила бы не только склонность к упорному сопротивлению, но своими победами помогла бы республиканской Франции, чего теперь, конечно, нельзя ожидать... Впрочем, «соблюсти себя» русским товарищам было легче потому, что, как выразился французский социалист Самба, «пятилетней девочке легче соблюсти свою невинность, нежели взрослой женщине». Оратор (Плеханов. — С. Т.) выражал надежду, что война поведет к торжеству социализма в России потому, что русские социалисты показали, что они неспособны ни к сделкам с царским правительством, ни к оппортунистической тактике ¹.

Плеханов закончил реферат под громкие аплодисменты большинства присутствовавших. Казалось, он заворожил аудиторию своим красноречием, остроумием, логикой. Да и настроение собравшихся в общем и целом совпадало с настроением Плеханова: Германия — главная виновница войны, ее солдаты ведут себя, как древние тевтонские

¹ International Review of Social History. Vol. XXVI. Part 3. P. 337-338. Публикуя этот документ, известный американский специалист в области плехановедения С. Бэрон отмечает, что обстоятельства вступления французских социалистов в правительство были изложены Плехановым со слов его старого друга Жюля Геда, ставшего после начала войны министром без портфеля.

² Голос. 1914. 20 октября.

варвары, и поэтому республиканская Франция имеет полное право защищать свою свободу и независимость. Главную вину за развал II Интернационала тоже несут германские социал-демократы. Что касается России, то ее роль в войне оказалась как бы в тени, а поведение думской фракции РСДРП, которая на общеевропейском фоне действительно выглядела очень хорошо, вроде бы снимало все вопросы о русском социалпатриотизме.

Однако неожиданно слово попросил Ленин. Во всех воспоминаниях отмечается его огромное волнение во время этого краткого десятиминутного выступления. Бледное, как гипсовая маска, лицо, немного глуховатый голос, подчеркнутая отчетливость речи. Оппонент заявил, что начавшаяся война — «вовсе не *случайность*, зависевшая от того или иного нападения». Она подготовлена всеми условиями развития буржуазного общества. Поэтому долг настоящего социалиста, которому позорно изменили оппортунисты II Интернационала, состоит в том, чтобы бороться с шовинистическим угаром и превратить ложнонациональную войну «в решительное столкновение пролетариата с правящими классами» ².

А вот как передал речь Ленина уже упоминавшийся нами выше полицейский осведомитель: «Плеханову возражал Ленин. Прежде всего он заявил, что оправдание какой бы то ни было социалистической партии интересами защиты отстаивания своей независимости нелегко, ибо у пролетария отечества нет. Что же касается этой войны, в частности, то она является результатом политики Изволь-

ского (русский министр иностранных дел в 1906—1910 гг., затем посол России в Париже. — C. T.), который, потирая руки, заявил: «С'est ma guerre!» («Это моя война!»). Царское правительство и французская буржуазия давно готовили эту войну для упрочения своей власти, и только дуракам может казаться, будто эта война необходима народам для их свободного развития. Пролетариат должен помнить, и его вожди должны ему напоминать, что единственным ответом на позорную политику правительства царского и буржуазного должна быть организация коммуны и социальная революция в России и

В своем ответе Ленину Плеханов был предельно краток. Если прав Ленин, сказал он, значит был неправ Маркс, который говорил, что каждый народ имеет право на существование, подразумевающее и право на защиту от нападения внешнего врага. Конечно, каждый социалист обязан бороться прежде всего с шовинизмом внутри своей собственной страны, но в случае объявления войны нужно решить вопрос о том, кто нападает, и со всей силой обрушиться на виновника. Именно об этом говорил Август Бебель еще на

Франции. «Да здравствует российская социальная революция!» — закончил оратор» ¹.

313

¹ International Review of Social History. Vol. XXVI. Part 3. P. 338.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 25.

Штутгартском конгрессе II Интернационала 1907 г. ².

Эта дискуссия получила свое продолжение через два дня в той же Лозанне, где состоялся реферат Ленина «Пролетариат и война», в котором он противопоставил плехановскому пониманию происходящих событий свою собственную концепцию начавшейся европейской войны. Ленин считал ее захватнической с обеих сторон, несмотря на наличие определенных оттенков в политике каждой из стран-участниц. По его мнению, капитализм, выполнив «все для него возможное», поворачивает к упадку, и задача социалистов состоит в подготовке революций во всех воюющих странах.

С критикой — и притом довольно резкой — плехановской позиции выступили в «Голосе» Ю. О. Мартов, Д. З. Мануильский, А. В. Луначарский, а несколько позже и приехавший в Париж Л. Д. Троцкий ³. Мартов, в частности, критиковал внеисторический, оторванный от реальной действительности подход Плеханова к наследию Маркса, проявившийся и во время его лозаннского реферата. Свою статью Мартов назвал «А Маркса оставьте в покое», подчеркнув, что подлинные интернационалисты всегда будут с Марксом за революцию и против несправедливых войн ⁴.

В свою очередь, Плеханов тоже решил изложить свои взгляды на войну в более развернутой и аргументированной форме. 15 октября 1914 г. в органе английских социалдемократов «Justice» («Справедливость») было напечатано его письмо с призывом не

314

верить тому, что Германия воюет против русского варварства. Истинная цель ее войны с Россией заключается в том, чтобы превратить последнюю в своего экономического вассала. В случае поражения Россия, по мнению Плеханова, потеряет всякую или почти всякую возможность положить конец самодержавному режиму, ибо победа Германии означала бы шаг назад в прогрессивном развитии Западной Европы и окончательное или почти окончательное торжество русского деспотизма.

На зиму Плеханов уехал в Сан-Ремо, где дополнил и переработал свой лозаннский реферат, изданный затем в Париже в виде ответа на письмо болгарского социалиста Захария Петрова под названием «О войне». Еще более откровенно высказался он в беседе с приехавшими в начале 1915 г. из Петрограда (так стал называться после начала войны Петербург) социал-демократами Поповым и Стойновым. Они представляли ту внефракционную часть столичной организации РСДРП, с которой Плеханов наиболее тесно контактировал в первой половине 1914 г. во время издания газеты «Единство», и были направлены в Европу для встречи с лидерами партии. Плеханов огорошил гостей сло-

¹ International Review of Social History. Vol. XXVI. Part 3. P. 338-339.

² Голос. 1914. 21 октября.

³ См.: там же. 22, 23, 24, 29 октября, 1 ноября и др.

⁴ Там же. 23 октября.

вами: «Вы прямо из Парижа? Значит, вы видели там этих идиотов из «Голоса»?» В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что он недоволен всеми: тактика «непротиводействия войне», которой придерживался А. Н. Потресов, казалась ему недостаточно ясной и твердой, Л. Д. Троцкого он называл «барабаном», В. И. Ленина — «ребенком», от которого можно ожидать даже пораженчества, а интернационалистские взгляды Ю. О. Мартова вызывали у Плеханова откровенное недоумение.

Сам он с особой силой подчеркивал желательность поражения Германии, мотивируя это тем, что из всех воюющих держав она является единственной страной, созревшей для социалистической революции, которой могла бы сильно помешать победа кайзеровских войск (характерно, что возможность аналогичных последствий военных побед царизма для русской революции Плехановым в расчет как-то не принималась). Мир — чепуха, сказал он Попову и Стойнову, пока не освобождены от немецких оккупантов Бельгия и другие занятые ими территории, а для этого нужны успешные боевые действия не только французской, но и русской армий ¹.

Гости увезли домой письмо Плеханова, датированное 3-м февраля 1915 г., где подчеркивалось, что раз война начата Германией, то российский пролетариат имеет полное право и, больше того, просто обязан защищать свою страну. При этом Плеханов успокаивал рабочих тем, что позиция «самозащиты» не будет означать разрыва

Мельком коснувшись вопроса о захватнических планах царизма, Плеханов писал: «Говорят, что Россия тоже не прочь от империализма. Но Россия вследствие своей экономической отсталости совершенно не в состоянии наложить экономическое иго на Германию или на другую капиталистическую страну. Это ясно само собой», тогда как Германия, наоборот, вполне способна сделать это. Отвергая любые пацифистские настроения, Георгий Валентинович предупреждал, что социал-демократы не могут выступать за скорейшее заключение мира на любых условиях, выгодных агрессору. Вместе с тем он не исключал возможности превращения войны с Германией и Австро-Венгрией в гражданскую войну внутри России, ибо чем дальше, тем больше будет выявляться несостоятельность царского правительства в военной области. Однако, ссылаясь на пример Франции 1870 — 1871 гг., Плеханов предсказывал, что революционные настроения в

¹ См.: Пролетарская революция. 1923. № 10. С. 100—108; Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 208-209 (письмо Н. И. Бухарина Н. К. Крупской, в котором со слов Г. Я. Сокольникова, встречавшегося с Поповым и Стойновым, передаются некоторые характерные высказывания Плеханова).

с марксистской идеей классовой борьбы, поскольку пролетариат России фактически воюет с немецкой буржуазией, заключившей союз с германским юнкерством и оппортунистами из германской социал-демократической партии, а не с немецкими рабочими и крестьянами ¹.

русском обществе будут расти только на почве оскорбленных патриотических чувств, в процессе законной самообороны от внешнего врага. Тем не менее он советовал думской фракции РСДРП голосовать против военных кредитов, мотивируя это тем, что «хотя мы и считаем совершенно необходимой оборону страны, но, к сожалению, это первой важности дело находится в слишком ненадежных руках самодержавного царского правительства» ².

Заметим, что петроградские меньшевики и внефракционные «межрайонцы» не приняли советы Плеханова и заняли интернационалистские позиции. Против оборончества в общем и целом высказались также Организационный комитет меньшевиков в России, его Заграничный секретариат и думская фракция РСДРП (после высылки в 1915 г. в Сибирь большевистских депутатов меньшевики остались единственными представителями рабочих в Государственной Думе). Даже оборончески настроенная группа Потресова сторонилась Плеханова. Что касается меньшевиков-партийцев, то их связи со своим лидером в годы войны фактически прервались, и в итоге он вновь оказался почти в полном одиночестве.

Однако это отнюдь не означало, что взгляды Плеханова не отражали патриотических настроений довольно значительной части русской интеллигенции и рабочекрестьянских масс. Когда осенью 1915 г. эсер Александрович имел неосторожность в письме к Ленину бросить фразу о том, что для народа «Плеханов — звук пустой», лидер большевиков резонно возразил ему: «Плеханов самый яркий и в России благодаря буржуазной и ликвидаторской прессе *популярный* выразитель очень распространенного «народного» патриотизма. Разоблачая Плеханова, мы отвечаем, по существу, на тьму вопросов, мыслей, сомнений и т. д., возникающих у народа» ¹.

В этой связи нужно сказать, что Россия в общем и целом избежала того взрыва шовинистических настроений, которым встретили начало войны Германия и Франция. Здесь сказались и особая острота социальных конфликтов в стране, и отсутствие у широких народных масс прямой заинтересованности в приращении имперских территорий, и давние интернационалистские традиции российского революционного движения. Однако сам факт вторжения врага на территорию России, тяжелые потери русской армии, а также чувство солидарности простых рабочих и крестьян с солдатами-окопниками и желание как-то облегчить их тяжелую участь не могли не подогревать патриотические

¹ Весной 1916 г., развивая эту мысль в статье «Австрийские социал-демократы о международном братстве народов», Плеханов писал: «Борьба эксплуатируемых с эксплуататорами не перестает быть классового от того, что эксплуататоры живут по ту сторону границы и говорят на другом языке. Пролетарии стран, атакованных Германией и Австрией, ведут международную классовую борьбу уже тем самым, что с оружием в руках противятся осуществлению эксплуататорских планов австро-германских империалистов». (Плеханов Г. В. О войне. Статьи. Пг., 1917. С. 69).

² International Review of Social History. Vol. XXVI. Part 3. P. 340-344. 316

настроения, охватившие с началом войны все общество.

В годы войны в России нередко можно было слышать такие простонародные высказывания: «Ежели немец прет, то как же не защищаться?», «Нам чужого не надо, но и своего мы не отдадим». При этом в сознании миллионов людей образ царя как бы сливался в этот грозный час с образом матери-России, которую нельзя отдавать жестокому и коварному врагу. И требовалось время, чтобы народ на собственном опыте пришел к мысли о том, что во главе с царем России эту войну не выиграть и себя не защитить.

Начиная с весны 1915 г. положение на русско-германском фронте стало быстро ухудшаться, и к осени Россия потеряла Польшу, Литву, часть Латвии и Белоруссии. В этой обстановке в сердце Плеханова постоянно нарастала тревога. 8 мая 1915 г. он закончил открытое письмо болгарскому социалисту Нусинову под названием «Еще раз о войне», вошедшее в изданный вскоре в Париже сборник статей «Война». Среди его авторов были старые товарищи Плеханова: Лев Дейч и Любовь Аксельрод, его секретарь П. Н. Дневницкий (Ф. О. Цедербаум), бывший большевик, а потом «впередовец» Григорий Алексинский, а также социал-демократы В. П. Фомин (Ольгин), А. И. Любимов, К. Э. Андроников (Кахели). Сборник носил ярко выраженный оборонческий характер.

В своем ответе Нусинову Плеханов, пожалуй, впервые открыто поставил вопрос о перспективах новой революции в России в усло-

317

виях войны. Отвечая тем, кто говорил, что нужно не защищать страну от внешнего врага, а готовить революцию, он писал: «...Революция — прекрасная вещь. Но революция предполагает революционизирование общественных отношений. Это целый процесс. И теперь дело идет именно о том, чтобы германские империалисты не поставили процесс революционного развития России в такие условия, при которых он сойдет, как говорят, на нет. После разгона I Думы Ленин рекомендовал нам сделать революцию, «назначив» ее на конец августа или на первые числа сентября. Такая «революция» лучше всего характеризуется термином И. Северянина «грезофарс». Теперь нам опять рекомендуют его, с иронией замечал Плеханов, заканчивая статью пессимистическим полупрогнозом, полувопросом: «Может быть, наша конечная цель дальше от нас, нежели мы думали» 1.

Однако очень скоро события в России показали, что настроения различных слоев общества начинают меняться. Вновь пошла вверх кривая забастовочного движения, оживилась деятельность социал-демократов и эсеров, пришли в движение либералы, разочарованные бездарностью и твердолобостью царских властей. В Думе возник к осени 1915 г. оппозиционный «Прогрессивный блок». В итоге в России явственно обозначились симптомы нового политического кризиса.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 150.

Его природа была достаточно сложной. Здесь переплелись явные просчеты царизма в организации обороны страны, притязания русской буржуазии на раздел власти с правящим дворянским сословием, обманутые надежды либералов на смягчение полицейского режима и большую терпимость «верхов» по отношению к политическому инакомыслию, обострение нужды народных масс, рост революционной агитации, страх перед реально обозначившейся угрозой победы Германии в войне. Но хотя в обществе попрежнему доминировали патриотические настроения, к ним все чаще присоединялся теперь протест против царизма, требования реформ и даже призывы к новой революции.

Еще накануне летней сессии Государственной Думы в июле 1915 г. Плеханов направил в Петроград социал-демократическому депутату А. Ф. Бурьянову письмо, призывая его не мешать делу организации обороны страны каким-либо необдуманным шагом вроде голосования против военных кредитов или хотя бы воздержания от этой процедуры. «Можно смело сказать, что наша русская земля не была в таком опасном положении со времени Смуты начала XVII века. Она должна напрячь все свои силы для своей самозащиты, и было бы крайне печально, если бы наши единомыш-

318

ленники помешали делу самообороны русского народа... Если Германии удастся накинуть аркан на шею России, от этого прежде всего пострадает русский пролетариат и вообще русская трудящаяся масса. Ввиду этого становится совершенно ясным, что Вы и Ваши товарищи, социал-демократические депутаты в Государственной Думе, простонапросто не можете голосовать против военных кредитов. Сделайте свои оговорки — они необходимы, — но голосуйте за кредиты. Голосование против кредитов было бы изменой (по отношению к народу), а воздержание от голосования было бы трусостью; голосуйте за!» ¹ — говорилось в этом письме.

Не приходится поэтому удивляться, что Плеханов резко отрицательно отнесся к циммервальдскому пацифистско-интернационалистскому движению, которое развернулось начиная с осени 1915 г. в Западной Европе, затронув также и Россию. В нем участвовали, как известно, большевики, меньшевики и эсеры интернационалистского направления, представители леворадикальных и центристских течений европейских социалистических партий. Для Плеханова лозунг мира, с которым выступили участники международной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария, сентябрь 1915 г.), был равносилен предательству национальных интересов России и отвергался им с порога, ибо ему казалось, что в сложившейся ситуации он выгоден только Герма-

¹ Война. Париж, 1915. С. 37. Характерно, что при переиздании этой статьи в 1917 г. фраза о «грезофарсе» была исключена Плехановым из текста, поскольку Февральская революция опровергла его прогноз, сделанный весной 1915 г.

нии и ее союзникам. Это стойкое неприятие духа Циммервальда и Кинталя, где прошла вторая конференция социалистов — сторонников скорейшего прекращения войны (апрель 1916 г.), сохранялось у Георгия Валентиновича и позже.

Нельзя не отметить, что в патриотической (без кавычек) позиции Плеханова было и несколько весьма уязвимых моментов: замалчивание империалистических планов держав Антанты; более снисходительное, чем прежде, отношение к внутренней политике царского правительства, упорно откладывавшего проведение любых реформ до победного окончания войны; замалчивание остроты национально-колониального вопроса в России; неприятие любых форм пацифизма в условиях, когда затягивание военных действий оборачивалось для нашей страны огромными людскими потерями и хозяйственной разрухой. Надуманным выглядел и тезис Плеханова, согласно которому война является продолжением классовой борьбы пролетариата с перенесением центра тяжести на противостояние с буржуазией нападающей стороны, в данном случае Германии. Перечеркнула жизнь и призывы Плеханова свести к минимуму забастовочное движение в России, чтобы не мешать обороне страны, поскольку чем дальше, тем больше речь шла уже о борьбе за физическое выживание рабочих и членов их семей, над которыми нависла в условиях затяжной войны угроза полного обнищания.

319

Плеханов счастливо избежал упрощенных леворадикальных представлений об империализме как последней стадии в развитии капитализма и кануне мировой пролетарской революции. Для него были абсолютно неприемлемы тезис большевиков о равной ответственности всех воюющих держав за развязывание войны и тактика революционного пораженчества. Не повторял Плеханов в годы Первой мировой войны и старое марксистское положение о том, что рабочие не имеют отечества, видимо, признав его историческую ограниченность и условность. Но Плеханов все же не нашел ту золотую середину, которая позволила бы ему органично соединить патриотизм и интернационализм, поиски путей к национальному единению перед лицом внешнего врага и последовательную революционность. И Ленин, и Плеханов, каждый по-своему, «перегибали палку», определяя тактику социалистов в период войны. Но если линия Ленина, какой бы утопичной она ни представлялась многим сегодня, имела железную внутреннюю логику, то Плеханов очень часто оказывался в чрезвычайно сложном положении, когда его хвалили классовые враги пролетариата и ругательски ругали вчерашние товарищи по партии.

Даже в родственной меньшевистской среде, где были достаточно сильны настроения условного оборончества, «непротиводействия войне», «самозащиты» и т. д., Плеханов

 $^{^{1}}$ Плеханов Г. В. Вопросы войны и социализма. Пг., 1917. С. 12.

казался явно одиозной фигурой, и его позиция встречала очень резкую критику. Что касается большевиков и Ленина, то они вообще называли в 1915 — 1917 гг. Плеханова не иначе, как социал-шовинистом и изменником пролетарскому делу, что было, конечно, не меньшим полемическим перехлестом, чем обвинения самого Ленина в шпионаже в пользу Германии. И хотя Плеханов был опытным политическим бойцом и привык отвечать ударом на удар, легко представить себе, как больно ранили его подобные выпады, ставившие под сомнение преданность идеалам революции, социализма и пролетарского интернационализма, тем более что царские власти тоже склонны были противопоставлять его остальным революционерам и рассматривать чуть ли не как своего союзника.

Летом 1915 г. Плеханов установил контакт с жившим в Париже Г. А. Алексинским. На IV и V съездах РСДРП тот буквально набрасывался на Плеханова, бичуя его за оппортунизм, а теперь — поистине пути Господни неисповедимы — стал одним из ближайших соратников Георгия Валентиновича. Появление на горизонте этого «заводного», энергичного, хотя и довольно беспринципного человека с ярко выраженными авантюристическими наклонностями позволило, наконец, Плеханову получить более широкую читательскую аудиторию. В августе стала выходить организованная Алексинским газета «Россия и свобода», среди сотрудников которой числился и Плеханов, а уже 10 сентября 1915 г. в третьем ее номере появилось написанное им обращение «К сознательному трудящемуся населению России».

<u>3</u>20

История этого интересного документа такова. В первой декаде сентября в Лозанне состоялось совещание, в котором приняли участие Г. В. Плеханов, Г. А. Алексинский, видные эсеры Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков (Фундаминский), бывший большевик А. И. Любимов и др. Если вспомнить, что еще в 1913 г. Плеханов выступал за сближение социал-демократов и эсеров, то участие последних в совещании, призванном способствовать объединению всех социалистов-оборонцев, живших за границей, не должно вызывать удивления. Больше того, эта политическая акция была одним из первых шагов на пути к оформлению того меньшевистско-эсеровского блока, который был создан в 1917 г. По поручению участников Лозаннского совещания и было написано обращение «К сознательному трудящемуся населению России», под которым к моменту публикации появились также подписи Л. Г. Дейча и его жены, Иды Аксельрод, эсера А. Н. Баха и др.

В обращении подчеркивалось, что России грозит превращение в немецкую колонию и поэтому народ должен стремиться прежде всего к победе над внешним врагом. Всякое революционное «вспышкопускательство» в тылу действующей армии, говорилось далее

в документе, было бы равносильно измене. «Да что вспышки! Даже к стачкам можно прибегать теперь, во время войны, только всесторонне взвесив все их возможные военно-технические, нравственные и политические последствия. Во всех тех случаях, когда вам захотелось бы ответить стачкой, вам надо подумать, не повредит ли она делу обороны России», — учил рабочих Плеханов. Он советовал им участвовать в выборах рабочих групп при военно-промышленных комитетах, которые создавались летом — осенью 1915 г. царской администрацией и буржуазией для повышения эффективности военного производства. «К свободе нам нельзя прийти иначе, как по пути национальной самообороны. Мы вовсе не говорим: сначала победа над внешним врагом, а потом уже свержение врага внутреннего. Вполне возможно, что свержение этого последнего явится предварительным условием и залогом избавления России от германской опасности», — писал Плеханов, намекая тем самым на возможность новой революции под патриотическим флагом. Так или иначе, поражение России в войне явилось бы, по мнению участников совещания в Лозанне, одновременно и ее поражением в борьбе за свободу. Поэтому «путь к победе — это путь к свободе».

С небольшими купюрами (изъяты были, по вполне понятным причинам, все намеки на возможность революции во время войны) воззвание Плеханова обошло многие русские газеты от «Нового времени» до кадетской «Речи» как свидетельство государственной мудрости и высокого патриотизма первого русского марксиста. При этом министр внутренних дел А. Н. Хвостов находил публикацию этого документа не только возможной, но и желательной «для объединения народных масс вокруг общего дела» и отдал распоряжение не чинить препятствий распространению плехановского обра-

щения по всей стране. Что касается большевиков, то они увидели в этом воззвании яркий симптом трансформации социал-шовинизма в «революционный шовинизм».

С 1 октября 1915 г. в Париже стала выходить на русском языке газета «Призыв» под редакцией Плеханова, Алексинского, Авксентьева, Бунакова, Воронова, Аргунова (все четверо — видные эсеры) и Любимова. Участие Плеханова в работе редакционной коллегии осуществлялось путем переписки между Парижем и Сан-Ремо. Кроме того, он опубликовал в «Призыве» несколько собственных статей, особый интерес среди которых представляют «Две линии» — отклик на десятилетие манифеста 17 октября 1905 г.

Здесь Плеханов дает свой комментарий к известному положению Маркса о восходящей и нисходящей линиях в развитии буржуазной революции, проиллюстрированному им на примерах Великой французской революции конца XVIII в. и революции 1848— 1849 гг. в Германии. Предположим, пишет Плеханов, что развитие событий в России повторит французский вариант. Тогда власть сначала попадет в руки русских конституционалистов — левых октябристов, прогрессистов и кадетов, затем достанется трудовикам, представляющим в России крестьянскую демократию, и лишь после того, как будут пройдены эти предварительные этапы, ею овладеют самые крайние левые, т. е. социал-демократы и эсеры. Если же левые придут к власти преждевременно, то они окажутся изолированными от народа и им придется отражать атаки всех других партий. Итогом развития политической ситуации в этом направлении было бы, по мнению Плеханова, либо немедленное торжество реакции, либо постепенная сдача позиций либералами более правым фракциям Думы. В итоге общественное движение в России пошло бы по нисходящей линии. Предотвратить пагубные последствия подобного развития событий, как считал Плеханов, мог бы лишь сознательный отказ социалистов от резкой критики и преждевременного разрыва с кадетами 1.

Ленин немедленно откликнулся на статью Плеханова, увидев в ней очередное проявление его оппортунистического перерождения. В буржуазно-либеральном лагере, наоборот, идеи Плеханова встретили весьма благожелательный прием, что дало большевикам повод лишний раз заявить об идейном родстве Георгия Валентиновича с либералами.

В июне 1916 г. в Риме состоялась встреча Плеханова с лидером кадетов П. Н. Милюковым, приехавшим в Западную Европу в составе делегации депутатов Государственной Думы. Плеханов и Милюков принадлежали к разным политическим лагерям, исповедовали совершенно различные идеологические принципы, представляли во многом противоположные типы человеческих характе-

¹ См.: Плеханов Г. В. О войне. С. 3—11.

ров. Милюков был убежденным монархистом, неизменно выступал как сторонник чисто эволюционного развития и буржуазного правопорядка. Плеханов, наоборот, являлся столь же убежденным революционером и социалистом, считал необходимым применение революционного насилия и видел в марксизме «высшую социальную истину нашего времени» ¹. Но было у них и немало общего: так, оба они связывали прогресс России с ее европеизацией и приобщением к западной цивилизации, оба хотели победы над Германией, оба видели в самодержавии и полицейском деспотизме позор родной страны, оба были культурнейшими людьми своего времени. Все это создавало благоприятные предпосылки для политического диалога и личных контактов, на которые Плеханов и Милюков охотно пошли летом 1916 г.

Милюков всегда выделял Плеханова среди русских социал-демократов как одного из наиболее трезво мыслящих марксистских политиков, не отвергающего с порога идею соглашения между революционерами и либералами. В свою очередь Плеханов не раз ссылался на исторические труды Милюкова, в воззрениях которого большое место занимали идеи экономического материализма. Но во время римской встречи 1916 г. речь у них шла не об истории, а о текущей политике, в частности, об отношении социал-демократов к оппозиционному «Прогрессивному блоку», оформившемуся год назад.

Широкий состав блока, в котором были представлены все думские фракции, кроме крайне правых и крайне левых, предопределил весьма умеренный характер его программы. Создание «министерства доверия», т. е. коалиции из компетентных царских бюрократов и буржуазных общественных деятелей, частичная политическая амнистия, восстановление профсоюзов, смягчение национальных ограничений, введение волостного земства — таковы были самые существенные из требований «Прогрессивного блока». Тем не менее Плеханов предлагал социал-демократам не увлекаться его критикой, поскольку подобная «принципиальность» с их стороны была бы выгодна лишь силам реакции. Касаясь содержания своей беседы с Милюковым в Риме, Плеханов писал Алексинскому 12 июля 1916 г.: «Я считал бы, что мы сделали огромную ошибку, если бы наши нападки на блок, дискредитируя его в общественном мнении, помогли правым разбить его. Милюкову я сказал, что если блоку удастся решить вопросы еврейский и крестьянский, то надо будет признать его создание большим стратегическим успехом прогрессивной России... Как бы там ни было, вы не должны противодействовать ни одному из тех общественных явлений, которые способствуют изоляции реакционеров. Только с этой точки зрения, по-моему, и возможно критиковать блок...» ² В свою очередь Милюков, отчи-

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. II. С. 367.

тываясь по возвращении в Россию на заседании специального думского комитета об этой поездке, счел необходимым специально подчеркнуть, что такой видный социал-демократический политик, как Плеханов, полностью поддерживает политику «Прогрессивного блока» ¹.

Лозунг национальной обороны стал для всех сотрудников «Призыва», включая Плеханова, главным политическим лозунгом момента. Сам он с предельной откровенностью писал об этом в январе 1916 г. в статье «Социалисты и голосование военных кредитов». «Жалок тот пролетариат, который неспособен с оружием в руках отстоять свое право от чьих бы то ни было покушений на него». Поскольку не только немецкие юнкеры и буржуазия, но и немецкий рабочий класс, который под влиянием ревизионистов решил поддержать хищническую политику своих империалистов, хотят эксплуатировать русский народ, продолжал Плеханов, я сказал себе: «...Интернационалист не только может со спокойной совестью поддержать вооруженную борьбу против подобных эксплуататорских попыток, но прямо обязан поддерживать ее всеми силами, всем сердцем и всем помышлением, если не хочет изменить себе, если не желает перестать быть интернационалистом» ².

Чисто внешне годы войны прошли для Плеханова достаточно монотонно: продолжение работы над «Историей русской общественной мысли», борьба с болезнями и надвигавшейся старостью, сравнительно небольшое число публичных выступлений. Он все больше переживал оторванность от родины, свою невостребованность как политика и общественного деятеля. Когда-то Плеханова окружали такие люди, как Аксельрод, Засулич, Мартов, Ленин. Теперь вокруг была пустота. И не случайно его старый товарищ с народнических времен О. В. Аптекман, встретившийся с Плехановым в Швейцарии в 1916 г., сравнивал в своих воспоминаниях Георгия Валентиновича с раненым орлом или умирающим гладиатором ³. Опущенная голова, потухший взор, что-то болезненное и трагическое в выражении лица...

Но судьбе угодно было подарить Плеханову радость от последней встречи с родиной. Февральская революция 1917 г. открыла ему дорогу в Петроград.

ГЛАВА ІХ

последний год на родине

¹ Красный архив. 1933. Т. 58. С. 23.

² Плеханов Г. В. О войне. С. 26-27.

³ См.: Аптекман О. В. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. М., 1924. С. 95.

зет о свержении самодержавия. Дело, за которое боролись несколько поколений русских революционеров и которому отдал сорок лет своей жизни Плеханов, восторжествовало. В Петрограде произошло восстание рабочих и солдат. После нескольких столетий, на протяжении которых в России царил деспотизм, она стала вдруг едва ли не самой свободной страной мира. Для Плеханова и его близких это был настоящий праздник.

А затем с родины пошел такой густой поток самой противоречивой и путаной информации, что русская революционная эмиграция едва успевала «переваривать» и обсуждать эти новости. Оригинальность сложившейся ситуации состояла в том, что наряду с Временным правительством и его органами на местах, которые должны были управлять Россией впредь до созыва Учредительного собрания, в стране самочинно действовали многочисленные демократические организации, которые в глазах народа были более реальной и демократической властью, чем власть официальная. Это были Советы рабочих и солдатских депутатов, Советы крестьянских депутатов, солдатские комитеты, комитеты общественных организаций (общественной безопасности, общественного спасения и др.). Под нажимом снизу бурно шел процесс демократизации старой армии, огромную роль в котором сыграл знаменитый приказ № 1 Петроградского совета по войскам столичного гарнизона. Явочным порядком осуществлялся переход к 8-часовому рабочему дню. Место царской полиции занимала рабочая милиция.

Среди меньшевиков, эсеров и части большевиков преобладало мнение, что нужно поддерживать Временное правительство постольку, поскольку оно будет защищать и развивать завоевания революции, тем более что в составе кабинета князя Г. Е. Львова был и бывший лидер Трудовой группы IV Государственной Думы, а ныне эсер, адвокат А. Ф. Керенский, блестящий демагогический талант которого покорял в то время сотни тысяч людей. Многого ждали и от Петроградского Совета, ставшего в марте 1917 г. хозином столицы. Внешне его программа выглядела достаточно привлекательно: заключение всеобщего демократического мира, планомерное регулирование производства и потребления под контролем государства, ограничение всех видов дохода с капитала, подготовка радикальной аграрной реформы, созыв Учредительного собрания.

Вопрос заключался, однако, в том, захочет ли проводить подобный политический курс Временное правительство и сумеет ли Совет настоять на своем?

Огромная многонациональная страна жила в те дни в состоянии революционной эйфории. Непрерывные митинги, собрания, выход из подполья вчера еще запрещенных социалистических партий, соединение стихийного «революционного оборончества» с призывами к демократическому справедливому миру — такова была общая атмосфера, царившая в Петрограде и других крупных городах России в первые недели после Февральской революции.

В мировой истории было немного правительств, которые находились в столь же трудном и, в сущности говоря, тупиковом положении, в какое попало русское Временное правительство в 1917 г. Придя к власти, оно сразу же столкнулось с множеством острейших политических, социальных и экономических проблем — войной, разрухой, угрозой голода, аграрным и национальным вопросами, проблемой демократизации государственного строя. Все они требовали быстрого и главное — радикального решения. За окнами петроградского Мариинского дворца, где заседало правительство, бурлила, митинговала, неистовствовала демократическая «улица», требовавшая выполнения данных ей меньшевиками и эсерами обещаний скорого прекращения войны, решения продовольственного вопроса, повышения заработной платы, передачи в руки крестьян помещичьей земли. А из нарядных особняков финансовых воротил от правительства требовали совсем иного: поскорее обуздать эту самую «улицу», поставить на место зарвавшихся в своих требованиях рабочих, продолжать войну, обеспечить в стране твердую, стабильную власть. Наконец, посольства стран Антанты настаивали на новом энергичном наступлении русской армии против Германии, но не слишком торопились с финансовой и экономической помощью России.

Пытаясь лавировать между народом и имущими классами, Временное правительство объявило амнистию всем политическим заключенным, отменило смертную казнь. Был принят закон о хлебной монополии, начат переход к карточной системе на продукты питания, выпущен так наз. «заем свободы». В то же время война продолжалась, республика в стране провозглашена не была, выборы в Учредительное собрание откладывались до конца года, самочинные захваты крестьянами помещичьих земель строго осуждались, положение национальных окраин оставалось неопределенным. В стране разрастался экономический кризис. Первое опьянение долгожданной свободой сменялось разочарованием. Чувствовалось, что приближается новая полоса самой острой социально-политической борьбы.

Несмотря на сложность обстановки в России и хроническую болезнь, Плеханов ре-

шил как можно скорее вернуться на родину. Конечно, хорошо было бы дождаться теплых дней, поскольку рез-

326

кая смена климата могла неблагоприятно отразиться на состоянии здоровья Георгия Валентиновича. Но единомышленники Плеханова в Петрограде торопили его с приездом, и он сдался. «Я солдат революции. Она меня зовет, и я должен быть там, где требуют меня ее интересы», — говорил Плеханов ¹.

Когда Розалию Марковну спрашивали позже, не был ли приезд Плеханова в Россию в 1917 г. ошибкой, ускорившей его физический конец, она неизменно отвечала: он не мог не ехать. Прекрасно сознавая, что судьба вряд ли отпустит ему много времени, что в России будет очень трудно и отношение рабочих к нему сильно изменилось, Плеханов тем не менее, не задумываясь, готов был променять свою итало-швейцарскую идиллию на «безумный» Петроград. Слишком свежа еще была в его памяти трагедия, пережитая на рубеже 1905 — 1906 гг., когда болезнь, а потом усиление правительственной реакции помешали ему вернуться на родину. Поэтому Плеханов решил ни в коем случае не медлить с отъездом.

Но теперь, весной 1917 г. возникли новые затруднения: ведь прямой путь в Россию через Германию был закрыт, поскольку в глазах германского правительства Плеханов, в отличие от «пораженца» Ленина, был отъявленным врагом. Выручил счастливый случай: 24 марта Георгий Валентинович получил предложение ехать в Петроград вместе с делегацией французских и английских социалистов, которые решили посетить революционную Россию, чтобы дать новый импульс военному союзу между странами Антанты.

Санаторий в Сан-Ремо был оставлен на попечение дочери Лидии, которая, как и мать, была врачом и помогала Р. М. Плехановой в лечении больных. На рассвете 25 марта Георгий Валентинович с женой уехали в Париж. Здесь они повидались с Жюлем Гедом и дочерью Евгенией, которая была замужем за французом Бато, а затем отправились в Лондон. Их пребывание в британской столице 1—4 апреля 1917 г. держалось в секрете, поскольку возникло опасение, как бы немецкая разведка не помешала возвращению Плеханова на родину. Тем не менее он успел встретиться с лидером английских социал-демократов Генри Гайндманом и приехавшим в Англию в ноябре 1916 г. после нескольких лет жизни в США Л. Г. Дейчем, тоже собиравшимся в Россию.

Дейч нашел старого товарища сильно изменившимся физически, но по-прежнему подтянутым и остроумным. «Судьба дала мне хорошую голову, но плохое здоровье», — шутил Плеханов. Он досадовал на то, что не сможет служить в этот ответственный для судеб России момент в армии, говорил, что постарается повлиять на солдат, чтобы под-

1 Год на родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 8. С. 86 (далее: Диалог).

327

фистскими взглядами Мартова ¹. 8 апреля 1917 г. по н. ст. Плеханов с женой отплыли из шотландского порта Абердин к берегам континентальной Европы.

Сначала предполагалось отправить Плеханова с женой и делегацию в составе 8 английских и французских социалистов на британском миноносце, т. к. в Северном море было полно немецких подводных лодок. Но поскольку присутствие женщин на военном корабле не допускалось, от этого заманчивого плана пришлось отказаться, и всех пассажиров, включая группу русских студентов, застрявших в Европе с лета 1914 г., и нескольких военнопленных, бежавших из германских лагерей, погрузили на небольшой пассажирский пароход. При этом им сразу же раздали спасательные пояса и предложили спать не раздеваясь — настолько рискованным считалось это 36-часовое плавание к берегам Норвегии. Дальнейший путь шел через Христианию (Осло), Стокгольм и Финляндию.

На пограничной станции Торнео Плеханов успел переброситься несколькими фразами с возвращавшимся из Петрограда известным шведским социал-демократом Карлом Брантингом и был радушно встречен редактором журнала «Современный мир» Н. И. Иорданским, специально приехавшим сюда, чтобы сопровождать Георгия Валентиновича до российской столицы. Иорданский был давно знаком с Плехановым, разделял многие его взгляды и с удовольствием сообщил ему, что в Петрограде недавно оформилась социал-демократическая группа «Единство» плехановского направления. В ее Временный комитет вошли хорошо известные Плеханову депутат Думы А. Ф. Бурьянов, доктор Н. В. Васильев, сам Иорданский и несколько более второстепенных фигур. Захватил с собой Иорданский и первые номера ежедневной газеты «Единство», где уже было анонсировано «ближайшее участие» в ней Георгия Валентиновича. Выслушав рассказ о положении в Петрограде, Плеханов заметно помрачнел и сказал жене, что, видимо, в России начинается анархия и развал, а сил для борьбы с ними может не оказаться 2.

Между тем с утра 31 марта (13 апреля) в столице уже шли приготовления к торжественной встрече Плеханова. Поздно вечером на площади у Финляндского вокзала, куда должен был прибыть поезд, собралось несколько тысяч встречающих. Здесь были представители воинских частей с оркестрами и знаменами, отряды рабочей милиции, делегации от крупных петроградских заводов, студенческая молодежь, интеллигенция. Пришли жившая в России с 1905 г. В. И. Засулич, лидеры столичного Совета рабочих и солдатских депутатов Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели и М. И. Скобелев, члены Организа-

ционного комитета меньшевиков, редакции

²См.: Диалог. 1991. № 9. С. 78.

328

«Современного мира», группы «Единство». Были и сотрудники английского и французского посольств, встречавшие социалистов-парламентариев своих стран, а также несколько чиновников из отдела труда министерства торговли и промышленности Временного правительства.

Около полуночи поезд медленно подошел к перрону. Раздались крики «Ура!», «Да здравствует Плеханов!», «Добро пожаловать!», звуки «Марсельезы». В бывших царских комнатах вокзала с приветствием к Плеханову обратился председатель Петроградского совета Чхеидзе, назвавший Георгия Валентиновича дорогим учителем. «Ваше пророчество о том, что революция в России победит только как революция рабочего класса, подтвердилось, — сказал он. — Мы надеемся и выражаем желание, чтобы Вы заняли в нашей среде то первенствующее место, которое Вам по праву принадлежит, и еще долго работали над осуществлением идеалов социализма». С речами выступили также представитель ОК РСДРП Б. О. Богданов и один солдат. Тут же Плеханову был вручен членский билет группы «Единство».

Растроганный и счастливый Георгий Валентинович отвечал каждому оратору в отдельности. Он говорил о необходимости единения всех демократических сил России, закрепления завоеваний Февральской революции и обороны страны от внешнего врага. Я счастлив, сказал Плеханов, что красное знамя, поднятое 40 лет назад на Казанской площади в Петербурге, развевается ныне над всей русской землей. Он выразил горячее желание поработать еще на пользу революции, но добавил, что готов и умереть за ее победу.

По окончании торжественной церемонии встречи Плеханова отвезли на автомобиле в Народный дом графини Паниной, где его ждали депутаты Совета. Лишь в два часа ночи он добрался до квартиры Иорданского, который пригласил Плехановых временно разместиться у него, хотя для них уже был приготовлен номер в гостинице «Европейская».

1 апреля газета «Единство» опубликовала подробный отчет о встрече Плеханова на Финляндском вокзале и редакционную заметку «Добро пожаловать!», а затем из номера в номер пошел целый поток приветствий в его адрес, поступавших со всех концов России от рабочих, студентов, солдат, учителей, служащих. Вопреки предостережениям близких, считавших, что Георгию Валентиновичу нужно сначала акклиматизироваться в сыром и ветреном Петрограде, хорошенько отдохнуть с дороги и только потом активно включаться в политическую борьбу, он уже 2 апреля 1917 г. выступил перед делега-

 $^{^{1}}$ Вопросы истории. 1996. № 3. С. 13 (здесь и далее цитируются записные книжки Л. Г. Дейча, недавно преданные гласности его потомками).

тами Всероссийского совещания Советов, повторив в основном то, что уже говорил на Финляндском вокзале. В зале то и дело вспыхивали аплодисменты, а когда Плеханов, Чхеидзе, Церетели, а также английские и французские социалисты взялись за руки, демонстрируя единение российской и европейской демократии, началась настоящая овация. «Марсельезу» сменил «Интер-

329

национал». Сохранилась фотография, сделанная во время работы совещания. На ней сильно постаревший, похудевший, утомленный, но неизменно респектабельный Плеханов запечатлен в окружении Чхеидзе, Скобелева, Церетели, Богданова, председателя рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета Гвоздева и других делегатов и гостей.

На следующий день, 3 апреля Плеханов в течение шести часов вел заключительное заседание Всероссийского совещания Советов в Таврическом дворце и закрыл его краткой речью, в которой предостерегал от гражданской войны и особенно от конфликтов между армией и народом. Но огромное напряжение последних дней не прошло для него даром: Плеханова свалил жесточайший грипп, его мучили приступы удушья, бессонница.

В те дни на квартире Иорданского то и дело звонил телефон, приходили посетители. Когда Георгию Валентиновичу стало немного лучше, визиты вежливости нанесли ему новый верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев, адмирал А. В. Колчак, известный правый монархист В. М. Пуришкевич, председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко, которые высоко оценили патриотическую позицию Плеханова. Побывали у него также французский министр-социалист Альбер Тома и бельгийский социалист де Брукер, находившиеся в Петрограде, меньшевики Чхеидзе и Церетели, делегации киевских рабочих и депутатов финского сейма.

Во время болезни у Плеханова было достаточно времени, чтобы собраться с мыслями и проанализировать первые петроградские впечатления. Он не мог не почувствовать то пьянящее ощущение свободы, которое кружило тогда головы сотням тысяч людей, видел их горящие глаза, красные банты в петлицах, постоянно мелькавшие на улицах революционные лозунги и транспаранты. Но было и немало такого, что заставляло задуматься: безудержная солдатская и матросская вольница, падение дисциплины, тяга людей к миру любой ценой вплоть до сепаратного мира с территориальными потерями и контрибуцией в пользу Германии. Ошибкой казался Плеханову и пацифистский тон обращения Петроградского совета «К народам всего мира». Чувствовалось, что рабочим нужны теперь совсем иные вожди, которые вскоре стали один за другим возвращаться в Петроград из эмиграции.

3 апреля из Швейцарии через Германию и Скандинавию прибыл в столицу Ленин, которому была устроена грандиозная встреча, затмившая по своей массовости, энтузиазму встречающих и главное — по новизне и неожиданности брошенных в толпу лидером большевиков лозунгов встречу самого Плеханова. В «Апрельских тезисах» Ленина было что-то такое, что в корне меняло марксистские представления о революции и наполняло сердца одних надеждой и радостью, а других — предчувствием близкой и, увы, неотвратимой катастрофы. Призыв к скорейшему переходу от первого, антимонархического этапа революции ко второму, который даст власть

330

рабочим и беднейшему крестьянству, трудно было осмыслить не только меньшевикам, но и многим руководителям большевиков. Недаром репортер «Единства», побывавший утром 4 апреля на докладе Ленина в Таврическом дворце, назвал его «бредовым» ¹. И хотя лидер большевиков не призывал в нем к гражданской войне, насильственному свержению Временного правительства и немедленному «введению социализма», специально подчеркивая, что речь у него идет исключительно о мирном развитии революции и естественной борьбе политических сил внутри Советов, его идейным противникам уже слышались за ленинскими призывами треск винтовочных выстрелов, пулеметные очереди и разрывы снарядов.

Несмотря на болезнь, Плеханов откликнулся на «Апрельские тезисы» Ленина без промедления: как опытный политический деятель он прекрасно понимал, что в накаленной атмосфере революционного Петрограда самая «бредовая», на первый взгляд, идея может быстро пустить корни и тогда бороться с ней будет уже очень и очень трудно. Вот почему лишенный возможности писать, Плеханов решил продиктовать свой ответ Ленину, предназначенный для публикации в «Единстве».

Своему комментарию к «Апрельским тезисам» Плеханов дал подчеркнуто вызывающее название: «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен» 2 . В саркастической, граничащей с издевкой манере Плеханов охарактеризовал ленинский программный документ как произведение, стоящее в одном ряду с русской классикой на «психиатрическую» тему — «Палатой $\mathfrak{N}_{\mathfrak{D}}$ б» Чехова и «Записками титулярного советника А. И. Поприщина» Гоголя, хотя и уступающее им по степени таланта и мастерства автора.

Сам призыв к продолжению и углублению революции Плеханов охарактеризовал как «безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на русской земле». Он был твердо убежден, что люди, мало-мальски знакомые с марксизмом, не могут говорить сейчас о социалистическом перевороте в России. Исходя из этого, Плеханов призывал все прогрессивные силы России, включая социал-демократов, сплотиться во-

круг Временного правительства во имя упрочения завоеванной в феврале — марте 1917 г. свободы и для доведения войны с Германией и Австро-Венгрией до победного конца.

Своеобразным продолжением плехановской статьи стал опубликованный 9 апреля в «Единстве» фельетон «Сон Ленина», автор которого (он предпочел остаться неизвестным) нарисовал следую-

щую картину последствий реализации «Апрельских тезисов»: капитализм свергнут, Керенский пустил себе пулю в лоб, власть перешла к Ленину, социал-демократическая партия переменила название, Интернационал обновился, в Советы введены представители от завезенных в Россию китайских рабочих (именно они, несмотря на незнание русского языка, оказались, как утверждал фельетонист, самыми горячими сторонниками Ленина), все банки слились в один, в деревне созданы образцовые хозяйства. Все идет прекрасно, но тут Вильгельм II вводит в Петроград немецкие войска и распускает Советы. На этом страшном месте Ленин просыпается...

Плеханов не скрывал, что главную угрозу для молодой российской демократии он видит в гражданской войне и в победе Германии. 22 апреля 1917 г. в «Единстве» было опубликовано совместное воззвание Плеханова, Засулич и Дейча, обращенное к народам России. Оно гласило: «Гражданки и граждане! Отечество в опасности! Не надо гражданской войны. Она погубит нашу молодую свободу. Необходимо соглашение Советов рабочих и солдатских депутатов с Временным правительством. Нам не надо завоеваний, но мы не должны дать немцам подчинить себе Россию. Каждый народ имеет право свободно располагать своей судьбой. Вильгельм германский и Карл австрийский никогда не согласятся на это. Ведя войну с ними, мы защищаем свою и чужую свободу. Россия не может изменить своим союзникам. Это покрыло бы ее позором и навлекло бы на нее справедливый гнев и презрение всей демократической Европы».

Немного оправившись от болезни, Плеханов вместе с Верой Засулич и Львом Дейчем побывал 14 мая на Невском судостроительном заводе — одном из гигантов столичного машиностроения, где трудились пять тысяч рабочих. Судостроители устроили гостям очень теплую встречу и после митинга даже донесли Георгия Валентиновича на руках до машины. В своей речи он сказал, что преждевременный переход власти в руки Советов лишь повредил бы делу социализма в России. Ведь для его успеха нужна большая сознательность и организованность рабочих, тогда как сейчас в головах у них еще слишком много темноты. Я не пророк и не знаю, когда осуществится социализм, добавил Плеханов, но я знаю, что рабочим прежде всего нужно организоваться, пользуясь

¹ Видимо, он лишь повторил реплику экс-большевика А. А. Богданова, который прервал Ленина словами: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!.. Стыдно аплодировать этой галиматье.., вы позорите себя! Марксисты!» (см.: Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 16). Единство. 1917. 9—12 апреля.

той свободой, которую принесла им Февральская революция 1.

Плеханов не раз подчеркивал, что «социалистический строй предполагает по крайней мере два непременных условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны». И пока этих условий нет, «толковать об организации социалистического общества в нынешней России значит

вдаваться в несомненную и притом крайне вредную утопию» ¹. Широко известна и другая его крылатая фраза, брошенная в июне 1917 г.: «...Русская история еще не смолола той муки, из которой со временем испечен будет пшеничный пирог социализма, и... пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся» ².

Справедливости ради нужно сказать, что Плеханов явно упрощал мысль Ленина о переходе России к социализму, поскольку лидер большевиков в то время сам предостерегал от «прыжка» из капитализма прямо в царство всеобщего равенства и полной свободы. Однако Плеханов не ошибся в своем предчувствии неизбежного и очень скорого перехода большевиков к форсированным экспериментам в духе военного коммунизма, начатым в 1918 — 1919 гг. правительством Ленина — Троцкого. Он слишком хорошо знал этих давних своих соперников, их максимализм, жесткость, стремление всегда доводить дело до логического конца, не считаясь с жертвами. И оказался во многом прав.

Казалось бы, оборонческая позиция Плеханова открывала самые широкие и благоприятные возможности для его сотрудничества с Временным правительством и даже для получения министерского портфеля. Еще до возвращения Георгия Валентиновича на родину в Петрограде, а затем и в Западной Европе стали распространяться слухи о предстоящем его назначении на пост министра. При этом предполагалось, что он станет первым в истории России министром труда: это было бы признанием его выдающейся роли в рабочем движении и одновременно символизировало бы твердое намерение новой власти урегулировать взаимоотношения между трудом и капиталом с учетом интересов пролетариата. Однако в первом составе Временного правительства такой пост введен не был, а после реорганизации кабинета в мае 1917 г. министром труда стал меньшевик М. И. Скобелев.

Почему же не состоялось назначение Плеханова? По свидетельству его жены, Георгий Валентинович сам отказался от этого лестного предложения ³. Но есть основания полагать, что дело здесь было не только в желании или нежелании Плеханова. Как вспоминал П. Н. Милюков, ставший после Февральской революции министром ино-

¹ Единство. 1917. 17 мая.

странных дел, несколько членов кабинета Львова склонялись к сотрудничеству с социалистами и действительно планировали пригласить вернувшегося из эмиграции Плеханова на пост министра труда. Но когда он появился в Петрограде, продолжает Милюков, мы изменили свое намерение, поскольку увидели, что Плеха-

нов олицетворяет собой уже прошлое, а не настоящее в политической мысли России ¹. Кроме того, сам Георгий Валентинович, узнавший о своем возможном назначении еще в Сан-Ремо, считал, что должен получить «благословение» на этот шаг от официального меньшевистского руководства ². Однако среди лидеров меньшевизма преобладало тогда мнение, что с превращением в правительственную партию им лучше не спешить, да и кандидатура Плеханова, которому, по мнению Дана, Церетели и их единомышленников, явно нехватало в последнее время политической гибкости, не вызывала в Петроградском совете и ОК РСДРП особого восторга. В итоге Плеханов оказался в ситуации, когда отказ от министерского портфеля становился для него единственным способом сохранить свое лицо.

Вторично вопрос о вхождении Плеханова в состав Временного правительства встал в мае, когда меньшевики согласились на коалицию с эсерами и кадетами. Однако и на этот раз исполком Петросовета не поддержал его кандидатуру³. В третий раз министерский портфель замаячил перед Плехановым в июле 1917 г., когда Керенский во время личной встречи с Георгием Валентиновичем (она состоялась 22 июля) предложил ему пост министра торговли и промышленности. Плеханов не отклонил этого предложения, но предупредил, что Совет рабочих и солдатских депутатов будет против такого назначения. Очевидно, это соображение и заставило премьера отступить ⁴. Наконец, в августе 1917 г. генерал Л. Г. Корнилов планировал пригласить Плеханова в состав кабинета, призванного прикрыть режим военной диктатуры, которая была бы установлена в России в случае успеха его выступления. Впрочем, отрицательное отношение Георгия Валентиновича к генералу и к задуманному им предприятию не оставляет сомнения в том, что отказ Корнилову со стороны Плеханова был гарантирован. Так или иначе, испытание властью Плеханова миновало, причем у нас нет оснований полагать, что он воспринял эту ситуацию как-то особенно трагически, хотя в равной мере мы не можем утверждать, что Георгий Валентинович сознательно уклонялся от этой почетной, но трудной ноши.

Очень напряженно складывались и отношения Плеханова с руководством Петроградского совета, где нашли себе применение в 1917 г. многие видные деятели револю-

333

¹ Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. І. С. 129.

² Там же. С. 218.

³ Cm.: International Review of Social History. Vol. XXVI. Part 3. P. 370.

ционных партий. Сначала Чхеидзе и Церетели поставили вопрос о включении Плеханова в состав исполкома Совета, но тот выдвинул встречное условие — предоставить там еще одно место члену группы «Единство», своему

давнему товарищу по революционной борьбе Л. Г. Дейчу. Однако это предложение было отклонено 1. В итоге сам Плеханов был избран рядовым членом Совета лишь 2 июня 1917 г., когда более тысячи служащих столичного железнодорожного узла решили отозвать из Петросовета своего прежнего депутата и заменить его Георгием Валентиновичем.

Надо сказать, что железнодорожники испытывали к Плеханову особое чувство. Дело в том, что в апреле 1917 г. он принял предложение министра путей сообщения кадета Н. В. Некрасова возглавить комиссию по улучшению материального положения железнодорожных служащих, мастеров и рабочих. В ее состав вошли три чиновника министерства, пять представителей Исполкома Петросовета, представитель Русского технического общества и т. д. Плеханов председательствовал лишь на трех из одиннадцати заседаний комиссии, однако надбавка к заработной плате железнодорожников, введенная 13 мая по предложению комиссии в размере от 40 до 100 руб. в месяц, получила у них название «плехановской», хотя мера эта носила лишь паллиативный характер².

Были у Плеханова и некоторые другие общественные обязанности. Так, в июне 1917 г. он дал согласие войти в состав Совета по делам искусств в Петрограде, в августе был избран гласным в Петроградскую городскую, а в сентябре — в Царскосельскую думу от группы «Единство» ³. Однако плохое состояние здоровья не позволило ему активно работать на этих постах.

Основным занятием Плеханова после возвращения в Россию стало редактирование с 5 апреля 1917 г. газеты «Единство» — ежедневного органа одноименной группы, идейным руководителем которой стал Георгий Валентинович. Очень интенсивной была в 1917 г. и его собственная литературно-публицистическая деятельность: свыше 120 статей и заметок Плеханова, опубликованных в «Единстве», составили двухтомный сборник «Год на родине», изданный уже после его смерти в 1921 г. в Париже и ставший фактически политическим завещанием этого выдающегося русского политического деятеля и мыслителя.

Этот последний пласт плехановской публицистики как бы пронизан несколькими ведущими идеями: Плеханов подчеркивал необходимость сохранения территориальной

¹ См.: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 493. ² См.: Диалог. 1991. № 9. С. 79, 81. ³ См.: Chernov V. The Great Russian Revolution. New Haven, 1936. P. 206.

⁴ См.: Диалог. 1991. № 12. С. 68.

целостности России и ее позиций великой мировой державы перед лицом внешнего врага, настаивал на поисках общенационального согласия как единственной реальной альтернативы левому и правому экстремизму, требо-

335

вал закрепления демократических завоеваний Февральской революции и борьбы с преждевременным социалистическим экспериментаторством. Он предстает здесь как искренний, убежденный в своей правоте, последовательный и чуждый всякой демагогии политик, субъективная честность которого не подлежит никакому сомнению. При этом Плеханов полностью сохраняет свои бойцовские качества, резко критикуя не только платформы Ленина, Троцкого, Мартова и их единомышленников, но и центристские взгляды Чхеидзе, Дана и Церетели, которых он называл «полубольшевиками».

Плеханов стремится к синтезу национально-патриотических и социалистических идей, пытается выступить сразу в двух ипостасях — революционера и государственного мужа, защитника интересов пролетариата и представителя широко понятых интересов общественного прогресса. При этом патриот и государственник в конечном счете берут в нем верх над социалистом и революционером в их традиционном марксистском понимании, что дает повод критикам слева обвинять его в социал-шовинизме и социал-реформизме. В накаленной политической обстановке России 1917 г. идеи Плеханова настолько обгоняли свое время, настолько контрастировали с классовым эгоизмом всех слоев российского общества и их низкой политической культурой, настолько не вписывались в анархо-бунтарские, грубо-уравнительные настроения широких народных масс, что его политическое одиночество становилось неизбежным, а сам он превращался в глубоко трагическую фигуру отечественной истории.

Вместе с тем в плехановских статьях для «Единства» бросается в глаза определенное снижение их теоретического и литературного уровня по сравнению с произведениями, написанными в пору расцвета его таланта. Возраст и болезнь, сокращение круга общения и круга чтения, некоторая идеологическая зашоренность и односторонность подходов делали свое дело. Отсюда сокращение тематического репертуара, бесконечные повторы, несколько «лубочный», рассчитанный на массового и притом не очень образованного читателя стиль изложения, характерные для плехановской публицистики времен «Единства». Она еще ждет своих вдумчивых и объективных исследователей, но однозначных восторгов, как нам представляется, вызывать все же не может. Плеханов прилагал поистине героические усилия, чтобы тянуть малопопулярное «Единство», но

¹ См.: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро Исполнительного комитета. М. -Л., 1925. С. 106.

² Подробнее см.: Исторический архив. 1983. № 5.

³ См. Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 140, 146, 148.

кардинально выправить положение так и не сумел.

Между тем общенациональный кризис, в обстановке которого жила Россия в 1917 г., продолжал углубляться. В апреле основной удар принял на себя министр иностранных дел П. Н. Милюков, раздразнивший общественное мнение своими имперскими амбициями и вызвавший бурю протестов заявлением о намерении России продолжать войну до победного конца вместе с державами Антанты. Плеханов считал, что Милюков ведет себя не очень гибко и

слишком неосторожен, предъявляя претензии на Босфор и Дарданеллы ¹. Однако лидер кадетов твердо стоял на своем и после массовых демонстраций 20 — 21 апреля вынужден был уйти в отставку. Та же участь постигла и военного министра А. И. Гучкова, ратовавшего за активное продолжение войны и укрепление воинской дисциплины. Дело кончилось созданием коалиционного кабинета Львова с участием шести министровсоциалистов и десяти министров, представлявших партии имущих классов. Однако коренных изменений в правительственном курсе после этого не произошло, и социальная напряженность в стране продолжала нарастать.

7 мая 1917 г. в Петрограде открылась Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. Плеханов по болезни на ней отсутствовал, а Дейч сразу же заявил, что они с Плехановым больше не считают себя меньшевиками, поскольку позиция Дана — Церетели, определявших линию Петросовета, ОК меньшевиков и меньшевистских министров Временного правительства, кажется им недостаточно твердой и страдает уступчивостью по отношению к большевикам и меньшевикам-интернационалистам во главе с Мартовым. После безрезультатных попыток договориться о слиянии с правыми меньшевиками-оборонцами из группы Потресова сторонники Плеханова в последней декаде июля объявили себя Всероссийской социал-демократической организацией «Единство» и заявили, что по всем вопросам будут выступать совершенно самостоятельно.

По мнению Плеханова, солдаты должны были держать фронт и крепить армейскую дисциплину, крестьяне — безропотно ждать решения Учредительного собрания о земле (при этом он допускал возможность выплаты некоторой компенсации помещикам-землевладельцам, чтобы «не увеличивать в России число бедных»), а рабочие — оставаться в своих требованиях на почве реальности, поскольку в противном случае предприниматели вынуждены будут остановить производство и в стране начнется голод ². Стоит ли говорить о том, что престиж Плеханова в глазах масс падал с каждым днем, а «Единство» все больше становилось синонимом соглашательства с господствующими классами и правительством.

В мае 1917 г. Р. М. Плеханова сняла на четыре месяца квартиру в Царском Селе (Нижний бульвар, 5) и увезла мужа из Петрограда. Наступило последнее лето в жизни Георгия Валентиновича. Он наслаждался запахом цветущих лип и сирени, неярким северным солнцем, тишиной, которая царила теперь в бывшей летней рези-

337

денции русских царей. Наверное, вспоминал Плеханов и юного Пушкина, «безмятежно расцветавшего» сто лет назад здесь же, в садах Лицея, и романтического гусара Лермонтова, служившего когда-то в Царском, и знаменитых царскосельских «дачников» Карамзина и Жуковского. Нет-нет, да и напоминал о себе Николай II, который еще жил в начале лета 1917 г. вместе с семьей под арестом в одном из царскосельских дворцов. А где-то совсем близко был революционный Петроград с его кипением митинговых страстей, возбужденными толпами солдат и рабочих, бесконечными съездами и заседаниями с блестящими речами Троцкого и Керенского...

Плеханов же появлялся летом 1917 г. в столице только в связи с какими-нибудь чрезвычайными обстоятельствами. Так, 9 июня он выступил в Таврическом дворце на І Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, еще раз повторив свою уже достаточно известную программу по вопросам войны и мира. Характерно, что в тот же самый день на съезде выступил Ленин, недвусмысленно заявивший, что в России есть партия, партия большевиков, готовая взять в свои руки власть и ответственность за судьбу огромной страны. Трудно сказать, слушали ли Плеханов и Ленин друг друга, но так или иначе, в тот день их жизненные пути в последний раз прямо пересеклись под сводами знаменитого белоколонного зала, где совсем недавно еще заседала Государственная Дума. И если лидер большевиков стремительно шел к своему звездному часу, то от Плеханова теперь все чаще отмахивались, как от надоевшего своими поучениями и, как казалось, безнадежно отставшего от жизни старого учителя.

В дни работы съезда Советов остро встал вопрос о проведении демонстрации рабочих и солдат Петрограда, недовольных внутренней и внешней политикой правительства. Большевики наметили ее на 10 июня, но меньшевики и эсеры, усмотрев в этом чуть ли не попытку переворота, настояли на переносе народного шествия на 18 июня, а поводом для него избрали возложение венков на могилы жертв Февральской революции на Марсовом поле. В демонстрации, продолжавшейся несколько часов, приняло участие более 400 тыс. чел., которые несли красные флаги и транспаранты с лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов!», «Пора кончать войну!», «Вся власть Советам!», «Ни сепаратного мира с немцами, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами!». Лозунгов в поддержку правительства почти не было, и плехановская группа

¹ См.: Диалог. 1991. № 10. С. 84-85.

² См.: Плеханов Г. В. Год на родине. Т. І. С. 32, 219, 149-151, 129-130 и др.

«Единство» вместе с казаками были в этом отношении чуть ли не единственным исключением.

В тот же день началось и давно ожидавшееся, но быстро захлебнувшееся наступление на фронте. В Петрограде о нем узнали на следующий день, 19 июня. Наступление вызвало неоднозначную реакцию: часть обывательской массы, охваченная патриотическим

338

угаром, ликовала, съезд Советов призвал страну напрячь все силы для помощи армии, но основная масса населения встретила вести с фронта без всякого энтузиазма, а многие — с явным осуждением.

Около 4 часов дня толпа с портретами военного и морского министра Керенского направилась к Мариинскому дворцу, а оттуда — к редакции «Единства» на Владимирском проспекте. Вышедший к участникам демонстрации Плеханов в сильных выражениях заклеймил тех, кто призывал к братанию солдат с противником и к прекращению войны, и заявил, что без победы на фронте не может быть свободной России. Затем колонна вместе с Плехановым пошла по Невскому к Казанскому собору. Здесь состоялся еще один митинг, на котором вновь выступил Плеханов.

В начале июля в России разразился еще более острый политический кризис, созданный демонстративной отставкой трех кадетских министров, недовольных уступками правительства Львова требованиям украинских автономистов, с одной стороны, и протестом масс против продолжения войны и ухудшения и без того тяжелого материального положения народа — с другой. Солдаты некоторых частей столичного гарнизона были взволнованы слухами о предстоящей отправке их на фронт и вышли на улицы города. Днем 3 июля экстремистски настроенная часть петроградских большевиков предприняла неудачную попытку поднять солдат и матросов на открытое восстание против правительства. Однако в ЦК большевиков (Ленин в этот момент в столице отсутствовал) быстро поняли, что шансов на успех в данный момент нет, и решили ограничиться очередной общегородской демонстрацией под лозунгом «Вся власть Советам!» Не обошлось без эксцессов, вызванных действиями ультралевых и ультраправых политических сил. Начались перестрелки, сопровождавшиеся жертвами. Петроград оказался на грани гражданской войны. 4 июля повторилось то же самое, хотя возвратившийся срочно в столицу Ленин и ЦК большевиков пытались как-то успокоить солдат и матросов. От имени ЦИК Советов и Временного правительства с фронта были вызваны войска для подавления беспорядков. Одновременно развернулась бешеная травля большевиков, которых обвинили в сговоре с германским правительством и в национальной измене. Обывателю внушали, что Ленин — немецкий шпион, продавшийся за кайзеровское золото и предавший национальные интересы России. Появился и приказ о его аресте, заставивший лидера большевиков скрыться из Петрограда.

7 июля Львов ушел в отставку, а 24 июля было сформировано новое коалиционное правительство во главе с Керенским. На фронте ввели смертную казнь, началось разоружение рабочей Красной гвардии, причем лидеры меньшевиков и эсеров санкционировали все эти меры, а Церетели стал управляющим министерством внутренних дел, взяв на себя ответственность за преследования больше-

виков. В свою очередь прошедший в конце июля — начале августа в Петрограде VI

съезд большевиков взял курс на подготовку вооруженного свержения Временного пра-

вительства.

Июльские события 1917 г., означавшие конец целого этапа в развитии революции, Плеханов однозначно воспринял как большевистскую авантюру. Он обрушил на Ленина град обвинений в бланкизме, разжигании темных инстинктов толпы, полном пренебрежении к судьбам родины и если не формальном, то фактическом сговоре с Германией. «...Слишком много жестокого, быть может, совершенно непоправимого вреда принес этот человек России», — писал Плеханов о Ленине 11 июля, не раз повторив затем на страницах «Единства», что ленинцы вошли в сношения с неприятелем и «оплодотворили свою энергию его золотом» ¹. При этом он подчеркивал, что последователи ленинской «Правды» сеяли в стране внутреннюю смуту и развращали армию в полном согласии с планами германского генерального штаба ². Таким образом, голос Плеханова влился в тот мощный антибольшевистский хор, который звучал в июльские дни в Петрограде и провинции, требуя спасти молодую российскую демократию от нового узурпатора.

Больше того, Плеханов был убежден, что независимо от того, будет ли доказана связь Ленина с немецкой разведкой или нет, его необходимо арестовать во имя сохранения внутреннего мира в России и укрепления обороны страны. В августе 1917 г., беседуя в Москве во время Государственного совещания со своим давним знакомым и оппонентом по философским вопросам, бывшим большевиком Н. В. Вольским (Валентиновым), Георгий Валентинович сказал ему примерно следующее: «Получал ли Ленин деньги от немцев? На этот счет ничего определенного не могу сказать. Установить это — дело разведки, следствия, суда. Могу только сказать, что Ленин менее чистоплотен, чем, например, Бланки или Бакунин, заместившие в его голове Маркса. Арестовать Ленина после июльских дней, конечно, было необходимо. Революция дала стране полную свободу слова. Ленин вместо того, чтобы добиваться своих, на мой взгляд, бредовых идей только словом, хотел их проводить, опираясь на вооруженные банды. А когда оружие кри-

тики, как говорил Маркс, заменяется критикой оружием, тогда революционная власть на такую критику должна отвечать тоже оружием. Очень жалею, что наше мягкотелое правительство не сумело арестовать Ленина. Все говорят, что он скрывается где-то вблизи Петербурга и из своего убежища продолжает и писать, и давать приказы своей армии, иными словами разлагать революцию и играть на руку немцам. Контрразведка Временного правительства так бездарна,

340

что найти Ленина не может. Савинков мне сказал, что ловить Ленина не его дело, но если бы он этим занялся, то уже на третий день Ленин был бы уже отыскан и арестован» ¹.

Оставляем на совести Плеханова те выражения, в которых он говорил здесь о Ленине и большевиках (сейчас у нас в России можно услышать о событиях 1917 г. и не такое). Совершенно очевидно, что Георгий Валентинович сильно упрощал ситуацию, сводя все дело только к проискам рвущегося к власти Ленина, большевиков и якобы стоявших за их спиной немецких спецслужб, но не замечая глубинных причин общенационального кризиса в стране, которые не пристало не замечать марксисту. Не располагая реальными фактами, он подменял их сомнительными предположениями, невольно опускаясь до уровня Алексинского или прапорщика Ермоленко, которые снабжали Временное правительство и контрразведку информацией по этому вопросу. Добавим лишь, что и через восемьдесят лет после описываемых событий, в конце XX столетия историки не очень продвинулись вперед в решении проблемы «Ленин и немецкое золото» и наиболее объективные из них не склонны придавать этому фактору (если даже предположить, что большевики получали финансовую поддержку из немецких источников) решающее для судеб российской революции значение.

Несколько позже, 10 и 14 сентября 1917 г. Плеханов был подвергнут в Царском Селе допросу в качестве свидетеля по делу о вооруженном выступлении 3 — 5 июля в Петрограде. Точнее говоря, следователя интересовало, что знает Георгий Валентинович о возможных связях Ленина, Троцкого, Зиновьева, Радека, Раковского, Ганецкого, Парвуса с немецкой разведкой, поскольку слухи о продавшихся Германии большевиках после июльских событий росли, как снежный ком.

«Ленина я знаю давно, познакомившись с ним в Женеве в 1895 году, — показал Плеханов. — До 1903 года мы шли вместе как партийные работники, участвовали в издании «Искры» и прочее. Тогда Ленин был с нами заодно. С 1903 года я разошелся с ним, так как он внес раскол в партию, не согласившись с необходимыми и законными уступками (в отношении меньшевиков. — С. Т.). С годами это расхождение усугублялось.

В Ленине поражает его неразборчивость в средствах, особенно обнаружившаяся в

¹Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. II. С. 30, 58.

² Там же. С. 55.

1905 — 1907 годах. Приемы, которые практиковал тогда Ленин, старательно разоблачены в брошюре Л. Мартова, изданной за границей в 1908 году (в 1911 г. — $C.\ T.$) под заглавием «Спасители» или «разрушители» («Спасители или упразднители» — $C.\ T.$). Я теперь уже не припомню отдельных фактов, изложенных в брошюре, но в ней речь идет о сношениях с разбойничьей

¹ Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 190.

341

шайкой. Насколько помню, в этой брошюре разбойник Сашка Лбов жаловался на недобросовестность и обман ленинцев (имеется в виду известный уральский экспроприатор А. М. Лбов и его конфликт с большевиками. — $C.\ T.$).

В один из моментов обострения борьбы между большевиками и меньшевиками последние обвиняли Ленина в похищении адресованных им писем. Ленин не отрицал этого факта, заявив, что интересы дела требовали этого. В этом Ленин признался печатно в 1904 году, насколько припоминаю, в «Социал-демократе» (в меньшевистской газете под таким названием статей Ленина никогда не публиковалось. — *С. Т.*).

Эта неразборчивость Ленина позволяет мне допускать, что он для интересов своей партии мог воспользоваться средствами, заведомо для него идущими из Германии. При этом я исключаю всякую мысль о каких-либо личных корыстных намерениях Ленина. Я убежден, что даже самые предосудительные и преступные, с точки зрения закона, действия совершались им ради торжества его тактики.

На вопрос о том, почему Германия могла служить Ленину своими средствами, отвечаю, что тактика ленинская была до последней степени выгодна (Германии. — $C.\ T.$), крайне ослабляя боеспособность русской армии. Недаром германская печать нередко с нежностью говорила о Ленине как об истинном воплощении русского духа. Но повторяю, я говорю только в пределах психологической возможности и не знаю ни одного факта, который доказывал бы, что психологическая возможность перешла в преступное лействие» 1 .

Интересно еще одно место из показаний Плеханова: «Причины расхождения моего с Лениным заключались, во-первых, в слишком узком понимании им организационного централизма. При таком его понимании не оставалось бы места для самодеятельности рядовых членов партии, притом мне кажется, что «дирижерская палочка» имеет слишком много привлекательности для Ленина по мотивам личного честолюбия. Вторая причина все большего и большего расхождения моего с Лениным заключалась в тактических разногласиях: я отстаивал идею взаимного сближения всех политических партий, враждебных абсолютизму; Ленин понимал, как известно, классовую борьбу в том смысле, что с партией народной свободы (кадетами. — $C.\ T.$) нужно бороться едва ли не

ожесточеннее, нежели с защитниками царской власти. Впрочем, сильно расходясь между собою, мы до поры до времени продолжали действовать в рамках одной партии» 2 .

342

Касаясь вопроса о позиции социалистов-интернационалистов, объединившихся в 1915 г. в рамках так наз. циммервальдского движения, и их расхождениях с лидерами II Интернационала, Плеханов написал собственной рукой (все остальные показания записаны следователем): «Как мало общего между настоящим Интернационалом и Интернационалом циммервальдистов, видно из того, что самые выдающиеся деятели первого были объявлены изменниками в органах циммервальдистов: Жюль Гед во Франции, Гайндман в Англии, Вандервельде в Бельгии и т. д. (замечу мимоходом, что Вандервельде был председателем Второго Интернационала, т. е. его бюро, находившегося в Брюсселе). Как я выразился в одной из своих статей, маленькие люди показались коекому большими, когда большие сошли со сцены.

В идейном отношении разница между этими двумя Интернационалами сводится к тому, что настоящий Интернационал признавал, что социалисты атакованной страны обязаны принимать деятельнейшее участие в ее самозащите, тогда как циммервальдисты говорят, что невозможно разобрать, какая страна нападает и какая защищается. Отсюда они делают тот вывод, что следует перенести войну с фронта внутрь страны, т. е. постараться обострить, пользуясь войной, происходящую в цивилизованном обществе борьбу классов. Наоборот, члены второго, т. е. настоящего Интернационала, допускают в интересах самозащиты страны сближение между классами, их «перемирие». Примеры: вступление Жюля Геда, Самба и А. Тома во французское министерство, а Вандервельде — в бельгийское. За это-то перемирие циммервальдисты и объявили их изменниками. Основная идея «Третьего Интернационала» — отказ от различения между нападающей страной и страной обороняющейся — ведет свою родословную от голландского анархосиндикалиста Д. Ньювенгайса, который защищал ее еще на Брюссельском международном социалистическом съезде 1891 г. и Цюрихском — 1893 г. Оба эти съезда отвергли идею Ньювенгайса.

Печальным для русского социалистического движения явилось то обстоятельство, что большинство его участников, позабыв идеи и традиции старого Интернационала, примкнуло к Циммервальду: Ленин, Мартов, Чернов, М. Натансон и бесчисленное множество других. В течение шести месяцев, протекших со времени нашей революции, Россия испытала, что означает на практике перенесение войны с фронта внутрь страны. Что касается организации съезда в Циммервальде и Кинтале, то для нее более всего сделал известный русской публике Р. Гримм, усердно поддерживаемый работавшим в

¹ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 12а. Л. 100-101.

² Там же. 111 об.

его газете Радеком» ¹.

Довольно подробно остановился Плеханов и на своих отношениях с Троцким: «Троцкого я знаю приблизительно с 1902 года, после

¹ ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 12a. Л. 113-114.

343

того как он бежал из Сибири и, попав в эмигрантскую среду, постарался сблизиться с тогдашним центром русской социал-демократической партии. Он произвел на этот центр хорошее впечатление, и его нашли талантливым молодым человеком. Поднимался даже вопрос о включении его в состав редакции «Зари» и «Искры». Один я решительно высказался против этого. Я считаю Троцкого хотя и не лишенным известной талантливости, но крайне поверхностным и в сущности пустым человеком. К тому же он тогда был лишен всяких сколько-нибудь серьезных знаний. Благодаря моей оппозиции Троцкий не был принят в состав названной редакции. Вскоре после этого, когда образовались фракции большевиков и меньшевиков, Троцкий примкнул к фракции меньшевиков, однако недолго был солидарен с ними. Он очень близко сошелся с Парвусом, жившим тогда в Мюнхене и возвещавшим близость всемирной социалистической революции. В качестве глашатая близкого всемирного социалистического взрыва Троцкий выступал в 1905-1907 годах» ¹.

Далее Плеханов рассказал о том, как после начала мировой войны Троцкий, несмотря на довольно натянутые отношения между ними, обратился к нему за рекомендацией к французскому социалисту Ж. Геду на предмет получения разрешения на свободное перемещение в прифронтовой полосе в качестве корреспондента русской газеты «Киевская мысль». Просьбу эту Плеханов выполнил. Однако вскоре Троцкий начал резко нападать на Плеханова за его социал-патриотизм, и всякие контакты между ними прекратились. По словам Плеханова, если бы французское правительство имело неоспоримые доказательства связи Троцкого с немецкой разведкой, оно вряд ли ограничилось бы высылкой его в 1916 г. за пределы страны. Таким образом, ничего определенного по интересовавшим следствие вопросам Плеханов не сообщил, но его двусмысленные высказывания о Ленине были явно на руку Временному правительству и противникам большевизма ².

¹ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 12a. Л. 101-101 об.

² Отметим, что и сейчас среди историков нет единого мнения по вопросу о так наз. «немецком золоте» и причастности ко всей этой истории лично Ленина. Так, известный американский историк Р. С. Томпкинс в вышедшей в 1967 г. книге «Триумф большевизма: революция или реакция?» писал: «Находятся желающие очистить имя Ленина от подозрений в тайном преступном сговоре, в который он не посвящал даже своих товарищей-социалистов как на Западе, так и в России. Они утверждают, что даже если немецкие деньги и сыграли свою роль в материальном обеспечении успеха большевиков, лично Ленин не принимал участия в получении этих пожертвований или же не был осведомлен об источнике этих благодеяний». Сам Томпкинс, напротив, убежден, что Ленин не мог не знать о немецкой интриге и никогда не испытывал никаких угрызений совести, используя деньги немецкого происхождения в интересах российской и мировой революции

 $\overline{20-24}$ июля 1917 г. прошло первое всероссийское совещание организации «Единство». В нем приняли участие 26 делегатов от 21 местной группы из Москвы, Одессы, Самары, Нижнего Новгорода, Саратова, Киева, Вологды, Ревеля и других мест, а также руководящие деятели «Единства» Н. В. Васильев, Н. И. Иорданский, К. И. Фельдман, В. Н. Катин-Ярцев, А. П. Браиловский. Сам Г. В. Плеханов по болезни на совещании не присутствовал, но текст основных его резолюций, несомненно, был с ним согласован. «Единство» выступало за создание в стране твердой революционной власти, укрепление армии, созыв Учредительного собрания и координацию действий пролетарских и буржуазных организаций во имя защиты России от германской агрессии и завершения демократической революции. Для рабочих — а в них плехановцы видели главную свою опору — «Единство», добивалось нормальных условий жизни и труда и гарантий для продолжения классовой борьбы. Лозунг «Вся власть Советам!» сторонники Плеханова категорически отвергали, от меньшевиков-оборонцев требовали полного разрыва с меньшевиками-интернационалистами и призывали к созданию широкого социалдемократического союза для защиты принципов II Интернационала. Среди эсеров «Единство» признавало лишь сторонников Керенского, но зато очень сочувственно относилось к партии народных социалистов.

Совещание, хотя и в довольно туманной форме, критиковало руководителей Советов рабочих и солдатских депутатов за их непоследовательность, пацифистские иллюзии и постоянные уступки большевикам, которые оказались фактически «вне социал-демократии как классовой партии пролетариата, стоящей на почве научного социализма и принципов социалистического Интернационала». В специальной резолюции «О большевиках-ленинцах» говорилось,

(см.: Отечественная история. 1995. № 5. С. 157—160). Отсутствие документальных улик о связях большевиков с немцами в годы войны Томпкинс объясняет блестящим владением Лениным искусством конспирации и чисткой советских архивов после 1917 г. Он склонен доверять данным из архивов германского министерства иностранных дел, опубликованным в 1958 г. З. А. Земаном, а также свидетельству Э. Бернштейна, относящемуся к 1921 г. Общую цифру германских субсидий большевикам в 1915—1918 гг. Томпкинс определяет в 70 млн. марок, или 18 млн. долларов (там же. С. 157)

Английский историк Р. Сервис не спорит с тем, что Ленин, возможно, получал немецкие субсидии, но они, по его мнению, «не могли быть «ключом» к политическим успехам партии в 1917 г. » (Service R. Lenin. A political life. L., Vol. 2. 1991. Р. 251).

Характерно, что многие российские ученые (В. Л. Мальков, В. Н. Виноградов и др.) убеждены в том, что в любом случае большевики перехитрили и переиграли своих зарубежных «спонсоров», ибо, не отличаясь особой щепетильностью в добывании средств на нужды революции, они проводили, однако, свою политику, невзирая на этих «меценатов» (см.: Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 73).

345

что в области теории они скатились к анархо-синдикализму, а практическая их деятельность «свелась к проповеди захватов и погромов, к расстройству вооруженных сил, обороняющих страну, и вообще к вредной для всего народа и для пролетариата в особенности дезорганизации общественных сил России». Большевикам инкриминирова-

лись срыв июньского наступления на фронте, подстрекательство солдат к дезертирству и разжигание внутренней смуты. «Все это, — говорилось далее в резолюции, — завершилось наконец предъявлением вождям ленинской организации позорящего их обвинения в сношениях с неприятельскими агентами и в содействии победе неприятельских войск». Исходя из этого, участники совещания признали необходимым энергично и бесповоротно отмежеваться от ленинцев и осудить их дезорганизаторскую работу, причем сделать это должны были и другие социал-демократические течения России ¹.

После июльских событий критика большевизма и Ленина стала для Плеханова и членов «Единства» одной из главных задач дня. По мнению Плеханова, работать вместе с ленинцами значило бы работать на погибель русского государства и русской революции. В создавшихся условиях чисто социалистическое правительство оказалось бы крайне неустойчивым и просуществовало бы очень недолго, причем его падение явилось бы победой открытой контрреволюции и больше всего вреда принесло бы самому пролетариату. Вот почему, заключал Плеханов, России нужно сейчас коалиционное правительство, под платформой которого могли бы подписаться и представители пролетариата, и представители буржуазии ².

«Россия находится теперь в том переходном периоде своей экономической истории. — писал он в «Единстве» 16 июля 1917 г., — в течение которого пролетариат может не только без ущерба, но с выгодой для себя вступать в соглашения с буржуазией для совместной борьбы со всем тем, что задерживает развитие наших производительных сил» ³. 9 августа Плеханов, как бы продолжая эту мысль, подчеркивал: «...Если бы наш рабочий класс захотел стеснять дальнейшее развитие капиталистического способа производства, он тем самым нанес бы жестокий вред как всей стране, так и своим собственным интересам... Лучшим средством борьбы с распространением утопических лозунгов в среде русского пролетариата явится система широких социальных реформ, выработанная путем всесторонне обдуманного соглашения между революционной демократией и торгово-промышленной буржуазией» ⁴.

<u> 346</u>

Сама мысль о социалистической революции в России в данный момент казалась Плеханову чудовищной. Диктатура пролетариата станет возможной и желательной лишь тогда, писал он, когда наемные рабочие будут составлять большинство населения страны. Поэтому для России социализм — это дело сравнительно отдаленного будущего. «Война, так беспощадно разоблачившая нашу постыдную техническую беспомощ-

¹ См.: Меньшевики в 1917 году. М., 1995. Т. 2. С. 798.

² См.: Плеханов Г. В. Год на родине. Т. II, С. 41.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 83, 85.

ность и обусловленную ею страшную экономическую отсталость, доказала это с математической убедительностью, — писал Плеханов. — Очередным вопросом... является у нас теперь развитие производительных сил на капиталистической основе» 1.

Плеханов призывал перестать третировать буржуазию как «отживший» класс, способный лишь вредить делу общественного прогресса, и искать с ней компромисса. При этом он рассуждал так. Рабочим нужна работа, капиталистам — прибыль. Но буржуазия отнюдь не заинтересована в восстановлении царского режима, который тормозил развитие производительных сил, и тем более в поражении России в войне с Германией. А это означает, что в принципе возможно взаимовыгодное соглашение между пролетариатом и буржуазией на базе «оборонческой» платформы и обоюдных уступок. Конечно, это было бы сделкой, признавал Плеханов, но такая сделка — не грех 2.

Плеханов призывал обе стороны проявить благоразумие. «Капитанам промышленности» он доказывал, что расходы по повышению жизненного уровня рабочих, их просвещению и организации с лихвой окупятся в дальнейшем за счет повышения производительности труда и подъема производства. Рабочим, наоборот, внушалось, что предъявление капиталистам заведомо неисполнимых требований, сопровождаемых вдобавок угрозами и насилием, лишь усилит экономическую разруху и приведет к остановке работы на фабриках и заводах ³. В итоге Плеханов приходил к выводу, что в создавшихся в то время в России условиях классовая борьба была бы вредна 4.

Бывают ситуации, считал он, когда интересы самого эксплуатируемого класса требуют от него на время ослабить борьбу с эксплуататорами, чтобы дать отпор силам контрреволюции, пытающимся наложить свое иго и на первых, и на вторых 5. Ошибаются те, кто думает, будто у рабочих не может быть с господствующими классами никаких общих интересов. Все, что задерживает быстрый рост капитала, вредит не только капиталистам, но и рабочим. Это могут быть отсталые политические учреждения, существующие в данной

¹Плеханов Г. В. Год на родине. Т. И. С. 30, 53-54.

стране, или конкуренция между различными капиталистическими странами, приводящая к войнам между ними. И если в Германии пролетариат заключил на период войны блок с немецкой буржуазией, то аналогичный блок должен существовать и в странах Антанты, включая Россию ¹.

Столь откровенные пассажи Плеханова, естественно, давали богатую пищу для его идейных противников, обвинявших родоначальника русского марксизма в явном отходе

347

² Там же. С. 41-44. ³ Там же. С. 54, 55.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 54-55.

от принципов классовой борьбы и позорном соглашательстве с буржуазией. Но между классическими реформистами и Плехановым было одно немаловажное различие: если первые видели в затухании классовой борьбы ведущую тенденцию в развитии современного буржуазного общества, опровергающую выводы Маркса, то Плеханов рассматривал это явление лишь в контексте определенной социально-политической конъюнктуры, когда естественное при капитализме противостояние труда и капитала было осложнено вмешательством «третьей силы» — войны и только что свершившейся общенациональной революции, которая принесла с собой известное облегчение положения пролетариата, о чем, кстати говоря, свидетельствовало и заметное сокращение масштабов забастовочного движения весной и летом 1917 г. по сравнению с кануном Февральской революции.

Однако быстро прогрессировавшая в стране разруха и нежелание предпринимательских кругов идти на серьезные материальные жертвы, чтобы довести войну до победного конца и избежать социального взрыва внутри России, очень скоро вернули все на круги своя. Настроение рабочих становилось все более агрессивным, и проповедь Плеханова не только не находила у них отклика, но и вызывала открытое возмущение. Сыграло свою роль и вялое течение боевых действий на русско-германском фронте, что не могло не притуплять патриотические настроения, вспыхнувшие было с новой силой после свержения царизма. В итоге Плеханов катастрофически терял рабочую и солдатскую аудиторию, но продолжал упрямо стоять на своем, ни в коем случае не считая занимаемую им позицию разрывом с идеей революции и классовой борьбы вообще.

Он видел свой прямой гражданский долг в том, чтобы донести свои идеи как до рабочих, так и до представителей торгово-промышленного класса. И когда в середине августа Георгий Валентинович получил от Керенского приглашение на Государственное совещание в Москве, он решил превратить мысль о необходимости достижения общенационального консенсуса в стержень своего предстоящего выступления.

В накаленной политической атмосфере лета 1917 г. созыв в Москве Государственного совещания, пышно разрекламированного Временным правительством в качестве подлинно общероссийского

¹ Группа «Освобождение Труда». Сб. 5. С. 12, 16.

форума с участием самых светлых умов страны, призван был как-то успокоить общественное мнение в ожидании откладывавшегося на конец года Учредительного собрания. Состав участников совещания был крайне пестрым. Здесь были 13 министров Временного правительства во главе с А. Ф. Керенским, лидеры кадетов П. Н. Милюков, П. Д. Долгоруков, В. А. Маклаков, В. Д. Набоков, Ф. И. Родичев, бывшие председатели Госу-

дарственной Думы Ф. А. Головин, А. И. Гучков, М. В. Родзянко, знаменитый юрист сенатор А. Ф. Кони. В Большом театре можно было увидеть также верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова, казачьего атамана А. М. Каледина, генерала М. В. Алексеева, лидеров русских монархистов В. М. Пуришкевича и В. В. Шульгина, крупнейших представителей деловых кругов П. П. Рябушинского и А. И. Путилова. Среди актеров этого крупнейшего политического спектакля оказались председатель ЦИК Советов Н. С. Чхеидзе, известные меньшевики И. Г. Церетели и А. С. Мартынов, философ Н. А. Бердяев, социолог П. А. Сорокин, академик Петр Струве. Присутствовало и несколько десятков большевиков, хотя к Государственному совещанию они относились крайне отрицательно и даже собирались демонстративно покинуть его. 12 августа по их призыву в Москве прошла большая забастовка протеста против контрреволюционных замыслов буржуазии. Бросили работу даже буфетчики Большого театра, предоставив участникам совещания самим заботиться о своем питании.

А. Ф. Керенский решил привлечь к участию в Государственном совещании и группу «исторических», как он выразился, деятелей — патриарха русского анархизма 75-летнего князя П. А. Кропоткина, «бабушку русской революции» 73-летнюю эсерку Е. К. Брешко-Брешковскую, 60-летнего Г. В. Плеханова и первого переводчика «Капитала» на русский язык, многолетнего узника Шлиссельбургской крепости 72-летнего Г. А. Лопатина. В день открытия совещания, 12 августа 1917 г. Плеханов получил телеграмму от адъютанта Керенского, в которой говорилось, что министр-председатель очень удивлен его отсутствием и просит срочно прибыть в Москву.

Надо сказать, что к самому Керенскому Плеханов относился с изрядной долей иронии и даже некоторого презрения. В частных беседах он говорил, что Керенский напоминает ему слезливого французского поэта-романтика прошлого века Альфонса Ламартина, на короткое время ставшего в 1848 г. министром. Плеханов язвительно называл даже министра-председателя не Ламартином, а Ламартинкой, т. е. лицом скорее женского, чем мужского пола, а его манеру произносить политические речи сравнивал с декламациями в стиле известной французской актрисы Сары Бернар в каком-нибудь уездном Царевококшайске. Конечно, это был очередной полемический перехлест Плеханова, уязвимый тем более, что с публичной критикой премьера Георгий Валентинович предпочитал не выступать, мотивируя такую позицию довольно сомнительным аргумен-

том: «Пока нет другого правительства, забивать на смерть существующее значило бы играть на руку Ленину, делать дело Ленина» ¹.

Явно польщенный высоким приглашением, Плеханов вместе с женой срочно выеха-

ли вечером 12 августа в первопрестольную. Из-за наплыва именитых гостей мест в гостиницах не оказалось, и если бы не Н. В. Валентинов, предложивший Плехановым несколько дней пожить в его квартире, трудно сказать, оказался ли бы этот приезд в Москву для Георгия Валентиновича столь приятным и интересным.

Естественно, Плеханов попросил показать ему Москву, где не был со времен своей юности. Перечитав одну из глав «Былого и дум», он загорелся желанием съездить на Воробьевы горы, где сто лет назад Герцен и Огарев дали клятву посвятить жизнь служению народу. По просьбе Георгия Валентиновича артист Райский, который вел машину, ехал медленно, и Плеханов хорошо разглядел запущенные и грязные улицы Замоскворечья. С горькой усмешкой он сказал: «Ваша белокаменная на самом деле грязнокаменная и неказистая. Европы в ней мало». А на самих Воробьевых горах, окинув взором величественную панораму древней русской столицы, Плеханов вдруг взял за руку сопровождавшую его В. И. Засулич и произнес: «Вера Ивановна,... приблизительно на этом месте Герцен и Огарев принесли свою присягу. Около сорока лет назад в другом месте — вы помните? — мы с вами тоже присягнули, что благо народа на всю жизнь будет для нас высшим законом. Наша дорога теперь явно идет под гору. Быстро приближается момент, когда мы, вернее кто-то о нас скажет: вот и все. Это, вероятно, наступит раньше, чем мы предполагаем. Пока мы еще дышим, спросим себя, смотря друг другу прямо в глаза: выполнили ли мы нашу присягу? Думаю, мы выполнили ее честно. Не правда ли, Вера Ивановна, честно?» Свидетель этой сцены Н. В. Валентинов вспоминал потом: «Не слыхал, что ответила Засулич. Видел только, что на лице ее отразилось такое волнение, что, казалось, она зарыдает. Согнувшись, приложив платок к глазам, она быстро отошла в сторону» 2 .

Там же, на Воробьевых горах Плеханов и Засулич сфотографировались на фоне старинной вазы. Снимок вышел удивительно трогательным и печальным. У этих двух стариков, стоявших некогда у истоков русской социал-демократии, теперь все уже было в прошлом. До трагического герценовского «Вот и все» оставалось уже совсем немного...

15 августа, в заключительный день работы Государственного совещания Плеханов выступил в Большом театре с речью. Как добрый и мудрый наставник, он внушал своим слушателям, что,

поскольку России предстоит еще пережить довольно длительный период капиталистического развития, буржуазия и пролетариат должны осознать необходимость взаимных уступок. Предпринимателей Плеханов призвал к осуществлению широких социальных

¹ Валентинов Н. В. Наследники Ленина. С. 187.

 $^{^2}$ Валентинов Н. В. Трагедия Плеханова // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. Т. 20. С. 288-289; его же. Наследники Ленина. С. 194.

реформ, подъему подорванных войной производительных сил страны, пониманию тяжелого положения рабочих. В свою очередь, эти последние должны были понять, что без буржуазии им пока не прожить, что война поставила Россию на край пропасти и поэтому нужно отказаться от предъявления хозяевам предприятий чрезмерных экономических требований.

Плеханов напомнил старинную ирландскую легенду о двух кошках, которые дрались до тех пор, пока от них не остались одни хвосты. Мы не должны уподобляться таким кошкам, сказал он. Если же соглашения добиться не удастся, то погибнут не только участники драки, но и вся страна, иод аплодисменты присутствующих Георгий Валентинович заявил, что война должна продолжаться до полной победы над Германией. Сепаратный мир — это низость, и русская революционная демократия на нее никогда не пойдет, закончил он 1.

Во время пребывания в Москве Плеханов трижды встречался с членами московской группы «Единство» (кстати говоря, они разочаровали его довольно низким уровнем своего политического мышления), принимал многочисленных посетителей. Выступил он и с публичной лекцией, которая была, однако, встречена слушателями весьма прохладно. Не помогло даже то, что накануне Плеханов тщательно, вплоть до жестикуляции, отрепетировал перед зеркалом свой доклад².

По возвращении из Москвы Плеханов снова слег. Правда, в «Единстве» регулярно продолжали появляться его статьи с оценками текущих событий, главным из которых была предпринятая в конце августа генералом Корниловым попытка военного переворота. Плеханов решительно осудил корниловский мятеж как преступление и выступил за сохранение коалиционного правительства с участием кадетов, меньшевиков и эсеров. Альтернативой этому, как считал редактор «Единства», могла бы стать только победа Ленина, экономическая разруха, разочарование масс в революции и как результат торжество контрреволюционных сил³.

Между тем события приближались к роковой черте. 21 августа русские войска оставили Ригу. Экономика страны разваливалась буквально на глазах. Крупные города и фронт испытывали острую нехватку продовольствия. Государственный долг составлял уже около 50 млрд. руб. В деревне полыхало пламя крестьянского

восстания. Росло забастовочное движение в промышленных центрах. Стремительно шел процесс большевизации Советов. Популярность большевиков — единственной социалистической партии, не скомпрометировавшей себя сотрудничеством с Временным

 $^{^{1}}$ См.: Плеханов Г. В. Год на родине. Т. II, С. 102-107. 2 См.: Валентинов Н. В. Наследники Ленина. С. 192.

³ См.: Плеханов Г. В. Год на родине. Т. II. С. 129, 139, 144.

правительством, росла с каждым днем, тогда как меньшевикам и эсерам, наоборот, не верил уже почти никто. Соглашение между различными социалистическими партиями оказалось невозможным. Меньшевистско-эсеровскому блоку противостоял теперь блок большевиков и левых эсеров. Развязка наступила 25 октября (7 ноября) 1917 г., когда в Петрограде победило организованное большевиками вооруженное восстание и к власти пришло правительство во главе с Лениным.

Буквально за несколько дней до этого к Плеханову заехал Л. Г. Дейч. «Я был сегодня в Царском Селе — давно не видел Георгия Валентиновича, и мне интересно было узнать от него, как он смотрит на положение. Но и он решительно ничего хорошего не видит, не питает никаких надежд... Керенский, очевидно, совершенно растерялся и лишь по инерции еще держится», — писал он после этого визита жене. Характерно, что старый товарищ Плеханова уже склонялся в то время к выходу из редакции «Единства», но боялся, что «это может чрезвычайно расстроить Георгия Валентиновича, который, вероятно, недолго протянет» ¹.

28 октября (10 ноября) 1917 г. в «Единстве» было опубликовано «Открытое письмо к петроградским рабочим», написанное Плехановым. Он откровенно признавался в нем, что события 25 октября не радуют, а, наоборот, огорчают его, хотя на протяжении многих лет он призывал торжество рабочего класса в России всеми силами своей души. Все дело в том, писал Плеханов, готов ли российский пролетариат к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Но «всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь, ответит на этот вопрос решительным отрицанием. Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России».

Плеханов твердо придерживался того мнения, что диктатура пролетариата возможна только в том случае, если рабочий класс составляет в данной стране большинство населения. Что же касается крестьян, на поддержку которых могли бы рассчитывать рабочие, то им была нужна земля, а не замена капитализма социализмом. Больше того, хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена, как считал

Плеханов, не в сторону социализма, а в сторону капитализма. «Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить «социальную революцию», то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесто-

 $^{^{\}text{\begin{subarray}{c} 1}}$ Цит. по кн.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 327.

чайшее поражение».

Не приходится в ближайшее время надеяться и на мировую пролетарскую революцию, продолжал Плеханов. А раз так, то в перспективе большевистскую Россию может ожидать лишь гражданская война, которая в конечном счете заставит рабочий класс отступить далеко назад от позиций, завоеванных в результате Февральской революции. Кроме того, нельзя забывать, что Россия еще не вышла из мировой войны, а это еще больше осложняет всю ситуацию и увеличивает шансы на поражение рабочего класса.

Вот почему, заключал Плеханов, «меня не радуют, а огорчают недавние события в Петрограде... Их последствия теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или — еще того хуже — одной партией. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление. Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться».

Но снова, как это уже не раз бывало на протяжении 1917 г., обращение Плеханова осталось гласом вопиющего в пустыне. Подавляющее большинство рабочих было в упоении от своей октябрьской победы, а те, кто разделял взгляды Плеханова, не осмеливались сказать о своем сочувствии открыто. Да и кто бы послушал их в тот момент?

Вскоре после свержения Временного правительства на квартире Плеханова в Царском Селе появился Борис Савинков. Георгий Валентинович в свое время с симпатией относился к этому талантливому и яркому человеку и с удовольствием слушал его рассказы о террористической деятельности эсеров. Однако Плеханов был очень невысокого мнения о теоретических взглядах Савинкова и никогда не восхищался его романами «Конь бледный», «Конь вороной» и «То, чего не было», опубликованными под псевдонимом Ропшин. Не одобрял он и склонности Савинкова к разного рода политическим авантюрам. Характерно, что в апреле и сентябре 1917 г. Плеханов отказался сотрудничать в газетах, которые собирался тогда издавать этот видный эсер, печатавшийся в годы войны вместе с Георгием Валентиновичем в парижском «Призыве».

После победы большевиков Савинков встал на путь активной борьбы с советской властью. В этой связи он и обратился к Плеха-

353

нову, предложив ему составить новый кабинет министров после того, как казаки сбросят правительство Ленина—Троцкого и войдут в Петроград. Ответ был кратким и жест-

ким: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я буду его расстреливать тогда, когда он идет по ложному пути. И вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого». Тем не менее в январе 1918 г. Савинков еще раз попытался добиться встречи с больным Плехановым в качестве делегата от Донского гражданского совета, однако ему было решительно отказано 1.

31 октября (13 ноября) 1917 г. у Плехановых был произведен обыск. Нет, он не был связан с публикацией письма к петроградским рабочим. Просто в тот день красногвардейцы, солдаты и матросы обходили все «буржуазные» дома Царского Села в поисках оружия. Зашли они и к Плехановым, не имея точных сведений о том, кто живет в этой квартире. Вот как описывала случившееся в письме к дочерям в Париж от 28 ноября 1917 г. Р. М. Плеханова²

«...Папа был в постели. Это произошло в три часа дня. Первыми пришли солдат, матрос — молодой, отлично сложенный, но это, увы, не обещало ничего хорошего — и красногвардеец, юноша 16 — 17 лет. «Где хозяин?» — «Он болен, лежит. Что вы хотите?» — «Нам нужен хозяин. Мы пришли искать оружие». — «Но у нас нет оружия, а хозяин болен. Подождите здесь, я пойду его предупредить». — «Нет, мы должны его видеть». И, отстранив меня рукой, визитеры направляются к двери в спальню. Я забегаю вперед и предупреждаю папу об их приходе. Я могу только сказать: «Пришли». Папа понял, о чем идет речь, поскольку в Царском Селе ждали этих визитов.

Они вошли в спальню. «Мы пришли искать оружие!» — «У нас его нет». Они ответили: «Мы знаем, что есть». — «Тогда ищите». Я открываю шкаф, твою корзину, Лидия, еще полную вещей, отправленных из Парижа... Они ничего не ищут, смотрят вокруг и не осмеливаются трогать вещи... Стук в дверь. Выхожу. Еще один матрос, постарше, свирепого вида, с револьвером в руке! И снова: «Где хозяин? Он мне нужен!» — «Он болен!» — «Мы тоже больны! Давайте оружие!» — «Мы уже сказали, что у нас нет оружия». — «Есть, и если вы его не отдадите, я вас убью на месте». Я начинаю горячиться, но папа со своим сократовским методом говорит: «Убить человека можно быстро и легко, но оружия вы все равно не найдете, потому что у меня его нет». Свирепый матрос успокаивается. У молодого красногвардейца пристыженный вид. Он спрашивает с дружелюбной улыбкой: «Вы министр?» Папа отвечает, что он не министр. — «Тогда вы член Думы?» Папа:

 $^{^1}$ Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 288-289. 2 International Review of Social History. Vol. XXVI. Part 3. Р. 372-374. Текст письма на французском языке.

[«]Нет, я не член Думы». Тогда матрос спрашивает красногвардейца: «Это не он?» — Тот колеблется.., и папа спасен. Еще один вопрос: «Какого вы сословия? Дворянин, буржуа,

крестьянин?» К счастью, папа ответил: «**Писательского».**... Матрос смущен... Папа добавил, что 40 лет боролся за народ и за революцию. На этот раз матрос спохватывается: «Ба! Керенский тоже революционер!..»

После нескольких минут колебаний и переговоров между собой они ушли. На следующий день еще раз приходили матросы, но на этот раз я их не пустила, и они беспрекословно ушли...»

Характерна приписка Р. М. Плехановой к этому письму: «В газетах писали, что папа находился под сильным впечатлением от визита матросов и что его состояние стало серьезным в результате сильного кровохарканья и т. д. и т. п. Все это **роман.** Папа был очень спокоен во время визита, его состояние не ухудшилось после этого. Не было и кровохарканья. Только поездка (имеется в виду перевоз Плеханова в Петроград. — *СТ.*) причинила ему некоторый вред. Повторяю: сейчас ему лучше».

Тем не менее подобное потрясение не могло пройти для Плеханова бесследно. Понятно, что Розалия Марковна, стараясь успокоить дочерей, несколько приукрасила здесь состояние мужа во время обыска. Сам он рассказывал потом Дейчу и Потресову, навестившим его в больнице, что считал себя обреченным и думал лишь о том, как бы сохранить самообладание и достоинство в эти последние, как ему казалось, минуты жизни ¹.

Обыск у Плеханова получил большой общественный резонанс. 2 ноября заметка о нем появилась в «Единстве», затем на драматическую ситуацию, в которой оказался выдающийся революционер, откликнулись и другие газеты. В адрес Плеханова стали поступать телеграммы с выражением сочувствия и возмущения по поводу случившегося. Быстро спохватились и большевики: по инициативе С. И. Гусева, работавшего тогда секретарем Петроградского военно-революционного комитета, Царскосельскому совету рабочих и солдатских депутатов была направлена радиограмма с предписанием немедленно принять «экстренные меры к полному охранению спокойствия и безопасности гражданина Георгия Валентиновича Пле-ханова» 2. Вероятно, это решение было согласовано с Лениным 3.

Однако воспользоваться «охранной грамотой» ВРК Плеханову не пришлось. Ночь с 1 на 2 ноября он провел в Царскосельской больнице, а 2 ноября Розалия Марковна с помощью знакомого врача перевезла Георгия Валентиновича на автомобиле в Петроград,

¹ Памяти Г. В. Плеханова (однодневная газета). 1918. 9 июня; Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 64.

² Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 539. ³ См.: Драбкина Е. Зимний перевал. М, 1988. С. 186-188.

Потресов, восторженный почитатель Плеханова студент Горного института Александр Каськ с женой и др. По воспоминаниям Потресова, вид «догорающего» вместе с Россией, изможденного болезнью Плеханова поразил его в самое сердце. «Кто знает, встретимся ли мы еще. Мы ведь все под большевиками ходим...», — грустно сказал ему на прощанье Георгий Валентинович.

Несмотря на плохое самочувствие, Плеханов даже в больнице пытался что-то писать для «Единства» (в декабре оно стало выходить под названием «Наше единство», поскольку большевистская цензура сразу же зачислила плехановский орган по ведомству врагов советской власти). Так родились интереснейшие воспоминания Плеханова о похоронах Некрасова, где он произнес одну из самых ярких своих агитационных речей. А на Новый год в больницу пришли профессора и студенты Горного института. И снова Плеханова обступили воспоминания о безвозвратно ушедшей молодости, неповторимой студенческой поре, первых шагах в революционном движении, принесшем через сорок лет столь неожиданные для Георгия Валентиновича плоды...

5 января 1918 г. в Петрограде открылось долгожданное Учредительное собрание. Открылось только для того, чтобы уже на следующий день быть разогнанным большевиками, получившими в нем менее четверти мандатов. Кстати говоря, кандидатура Плеханова в депутаты Учредительного собрания тоже баллотировалась по списку группы «Единство» в нескольких губерниях России, но попытка реанимировать его авторитет оказалась безуспешной. В Петрограде, например, за список «Единства» проголосовало всего 1823 избирателя.

В день открытия Учредительного собрания в Петрограде состоялась массовая демонстрация в его поддержку. Однако ее рассеяли силой, причем не обошлось без жертв, среди которых были и рабочие. Хоронили их по иронии судьбы 9 января 1918 г. — через 13 лет после ставшего трагически знаменитым «Кровавого воскресенья», с которого фактически началась в 1905 г. первая в истории России революция. На совпадение этих двух исторических дат обратил внимание в «Новой жизни» Максим Горький, резко осудивший расправу новой власти с собственным народом ¹.

Не мог не откликнуться на роспуск Учредительного собрания и Плеханов, которому с разных сторон настойчиво напоминали о том, что на II съезде РСДРП он тоже говорил о возможности роспуска

любого представительного учреждения, если его решения разойдутся с интересами революции. Не упустил случая напомнить об этом эпизоде из биографии Плеханова и Ленин, опубликовавший 4 января 1918 г. в «Известиях» небольшую заметку «Плеханов о

 $^{^1}$ См.: Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). М., 1990. С. 110. $356\,$

терроре», где прозрачно намекнул, что большевики, вероятно, воспользуются его советом, когда будут решать вопрос о судьбе Учредительного собрания. Видимо, задел Георгия Валентиновича и фельетон журналиста Бориса Мирского в газете «Вечерний час», где тоже ставился вопрос об ответственности Плеханова за своих «духовных детей» — большевиков, которые на практике реализовали его идею об «относительной ценности» демократии и ее институтов. Наконец, стали поступать недоуменные вопросы по этому поводу и от читателей «Нашего единства». В сложившейся ситуации Плеханов продиктовал в больнице оказавшуюся последней в его жизни статью с несколько странным для современного читателя заглавием «Буки Азъ — Ба», которая была опубликована в «Нашем единстве» 11 и 13 января 1918 г.

Подобно старому учителю, раскрывающему детям тайны рождения слов из отдельных букв и слогов, Плеханов напоминает здесь читателям один из важнейших принципов диалектики, гласящий: абстрактной истины нет, она всегда конкретна, причем все зависит от условий места и времени. По его мнению, церковный догматизм, который всегда был силен на Руси, нашел своеобразное продолжение в догматизме революционном, в частности большевистском. Между тем главной отличительной особенностью революционной тактики должна быть ее целесообразность, а не догматическая окостенелость.

Возвращаясь к своей речи на II съезде РСДРП, Плеханов пояснил, что теоретически мыслимый случай роспуска Учредительного собрания вовсе не всегда должен превращаться из возможности в действительность. Если французское Учредительное собрание 1848—1849 гг. было враждебно интересам пролетариата и его роспуск революционерами был бы, по мнению Георгия Валентиновича, вполне разумным и нравственно оправданным шагом, то российское Учредительное собрание 1918 г. «обеими ногами стояло на почве интересов трудящегося населения России». Поэтому, разгоняя его, народные комиссары из Смольного боролись не с врагами рабочих, а с врагами своей собственной диктатуры. Увидев, что большинство членов Учредительного собрания составляют эсеры, большевики решили как можно скорее покончить с ним, сделав тем самым новый шаг к гибельному междоусобию внутри народа — гражданской войне.

За Смольным, подчеркивал Плеханов, большинства в стране нет. «Их диктатура представляет собой не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру группы. И именно потому им приходится все более и более учащать употребление террористических средств. Употребление этих средств есть при-

357

есть тактика Бакунина, а во многих случаях просто-напросто тактика Нечаева».

Когда-то Нечаев распространял среди русской учащейся молодежи и студентов слухи о том, что в Западной Европе 2 млн. интернационалистов готовы восстать и поддержать социальную революцию в России. Все это оказалось, как известно, блефом. Нечто подобное, писал Плеханов, происходит и теперь, когда в рабочей среде усиленно распространяется весть о близости мировой пролетарской революции, причем верят в нее не только большевики, но и меньшевики-интернационалисты. По мнению Плеханова, это был глубокий самообман.

Завершая статью, Плеханов снимал с себя ответственность за действия большевиков. Когда-то, вспоминал он, лидер австрийских социал-демократов Виктор Адлер полушутя, полусерьезно заметил Плеханову: «Ленин — ваш сын». В ответ он тоже получил шутку: «Если сын, то, очевидно, незаконный». «Я до сих пор думаю, — писал Плеханов, — что тактика большевиков представляет собою совершенно незаконный вывод из тех тактических положений, которые проповедовал я, опираясь на теорию Маркса — Энгельса».

Н. К. Михайловский как-то заметил, что нельзя делать Дарвина ответственным за поступки каждого «дарвиненка», который, вспомнив о дарвиновской теории борьбы за существование, выскакивал на улицу и хватал за шиворот первого встречного прохожего. Точно так же, продолжал эту параллель Плеханов, «нельзя и меня, как теоретика русского марксизма, делать ответственным за всякое нелепое или преступное действие всякого русского «марксенка» или всякой группы «марксят». Откровенно говоря, я думаю, что мы будем гораздо ближе к истине, признав нынешних наших большевиков не моими детьми, а двоюродными братьями гражданина Чернова. Недаром же его орган жаловался несколько недель тому назад на то, что большевики сделали важное похищение из сокровищницы черновской премудрости (преимущественно по аграрной части)».

Однако эта запоздалая шпилька по адресу большевиков и ленинского декрета о земле уже ничего не могла изменить ни в судьбе Учредительного собрания, ни в судьбе России.

Вслед за роспуском Учредительного собрания в Петрограде произошло еще одно трагическое событие. В ночь на 7 января 1918 г. в Мариинскую тюремную больницу ворвалась группа анархиствующих матросов и учинила самосуд над находившимися там бывшими членами Временного правительства кадетами А. И. Шингаревым и Ф. Ф. Кокошкиным. Оба они были убиты.

Оберегая покой мужа, Р. М. Плеханова скрыла от него это известие, однако месяца через два Георгий Валентинович все же узнал о случившемся из газет и горько упрек-

думаешь, что болезнь сделала меня малодушным. Ты ошибаешься, я еще тверд духом. Утаив от меня убийство Шингарева и Кокошкина, ты помешала мне исполнить долг по отношению к революции и партии кадетов. Я тогда в состоянии был отозваться на этот ужас. Теперь же я слаб и писать не могу» ¹.

Сама Розалия Марковна, хорошо помнившая об обыске в Царском Селе, увидела в убийстве кадетских министров некое предостережение и решила ускорить отъезд из Петрограда. Выбор пал на местечко Питкеярви около Териок на территории Финляндии, примерно в часе езды от столицы. 28 января на двух санях (автомобиль получить не удалось) Плехановы выехали из больницы на Финляндский вокзал. Петроград провожал их оттепелью, мокрым снегом, жидкой грязью на тряских мостовых, площадной руганью извозчиков. Георгий Валентинович был в теплой меховой шубе с большим воротником (ее одолжил один из профессоров Горного института) и высоких валенках. Чувствовал он себя скверно. Да и на душе было тяжело. Больше Петрограда Плеханов уже не видел никогда.

В санатории Питкеярви ², предназначенном для легочных больных, Плеханов и его жена получили две уютные, хотя и холодные комнаты с окнами на юг. Однако вскоре Розалия Марковна поняла, что климат Финляндии вреден мужу, спасти которого могли бы только лечение на юге Франции или в Италии и полная изоляция от всего, что про-исходило тогда в России. Но такое путешествие было уже не по силам больному Плеханову, да он и не хотел уезжать далеко от родины. Еще летом Георгий Валентинович говорил жене: «Я не покину Россию теперь, в самый критический момент ее жизни. Хотя я слаб, прикован к постели, но у меня еще имеется перо в руках, я могу еще бороться, мой голос нужен, я Россию не покину. Я не могу жить спокойно, зная, какие творятся здесь ужасы. Что будет, то будет» ³. Позже, в январе 1918 г. Плеханов согласился на переезд в Финляндию только потому, что она была совсем рядом с Петроградом и оттуда при первой необходимости можно было быстро вернуться в столицу.

По приезде в санаторий Плеханов сказал, что готов выполнять все предписания врачей (хотя и не верит им), но при этом обязательно будет работать. Он начал вновь просматривать материалы для очередного тома «Истории русской общественной мысли», делал некоторые выписки, просил читать ему Лескова, Чехова, Мопассана, а также любимых греческих классиков — трагедии

¹ Диалог. 1991. № 11. С. 85.

² В настоящее время это местечко находится на территории Ленинградской области близ города Зеленогорска (бывш. Териоки). Здание санатория не сохранилось.

³ Диалог. 1991. № 13. С. 100.

Эсхила, Софокла, Еврипида, сочинения историков Фукидида и Плутарха. Но вскоре начались сложности, связанные с обострением политической обстановки в Финляндии, где шла гражданская война, и с новым поворотом в советско-германских отношениях накануне заключения Брестского мира. Связь между Петроградом и Териоками часто прерывалась. Плеханов оказался фактически отрезанным от родины. Не хватало книг и газет, некому было рассказать свежие петроградские новости. Питкеярви превратился в некий «мертвый дом» с гнетущей тишиной, опостылевшим Плеханову больничным режимом и чисто формальными медицинскими процедурами, которые могли лишь немного отдалить неизбежный конец.

Кроме уже упоминавшихся молодых супругов Каськ, в феврале—апреле 1918 г. в Питкеярви трижды гостил Лев Дейч, причем в последний раз он задержался у своих старых друзей на целых три недели. Дейч и Плеханов знали друг друга уже около сорока лет, хотя у них бывали и длительные разлуки (во время 16-летней сибирской ссылки Дейча в 1885 — 1901 гг. и его шестилетнего пребывания в Америке в 1911 — 1916 гг.), и расхождения по идейным мотивам после Первой российской революции, когда дала также трещину дружба Плеханова с Аксельродом и Засулич. Достаточно сказать, что в недавно опубликованных записных книжках Дейча есть следующая запись от 10 сентября 1910 г., касающаяся Плеханова: «Это такой вздорный, нелепый в практическом отношении человек, с которым не знаешь, как, на какой манер поладить, но силен как теоретик. Тут он незаменим никем» ¹. Снова свела Плеханова с Дейчем лишь Первая мировая война, когда оба они выступили как социалисты-патриоты, а в 1917 — 1918 гг. работали вместе в петроградской группе «Единство». Поэтому каждый приезд Дейча в Питкеярви превращался для Георгия Валентиновича и Розалии Марковны в настоящий праздник.

Дейч появлялся энергичный, шумный, говорливый, нагруженный разными гостинцами, письмами, газетами, и сразу же начинались бесконечные беседы и воспоминания. Плеханов, который собирался после окончания работы над «Историей русской общественной мысли» засесть за мемуары, с удовольствием вспоминал свою юность, затем разговор переходил на положение дел в советской России и на Западном фронте. Дейч наверняка рассказывал Плеханову о расстрелянной по приказу большевиков демонстрации в день открытия Учредительного собрания 5 января 1918 г. (он был ее участником), о своих антибольшевистских выступлениях перед петроградскими рабочими, реакция которых была, однако, довольно вялой и неопределенной, а также о настроениях столичной интеллигенции. Парадоксальность ситуации была налицо: советская власть в ряде отношений была не лучше, а даже хуже царского режима. В

связи с этим неизбежно возникал и вопрос о том, не рано ли начали в свое время члены группы «Освобождение труда» пропаганду марксистских идей в России (теперь к этому добавляют и другой вопрос: а нужно ли было вообще переносить эти идеи на чуждую им российскую почву?). Вопрос непростой, мучительный, способный довести до отчаяния и душевной болезни... Известно, например, что В. И. Засулич буквально «сломалась» в 1917 г., а, умирая в 1919 г., как говорили, проклинала все свое революционное прошлое 1. Ничего подобного о Плеханове мы не знаем. Бесспорно, ситуация в советской России весной 1918 г. не внушала ему особого оптимизма, но тем не менее он говорил: «... Не надо унывать. Начнем сначала, с A, Б, В... » ² К тому же Плеханов никогда не отождествлял ленинизм и большевизм с марксизмом, преданность которому он сохранил до последнего вздоха, хотя и искал (как и Энгельс в последние годы жизни) более широких подходов к явлениям общественной жизни, стремясь избежать кровопролития, анархии и гражданской войны.

Содержание многочасовых разговоров Плеханова с Дейчем на самые разные темы дошло до нас лишь частично в передаче Р. М. Плехановой и самого Дейча, которые как бы дополняют друг друга. Розалии Марковне, например, запомнились высказывания мужа об источниках силы большевиков, которую Плеханов не склонен был недооценивать. «Их сила опирается на отсталость наших экономических отношений и бессознательность пролетариата, — говорил он. — Они держатся на народной глупости, а глупость — это база солидная. Она была базой царизма, а теперь — большевистской тирании». Отдельные частные декреты советской власти, например о национализации монастырских имуществ, Плеханов даже одобрял, но с горечью добавлял при этом: «...Как наши власти неумело и варварски берутся и за это относительно нетрудное дело» ³.

Очень важна для историка дневниковая запись Дейча от 6 февраля 1918 г.: «Отправился к больному Г. В. [Плеханову] в Питкеярви. Много чрезвычайно интересного он мне высказал. О русском народе, что он очень даровит, но с грустью констатировал, что из-под палки только храбр. Поражал всех этой чертой, а теперь Бог знает чем стал. Об интеллигенции, что не успела пустить глубоких корней, что запрещение семинаристам поступать в высшие учебные заведения принесло громадный вред делу сближения интеллигенции с народом, т. к. семинарист больше, чем другие, знает народ, работая с ним рядом. Выражал возмущение по поводу устраиваемых панихид по умершим, заявил, что, умирая, запрещает что-либо

¹ См.: Мартов Ю. О. Письма. 1916-1922. Бенсон, 1990. С. 43. ² Диалог. 1991. № 15. С. 101. ³ Там же. № 12. С. 81-82.

подобное относительно себя. Говорил о необходимости отличать белое людское духовенство от черного, с которым необходимо бороться, что уже Петр делал... Русский народ удержал со времен татарской войны свойство сжигать свои города, т. к. победа угрожала угоном и истреблением. Этим же Георгий Валентинович объясняет сожжение Москвы (в 1812 г. — C. T.). Патриотический подъем при крепостном строе, любовь к царю и полное равнодушие к родине при свободе».

Перейдя затем к оценкам отдельных социал-демократических деятелей, Плеханов сказал о Ленине: «Я думал, что он умнее, чем оказался». Мартов, по его мнению, — куда талантливее и глубже Троцкого, первая статья которого заставила было Плеханова подумать, что это новый Добролюбов, но который затем «ничего путного не написал», показав себя «пустым, невежественным болтуном» ¹.

Весной 1918 г. одной из самых животрепещущих политических тем в России был Брестский сепаратный мирный договор между советской Россией и Германией. Плеханов воспринял его как трагедию и катастрофу. «Ленин всю Россию отдаст, лишь бы оставили ему маленький клочок земли, хотя бы Московский уезд для социалистического опыта. Ленина можно уподобить тем московским князьям, которые ползали на брюхе перед татарскими ханами, желая удержать за собой свои княжества. Ленин, тоже цепляясь за власть, ползает на брюхе перед Вильгельмом», — говорил он в те дни ². Распад и гибель великой державы, превращение ее в германскую колонию, национальный позор и унижение — такой виделась Плеханову судьба России после Бреста. Жизнь показала, что первый русский марксист ошибся тогда в своих прогнозах, но не будем забывать, что ситуация в стране весной 1918 г. действительно была аховой.

Как-то раз, когда жена ставила ему банки, Георгий Валентинович полушутя, полусерьезно сказал ей: «Ну зачем банки, не легкие у меня болят, это брест-литовский синдром, а против этой болезни ничего не сделаешь» ³. Утром 18 марта у него началось горловое кровотечение, которое врачи не могли остановить несколько дней. По ночам Плеханова стало мучить удушье. Это было начало конца.

1 мая 1918 г. по просьбе Плеханова было составлено завещание. В нем говорилось: «Я, нижеподписавшийся, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю свою волю: право на издание всех моих вышедших до сих пор и могущих впредь явиться сочинений предоставляю жене моей Розалии Марковне, урожденной Боград, а также дочерям моим Лидии Георгиевне и Евгении Георгиевне. Этим же лицам предоставляю все движимое мое имущество: библиотеку,

¹Вопросы истории. 1996. № 3. С. 15—16.

² Диалог. 1991. № 3, С. 99.

³ Там же.

вещи и прочее, в чем и подписываюсь. Завещание это, ввиду моего болезненного состояния, написано по моей просьбе В. Ф. Шпергазе. Г. Плеханов». К основному тексту завещания был сделан постскриптум: «Кроме того, тем же вышеназванным лицам завещаю две тысячи франков в 4% облигациях г. Женевы, положенные мною в Женевское государственное казначейство (Caisse d'Etat). Конечно, деньги должны быть уплачены им с причитающимися на них процентами. Г. Плеханов» ¹.

Плеханов просил, чтобы на его надгробии были высечены строки из поэмы английского поэта-романтика первой четверти XIX в. Шелли, посвященной памяти его друга, безвременно ушедшего из жизни поэта Джона Китса: «Он слился с природой» («Не із такое опе with Nature») ². В них выражено необычайно созвучное настроениям самого Георгия Валентиновича ощущение того поистине космического единства всего живого и неживого, человека и природы, перед которым отступает даже трагедия смерти отдельно взятой личности. К этой мысли Плеханов шел долгие годы. Однажды на берегу моря в Сан-Ремо он беседовал со своим спутником о смерти Энгельса и тот поинтересовался, почему Энгельс завещал сжечь свои останки, а пепел бросить в море. «Для того, чтобы поскорее раствориться в природе», — последовал короткий ответ Плеханова. Позже, в 1918 г., находясь в Финляндии и уже чувствуя приближение смерти, он говорил жене: «...Что такое смерть? Превращение материи. Видишь... эту березу, которая так нежно прижалась к сосне? Я тоже, может быть, превращусь когда-нибудь... в подобную березу. Что же здесь дурного?» ³

Как и многие люди, предчувствующие скорый конец, Плеханов перебирал в памяти различные эпизоды своей жизни, вспоминал родных и близких, мысленно возвращался к детским годам. Как рассказывала потом Розалия Марковна, недели за две до смерти Георгий Валентинович просил ее обязательно побывать в родной Гудаловке и поклониться тем местам, где прошли его детство и отрочество ⁴.

О последних неделях жизни Плеханова подробно рассказала в своих воспоминаниях Розалия Марковна ⁵. Здоровье Георгия Валентиновича ухудшалось с каждым днем. Возобновились продолжительные приступы удушья по ночам, причем ситуация усугублялась отсутствием в санатории Питкеярви баллонов с кислородом. Год

363

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 529.

² Это желание Плеханова было исполнено.

³ См.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. М. -Л., 1926. С. 307-308.

⁴См.: Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 161.

⁵ Воспоминания Р. М. Плехановой «Последние дни Г. В. Плеханова» были опубликованы в берлинском меньшевистском журнале «Заря» (1924. №5—6. С. 135—139). В 1991 г. они были переизданы в журнале «Диалог» № 15.

несмотря на все просьбы Розалии Марковны, так и не удалось. Могли бы помочь и препараты опиума, но их организм Георгия Валентиновича переносил очень плохо.

В дневное время Плеханов казался бодрым, просил читать ему книги и газеты, интересовался ходом военных действий на Западном фронте. Он был очень рад, узнав, что немцы вынуждены были приостановить наступление на Париж. «Франция должна жить, — повторял Георгий Валентинович, — гибель Франции — это гибель европейской культуры».

Бодрость Плеханова, которая была результатом его огромного самообладания и силы воли, вводила в заблуждение не только редких посетителей, но даже врача санатория Питкеярви. Однако Розалию Марковну часто пугало выражение какой-то особой сосредоточенности и задумчивости на лице мужа, лучше всяких слов говорившее о том, что мысли его в эти минуты были где-то далеко-далеко. Когда она спрашивала, о чем он задумался, Плеханов отвечал довольно уклончиво, но можно было понять, что Георгий Валентинович подводит итоги своей жизни, вспоминает измены друзей, неблагодарность учеников, жалеет о том, что его идеи не дошли до рабочих. «Мне казалось, — вспоминала Розалия Марковна, — что перед ним стоял вопрос: «Зачем? К чему? Зачем он страдал и мучился всю жизнь? К чему все привело?»

15 мая рано утром Плеханов проснулся в тоскливой тревоге со словами: «Я задыхаюсь, я умираю». Жена подбежала к нему, приподняла, сделала промывание горла. Георгий Валентинович вздохнул свободно, и лицо его приняло более спокойное выражение. Он хотел продиктовать прощальное письмо дочерям, но жена хорошо понимала, что это потребует от него слишком большого напряжения, и уговорила отложить диктовку. «Ты скажи, что я их очень любил», — прошептал Плеханов.

Розалия Марковна вспоминала, как после смерти Георгия Валентиновича ее упрекали в том, что она не привезла в Петроград политического завещания Плеханова. Его дочери тоже были огорчены тем, что не получили от отца прощального письма. «Но, признаюсь, у меня не хватало духа говорить с ним об этих его предсмертных обязанностях. Я старалась, чтобы он меньше чувствовал приближение смерти».

С середины мая дело быстро пошло к трагической развязке. Плеханов начал бредить, заговариваться, страдать галлюцинациями. Однажды он вдруг сказал: «А русских гонят с Украины». Розалия Марковна знала, что Георгий Валентинович горячо любил Украину, ее народ, природу и был убежден, что искусственный отрыв украинцев от русских будет губителен и для тех, и для других. Поэтому она, как могла, успокоила мужа, заверив его, что

ничего подобного не происходит (в действительности к началу мая 1918 г. почти вся Украина была оккупирована немцами, и к власти там пришел гетман Скоропадский).

Остался в памяти Розалии Марковны и еще один эпизод. Дней за шесть до смерти Георгий Валентинович вдруг заговорил в полузабытьи страстным шепотом. Глаза его горели гневом, и, сделав энергичный жест рукой, он сказал: «Пусть попробуют не признать моей деятельности, я им задам!» ¹

Полемизируя с теми, кто считал, что к концу жизни Плеханов якобы разочаровался в пролетариате, Розалия Марковна категорически отвергает эту версию и пишет: «Успех ленинского анархо-синдикализма он объяснял недостаточной сознательностью пролетариата, с одной стороны, и народными страданиями и неудовлетворенностью — с другой. Он рассматривал русскую революцию ленинского периода как эпилог 1861 года. Солдату-крестьянину сулили землю. Он все бросил и побежал в деревню. На деморализации солдата-крестьянина был основан большевистский переворот. Пролетарское движение в России было еще молодо и слабо, и сбить пролетариат с толку талантливым ученикам не Маркса, а Бакунина, какими явились Ленин и Троцкий и их приспешники, было нетрудно. Но Плеханов верил, что здоровые силы пролетариата возьмут верх и что в будущем он займет почетное место в рядах Интернационала» ².

Около 20 мая 1918 г. Плеханова осматривал профессор Гельсингфорсского университета Талквист, который сказал, что больной проживет еще месяца два. Однако этому прогнозу не суждено было сбыться.

Как-то раз Плеханов сказал жене, что видит, как сидящие на постели три Парки (в римской мифологии — богини судьбы) с ножницами уже готовы перерезать нить его жизни. Тем не менее Плеханов еще находил в себе силы утешать плачущую Розалию Марковну, говоря ей: «Роза, как тебе не стыдно. Мы с тобой

старые революционеры и должны быть тверды вот так!» (при этом он сжал в кулак свою слабую, дрожащую руку).

365

Наступило 30 мая 1918 г. Ночь прошла относительно спокойно. Уже в 6 часов утра Георгий Валентинович проснулся, выпил стакан теплого чая с молоком и очень отчетливо сказал по-французски: «С'est délicieux!» («Восхитительно!»). Температура подня-

¹ Диалог. 1991. № 15. С. 106.

² Существует и еще одна редакция записи Р. М. Плехановой этой мысли Георгия Валентиновича: «Революция, переживаемая нами, не есть революция в европейском смысле этого слова, а кровавый эпилог реформы 1861 года. Солдат — это крестьянин, который пошел в революцию только для того, чтобы получить помещичью землю, а до остальных завоеваний революции ему дела нет. Он истребляет и идет на буржуев, т. к., по его понятиям, это те же помещики. Ленин, Троцкий и другие, 20 лет шедшие с марксистами, в сущности сделались народниками после Февральской революции. Они действуют по программе Л. Тихомирова и следуют совету Бакунина, который находил, что революционеры должны опереться не на организованных рабочих, зараженных государственностью, а на малосознательные массы, крестьянские элементы и т. д.»

лась до 39°, но чувствовал он себя неплохо и был в полном сознании. Часа через два Розалия Марковна решила снова дать ему попить. Но после первой же ложечки чая ему стало плохо, он застонал, начались конвульсии лица и левой руки, дыхание остановилось. Розалия Марковна в отчаянии стала звать на помощь, стучать в стену. Плеханову пробовали делать искусственное дыхание, но все было уже бесполезно: он вздохнул еще раза два, лицо его покрылось смертельной бледностью, и когда минуты через три пришел доктор, сердце Георгия Валентиновича уже не билось.

А потом несколько дней тело Плеханова лежало в погребе со льдом, дожидаясь отправки в Петроград. И было в выражении его лица что-то суровое и даже чуть-чуть грозное. Высокий лоб мыслителя, густые, по-молодому черные брови... Непризнанный, непримиренный, не сломленный...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ: ЧЕЛОВЕК, МЫСЛИТЕЛЬ, ПОЛИТИК

Вот и перевернута последняя, самая драматическая страница биографии нашего героя. Судьба отпустила ему всего шестьдесят один с половиной год — по нынешним меркам не так уж и много. Однако в них вместилось столько событий, что их с избытком хватило бы на несколько человеческих биографий.

Плеханов был одним из тех, кто, по образному выражению поэта Тютчева, «посетил сей мир в его минуты роковые». Он пережил три войны, три революции, трех царей, был современником Дарвина и Маркса, Льва Толстого и Чайковского, Бисмарка и Уинстона Черчилля. А скольких выдающихся людей Георгий Валентинович знал лично! Ведь среди его знакомых были Энгельс и Ленин, Каутский и Роза Люксембург, Гед и Лафарг, Лавров и Кропоткин, Мартов и Троцкий, Скрябин и Шаляпин, Горький и Луначарский. Приходилось общаться Георгию Валентиновичу и с людьми совсем иного типа — Тихомировым, Азефом, Гапоном. Да разве всех перечислишь...

Плеханов хорошо знал, что такое слава и успех. Но не обошли его стороной ни нужда, ни болезни, ни смерть детей, ни долгая разлука с родиной. Ему приходилось тайно пересекать государственную границу и спать с револьвером под подушкой, через его руки прошли десятки тысяч книг, а от острого плехановского слова краснели или, наоборот, бледнели, казалось бы, закаленные в словесных турнирах бойцы.

Конечно, каждый читатель вынес со страниц этой книги собственное представление о Плеханове. Но, наверное, все согласятся с тем, что это была исключительно одаренная, артистическая натура, интеллектуал до мозга костей. Умная книга, интересный со-

беседник, возможность познакомиться с произведениями высокого искусства, общение с природой — вот то, что он ценил в жизни больше всего. Недаром, говоря о Георгии Валентиновиче, Луначарский употребил однажды немецкое выражение «Geistreich» — богатый духом.

Это был настоящий человек-оркестр, поражавший широтой и многообразием своих интересов. Он свободно владел французским и немецким, читал литературу на английском и некоторых славянских языках, знал латынь и немного греческий. Перед нами настоящий гуманитарий-энциклопедист с ярко выраженным историко-фи-

дософским уклоном, блестящий знаток отечественной и зарубежной художественной литературы, включая поэзию. И это при том, что за плечами у него были только провинциальная военная гимназия, несколько месяцев, проведенные в столичном юнкерском училище, неполных два курса Горного института и эпизодическое посещение лекций в женевском университете и парижской Сорбонне. Все остальное было приобретено неустанным самообразованием и общением с интересными, эрудированными людьми.

Как человек Плеханов был натурой достаточно сложной. Воспитанный по законам дворянской чести, он был глубоко порядочным, хотя и несколько суховатым, сдержанным, а в чем-то даже аскетичным человеком, очень скупым на внешние проявления своих чувств. Тем не менее мемуаристы отмечают, что дети пациентов Р. М. Плехановой в санатории в Сан-Ремо всегда тянулись к Георгию Валентиновичу, угадывая за его строгостью внутреннюю доброту. Но были в его характере и такие черты, как вспыльчивость, раздражительность и даже капризность, болезненное самолюбие и стремление постоянно получать подтверждения своего превосходства над окружающими. Не случайно сестра Ю. О. Мартова, Лидия Цедербаум, близко столкнувшаяся с Плехановым в «искровский» период, называла Георгия Валентиновича «великим человеком с огромным количеством мелких черт» (я никогда больше не видела такой психологической комбинации, добавляла она), признавая в то же время его колоссальные знания и подлинный европеизм (по сравнению с ним П. Б. Аксельрод всегда казался ей провинциалом) 1. Л. И. Аксельрод в период охлаждения ее отношений с Плехановым в конце 1908 г. тоже называла Георгия Валентиновича с досады «крепостником», за которым должны идти его холопы. Она относила Плеханова к числу крупных деятелей, у которых, однако, «мозг мало общего имел с сердцем» ².

Но доминирующими чертами Плеханова— человека были его колоссальное трудолюбие, огромная сила воли, поразительная целеустремленность, умение идти против течения и в жизни, и в политике. Это был смелый, гордый и сильный человек, настоящий русский интеллигент-демократ. Пресловутое «барство» Плеханова, о котором на-

писал Максим Горький в своем известном очерке о Ленине со ссылкой на одного из рабочих — делегатов V съезда РСДРП, не имело ничего общего с презрением к труду, жестоким самодурством или праздной маниловской мечтательностью. И так ли уж страшен был знаменитый плехановский сюртук и его безукоризненный французский по сравнению с дурными комиссарскими замашками некоторых истинно «пролетарских» революционеров, поразивших мир после 1917 г. своей жестокостью, грубостью и цинизмом?

¹C_M: The Making of three Russian Revolutionaries. P. 110, 162.

<u> 368</u>

Читателя этой книги не нужно убеждать, что у Плеханова была очень нелегкая судьба. Он не раз подходил к тем развилкам жизненного пути, когда нужно было решать извечный русский вопрос: что делать? Так было в юнкерском училище, в Горном институте, на Воронежском съезде «Земли и воли», при отъезде за границу в начале 1880 г. А ведь потом были еще переломные 1883, 1903, 1905, 1908, 1914 и 1917 годы. Трудно даже представить себе, как сложилась бы жизнь Георгия Валентиновича, если бы он выбрал военную карьеру, стал горным инженером или ученым-химиком, причем все эти варианты были более чем реальны. Существовали свои альтернативы и в судьбе Плеханова-революционера: он мог стать народовольцем (характер для этого у Плеханова был вполне подходящий) и закончить жизнь на виселице или в сибирской ссылке, мог вернуться в Россию не через 37 лет, а значительно раньше (как это сделала в 1905 г. В. И. Засулич), мог стать министром Временного правительства или разделить печальную участь убитых анархистами кадетов Кокошкина и Шингарева...

Эмиграция, вероятно, спасла Плеханову жизнь, но за это ему пришлось заплатить дорогой ценой, ибо за границей его яркий и сильный талант в значительной степени остался невостребованным. Останься Плеханов на родине, его путь к марксизму, наверное, был бы намного сложнее, но не исключено, что в этом случае он пришел бы к более органичному синтезу русской домарксистской революционной традиции и учения Маркса, которое он с каким-то почти религиозным неистовством пропагандировал как вершину в развитии мировой социально-политической мысли.

В историческом материализме Плеханов нашел тот ключ к тайнам развития общества, который он искал еще в народнический период своей деятельности. Его покорили строгая логика, стройность и универсальность марксистских представлений о закономерном поступательном ходе исторического процесса, признание революционных переворотов оптимальным для нового времени вариантом перехода с одной ступени общественного прогресса на другую, более высокую, а классовой борьбы — едва ли не единственным реальным средством достижения социальной справедливости по отношению

² См.: РЦХИДНИ. Ф. 257. Оп. 1. Д. 22. Л. 12-13.

к людям труда.

Проблемы какой-то специальной адаптации марксизма к специфическим условиям России для Плеханова практически не существовало. Во всяком случае у нас нет оснований говорить о том, что она мучила его, не давала покоя, «портила» теоретические чертежи. И это при том, что Плеханов находил в истории России немало общего с историей восточных деспотий, прекрасно знал об экономической и культурной отсталости нашей страны, ее крестьянском облике, незначительном удельном весе пролетариата в общей массе россиян. Он был убежден в незыблемости западной ориентации России со времен Петра I, верил в преходящий, временный характер ее экономического отставания от развитых капиталистических стран, с оптимизмом смотрел на историческую миссию капитализма

жак важного фактора приобщения России к европейской цивилизации. Правда, к концу

жизни, возвратившись из эмиграции на родину, Плеханов увидел, как мало еще сделано в этом направлении, как много в России дикости и азиатчины, однако каких-либо концептуальных изменений в его подходе к вопросу о применимости марксизма к российской действительности за этим не последовало. При этом Ленин, который так или иначе пытался привести марксистскую теорию революции в соответствие с конкретными условиями нашей страны, был в глазах Георгия Валентиновича лишь отступником от марксизма в его истинном, классическом понимании.

Существовала и еще одна важная проблема — проблема корректировки взглядов Маркса и Энгельса, сложившихся в пору расцвета их революционной деятельности, применительно к реалиям XX века. Новое столетие принесло с собой колоссальное ускорение общественного прогресса при нарастании его уродливости, противоречивости и неравномерности в отдельных странах и в различных сферах жизни человека. Наблюдалось повышение жизненного уровня трудящихся, общество становилось в общем и целом более демократичным (хотя картина здесь была достаточно пестрой), усиливалась тяга части его «верхов» и «низов» к социальным компромиссам, возрастала роль субъективного фактора в историческом процессе. Вместе с тем шел рост милитаризма, сравнительно мирное развитие капитализма сменилось полосой войн, ставивших перед людьми проблему элементарного выживания, усиливался национализм. Тенденция к упорядочению и демократизации капитализма сталкивалась с тенденцией к усилению его хищнических, антигуманных, разрушительных черт, неизбежно порождавших у людей ответные настроения протеста и возмущения. Создавалась иллюзия, что капитализм как система изжил себя и готов уступить место более рационально и гармонично организованному обществу — социализму. Короче говоря, ситуация была донельзя противоречивой, неустойчивой и запутанной.

Вполне понятно, что последователи Маркса и Энгельса не могли не реагировать на эти перемены. Так появился социалистический ревизионизм, с одной стороны, и марксистский левый радикализм — с другой. Вместе с тем были теоретики, которые по разным причинам уже не поспевали за быстротекущим временем, не могли адекватно отвечать на его вызов, обходили острые вопросы современности. К сожалению, к их числу относился и Плеханов, остававшийся во многом человеком ушедшего девятнадцатого столетия и явно сдававший позиции теоретикам нового поколения марксистов.

Конечно, Плеханов вслед за Марксом и Энгельсом, расставшимися к концу жизни со многими своими юношескими увлечениями, не мог не уловить, что жизнь не подтвердила марксистские прогнозы середины XIX в. о возможности сравнительно быстрого перехода от капитализма к социализму на основе действия механизма абсолютного обнищания трудящихся, стремительной пролетаризации населения, катастрофических кризисов перепроизводства и на-

сильственного разрушения старого общественного строя. Отсюда предельная осторожность прогнозов Плеханова на будущее, его отказ от оптимистических прогнозов 1880-х годов о недолговечности российского капитализма, акцентирование внимания на необходимости очень длительной подготовительной работы по созданию объективных и субъективных предпосылок социализма. Но Плеханов не пошел при этом за Бернштейном, лишь отодвигая в неопределенное будущее осуществление социалистического идеала, но не подменяя социальную революцию эволюцией. Вместе с тем ему были чужды и характерные для леворадикалов, в частности для Ленина, поиски новых механизмов перехода к социалистическим преобразованиям с использованием госкапиталистических и смешанных форм экономики, ставка левых на широкие антиимпериалистические и антиколониальные движения, разрыв радикалов с традициями буржуазного парламентаризма и т. д. Подобного рода новации Плехановым отвергались, и в итоге его взгляды на социалистическую революцию и социализм оставались крайне абстрактными.

В конечном счете Плеханов постепенно все больше превращался в догматика, который был силен в истории, но оставлял почти без внимания многие новые явления в экономике и политике (монополистическая стадия в развитии капитализма, советская форма демократии и т. д.). Уже один тот факт, что в 1900-х годах он считал взгляды членов группы «Освобождение труда» двадцатилетней давности своего рода эталоном русского марксизма, говорит о многом и явно не в пользу Плеханова. Счастливо избежав многих леворадикальных иллюзий и справедливо предупреждая об опасности левого экстре-

мизма и разного рода социальных экспериментов, он, к сожалению, не смог нащупать ту грань, которая отделяла истинно творческий марксизм от его искажений правого и левого толка. А впрочем, кто из теоретиков II Интернационала нашел ее, эту золотую середину?

Плеханов, бесспорно, был не только талантливым пропагандистом и популяризатором марксизма, работы которого представляли собой лишь искусную «вышивку» по готовой теоретической канве. Он справедливо называл себя учеником Маркса и Энгельса, но, оставаясь в рамках марксистской парадигмы, предложил немало свежих и плодотворных подходов к решению таких важных вопросов, как роль личности в истории, место социальной психологии в механизме политической борьбы, влияние географического и биологического факторов на общественное развитие. Поистине огромен вклад Плеханова в разработку истории и отечественной, и европейской общественной мысли, литературоведение, теорию культуры.

Плеханов был горячим поборником идеи европеизации России, которую он рассматривал как магистральный процесс в отечественной истории нового и новейшего времени. Начатый российскими самодержцами, которые хотели поставить достижения европейского

371 прогресса на службу своему имперскому великодержавию, этот процесс, по мнению Плеханова, должен был получить мощный импульс от победы буржуазной революции, а затем найти свое продолжение в новой, демократической России. Пока же, говорил он в 1917 г., Россия — это еще далеко не Европа, а только, пользуясь выражением Тургенева, «первое лепетанье спросонья» ¹.

Плеханов видел свою задачу, в частности, и в том, чтобы знакомить россиян с европейской культурой, способствовать просвещению народа. Он был настоящим русским европейцем, оставаясь в то же время истинным патриотом своего Отечества.

Среди русских революционеров Георгий Валентинович выделялся всесторонней образованностью, блестящим знанием отечественной и зарубежной литературы и искусства. Лучшие страницы произведений Плеханова подобны россыпи драгоценных камней: он широко использовал литературные образы самых разных авторов, от Аристофана и Шекспира до Максима Горького и Игоря Северянина, народные поговорки, библейские предания, стихотворные тексты. Плеханов хорошо разбирался в музыке, прекрасно ориентировался в западноевропейских художественных музеях.

Труднее всего говорить о Плеханове-политике, ибо политика была, мягко говоря, не самой сильной стороной его многогранной деятельности, и здесь Георгия Валентиновича переигрывал не только Ленин, но и некоторые гораздо более посредственные люди.

Плеханов был лишен черт харизматического лидера, не был фанатиком, авантюристом, демагогом или политическим гешефтмахером. За ним не стояли преданные ему боевые отряды или мощные финансовые группы. Наконец, он не сумел в силу многих обстоятельств стать вождем сильной политической партии или группы, без чего в XX в. серьезный политический успех практически невозможен. Тем не менее Плеханов активно участвовал в общественной жизни, предлагая товарищам по социал-демократической партии свое видение ситуации в России и в мире, собственные оценки классов и партий, тактические планы, прогнозы на будущее, хотя и не добился на этом поприще признания и тем более популярности.

В то время как большевики и эсеры постоянно торопили историю, подталкивая народные массы к скоропалительным и радикальным действия, Плеханов, обжегшись в юности на бакунизме, тяготел в дальнейшем к более взвешенным и осторожным решениям, нередко получая за это незаслуженные политические пощечины и обвинения в оппортунизме и предательстве интересов революции. Конечно, Плеханов, как и любой политический деятель, вынужден был приспосабливаться к изменениям в объективной обстановке, менять свою тактику и некоторые оценки. Но изменником революционному делу он не был никогда.

В раздираемой внутренней смутой российской социал-демократии Плеханов всегда занимал «особую» позицию, и были лишь сравнительно небольшие отрезки времени, когда его можно было — да и то с большими оговорками — зачислить либо в большевистскую (август — октябрь 1903 г.), либо в меньшевистскую (конец 1903 — весна 1905, 1906—1908 гг.) фракцию. Масштабы неординарной личности Плеханова, бесспорно, оправдывали его попытки подняться выше как большевизма, так и меньшевизма. С последним его роднили признание примата объективного над субъективным, экономики над политикой, класса над партией и тем более фракцией, ставка на развитие пролетарского самосознания и инициативы. Во многом объединяло Плеханова с меньшевиками и его отношение к буржуазии, с одной стороны, и к крестьянству — с другой, хотя расстановка акцентов здесь в различные исторические периоды была у них далеко не одинаковой. Но чего он совершенно не выносил в меньшевизме, так это его расплывчатости, половинчатости и политического импрессионизма. Но «детьми» Плеханова были и большевики, унаследовавшие плехановское «якобинство», идею гегемонии пролетариата, тяготение к строгой партийной дисциплине и признание выдающейся роли революционного подполья. Плеханов действительно стоял у колыбели российской социал-демократии, дав жизнь и большевикам, и меньшевикам, но неизменно сохраняя

¹ См.: Валентинов Н. Трагедия Плеханова // Новый журнал. 1948. Т. 20. С. 292. <u>372</u>______

при этом свое собственное, неповторимое лицо.

Нельзя не признать, однако, что разработанная им концепция русской революции не вызвала в 1905 — 1917 гг. сочувствия в широких социал-демократических кругах и у политизированной части рабочих, которые тяготели к более радикальным решениям и подходам. В то время как Плеханов призывал рабочих к трезвым, взвешенным решениям и хотел действовать наверняка, радикально настроенные массы и их большевистские, эсеровские да и многие меньшевистские руководители готовы были идти дорогой проб и ошибок, рисковать, экспериментировать, но только не стоять на месте. Призрак революционной власти, обладание которой позволило бы намного ускорить ход событий и компенсировать недостаток объективных предпосылок, необходимых для выхода за традиционные рамки буржуазных революций, туманил в то время тысячи горячих голов. И для них осторожный, умудренный опытом Плеханов был слишком пресным и умеренным политиком, звавшим революционеров к строгому самоограничению, разумной осмотрительности и взвешенности решений, а не к смелому прорыву в будущее.

В первые месяцы 1905 г. Плеханов тоже испытал на себе непреодолимое воздействие революционной эйфории. Однако он быстро остыл, стал призывать к тому, чтобы «притормозить» революцию, уверовал в Государственную Думу как инструмент политического воспитания народа и в итоге в 1906—1907 гг. оказался на крайнем правом фланге меньшевизма, которому он не подарил, однако, тогда ни одного яркого и оригинального тактического лозунга. Не пришлась ко двору в революционной среде и его идея общенацио-

налыюй антиабсолютистской коалиции с участием буржуазии, к которой большинство социалистов относилось крайне враждебно.

В условиях резкой поляризации российского социума и острейших социальных и политических конфликтов Плеханов не был принят ни революционерами-радикалами, ни либералами, ибо ни одна из этих группировок не считала его в полной мере «своим». Попытки Плеханова строить стратегию и тактику РСДРП по западным марксистским образцам не соответствовали ни степени зрелости российского капитализма, ни уровню политической культуры тогдашних россиян, ни их менталитету, для которого плехановский рационализм, системность и логика оставались в конечном счете чуждыми и непонятными. Вот почему после 1905 г. популярность Плеханова-политика шла уже по убывающей, его авторитет падал, а попытки защитить и законсервировать «классический» марксизм 40—80-х годов XIX в. все чаще встречали скептически-ироническую или откровенно негативную реакцию. Особенно одиноким чувствовал он себя в 1917 г., хотя сегодня, в исторической ретроспекции, когда мы уже знаем, к чему пришли в конце

концов одержавшие победу критики и хулители Плеханова, его политическая осторожность и некоторый «революционный консерватизм», если такой термин имеет право на существование, выглядят в глазах многих наших современников гораздо предпочтительнее, чем революционный экстремизм и безудержное стремление к захвату власти любой ценой.

Глубокое уважение вызывает характерное для Плеханова чувство ответственности за судьбы своей страны и ее народа, категорическое неприятие им любых проявлений исторически неподготовленного социального экспериментаторства. Особенно ярко это качество Плеханова проявилось в 1917 г., когда он отказался поддержать как победивших большевиков, так и их противников, тоже готовых утверждать свои идеи с помощью штыков. Плеханов не захотел влиться в тот бурный и мутный поток экстремизма и анархизма, который катился тогда по России. И как бы мы ни относились к позиции Плеханова тех дней, его твердость и принципиальность не могут не вызывать уважения.

Конечно, вернувшись весной 1917 г. на родину, Плеханов пережил глубокую драму человека, который не может остановить сползание страны в пропасть гражданской войны. Когда же он увидел позже краешком глаза практику большевистского правления в первые недели и месяцы советской власти, он ужаснулся. Как писал в десятилетнюю годовщину смерти Плеханова не раз упоминавшийся в этой книге А. Н. Потресов, Георгий Валентинович приехал в Россию лишь для того, чтобы увидеть, как страну опять заковали в цепи «со штемпелем пролетариата» его же прежние ученики. «Трудно представить себе худшую египетскую казнь, чем этот тяжелый удар судьбы, - который обрушился на Плеханова... Он был шекспировским королем Лиром, которого покинули и предали его

374 собственные дети... » ¹ И все же, добавим мы от себя, он никогда не жаловался на свою судьбу, «дикую» Россию и ее народ.

Мнение А. Н. Потресова перекликается с воспоминаниями М. К. Куприной-Иорданской, в квартире которой два месяца жил Плеханов после возвращения из эмиграции весной 1917 г. Когда П. А. Кропоткин, который долгое время тоже жил за границей, увидел в Петрограде своих сторонников — расхристанных, вооруженных до зубов молодцов с наглыми лицами, он пожаловался Плеханову: «И для этого я всю жизнь работал над теорией анархизма!» И услышал ответ: «Я в таком же положении. Мог ли я думать, что моя проповедь научного социализма приведет ко всему тому, что говорят и делают сейчас...» ²

Сравнивая Плеханова с другими лидерами российских марксистов — Лениным, Аксельродом, Мартовым, Троцким, оказавшимися в начале 900-х годов на время в одной

искровской «упряжке», невольно поражаешься тому, как далеко разошлись затем их жизненные пути. Плеханов оказался среди них наиболее ярким и талантливым представителем «книжного», в значительной мере догматического варианта марксизма, сформировавшегося в конце XIX в. во II Интернационале. Его характерными чертами были экономический детерминизм, безоговорочное признание мессианской роли рабочего класса как освободителя всех людей труда, соединение социалистических и демократических идеалов и безграничная вера в возможность их достижения. Не отрицая революционного насилия, эта генерация марксистов связывала, однако, подготовку пролетарской революции не с заговорщической деятельностью узкого слоя фанатиковреволюционеров, а с политическим просвещением и организацией широких пролетарских масс под руководством марксистской партии.

За 40 лет своей активной революционной деятельности Плеханов прошел путь от юношеских анархистских иллюзий и якобинских увлечений к трезвому пониманию того, что социалистической революции должен предшествовать длительный процесс ее подготовки и любой волюнтаризм может обернуться здесь лишь дискредитацией самой идеи социализма с поистине фатальными последствиями. Особую осторожность следовало, по мнению Плеханова, проявлять российским марксистам, ибо их страна в начале XX в. страдала еще не столько от капитализма, сколько от его недостаточного и деформированного развития. При этом Плеханов хорошо понимал, что без буржуазной цивилизации и буржуазной демократии (со всеми их изъянами и пороками), на одном бунтарстве и патриархальном коллективизме «снизу» и насилии «сверху» социализм построить нельзя.

¹Дни (Париж). 1928. 30 марта.

375

Первая мировая война, в ходе которой Россия, несмотря на известные экспансионистские устремления царского правительства, оказалась в положении обороняющейся стороны, остро поставила вопрос о том, что пролетарский интернационализм без патриотизма не имеет жизненных корней. И по мере того, как ухудшалось военностратегическое и экономическое положение России и все острее вставала проблема сохранения территориальной целостности страны и ее государственности, Плеханов все громче призывал к патриотическому единению всех слоев российского общества ради отражения внешнего врага. Но успех оказался на стороне тех, кто сделал ставку на использование войны для свержения в России не только самодержавия, но и капитализма. В силу многих обстоятельств наиболее активная в социальном и политическом плане часть народа в решающий момент поддержала большевиков или, по крайней мере, не

² Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 80.

противодействовала реализации планов Ленина и Троцкого, выдвинувших очень привлекательные для стоявших на грани полного отчаяния миллионных масс рабочих, солдат и крестьян лозунги типа: «Долой войну!», «Грабь награбленное!» и т. д. и уверявших, что мировая революция спишет все — издержки сепаратного мира с Германией, отсталость России, ее нищету и бескультурье. В этих условиях через Плеханова, который не мог предложить народу ничего равноценного большевистскому максимализму, просто перешагнули, оставив «отца» русского марксизма в гордом и трагическом одиночестве, как перешагнули, впрочем, и через сам ортодоксальный марксизм, прикрывшись рассуждениями о новой эпохе, вреде догматизма и необходимости «творческого» применения заветов Маркса и Энгельса. В итоге больному, изолированному от большой политики и лишенному массовой поддержки Плеханову оставалось лишь устраниться, чтобы не насиловать свою совесть и разум или не разделить печальную участь других «врагов революции», что он и сделал.

В каждом новом поколении у Плеханова, вероятно, будут и свои горячие сторонники, и не менее упрямые оппоненты. Но не будем забывать и еще об одной ипостаси Плеханова, который был одним из культурнейших людей своего времени, подлинным интеллигентом и просветителем. «Света, больше света! — вот что нужно прежде всего», — так писал он в своей знаменитой работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», цитируя известные слова великого Гете. Он хотел видеть Россию не страной рабов и не страной-жандармом, а великим государством подлинно свободных, образованных и уважаемых в мире людей. Таким он и останется с россиянами и не только с ними на все времена — борцом с социальной несправедливостью, великим революционером и патриотом. Как бы ни относились сегодня к идее социализма и к марксизму, имя Георгия Валентиновича Плеханова навсегда принадлежит истории.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Георгий Валентинович Плеханов: жизнь после смерти	
Глава I. Становление революционера	
Глава II. От народничества к марксизму	. 60
Глава III. Годы нужды и скитаний	107
Глава IV. На рубеже веков	147
Глава V. Раскол	178
Глава VI. Революционная гроза над Россией	209
Глава VII. Между политикой и наукой	251
Глава VIII. Защитить Россию!	301

Вранания

Глава IX. Последний год на родине	324
Вместо заключения.	
Георгий Валентинович Плеханов:	
человек, мыслитель, политик	366

Тютюкин С. В.

Г. В. ПЛЕХАНОВ. СУДЬБА РУССКОГО МАРКСИСТА

Художественное оформление А. Сорокин

Техническое редактирование и компьютерная верстка Н. Галанчева

ЛР № 030457 от 14. 12. 1992. Подписано в печать 16. 07. 97. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23, 5. Уч. -изд. л. 25, 1. Тираж 1500 экз. Заказ № 2093

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 1. Тел. 181-00-13 (дирекция); 181-04-13 (отдел реализации). Факс 181-01-13

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН 121009, Москва, Шубинский пер., 6.